МЕМУАРЫ

С. Ваупшасов

ПАРТИЗАНСКАЯ ХРОНИКА

Издательство «Беларусь» Минск 1971

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это второе, дополненное и переработанное издание. Первое издание книги Героя Советского Союза С. А. Ваупшасова вышло в Москве.

В годы Великой Отечественной войны автор был командиром отряда специального назначения, дислоцировавшегося вблизи Минска, в основном на юге от столицы.

В книге рассказывается о боевой деятельности партизан и подпольщиков, об их самоотверженной борьбе против немецко-фашистских захватчиков, об интернациональной дружбе людей, с оружием в руках громивших ненавистных оккупантов.

- Партизанская хроника
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

    - 10
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

С. Ваупшасов
Герой Советского Союза

ПАРТИЗАНСКАЯ ХРОНИКА

ОТ АВТОРА

Победа в Великой Отечественной войне против фашизма была достигнута советским народом, руководимым Коммунистической партией и Советским правительством.

Советские люди находили различные средства борьбы с гитлеровскими захватчиками.

На Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Брянских лесах, под Ленинградом и Смоленском — повсюду с первых же дней фашистской оккупации развивалось партизанское движение.

Первоначально возникшие разрозненные партизанские группы вырастали в отряды; отряды объединялись в бригады и соединения. Для населения оккупированных районов партизанское движение было источником веры в победу над врагом, могучим возбудителем воли к борьбе и патриотическим действиям, к самоотверженному выполнению долга перед Родиной. В оккупированных городах сотни и тысячи скромных героев нападали на гитлеровцев, срывали их планы, осуществляли диверсии на предприятиях и железнодорожных узлах.

Для руководства и помощи партизанскому движению и местным подпольным организациям Коммунистическая партия посылала в тыл врага испытанных, самоотверженных сынов и дочерей социалистической Родины. Десантники, местные отряды и подпольщики быстро становились единым коллективом.

В этой книге я попытался рассказать о том, как наша чекистско-оперативная десантная группа по заданию партии влилась в партизанское движение на оккупированной территории Белоруссии, создавала подпольные группы в Минске и как она стала костяком большого партизанского отряда.

В книге изложены только подлинные факты, в ней нет вымышленных персонажей, все действующие лица названы своими именами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Весть о вероломном нападении гитлеровских полчищ на нашу Родину застала меня за пределами Советского Союза.

Утром, за неделю до начала Отечественной войны, мы с товарищем по работе в советском консульстве отправились на берег полежать на песке, полюбоваться на рыбаков, с зарею отплывающих по воскресным дням в море с таким расчетом, чтобы вернуться к обедне в крохотной деревенской церкви. Большинство жителей прибрежных островов занималось земледелием и рыбным промыслом. Некоторые из них служили в германском торговом флоте, но, почувствовав усиление грозовой атмосферы войны, стали возвращаться на родные острова. Они дружелюбно относились к нам, советским людям.

Когда мы возвращались домой, к нам подошло человек пять незнакомых людей. Отозвав нас в сторону от людной дороги, они быстро, шепотом сообщили, что в Германии сейчас часты разговоры о «намерении фюрера вскоре разбить Россию». Конечно, мы, работники консульства, были настороже и до этих предупреждений неизвестных доброжелателей. Еще 2 мая 1941 года «Правда» сообщала о прибытии в один из крупных портов германских транспортов с войсками. Мы знали и о том, что в середине июня правительство той же страны под предлогом «предстоящих военных маневров» провело «пробную мобилизацию» мужчин младшего и среднего возрастов.

И все-таки, когда наступило утро 22 июня, весть о войне показалась в первую минуту неожиданной, недостоверной, нелепой…

После долгих дипломатических переговоров и всяческих проволочек, чинимых чиновниками тогдашнего финляндского правительства и маскировавшимися гитлеровскими агентами, личному составу нашей миссии удалось, наконец, выехать в Советский Союз.

Проезд разрешили через Турцию, где предстоял взаимный обмен дипломатическими сотрудниками воюющих стран. На протяжении всего пути по Европе и Балканам гитлеровцы неустанно следили за нами. Особенно навязчивой и наглой эта слежка была в Югославии: фашисты опасались, что население узнает о проезде советской миссии, станет приветствовать ее. В городе Нише нас держали в вагонах около тридцати суток. Через окна мы всматривались в суровые, изможденные лица людей. Вот два исхудалых, плохо одетых югослава с тяжелыми узлами за плечами сошли с пригородного поезда. За ними с автоматом

наперевес шагал эсэсовец, по-видимому конвоир. Один из югославов оступился и упал. Узел ударился о землю, развязался, из него посыпались мелкие вещи домашнего обихода. Подошел эсэсовец и коваными сапогом ударил югослава по голове. У того изо рта полилась кровь. Пошатываясь, он встал. Тогда эсэсовец начал бить его по лицу.

Рядом со мной у окна вагона стоял Николай Архипович Прокопюк, работник посольства. Я взглянул на него: он был белее бумаги, дышал хрипло, с трудом…

Второй югослав бросил свою ношу на землю, плюнул немцу в лицо и что-то крикнул. Тогда подскочили еще три фашиста и хладнокровно расстреляли югославов.

— Гут, — послышался голос начальника охраны нашего поезда.

Мы обернулись. На нас глядел, усмехаясь, такой же гитлеровский убийца. Мы не слышали, как он подошел. Было ясно, что он с удовольствием расстрелял бы нас, не имей мы дипломатической неприкосновенности.

Шли дни, а наш состав стоял в Нише. Его загнали в тупик. Против состава возвышался многоэтажный корпус табачной фабрики. Начальник охраны поезда часто уходил в город пьянствовать, и нам иногда удавалось выйти из вагона. Однажды через открытое окно в купе влетела папиросная коробка. Я не решался ее поднять, подозревая очередную издевку охранников. Ведь они, зная, что мы сидим без курева, нередко пытались разыгрывать нас: выкурив папиросы, аккуратно заклеивали пачку и подкидывали нам.

Я толкнул коробку ногой и почувствовал: не пустая. Перекладывая папиросы в портсигар, я увидел записку. Убедившись, что поблизости нет охранников, развернул ее, прочитал. Она была написана на ломаном русском языке. В ней передавались привет и краткое сообщение последней оперативной сводки Совинформбюро. Это были первые вести о Родине. Спрятав записку в карман, я высунул голову в окно, осмотрелся. Никого нет, только в конце состава грелись на солнце гитлеровцы. Я тотчас же показал записку товарищам.

На следующий день, когда на табачной фабрике загудела сирена на обед, мы с Николаем Архиповичем прогуливались неподалеку от состава. Из ворот фабрики группами выходил народ. Парень и девушка отделились от толпы и, прислушиваясь к нашему разговору, остановились в стороне. Распознав в нас советских людей, девушка, проходя мимо, бросила две пачки папирос и на чистом русском языке прошептала:

— Фашистов разобьем!.. Выйдите вечером, если сможете.

В вагоне Прокопюк разорвал пачки и нашел новые московские сообщения. В то время мы не могли слушать радио, и передачи югославских патриотов были для нас очень дороги.

Так почти каждый день мы получали сводки о положении на фронте, пока не выехали из Ниша.

Следующая остановка была в Софии. Жители города, узнав, что проезжает советская миссия, стали собираться на вокзале. Начальник охраны оцепил наш состав несколькими рядами эсэсовцев, а сам бегал по станции, торопя железнодорожников скорей подавать паровоз…

Через несколько дней мы избавились от фашистов. На турецкой границе нас встретил советский представитель. Еще два дня — и мы на турецко-советской границе. Пограничник улыбается и дружески кивает нам.

Мы на Родине!

Ранним утром 15 сентября 1941 года наша миссия прибыла в Москву. Когда я оставлял столицу, стоял цветущий май, на бульварах и скверах веселой гурьбой бегали детишки. Теперь Москва стала строгой и суровой: всюду виднелись противовоздушные сооружения, на окраинах столицы — противотанковые рвы, надолбы, «ежи». Вся Москва, от мала до велика, трудилась на оборону. Рабочие, служащие, инженеры, писатели, артисты вступали в народное ополчение и истребительные батальоны. Москва — сердце страны — превращалась в грозный бастион.

Из города беспрерывным потоком выезжали автомашины: шла эвакуация детей, женщин, стариков.

Прямо с вокзала я поехал в свой наркомат. Отчет о проделанной работе не занял много времени. Руководство было хорошо осведомлено о результатах моего пребывания за рубежом. Поблагодарили за службу и сообщили, что меня вызывает один из начальников управления Наркомата внутренних дел, генерал Григорьев. Направился, не откладывая, прямо к нему. Генерал принял сразу же.

— Где хочешь воевать? — спросил он. — На Украине или в Белоруссии?

Речь шла о работе в тылу врага. Я выбрал Белоруссию. С нею у меня связана половина жизни. В гражданскую войну я два года сражался там на Западном фронте, пять лет провел в партизанских отрядах в западных районах, после учебы, на исходе 1929 года, был направлен в Минск и служил в нем и других городах Белоруссии до середины тридцатых годов.

Генерал Григорьев должен был знать все это из моего личного дела.

— Помню-помню, — сказал он, — ты же теперь почти коренной белорус. Отлично. Пойдешь туда не один и не вдвоем, а во главе разведывательно-диверсионного отряда численностью человек восемьдесят. Отдохни денек с дороги и поезжай в Подмосковье, где по заданию ЦК партии готовятся кадры для заброски в тыл противника. Изучи людей, сформируй себе отряд и приготовься к десантированию.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Скажите, а как там вообще обстоит с партизанским движением?

— По имеющимся у меня сведениям, белорусский народ во всех районах поднялся на борьбу с оккупантами. Руководит народной войной против захватчиков Коммунистическая партия Белоруссии, ее Центральный Комитет, первый секретарь ЦК Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. В прошлом месяце два белорусских партизанских вожака, Бумажков и Павловский, первыми в стране получили звание Героя Советского Союза. В тылу врага во главе партизанского отряда воюет с оккупантами ваш товарищ по двадцатым — тридцатым годам и по Испании Василий Захарович Корж…

Все рассказанное генералом было интересным.

— Включи в отряд радистов, лекаря, переводчика. Обязательно найди уроженцев Минска и Минской области, с ними тебе легче будет завязывать связи с местным населением, партизанами, подпольщиками и подпольными партийными органами. Звать мы тебя будем… — Генерал задумался. — Давай так: Ваупшасов станет Виноградовым. Скромно и звучно. Идет?

— А нельзя ли покороче, товарищ генерал? Чтоб шифровальщикам каждый раз не проставлять лишних знаков в радиограммах. Все же четыре слога, десять букв.

— Короче так короче, — согласился генерал. — Отбрасываем «вино» и получается безалкогольный вариант — Градов. Коротко и веско. Ну, как майор Градов, — улыбнулся генерал.

— Согласен, в самый раз.

— Тогда ступай, а я закажу тебе документы на это имя. Меня в донесениях будешь называть «товарищ Григорий», просто и по-домашнему.

Генерал посмотрел на меня красными от бессонницы глазами и пожал руку. Тяжелая усталость видна была на его лице. И я впервые ощутил, какой неизмеримый груз лег на плечи моих соотечественников с начала войны.

Из наркомата я пошел домой, в Варсонофьевский переулок. Долго звонил у двери. Вышла соседка Евгения Антоновна в коридор, подала мне ключи и сообщила, что жена с младшим сыном Маратом эвакуировалась на восток, а старший сын Феликс

находится со школой в Рязанской области.

Вот она жизнь военного. Больше года не виделся с семьей. Надеялся обнять детей, жену, а застал пустые стены. Теперь война надолго разлучила нас. Но разве мало семей она разлучила? Я еще счастлив: знаю, где мои близкие. Усталость была так велика, что сон не шел.

Нескончаемым серпантином вились воспоминания о семье, товарищах, испанской войне, европейских странах, белорусском подполье.

Рано утром я был на ногах, выбрит, затянут портупеей, в полевой форме, с маузером, висевшим у правого бедра.

Личные переживания уходили на задний план, освобождая место для забот иного рода. Я приступил к выполнению задания генерала Григорьева.

Отряд из восьмидесяти бойцов сформировал в сжатые сроки.

Мы уже обсуждали, сколько самолетов нам понадобится для переброски за линию фронта. Однако сложившаяся военная обстановка изменила наши планы. Началась грандиозная битва под Москвой, страна бросила все силы на защиту столицы.

Наш отряд влили в сверхштатный 4-й батальон 2-го полка отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР (сокращенно — ОМСБОН).

Полком командовал полковник Сергей Вячеславович Иванов, бригадой — полковник Михаил Федорович Орлов. Я получил должность заместителя командира батальона. Командовал им Николай Архипович Прокопюк, ныне полковник в отставке, Герой Советского Союза. С ним мы вместе были в Испании.

Перед ОМСБОН была поставлена задача — быстро подготовиться к действиям в тылу противника, где предстоит всемерно помогать развитию партизанского движения, вести разведывательно-диверсионную работу на главных коммуникациях врага и выполнять особые, специальные задания на самых различных участках фронта.

Ядро бригады составляли оперативные работники и пограничники. Центральный Комитет партии направил к нам полторы тысячи коммунистов, почти столько же комсомольцев прислал ЦК ВЛКСМ.

Лучшие спортсмены обществ «Динамо», «Спартак», «Труд» и других пришли добровольцами. Среди них были чемпионы и рекордсмены страны: братья Георгий и Серафим Знаменские, штангист Николай Шатов, чемпионка СССР по лыжам Люба Кулакова, боксер Николай Королев, дискобол Али Исаев, Саша Долгушин, Анатолий Капчинский, Леонид Митропольский, Виктор Андреев, Сергей Щербаков, Жора Иванов, Николай

Галахматов. Были здесь известные художники — Андрей Павлович Ливанов, Д. Циновский, Семен Гудзенко, ставший после войны поэтом.

Много прибыло студентов из Московского Центрального ордена Ленина института физической культуры — Борис Бутенко, Павел Маркин, Борис Галушкин, Людмила Патанина и сотни других. Пришли и преподаватели — Д. И. Кузнецов, А. З. Катулин. Были и студенты других московских вузов.

У нас числились представители многих народов страны. Кроме того, в бригаду поступили испанцы, болгары, венгры, чехи, австрийцы, поляки. Некоторые из них уже имели опыт борьбы с фашизмом — одни сражались на баррикадах у себя на родине, другие приобрели его в Испании, будучи солдатами и офицерами интернациональных формирований.

Наряду с молодыми парнями и ветеранами предыдущих войн в бригаде служили девушки-комсомолки. Они успешно овладевали специальностями радистов, санинструкторов, шифровальщиков, подрывников-диверсантов.

7 ноября 1941 года наш батальон и другие подразделения бригады ОМСБОН принимали участие в историческом параде войск Красной Армии на Красной площади, после чего мы снова направились на отведенные нам участки фронта.

В период битвы под Москвой Военный совет Западного фронта широко использовал наших минеров, снайперов и лыжников. Мы отражали вражеские атаки, уничтожали парашютные десанты, вылавливали заброшенных в расположение наших войск лазутчиков, шпионов, минировали дороги, устраивали завалы и различные заграждения.

Немало фашистских танков, орудий с тягачами, грузовиков с автоматчиками и пехотных колонн нашли свой бесславный конец в районах Дмитрова, Яхромы, Рогачева, Клина, Солнечногорска, Можайска и Тулы, где действовали батальоны и отряды ОМСБОН, взаимодействовавшие с армейскими подразделениями. Заместитель командующего Западным фронтом — начальник инженерных войск в своем приказе дал высокую оценку действиям подразделений бригады, подчеркнул, что характерной особенностью ОМСБОН являлись четкость и отличная организованность. А в заключение отметил, что ОМСБОН оказала фронту большую помощь.

После разгрома немцев под Москвой генерал Григорьев встретил меня словами:

— Теперь пора.

Однако с течением времени предполагаемое задание изменилось, соответственно изменилась и численность отряда.

Теперь мне предстояло набрать тридцать человек. Рядовые стрелки и автоматчики не нужны, их достаточно в тылу среди местных партизан. Нам требовалось отобрать только специалистов разведывательной и диверсионной работы, не менее половины отряда должны составлять командиры, которые в случае надобности смогли бы возглавить партизанские подразделения. Таким образом, мне предстояло вести не просто оперативную группу, а отборный спецотряд.

От прежнего отряда, вошедшего в 4-й батальон, к этому времени не осталось и следа. За полгода люди рассеялись по другим подразделениям, ушли на иные задания, были ранены или убиты. Пришлось начинать заново.

Сразу объявилось много добровольцев. Предстояло отобрать из них наиболее проверенных, боевых и физически крепких. Первыми я зачислил нескольких обстрелянных пограничников, прошедших по дорогам войны от самого Белостока. Рядовыми взял только белорусов — уроженцев Минской области, которые хорошо знали местность и могли помочь мне в налаживании связи с населением.

Формирование отряда я начал совместно с комиссаром Георгием Семеновичем Морозкиным, уже назначенным на эту должность. Был он кадровым чекистом, имел высшее образование и немалый опыт работы. В ту пору ему еще не исполнилось и сорока лет. Худощавый, подвижный, впечатлительный. Мы вдвоем занимали номер в гостинице «Москва», питались из одного котелка и быстро подружились. Ему присвоили нелегальную кличку «Егор».

Начальником штаба стал капитан Алексей Григорьевич Луньков («Лось»), участник гражданской войны на Дальнем Востоке, затем пограничник. Он побывал уже в разных переделках, хорошо усвоил законы лесной жизни, был страстным таежным охотником. Высокого роста, с хорошей улыбкой и седеющими висками. О войне, в которой участвовал юношей, и о вооруженных конфликтах на границе вспоминал неохотно. Зато с большой любовью и знанием дела говорил об охоте.

Начальником разведки и особого отдела отряда назначили старшего лейтенанта Дмитрия Александровича Меньшикова, тоже служившего на дальневосточной погранзаставе. Он был земляком и ровесником Лунькова, 1903 года рождения. За мужество, проявленное при защите советских рубежей, дважды награжден, в том числе орденом Красного Знамени. Высокий, мускулистый, румяный и курносый.

Молодой военфельдшер Иван Семенович Лаврик успел повоевать под Москвой и только недавно оправился после

ранения. У него — продолговатое лицо, черные волосы удивительно сочетались с голубыми глазами. Строг, подтянут, дисциплинирован. Он выглядел старше своих двадцати одного года.

Переводчиком я взял Карла Антоновича Добрицгофера — тридцатипятилетнего австрийца, члена партии с 1934 года. Вся его семья активно участвовала в революционной борьбе, в 1934 году, во время Венского восстания пролетариата, сражалась на баррикадах рабочего предместья Флори Дорфа. После подавления восстания Карл Антонович эмигрировал в СССР, работал на автомобильном заводе мастером-инструктором. С первого дня войны пошел добровольцем в Красную Армию. В Испании я встречался с его братом Антоном Антоновичем, руководившим интернациональной бригадой. Подпольная кличка у Карла была «Дуб», это очень соответствовало его крупному, могучему телосложению.

Радистами в отряд приняли Александра Александровича Лысенко («Пик») — воентехника второго ранга с высшим образованием и специальной подготовкой и высокого тяжеловеса с рыжей шевелюрой Михаила Карповича Глушкова.

Из белорусов у нас были Викентий Мартынович Кишко и Иван Викентьевич Розум, служившие до войны в войсках НКВД, лейтенант погранвойск Николай Федорович Вайдилевич, Кузьма Николаевич Борисенок, политрук Николай Михайлович Кухаренок, младший лейтенант Николай Андреевич Ларченко, сержант Николай Николаевич Денисевич.

Кроме того, в нашем отряде был Алексей Семенович Михайловский — старшина с погранзаставы, воевавший с первых дней фашистской агрессии. Он уже второй раз шел в тыл врага.

Николай Михайлович Малев — тоже пограничник, сержант, трижды выходил из окружения и всегда выносил с собой станковый пулемет. Он был награжден орденом Красной Звезды.

С нами шли сержант Федор Васильевич Назаров — смелый, обстрелянный воин, политрук Алексей Григорьевич Николаев и старшина Яков Кузьмич Воробьев — весельчак и исключительно общительный парень.

Всего нас стало тридцать человек, из них восемь орденоносцев, средний возраст бойцов 20—25 лет.

Как-то еще в Москве Алексей Григорьевич Луньков пообещал мне:

— Увидишь, Станислав Алексеевич, насколько пригодится опыт таежного охотника в белорусских лесах.

Вскоре я начал убеждаться в этом. Перед отправкой в тыл, широко улыбаясь, Луньков подошел ко мне:

— Когда я был подростком, мы с отцом из лыж сделали санки и на них привезли домой убитого оленя. Такие санки надо и нам изготовить. Я обещаю везти на них не менее двухсот килограммов.

Луньков объяснил, как делать санки. Оказывается, не так уж сложно: лыжи ставятся на 60 сантиметров одна от другой, между ними закрепляются распорки из прочных перекладин, на которые затем накладывают дощатый настил, — и санки готовы. Предложение нам понравилось, и мы тотчас же принялись за работу. К вечеру соорудили шестеро саней, уложили на них груз. Утром в поход!

Перед выходом провели собрание бойцов Отряд состоял из коммунистов, кандидатов в члены партии и комсомольцев. Хотя с каждым бойцом уже говорили о серьезности и трудности задач, поставленных партией и командованием перед отрядом, мы сочли необходимым снова посоветовать остаться тем, кто не чувствует в себе должной смелости и выдержки.

Встал Воробьев.

— За других мне трудно говорить. Пусть каждый сам выскажется… Ведь кому-то из нас не придется вернуться. Я, как член партии, заверяю свой народ, партию и правительство, что все свои силы отдам борьбе с врагом, буду бить фашистов до последнего вздоха. Придется умереть — умру как коммунист.

Комсомолец Николай Денисевич, небольшого роста, круглолицый и румяный, постоянно с дружеской улыбкой на красиво очерченных губах, был сосредоточен и суров.

— Я белорус… Мою родину топчут гитлеровцы. Они уничтожают мой народ. Я не знаю, что сталось с родными, но я счастлив, что скоро вступлю на родную землю, горд выпавшей мне честью бить врага в Белоруссии. У всех нас одна цель: борьба с фашистами. Клянусь, я оправдаю в бою звание комсомольца.

После того как выступило больше десяти бойцов, поднялся комиссар Морозкин.

— Прежде чем отправиться через фронт, — сказал он, — командир отряда и я беседовали со многими бойцами, пробравшимися из-за линии фронта сюда, на Большую землю, чтобы снова встать в ряды Красной Армии. О страданиях наших людей там, на захваченной врагом земле, говорить сейчас не буду, вы об этом уже достаточно слышали. Я скажу о другом: о силе духа нашего народа. Похоже — такая у врага сила, что нет ей удержу, и все-таки не покоряются советские люди. Немцы твердят: как только зайдут к вам в дом оставшиеся красноармейцы, задерживайте их и сообщайте нам. А белорусские колхозники, рискуя жизнью, прячут и выхаживают раненых

бойцов, отдают им последнюю буханку хлеба, последний кусок сала, показывают дорогу через фронт. А подвернется удобный момент — с голыми руками бросаются на зазевавшегося фашиста. Бывает, сначала один на один… Потом убеждаются, что вдвоем или втроем сподручнее. А где двое-трое, там и десять, и двадцать будут. По всей Белоруссии много небольших партизанских отрядов. Из самых глубин народа возникают они. Как правило, коммунисты становятся во главе отрядов.

Наш отряд должен стать одним из связующих звеньев между патриотами на оккупированной земле и нашим руководством, нашей армией… Так помните же всегда, что мы — посланцы Москвы, посланцы Коммунистической партии!

Закончив речь, комиссар внимательно оглядел притихших и взволнованных товарищей. А я смотрел на простое, чуть рябоватое лицо комиссара и вспоминал его рассказ о том, как он, старый чекист, переодевшись в спецовку чернорабочего, выбирался из Минска, уже занятого немцами, и как двое ребят, опознавших Морозкина на улице, охраняли его и провожали до последних домов окраины.

В предрассветной мгле растянулась еле различимая цепочка лыжников. Она проскользнула между низенькими домами пригорода Торопца и медленно двинулась на запад. Сильный мороз мешал дышать, больно щипал лицо. Позади бойцов поскрипывали нагруженные санки.

Я шел первым. От большой нагрузки лыжи глубоко вдавливались в снег, идти было тяжело. Вот ко мне широким шагом легко подъехал Луньков. Лицо его разрумянилось, казалось, он не чувствовал груза за плечами.

— Я пойду впереди, — обгоняя меня, сказал он.

Идти по проложенной лыжне стало легче.

— В Сибири всегда так делают, — говорил Луньков. — Не только охотники, даже звери. Одному все время идти впереди трудно, нужно меняться. Кто раньше додумался, люди или звери, не знаю, а способ хороший.

— Отличный, — подтвердил я, наблюдая за ловкими, точными движениями Лунькова и стараясь подражать ему.

Позади слышен веселый голос комиссара:

— Ловчей, друзья, выбрасывайте палки вперед. Дайте-ка санки, теперь я повезу.

Остановились на отдых. Добрицгофер извлек из своего мешка ножницы, клещи и, взяв пустую консервную банку, начал что-то мастерить. К нему тотчас же подошел Николай Денисевич. Давно я заметил, что между Карлом Антоновичем и Николаем, несмотря

на большую разницу в летах, установились дружеские отношения. Может быть, потому, что у обоих было сильно развито чувство юмора.

— А все-таки скажите, Карл Антонович, какое здесь получится чудо? — спрашивал Денисевич.

— Пропеллер, пропеллер мой милый. Поставлю его на тебя, и ты полетишь, — смеясь, отвечал Добрицгофер.

Скоро «чудо» выяснилось. Широкие сапоги Карла Антоновича загребали снег и мешали идти на лыжах. Он решил приделать «снегоочистители».

— Аэросани, — смеялся Денисевич.

— Славно сработано, — осмотрев лыжи, авторитетно подтвердил Луньков, которого за быстроту и неутомимость быстро полюбили товарищи.

В полдень на горизонте показались низкие серые облака. Неожиданно крупными хлопьями повалил снег. Продвигаться стало труднее. Снег прилипал к «снегоочистителям» Добрицгофера, и за ним тянулись две глубокие борозды. Карл Антонович, учащенно дыша, упорно шел вперед и категорически отказывался отдать вещевой мешок Денисевичу, предлагавшему помощь.

Поднялись на горку. В бинокль осмотрели местность. Сквозь снежную метель заметили деревню и повернули к ней.

Когда-то, видимо, здесь находилась большая деревня, теперь она была мертва.

Война, прокатившись через нее, оставила страшные следы. Чернели пепелища. Высоко торчали закопченные трубы печей. С болью в сердце бойцы смотрели на картину разрушений.

Начальник разведки Меньшиков, обойдя уцелевшие избы, принес взъерошенного котенка.

— Единственное живое существо, оставшееся в селе, — сказал он. Бедное животное, дрожа, ласкалось к нему.

Выставив часовых, отряд расположился на ночлег. Бойцы принялись хозяйничать в сохранившихся избах: одни выметали мусор, другие разводили огонь.

Еще высоко в небе светила луна, когда дневальный поднял отряд. Сильный ветер разогнал тучи, устанавливалась ясная холодная погода. Успешный переход в тыл врага зависел от того, удастся ли незамеченными подойти к линии фронта.

Бойцы собрались без шума. Я приказал надеть маскхалаты. Санки прикрыли белыми нижними рубашками. Длинная, сливающаяся со снегом цепочка, двинулась вперед.

Уже стала слышна автоматно-пулеметная трескотня. В небо все чаще взвивались осветительные ракеты. Своим бледным

светом они на короткое время освещали местность, а затем становилось еще темнее. Бойцам то и дело приходилось ложиться на снег, а вскочив, еще и еще ускорять шаги.

К полуночи отряд незамеченным прибыл на участок фронта возле Великих Лук, занимаемый батальоном лыжников. Командир батальона встретил нас приветливо, досадуя в то же время на своих бойцов за то, что они не заметили своевременно нашего приближения.

Командир батальона предупредил нас:

— Фашисты что-то готовят. Они стянули сюда большие силы. Провести через фронт можем, но вряд ли удастся втихую проскочить. Обстреляют, будут преследовать.

— Поищем другое место, — озабоченно заключил комиссар.

Я согласился с ним. Надо было торопиться: наступала весна. Когда начнут таять снега и вскрываться реки, придется бросить лыжи, а без них пройти сотни километров трудно.

Получив от представителя штаба корпуса документ, в котором было указано, что каждая воинская часть обязана оказывать нам содействие, мы двинулись вдоль линии фронта на северо-запад. Долго искали «щель», через которую можно было бы проскочить, но безрезультатно. Мы с комиссаром тревожились: уже десятое марта — весна могла нагрянуть неожиданно. Впереди водные рубежи: Западная Двина, Березина, множество других рек и речушек, которые в разлив станут серьезной преградой на пути отряда.

После двухчасового сидения над картами и сводками с фронта Морозкин с раздражением сказал:

— Вот, Станислав Алексеевич, сколько дорогого времени ухлопали на эти бесполезные шатания. Какой черт придумал это направление?

— Спасибо, дорогой, за откровенность. Я считал себя человеком, а ты узрел во мне черта. Направление выбрал я, а оперативные работники в Москве согласились со мной…

— Что же ты не сказал об этом раньше? — перебил комиссар с оттенком досады.

Мне подумалось, что лучше продолжать разговор в шутливом тоне; вынул карманное зеркальце, сделал вид, будто рассматриваю свое лицо.

— Мм… да, нечего сказать, и почернение есть, и обрастание шерстью значительное, но на черта, однако, не очень похож.

— И все-таки я доволен этим длинным походом, — сказал комиссар.

— Почему? — удивился подошедший Луньков.

— Проверили людей. Все прекрасно держатся, поход закалил

их. В тылу врага будут крепче стали.

На рассвете одиннадцатого марта мы прибыли на участок фронта, обороняемый сибирским лыжным батальоном. Обстановка здесь благоприятствовала нам: активных действий не было, немцы не наступали, а наши концентрировали силы и собирали сведения о противнике. Сибирские стрелки в целях разведки делали по ночам глубокие вылазки в тыл врага.

Двенадцатого марта к нам пришел командир батальона и весело сообщил:

— Хорошие новости: в двенадцати километрах отсюда мы нащупали штаб противника. Если ночь будет безлунная, я пошлю людей разгромить его. Они вас и проведут через фронт. Налет на штаб отвлечет внимание немцев, и вы проскользнете незаметно.

Я с благодарностью пожал ему руку. Мы сели за карту.

— Вот деревня Собакино, у самой линии фронта. Там расположился старший лейтенант Рыжов с шестьюдесятью бойцами. К вечеру будьте готовы. В Собакино вас поведут мои бойцы, а оттуда с Рыжовым через фронт. Подходяще?

— Подходяще! — в один голос ответили мы с Луньковым и пошли готовиться к выступлению.

Мы убедились, что санки хороши только в чистом поле, а в лесу, цепляясь за кусты и пни, они сильно задерживали продвижение. В тылу придется идти лесом, санки будут мешать, а при встрече с противником наши запасы могут попасть ему в руки. Не отказаться ли?

Свои сомнения я поведал начальнику штаба Лункову.

— Жаль оставлять груз, — сказал он, — столько здесь подарков фашистам!

— Все возьмем, ничего не оставим, — ответил я, сам еще не зная, как это сделать.

Начали перекладывать с саней в вещмешки боеприпасы, каждому по двадцать пять килограммов.

— Мне тридцать пять, — попросил Луньков, когда подошла его очередь, и, уложив просимую порцию в мешок, легко вскинул его на плечи.

— Мне можно класть пятьдесят, только выдержат ли лыжи, — проговорил Добрицгофер.

От груза освободили отрядного врача Ивана Семеновича Лаврика, недавно поправившегося после тяжелого ранения, полученного в боях под Москвой. Ему оставили лишь медикаменты.

С наступлением темноты в сопровождении разведчиков-сибиряков двинулись в путь, добрую часть которого нас провожал

командир батальона. Он пожелал нам успеха:

— Встретимся после победы!

Вскоре достигли деревни Собакино, разведчики передали Рыжову задание командира и представили нас.

— Прекрасно, — сказал Рыжов, — пройдем — лист не шелохнется, только луна, кажется, собирается вынырнуть. Но ничего, что-либо придумаем.

По его уверенному голосу и манерам чувствовалось, что он успел обстоятельно ознакомиться с местностью.

Составили план перехода. В километре от нас находились немцы. Рыжов со своими бойцами знал каждую «щель» в их расположении, но, на наше несчастье, ветер прогнал облака, и полная луна осветила окрестности.

— Нет, в такую ночь идти — это самоубийство, — проговорил Рыжов. — Противник нас обнаружит и будет преследовать по лыжням. Надо дождаться снегопада.

Решили заночевать в деревне. На рассвете прибежал разведчик и сообщил, что недалеко замечены два лыжника, которые около часа вели наблюдение за деревней, а затем скрылись.

Около полудня со стороны противника показалась группа лыжников. Двое из них отделились и пошли прямо на нас. Рыжов приказал огня не открывать. В двухстах метрах лыжники остановились и, о чем-то переговорив, исчезли за бугром.

Вот вынырнули еще шестеро и спрятались за тем же бугром. По-видимому, немцы скапливались для атаки. Лежавший рядом со мной Рыжов внимательно следил за маневрами врага. Когда последний лыжник скрылся, он сказал:

— Ну, Станислав Алексеевич, не хотели мы здесь шуметь, а, видно, придется. Вероятно, из-за этого холма вылезут немцы, нужно подготовиться. Как ваши ребята?

— Под Москвой славно дрались, — не без гордости ответил я.

— Вы со своим отрядом обороняйте правый фланг, а мы — центр и левый, а также прикроем с тыла. — И Рыжов ушел.

Через полчаса из-за холма показалось до полуроты гитлеровских солдат, которые двигались прямо на деревню. Впереди шли лыжники. Вот они уже совсем близко, можно различить их ухмыляющиеся лица… Но почему не слышно команды Рыжова? Кто-то из фашистов закричал, и одновременно раздался залп наших пулеметов и автоматов. Передние цепи были сметены, уцелевшие гитлеровцы бросились назад. Упавший лыжник поднял руки. Рыжов, крикнув мне, чтобы мы оставались на месте, поднял своих бойцов и бросился преследовать убегающих немцев.

За бугром еще долго была слышна стрельба, постепенно все стихло. Возвратились бойцы Рыжова, неся двух убитых и одного раненого. Противник же только убитыми потерял двадцать человек.

С опушки по деревне начала бить немецкая артиллерия.

— Сегодня они больше не придут, — успокоительно проговорил Рыжов.

Нам очень пригодился взятый в плен немецкий разведчик. Сначала он ничего не хотел говорить, но, после того как плотно пообедал и Карл Антонович с ним дружески побеседовал, сделался словоохотливым и дал ценные показания.

Наши проводники — Анатолий Павлович Чернов и Иван Никифорович Леоненко — просили меня оставить их в отряде. Они успели подружиться с бойцами, увлечься рассказами о партизанских походах. Они сказали, что слышали мой разговор с командиром батальона, разрешившим в случае опасности оставить их у себя. Я согласился.

На счастье, к вечеру поднялась пурга. Лицо Рыжова прояснилось.

— Кажется, ожиданию пришел конец. Будем выступать, — радостно сказал он.

Когда стемнело, мы вышли. К полуночи метель усилилась. Сухой, больно стегавший лицо снег летел как будто и сверху и снизу. В двух шагах ничего нельзя было рассмотреть; мы шли гуськом, то и дело натыкаясь на идущего впереди товарища.

Первым шел Рыжов. Изредка он останавливался, тогда останавливались и мы. Прислушивались. Но, кроме завывания ветра, ничего нельзя было услышать. Пройдя около трех километров, мы очутились в лесной лощине. Здесь ветер был слабее. Ко мне подошел Рыжов.

— Линия фронта осталась в двух километрах позади нас, — сказал он, — самое опасное место прошли, но и сейчас нужно быть начеку.

Отряд с трудом пробирался сквозь метель, как вдруг, словно из-под земли, вырос колхозный сарай.

— Кайки? — спросил у Рыжова великолепно помнивший карту Луньков.

— Да. Пленный говорил, что солдат в этой деревне нет. Не врет ли?.. Нужно проверить.

Посланные разведчики быстро вернулись и доложили, что в деревне противника нет. Пленный говорил правду.

На рассвете вошли в деревню. Выставив часовых, отряд разместился по хатам.

Рыжов, Луньков, Морозкин и я зашли в дом; полуодетые

детишки юркнули на печку. Хозяйка через другие двери быстро вышла.

— Здравствуйте, принимайте гостей, — поздоровался Луньков.

— Откуда вы? — спросил хозяин, исподлобья рассматривая нас.

Рыжов снял маскхалат, на его шапке блеснула пятиконечная звезда.

— Садитесь, — угрюмо пригласил хозяин, опасаясь провокации.

Только через некоторое время, убедившись, что мы советские люди, он крепко пожал нам руки и позвал жену.

— Откуда вы пришли, дорогие? Сначала было за немцев приняли. — И, обращаясь к жене, сказал: — Маруся, поищи чего-нибудь получше для гостей.

— Оккупанты не все забрали? — спросил Морозкин.

— Брали сколько могли. Две недели здесь стояли. Но для своих всегда найдется чем угостить, — хитро подмигнула хозяйка.

Пока накрывали стол, я беседовал с хозяином. Оказалось, оккупанты обобрали деревню, угнали скот. Колхозники успели, впрочем, кое-что спрятать. Осенью удалось оставить немного яровых, разыскали заброшенные жернова и кое-как перетирали зерно на муку.

— Совсем невмочь стало, когда в деревне стояли гитлеровцы. Они перестреляли всех кур и даже собак. Теперь не слышно ни собачьего лая, ни крика петухов, — закончил рассказ хозяин.

— Оставили ли немцы вместо себя кого-нибудь? — спросил я.

— Назначили старосту, но вы его не трожьте — свой человек. Мы сами хотели, чтобы его назначили.

— Позовите старосту, — попросил я.

Мы сидели за столом, когда возвратился хозяин со старостой. Перешагнув порог, староста снял шапку. Перед нами предстал полысевший, с отвисшими усами пожилой человек.

— Оккупантам служите? — спросил я.

— Нет, не оккупантам. Волю жителей выполняю, — безо всякой робости ответил он.

Хозяин закивал, подтверждая слова старосты.

— Хорошо, — сказал я. — Обойдите всех жителей и скажите, чтобы из деревни никто не выходил. Лошади есть?

— Для вас найдутся, — ответил староста.

— Помещение побольше имеется?

— Есть школа.

— К обеду созовите туда народ, — закончил я.

Староста, заверив, что все будет сделано, вышел.

Через полчаса в переполненной школе комиссар рассказал о положении на фронте, о разгроме фашистских войск под Москвой.

Узнав про это, крестьяне обнимали друг друга, женщины плакали от радости.

— Недалек день и вашего освобождения, — закончил комиссар. — Не оставайтесь в стороне от борьбы. Не давайте немцам продукты, прячьтесь, чтобы вас не угнали на каторгу. Пусть среди вас не окажется ни одного предателя. Народ их строго карает.

Со всех сторон посыпались вопросы. Комиссар, Луньков и я не успевали отвечать. Было видно, что народ верил в победу, верил в свою Красную Армию.

При выходе из школы меня за руку взяла старушка:

— Мой сыночек тоже врага бьет, единственный он у меня… Может быть, встречали? — и она назвала фамилию.

Что я мог сказать? Разве можно ответить тоскующей матери «нет»?

— Видел, — сказал я, — под Москвой вместе фашистов били. Жив, здоров, скоро вернется.

Темнело. Приближалось время расставания с Рыжовым.

— Ваш путь теперь на запад, а нам пять километров в сторону, до объекта задания. Мы еще обождем здесь и поводим немцев за нос, чтобы они не могли напасть на ваш след. Счастливо, товарищи! — сказал он, прощаясь с нами.

Обнялись. Рыжов с бойцами остался в деревне, а мы, сложив вещи в сани, двинулись на запад.

Хотя метель стихла, ехать было трудно: дорога заметена снегом, лошади по брюхо проваливались в сугробы, ломались оглобли. До полуночи проехали двенадцать километров. Возле леса остановились, сняли груз с саней и отправили подводчиков обратно в деревню.

Мы надевали лыжи, когда где-то слева от нас грохнул взрыв, раздалась пулеметная стрельба.

— Рыжов с товарищами работает, — сказал кто-то из бойцов.

Забрались на возвышенность, и тут Луньков, толкнув меня локтем, показал на зарево: Рыжов выполнил задание — поднял на воздух немецкий штаб.

Мы облегченно вздохнули и тронулись в путь. Еще затемно достигли деревни Солодуха, остановились неподалеку в лесу. Воробьева и Добрицгофера послали в деревню разведать. Через некоторое время оттуда послышалась автоматная очередь.

Партизаны вскочили на ноги.

— Пойду проверю, — поднялся Луньков.

— Иди! В случае опасности дай красную ракету.

Луньков с группой партизан ушел в деревню, а мы остались в лесу, приготовившись к бою. Вскоре все вернулись.

…Разведчики, побывав в двух избах и выяснив у крестьян обстановку, возвращались назад, но, перелезая через изгородь, наскочили на задремавшего вражеского часового, который с испугу открыл стрельбу.

— А чтоб он больше не шумел, мы его с Карлом Антоновичем пристукнули и дали ходу, — добавил Воробьев к рассказу Лунькова.

— Уже успели нашуметь. Как только немцы придут в себя, они обнаружат наши следы и организуют погоню. Нужно немедленно уходить, — рассердился Морозкин.

Мы двинулись в глубь леса. Отряд быстрым маршем к утру прошел более тридцати километров и благополучно достиг деревни Гурки. Помня прошлый урок, я долго наблюдал за деревней из кустов и, не заметив ничего подозрительного, повел в нее отряд.

В дом, где поместился наш штаб, вошел сгорбленный седобородый старик. Пригладив бороду, он оглядел нас и, протянув руку, представился:

— Иван Яковлевич, советский гражданин, по немецкой милости попал в старосты.

По тому, с каким уважением хозяйка поставила ему стул, мы поняли, что староста здесь — свой человек. Я припомнил старосту в деревне, куда привел нас Рыжов, и порадовался находчивости колхозников.

— Думаете, оккупантам служу? Ошибаетесь, — смело глядя нам в глаза, говорил старик. — Оккупанты от нас почти ничего не получили. И скот, и зерно попрятали. Немцы бесятся. Нужно кому-то отвечать — вот я и взял эту тяжесть на себя. Стар я, жизнью не дорожу, мне нечего бояться.

Иван Яковлевич дал нам много полезных советов. Луньков спросил, как добраться до поселка Воробьево и сильно ли охраняется железная дорога Витебск — Невель.

— Железную дорогу перейдем, а до поселка подвезу вас на санях, — уверенно ответил старик.

Вечером было запряжено восемь подвод. Каждый подводчик имел записку от старосты, будто он едет по заданию оккупационных властей в Воробьево.

В передние сани сели с ручным пулеметом Меньшиков, разведчики Малев и Назаров. Ко мне в розвальни плюхнулся Иван

Яковлевич.

— Может, в дороге случится что нибудь. Коли сам поеду, лучше будет, — кутаясь в тулуп, проговорил он.

Чтобы быстрее проскочить опасный участок, решили до железной дороги ехать на подводах, пешком пересечь полотно, с тем чтобы подводы переехали ее пустыми, затем люди снова сядут в сани.

Железную дорогу миновали благополучно. Подъезжая к деревне, Иван Яковлевич посоветовал нам обождать, а сам на пустой подводе поехал вперед. Быстро вернувшись, он сообщил, что в деревне немцы.

— Сделал, что мог. Не поминайте лихом старосту из Гурок.

Мы тепло простились со стариком.

Тяжелый и опасный путь продолжался. В большинстве деревень стояли немцы. Двигались по лесной целине. Продовольствия оставалось мало. Отдыхали без костров. Лица партизан посерели и обросли.

В первых числах апреля, в ясное морозное утро отряд подошел к деревне Замошье Сиротинского района и остановился в лесу. Начальник разведки Меньшиков с тремя партизанами осторожно проник в деревню.

…Деревня еще спала. Забравшись в сарай, разведчики вели наблюдение. Через полчаса на улице появились люди. По всем признакам, немцев в деревне не было. Вот из ближней хаты вышел мальчик и направился к сараю. Увидев незнакомых людей в маскхалатах, он испугался, хотел убежать, но сильная рука Меньшикова остановила его.

— Хлопчик, не бойся, мы свои люди, — тихо проговорил Меньшиков.

— Если свои, так зачем хватаешь за рукав, — рванулся подросток.

— Свои, свои, партизаны мы. Вот смотри. — И Меньшиков откинул капюшон, прикрывавший красную звездочку.

Мальчик рассказал, что живет с матерью и дедушкой. Отец в Красной Армии.

В это время из хаты вышел старик и крикнул:

— Колька, где ты запропастился?

Наш новый знакомый растерянно посмотрел на разведчиков.

— Это мой дед, он терпеть не может немцев. Его можно позвать сюда. Он партизанить собирается. Я ему уже винтовку нашел, она здесь, в сарае, зарыта, — скороговоркой выпалил он.

— Зови, — согласился Меньшиков, — только не говори, что мы здесь.

Колька возвратился с еще довольно крепким высоким

стариком. Старик, не замечая притаившихся партизан, ворчал на Кольку:

— Ну, что у тебя, пострел, стряслось? Опять, верно, винтовку разбирал.

В этот момент из угла вышел Меньшиков.

— Нет, дедушка, мы помешали. Не жури его, давай лучше знакомиться.

Он обнял и поцеловал старика. Озадаченный дед никак не мог прийти в себя и все время повторял:

— Вот пострел, вот пострел!

Колька успокаивал его:

— Дедусь, да это нашинские, из Москвы. Чего ты перепугался, посмотри, у них звезды на шапках.

— Ну, елки-палки, огорошили вы меня! Никогда в жизни так не робел, никак в себя не приду.

Стоявший рядом Колька ехидно ухмыльнулся:

— Сробел, сробел, а еще в партизаны собирался.

Тут дед вскипел:

— Ах ты, болтун окаянный, да нешто такое при посторонних людях говорят. — И тут же спохватился: — Оно, конечно, товарищи, вы не посторонние, а все-таки…

— Правильно, товарищ, — поддержал его Меньшиков, — конспирацию соблюдать надо.

Дед, все еще хмурясь, турнул внука:

— Беги в хату и скажи матери, чтоб готовила еду, а сам проведай на деревне, где полицейские, да смотри не выпяливай язык где не надо.

— Знаю, — ответил повеселевший Колька и пулей вылетел из сарая.

Дед рассказал, что в Замошье на днях прибыли пять полицейских, арестовали двух колхозников и намереваются отправить их в Германию. Угрожают отправить туда всю молодежь. Особую активность проявляет сын бывшего кулака, внезапно исчезнувший до прихода немцев и возвратившийся одновременно с их вторжением.

Прибежавший Колька с важным видом доложил, что полицаи до утра пьянствовали, а сейчас спят, что вооружены они винтовками и ручным пулеметом, а во дворе дома стоят две подводы.

Дед стал упрашивать разведчиков уничтожить предателей, избавить крестьян от этих извергов. Меньшиков возразил:

— Этих уничтожим, немцы других пришлют, которые еще больше издеваться будут.

Дед настаивал на своем.

— Вряд ли немцы найдут себе помощников, а если и найдут, то и их по проторенной дорожке направим.

Я призадумался, выслушав Меньшикова. Мне не хотелось начинать бой: это наверняка вызовет со стороны немцев активные меры к розыску и преследованию отряда, а наша задача — как можно скорее попасть в минские леса. Но оставлять предателей безнаказанными тоже не следовало. Посоветовавшись с комиссаром и Луньковым, приняли решение — ликвидировать полицаев.

Взяв с собой пять бойцов, мы с Луньковым направились к сараю старика. Здесь нас ожидали Малев и Назаров. Дед с Колькой радостно встретили партизан и повели к дому, где находились полицейские. Дом был двухэтажный, дверь на запоре. Проникнуть тихо и внезапно напасть на полицейских было невозможно.

Розум постучал в дверь, а остальные бойцы окружили дом. За дверью послышались голоса. Я крикнул полицаям, что они окружены, и предложил сдаться. Предатели молчали. Розум сильно рванул дверь, она распахнулась. Раздался выстрел — пуля ударила Розума в плечо, он покачнулся и отскочил в сторону. Дверь снова захлопнулась. Из окна застрочил пулемет. Я бросил в окно гранату. Стрельба прекратилась, один полицейский выпрыгнул на улицу и бросился бежать, его схватил за шиворот Карл Антонович и тряхнул так, что у того из рук выпала винтовка. Полицейские, оставшиеся в доме, возобновили стрельбу; тогда я бросил вторую гранату, на этот раз противотанковую.

Раздался оглушительный взрыв. Дом словно подпрыгнул, затем верхний этаж вместе с крышей осел, и на глазах у всех дом превратился в одноэтажный. Взметнулись жаркие языки пламени, дом запылал, как большой костер. В нем нашли смерть укрывшиеся предатели.

Добрицгофер привел пойманного полицейского. Обыскали. Нашли записную книжку и несколько немецких марок.

— За них продал свою шкуру? — зло глянул комиссар на полицая и бросил марки ему под ноги.

Полицейский молчал. Я перелистал записную книжку. На одном листке прочитал:

> «Вчера поймали трех партизан, один удрал. Вечером пили, сегодня чертовски болит голова. Нужно найти еще выпивки».

— Расстрелять его! — раздались голоса крестьян.

Воля народа была выполнена.

Теперь надо торопиться. В пяти километрах находился немецкий гарнизон, а перед нами — открытое поле и большое озеро. К счастью, раненый Розум мог двигаться без посторонней помощи. Вереницей вышли из деревни. Нас провожали дед и Колька.

Идти было тяжело. Ношу Розума разделили между собой, хотели взять и автомат, но он не отдал. Быстро обойдя озеро, вошли в лес и, чтобы запутать следы, сделали большой круг.

2

Было начало апреля, а погода стояла холодная, ночью мороз достигал тридцати градусов, часто бушевали снежные метели.

За сутки преодолели около сорока километров и на рассвете подошли к деревне Лукашево, расположенной вблизи лесного массива у большой дороги. Разведка сообщила, что немцев в деревне нет. Дорога была занесена глубоким снегом, и машины проехать по ней не могли, поэтому мы, не опасаясь внезапного нападения, решили остановиться на отдых. Выставив посты, отряд разместился в трех рядом стоящих домах.

Узнав о приходе партизан, крестьяне собрались у домов, где мы остановились. Они просили рассказать о положении на фронте, о жизни на Большой земле. Комиссар и еще несколько коммунистов, забыв про усталость, подыскали подходящее помещение, установили рацию и созвали жителей.

Старики, женщины и дети, затаив дыхание, приготовились слушать Москву. Когда в тишине раздался голос диктора, даже в сумраке плохо освещенной избы стало видно, как радостно заблестели глаза собравшихся. Москва передавала сводку Совинформбюро.

— Жива наша армия! Живет и бьет проклятых фашистов! — вытирая слезы, сказала молодая женщина.

Мы услышали, что за месяц до нашего прихода в деревне фашистами зверски замучены тяжелораненый лейтенант и девушка, помогавшая раненым. Лейтенант, избитый до полусмерти, перед расстрелом плюнул в лицо гитлеровцу и крикнул:

— Я погибаю за Родину, за Коммунистическую партию! Стреляйте, собаки! Всех не убьете! Вы ответите за все страдания наших людей!

В хату, где поместился штаб, пришел мужчина лет тридцати пяти, высокий, но болезненного вида, обросший черной бородой, в крестьянском кожухе.

— Батальонный комиссар Ширяков Трофим Григорьевич, — представился он.

И рассказал о себе, что был ранен в бою, остался во вражеском окружении, лечился у местного фельдшера, теперь чувствует себя лучше, скоро поправится совсем. Сказал, что подобрал из деревенской молодежи группу в шесть человек и с наступлением весны собирается уйти в лес. Мы познакомились со всеми членами боевой группы Ширякова, рассказали, как практически включиться в борьбу с врагом, и оставили немного

оружия: довершить свое вооружение группа должна за счет противника.

Крестьяне запрягли несколько подвод, и с наступлением сумерек мы выехали из деревни. То на лошадях, то на лыжах, обойдя местечко Пруды, через Заборье и Глухую достигли деревушки Захаровка. Немного отдохнули, закусили — и опять в путь.

В нескольких километрах от Захаровки проходила железная дорога Полоцк — Витебск, которую нам нужно было пересечь. Выходя из деревни, разведчики задержали восемнадцатилетнего юношу.

— Почему бежать пустился? — спросил я.

— Думал, немцы или полицаи. Они расстреляли моего отца, сестер, теперь ловят меня.

Юноша распорол подкладку поношенного пальто, вынул комсомольский билет.

— Идемте в деревню, крестьяне скажут, кто я, — взволнованно звал он.

Крестьяне подтвердили, что он действительно комсомолец Долик Сорин.

Сорин просил взять его в отряд. Посоветовавшись, решили принять. Кто-то из жителей дал ему лыжи.

Комиссар подозвал Долика:

— Так, говоришь, ты местный?

Долик кивнул.

— Сумеешь незаметно провести нас через железную дорогу?

— Проведу, — уверенно ответил он.

Вскоре отряд подошел к станции Оболь. По насыпи расхаживали немецкие патрули. Долик шепнул мне:

— Товарищ командир, видите речку в кустах? Она проходит под полотном. Через водосточную трубу, согнувшись, можно пройти, только лыжи придется снять.

Мы дождались, пока патрули отошли подальше, и почти под носом у часовых пробрались через бетонную трубу. Перейдя железную дорогу, собрались в овраге, густо поросшем кустарником.

— Молодец, — похлопал по плечу Сорина комиссар.

Добрицгофер порылся в вещевом мешке и, вынув сверток, отдал его Долику.

— Возьми мое нижнее белье. Надень его вместо маскхалата, а то ходишь, как ворона среди лебедей.

Сорин смутился и, не зная, что делать, вертел сверток в руках.

— Надевай, немцев напугаешь, — смеясь, подбодрил

комиссар.

Большая рубашка Карла Антоновича свободно болталась на худеньких плечах юноши, кальсоны пришлось подвернуть. Партизаны добродушно смеялись: они тепло приняли Долика в свою семью. Так как Сорин хорошо знал местность, штаб назначил его в группу разведки Меньшикова.

Теперь мы быстрей продвигались вперед. Обойдя Леоново и Фитьково, отряд лесом вышел к Западной Двине. Вот она, наконец, долгожданная! Трудно различить в темноте ее обрывистые берега и русло, покрытое снежной пеленой. Издали вся местность казалась сплошной белой равниной. Надо было найти отлогий спуск, и мы послали разведчиков во главе с Воробьевым. Разведчики несколько минут всматривались в безбрежную равнину, затем, обгоняя друг друга, ринулись вперед. Вслед за ними тронулся отряд.

Вдруг разведчики исчезли, словно провалились сквозь землю. Полагая, что они спустились к реке, мы продолжали идти и внезапно чуть не полетели вниз — едва успели опереться палками. Вышедшая из облаков луна осветила неясные фигуры разведчиков, барахтавшихся в глубоком снегу на дне обрыва. Смерив взглядом высоту, мы удивились, как они после такого полета остались живы. Луньков осторожно обошел обрыв и, найдя пологое место, стал медленно спускаться к реке. Мы смело последовали за ним.

Вскоре все, за исключением группы Воробьева, были на противоположном берегу Западной Двины, а через полчаса отряд догнали и неудачливые разведчики. Воробьев, стараясь скрыть хромоту, неуверенной походкой подошел ко мне и доложил:

— Товарищ командир, спуска к реке не нашли.

— Зато покувыркались, — послышался голос стоящего позади Лунькова.

Я сердито смотрел на Воробьева, радуясь в душе, что все обошлось благополучно и все, по-видимому, целы.

— Раз-вед-чи-ки, — протянул я по слогам, стараясь придать своему тону язвительность. — Вышли из леса, увидели открытое поле и, как телята, кинулись очертя голову.

Воробьев виновато опустил голову, а я вызвал врача.

— Осмотрите их, может, кто ребра поломал. Если здоровы, двинемся дальше.

В шесть часов утра отряд вошел в деревню Усвица. Едва мы разместились, ко мне подошел Меньшиков и указал на остановившегося поодаль пожилого мужчину в рваном зипуне.

— Вот человек, присланный нашими разведчиками.

Крестьянин сообщил, что по шоссе в деревню на нескольких

подводах едут полицейские.

— Что делать? — спросил у меня Меньшиков.

— Вы уверены, что это полиция? — переспросил я.

— Полицаи, точно, — кивнул головой крестьянин. — Должно быть, реквизиционный отряд. Они хотят забрать у нас свиней. Дать бы им по рукам…

Мы послали Меньшикова готовить оборону. Затем, посоветовавшись, решили без лишнего шума выпроводить полицаев из деревни. Я сказал крестьянину:

— Беги и скажи реквизиторам, что сюда прибыла крупная воинская часть Красной Армии.

Не нужно было долго объяснять ему. Он хитро улыбнулся:

— Будет сделано.

Выйдя за околицу, мы с Луньковым наблюдали в бинокль за крестьянином, спешившим навстречу полицаям. Вот он подбежал к ним и что-то сказал, указывая рукой в сторону деревни. Развернув коней, полицейские бросились наутек.

Жители деревни, довольные таким оборотом дела, долго смеялись над перетрусившими полицейскими. Потом забеспокоились, полагая, что, узнав, как ее провели, полиция выместит на них зло.

— А вы их и дальше так обдуривайте. — весело засмеялся Луньков. — Зарежьте свиней и кушайте себе на здоровье, а когда придут реквизиторы, заявите, что в деревне остановились немцы и забрали всех свиней.

— А о сегодняшнем что говорить?

— Скажите, что ошиблись. Пришли, мол, солдаты в белых маскхалатах, некоторые из них говорили по-русски, так и приняли их за большевиков и, не желая полицаям плохого, предупредили. Только сумейте хорошенько соврать — полицейские еще благодарить будут.

— Правильно, — согласились крестьяне.

Задерживаться в деревне было небезопасно, так как в восемнадцати километрах, в местечке Улла, стоял большой немецкий гарнизон. Я попросил у крестьян несколько подвод.

После полудня мы оставили деревню. Из всех хат высыпали жители, даже два древних старика слезли с полатей, чтобы пожелать нам доброго пути и боевых удач.

Легко скользили полозья по мягкому снегу, подпрыгивая, бежали лошади. В лицо дул теплый весенний ветер, от лошадей шел пар. Проехали деревни Стайки и Вече, добрались до деревни Поддубища. Здесь, отпустив подводы, снова встали на лыжи и всю ночь шли по глубокому рыхлому снегу. Рано утром, измученные тяжелой дорогой, мы остановились в низкорослом кустарнике.

Впереди раскинулась обширная равнина, пересекать которую в дневное время было опасно. Невдалеке проходила дорога, по ней то и дело проносились немецкие автомашины.

Утро выдалось холодное, колючий ветер пронизывал до костей. Разгоряченные быстрой ходьбой, партизаны стали мерзнуть. Разжигать костры было опасно: их сразу заметили бы с дороги.

Меньшиков и Николаев отправились в разведку. Вернувшись, они доложили, что в полукилометре от дороги на берегу озера стоят два больших дома, принадлежащие леспромхозу. В одном из них размещается какая-то немецкая контора, туда ежедневно к десяти часам утра приезжают трое гитлеровцев в штатском в сопровождении одного в военной форме. Они работают до четырех часов дня, потом уезжают. Во втором доме живут лесник с семьей и сторож, охраняющий контору.

Я посмотрел на часы: половина девятого.

— Идем, товарищи!

Подниматься было тяжело: от усталости и холода ноги одеревенели. Несмотря на то что местность вокруг была изъезжена, мы решили идти гуськом, в одну лыжню.

Лесник принял нас настороженно и холодно. Наверное, не только потому, что жил он с семьей не очень просторно.

Часть партизан залезла на чердак. С обеих сторон были слуховые окна, но, чтобы вести круговое наблюдение, сделали щели в крыше. Четверо партизан вели наблюдение, остальные грелись у трубы. Лаврик с Розумом и еще несколько партизан остались в комнате. Лесник, сторож, комиссар и я пошли в контору, осмотрели все три комнаты. В последней мы увидели телефон.

— Исправный? — спросил я у лесника.

— Вчера работал.

Мы с Морозкиным переглянулись. Иметь соседями четырех немцев с телефоном не совсем приятно. «Испортить», — мелькнуло у меня в голове. Но это вызовет подозрение… Решили оставить в сохранности.

Выйдя из конторы, лесник начал нас просить:

— Вы не трогайте немцев, а то моей семье также придется с жизнью проститься. Откровенно говоря, я не хотел вас пускать, но уж коли принял — не выдам. Дети тоже будут молчать.

— Пусть дети сегодня дома сидят, у нас есть мастер рассказывать сказки, он им много расскажет… А немцы в дом не заходят? — спросил я.

— Пока не были, — буркнул лесник.

В десять часов приехали немцы. Лесник то выходил из дому,

то возвращался обратно. Его жена, еще молодая, но с бледным изнуренным лицом, приготовила нам чай, наварила картошки. Я видел, как она при каждом скрипе дверей или шорохе на чердаке испуганно вздрагивала. Спокойным, ровным голосом Луньков рассказывал детям сибирские сказки. Мучительно долго тянулось время. Достаточно было бы двух партизан, чтобы уничтожить немцев и освободиться от гнетущего чувства напряжения, однако в партизанской борьбе не всегда надо действовать оружием.

Наконец немцы вышли из конторы, сели в сани и направились к дороге. Вскочив с пола, партизаны облепили окна и следили за подводой, пока она не скрылась. Кто-то сказал:

— Вот гады, сколько нас в напряжении держали…

Хозяева заметно повеселели. Мрачноватый лесник в первый раз улыбнулся.

— Весь день ходил, как по углям. Года нет, как немцы здесь, а что из меня сделали: каждого шороха боюсь.

— А вы научитесь ненавидеть фашистов, тогда и страх пройдет, — сказал комиссар.

Вечером мы двинулись дальше и к утру достигли деревни Осетище, а следующей ночью благополучно проскочили шоссе Минск — Лепель и остановились отдохнуть в небольшом лесу. Развернув карту, сориентировались на местности. Мы находились недалеко от деревни Федорки Бегомльского района Минской области.

Весна в полном разгаре: зажурчали придорожные ручейки, канавы заполнились водой, по краям дорог резко обозначились черные полосы талой земли. В лесу осевший снег превратился в серое месиво. Лыжи то и дело проваливались, застревали и наконец окончательно отказались служить.

Солнце уже высоко поднялось, когда отряд остановился на дневку в небольшой затерянной в лесу деревушке.

Крестьяне хорошо нас приняли, рассказали, что немцы заезжают не часто. Мы разрешили отряду отдохнуть.

Под вечер политрук Алексей Алексеевич Николаев привел двух молодых мужчин в добротных городских шубах. Он рассказал, что, сменясь с поста, заметил двух подростков, вышедших из деревни. Из опасения, как бы они не разболтали в соседней деревне о появлении партизан, решил их нагнать. Пройдя с полкилометра, увидел едущую навстречу ребятам подводу, в которой сидели двое мужчин. Перекинувшись с ними несколькими словами, мальчики пошли дальше. «Полиция, — подумал Николаев, — надо задержать». Когда подвода поравнялась с ним, Николаев стремительно вскинул автомат.

— Кто такие?

— Я староста деревни Федорки, а это — здешний бургомистр, — спокойно ответил коренастый мужчина с длинными вьющимися русыми волосами. — А ты кто?

— Партизан, — не отводя автомата, ответил Николаев.

— Если ты партизан, то опусти автомат и садись в сани — мы свои люди. Ребята сейчас сказали, что ваш отряд остановился в деревне, так мы можем помочь, предоставить транспорт, — проговорил тот же мужчина.

Николаев несколько оторопел, однако постарался казаться спокойным. Встав сзади на полозья, велел трогаться. И вот они в деревне.

— А ребят упустил? — спросил я у Николаева.

— Не догонять же, коли этих встретил!..

Меня беспокоил уход ребят, а тут еще эти два немецких пособника.

— В отношении ребят вы не сомневайтесь, полиции они не сообщат, — заверил меня один из задержанных, с округлой, недавно отпущенной светлой бородкой. — Нас-то они предупредили, что партизаны приехали, но мы не полицаи, мы рады вашему приезду. — Он отрекомендовался Янковским Леоном Антоновичем и показал на стоящего рядом: — А это мой товарищ, Виктор Иванов, староста деревни.

Они рассказали, что до войны работали в западных областях Белоруссии. Отступить не успели и, перебравшись из своего района, осели в деревне Федорки, где у Янковского есть родня. Жители Федорок уверили немцев, что Янковский и Иванов — кулаки, сидевшие в тюрьме при Советах. Оккупанты возвели, их в высокие ранги: одного — бургомистром, другого — старостой. Теперь они помогают семьям военнослужащих, скрывающимся патриотам, регистрируют на жительство вышедших из окружения военнослужащих. Весной с группой добровольцев собираются уйти в партизаны.

Трудно было решить, что за люди, а арестовывать невинных тоже нельзя. Решили их отпустить.

— Продолжайте свой путь, — сказал я им. — А мы отправимся своим.

Немного помолчав, Янковский сказал:

— Все-таки не доверяете?.. Что ж, пожалуй, правильно делаете. Словам верить нельзя… А может, надумаете побывать у нас в Федорках? Баньку истопим, освежитесь… Предательства не бойтесь. Если желаете, пришлем за вами подводы.

Мы вышли на улицу посоветоваться.

— Для меня они загадка, — задумчиво произнес Луньков.

— Для меня тоже, — ответил я, — но попробуем ее разгадать.

Мы согласились с предложением Янковского, условились о пароле, договорились о месте и времени, где и когда будем ждать подводчиков.

Янковский с товарищем уехали.

Как только они скрылись из виду, я приказал отряду выступать.

Выйдя из деревни, в двух километрах от нее, мы залегли и стали ждать. Если приедут полицаи или каратели, встретим их как полагается.

Вот показались десять подвод, подводчики назвали пароль, и мы несколько настороженно сели в сани. Не доезжая деревни, слезли и огородами вошли в нее.

Улицы большого села Федорки были пустынны. Нас развели по домам, и повсюду хозяева встречали нас с трогательным радушием.

Я все время не расставался с Янковским и Ивановым. Янковский, улыбаясь, сказал:

— Конечно, спокойнее, что ваши посты стоят вокруг деревни, но мы с Ивановым до вашего прибытия по всем дорогам выслали наших разведчиков; лишь противник приблизится на пять километров, вы уже будете о нем знать.

Хорошо отдохнув, мы проснулись рано утром.

Днем гостеприимные селяне вытопили для нас баню, где по очереди вымылся весь отряд. Идя в баню, я слышал, как Долик Сорин жаловался Добрицгоферу:

— Карл Антонович, надо мной все смеются, апостолом называют. Нельзя ли из вашего белья как-нибудь сшить настоящий маскхалат.

— Это можно. В доме, где я остановился, есть швейная машина, приходи, попросим хозяйку, — пообещал Добрицгофер.

Помывшись, все сменили белье, только Добрицгофер стал надевать старое, предварительно прожарив его. Увидев это, Сорин бросился к нему:

— Карл Антонович, мне больше маскхалат не нужен… Снег тает… Я попрошу хозяйку выстирать белье, и вы переоденетесь.

Карл Антонович, смеясь, отказался.

После бани все повеселели. Хотелось хоть на минутку забыть, что находимся в тылу врага.

Незаметно прошел день. Вечером, собравшись в просторной избе, партизаны пели боевые песни, а также недавно родившиеся партизанские. Жители пришли послушать нас. Для них приход советских бойцов стал праздником. Янковский и Иванов с увлечением пели вместе с нами:

…Впереди дороги,
Бури и тревоги.
У бойца на сердце
Спрятано письмо.
Лучше смерть на поле,
Чем позор в неволе;
Лучше злая пуля,
Чем раба клеймо…

Я тихонько сказал Янковскому:

— Вижу, население любит вас. И радостно смотреть, что вы поете наши песни. Но помните: не с каждым можно быть откровенным.

— Здешние друг друга не выдадут, — с гордостью ответил он.

И оказался прав. В июне 1942 года немцы повесили Янковского, но не из-за предательства: он открыто содействовал побегу пленных, которых вели через село. А Виктор Иванов успел уйти в партизаны.

Поздно вечером нас ждали запряженные в сани добрые кони. Лыжи и маскхалаты роздали крестьянам, только Сорин свой чисто выстиранный «маскхалат» отдал Добрицгоферу.

Ехали быстро. В пяти километрах от деревни отпустили подводчиков. Ноги, привыкшие к ходьбе на лыжах, непроизвольно пытались скользить. Хорошо отдохнувшие партизаны, не чувствуя тяжелой ноши за спиной, быстро шагали по дорогам. Благополучно миновав Сергучевский канал, к утру подошли к Березине. Лед еще стоял, но его поверхность уже залита водой. Идти по льду опасно. Я и радист Глушков взяли большие палки и стали переходить реку. Ноги ныли от холодной воды. У середины реки мы услышали голос Лунькова:

— Вернитесь, нашли другой способ!

Убедившись, что по льду перейти не удастся, мы возвратились.

Обогнув заросший кустарником бугор, мы увидели остов сожженного моста, а на противоположном берегу большое село. Решили переправляться по мосту, положив доски через пролеты. Одна группа переправляется, другая прикрывает подход. За двадцать минут переход Березины был закончен.

Чтобы быстрее попасть в лес, я приказал разведке идти по окраине деревни Броды, расположенной в трехстах метрах от моста. Петухи в ней неугомонно голосили.

Вдруг из деревни навстречу партизанам выбежал шустрый мальчуган в рваной одежонке; взлохмаченные волосы прикрывала

помятая фуражка с расколотым надвое козырьком. Я спросил у него, есть ли в деревне немцы. Мальчик отвечал, что фашистов там нет, но мялся и что-то бормотал о двух вооруженных мужчинах со звездочками на шапках.

Мы направились в деревню. Шедшие впереди Меньшиков и Назаров услышали окрик «Стой!» и залегли.

— Выходи один на линию огня! — послышалось с опушки леса.

Вышел Меньшиков. Начались переговоры, во время которых выяснилось, что это партизаны из группы лейтенанта Сергея Долганова, действовавшей в лесах этого района.

И вот перед нами стоят «двое со звездочками на шапках». Это партийный работник Ясюченя Тимофей Васильевич и боец Григорий Лозабеев. Они возвращались с задания. Ясюченя пригласил нас к себе, и мы двинулись в лагерь Долганова, находившийся в лесах Бегомльского района.

Шли по топким, труднопроходимым березинским болотам. После восемнадцати километров пути, вконец измученные, выбрались на поляну. Невдалеке показалась маленькая деревушка Уборок. Предвидя близкий отдых, бойцы подтянулись. Шаг стал бодрее, головы поднялись.

— Оккупантов в деревне нет? — спросил я у Лозабеева.

— В эту деревню они боятся заходить, — уверенно ответил тот.

— Противник может оказаться там, где его меньше всего ожидаешь, — возразил я и выслал разведчиков.

Подойдя к деревне, они дали сигнал: «Немцы!» Партизаны возвратились к опушке леса и залегли прямо в воду, готовясь к бою.

Я посмотрел в бинокль: на рукавах фашистов были ясно видны эмблемы.

— По-видимому, карательный отряд, — сказал я лежавшему рядом комиссару.

— Всыплем, — спокойно ответил он.

Заметив партизан и полагая, что они, как обычно плохо вооружены, каратели бросились в атаку. Впереди, размахивая руками, бежал длинноногий эсэсовец. Я взглянул на партизан. Их лица были серьезны и сосредоточенны. Отдал команду:

— Без приказания огня не открывать и не отходить.

Каратели были уже настолько близко, что под железными касками можно было различить их лица.

— Бандит, сдавайся! — крикнул немецкий офицер.

Я дал знак лежащему рядом Малеву. Едва офицер произнес эти слова, раздалась автоматная очередь. Враг рухнул на землю.

Недалеко от него бежал фашистский пулеметчик, который собирался уже залечь, но меткая партизанская пуля пригвоздила его к земле.

Фашисты потеряли двух человек, но они слышали с нашей стороны лишь один автомат. С криком «Сдавайса!» они побежали еще быстрее.

— Огонь! — скомандовал я.

Дружно заработали автоматы и винтовки всех тридцати четырех бойцов. Каратели смешались, некоторые остались лежать навечно, раненые поползли назад.

Разбив карательный отряд, мы отошли в глубь леса и остановились на большой поляне. Весеннее солнце заливало ее теплыми лучами. Вместе с комиссаром и Луньковым наметили дальнейший маршрут. Ясюченя помогал нам. Партизаны устали, но были бодры, довольные исходом боя.

Я упрекнул долгановцев за излишнюю самоуверенность:

— Вот вы заявили — немцев в Уборке не может быть, а на самом деле?!

— Зато теперь будут знать, как ходить, — сказал смущенный Лозабеев.

Отдохнув и подсушившись на солнце, мы с трех сторон вошли в Уборок. Крестьяне рассказали нам о результатах боя с карателями. Были убиты начальник карательного отряда города Борисова, награжденный двумя железными крестами, и около десяти солдат, четверо ранены. Каратели приняли наш отряд за десант Красной Армии, взяли в деревне восемь подвод и, подобрав убитых и раненых, уехали в Борисов.

В деревне мы немного подкрепились и, не задерживаясь, отправились дальше.

Утром отряд приблизился к лагерю Долганова. Секрет долгановцев, принявший нас за немцев, открыл стрельбу. Мы быстро залегли. Ясюченя и Лозабеев закричали: «Свои! Свои!» — и встали во весь рост, чтобы товарищи их Увидели.

Вскоре партизаны обоих отрядов дружно беседовали. Радисты установили рацию. Я написал радиограмму, сообщил о месте нашей стоянки и о встрече с местными партизанами. Радисты передали ее в Центр.

Вечером Долганов, высокий, стройный, молодой еще человек, черноволосый, с правильными, резко очерченными чертами лица, с карими глазами, долго расспрашивал о Москве, о фронте. Утром он познакомил нас с Иваном Иосифовичем Ясиновичем, который перед войной работал секретарем Смолевичского райкома партии. По заданию ЦК Коммунистической партии Белоруссии Ясинович был направлен в тыл врага для подпольной

работы и организации диверсионных групп. Группа Ясиновича на участке железнодорожной магистрали Минск — Смоленск уже пустила под откос девять эшелонов и создала несколько подпольных групп из местных патриотов в Бегомльском районе. Теперь его группа влилась в отряд Долганова.

В лесах Бегомльского района действовало еще семь мелких партизанских групп. По инициативе Ясиновича было проведено совещание, в котором приняли участие Долганов, комиссар Морозкин, начштаба Луньков, Ясинович и я. Все пришли к выводу — мелкие группы необходимо объединить в одно крупное соединение. Решение нужно было немедленно провести в жизнь, так как мелкие группы, сыгравшие на первом этапе партизанской борьбы положительную роль, уже не справлялись с задачами нового этапа разросшейся партизанской войны. Дисциплина в этих группах была не на должном уровне. Находились и такие вояки, которые считали, что дисциплина в партизанских отрядах — вещь ненужная.

Мы послали во все группы своих людей пригласить их к нам для обсуждения организационных вопросов.

Через два дня пришло шесть групп общей численностью в шестьдесят пять человек. На большой поляне было проведено общее собрание партизан.

— Товарищи партизаны! — выступил Ясинович. — Мелкими группами мы только кусаем врага, а нужно бить его смертельно. Поэтому надо объединиться.

Морозкин, Луньков и я поддержали это предложение.

В партизанских рядах начались оживление, споры, все громче звучали голоса одобрения. Было решено создать один отряд и присвоить ему название «Борьба». По моему предложению командиром отряда был выбран Долганов, комиссаром — Ясинович. Отряд теперь насчитывал восемьдесят человек. Мы с комиссаром и начальником штаба помогли командованию отряда «Борьба» выработать внутренний распорядок, выделить диверсионные группы. Луньков занялся обучением этих групп. Из своих запасов мы дали отряду тол, капсюли, магнитные мины и патроны.

В отряде «Борьба» оказалось немало коммунистов и комсомольцев. Усилиями Морозкина и Ясиновича были созданы партийная и комсомольская организации. Действия отряда Долганова приняли теперь другой характер. Много сил было уделено созданию диверсионных групп. Вскоре первая группа, обученная Луньковым, вышла на железную дорогу. С нашей помощью были выделены инициативные группы для организации новых партизанских отрядов в Бегомльском и Борисовском

районах.

Связи с Минским подпольным обкомом партии наш отряд еще не имел, и 13 апреля 1942 года мы радировали прямо в Москву о создании партизанского отряда «Борьба». На другой день был получен ответ; поздравляя партизан отряда «Борьба», штаб желал им успехов в борьбе с захватчиками. Эту радиограмму Сергей Никифорович Долганов зачитал отряду.

— Узнала про нас Москва! Теперь начнем воевать по-настоящему! — радовались партизаны.

3

Мы получили радиограмму, в которой приказывалось нашему отряду двигаться в назначенное место. Я попросил у Долганова проводника.

— Вы мне помогли, берите любого, — сказал он.

Провести нас безопасными путями взялся Ясюченя.

Перед рассветом отправились в путь. Далеко провожали нас Долганов и Ясинович. Мы назначили пароль для возможной встречи и тепло распрощались.

Через несколько суток отряд остановился в лесу близ деревни Белые Лужи. Отсюда недалеко до шоссейной магистрали Москва — Минск, а за ней в одном километре железная дорога, которую нам предстояло перейти. Ясюченя, Меньшиков и Денисевич привели местного жителя. Он пообещал провести отряд через шоссе и железную дорогу.

Темнело. На станции Жодино пыхтел под парами паровоз. Развернув карту, наметили маршрут. Проводник-крестьянин советовал переходить шоссе и железную дорогу близ станции, а реку Плиса, протекавшую параллельно железной дороге, форсировать по плотине мельницы.

Ожидая возвращения разведчиков, партизаны чистили оружие, осматривали диски, отдыхали. С наступлением темноты проскользнули через шоссе. Разведчики во главе с Меньшиковым шли впереди, автоматчики Малев, Назаров, Кишко и Ясюченя прикрывали отряд с флангов.

Перейдя железную дорогу, разведчики натолкнулись на путевого обходчика. Тот крикнул по-русски: «Стой!» Разведчики отскочили за палисад, а обходчик побежал к Жодино, где стоял карательный отряд. Находившийся в засаде Малев погнался за обходчиком и схватил его. Тот заорал. Подскочивший Меньшиков скомандовал переправить обходчика через насыпь. Услышав шум, со станции выбежала группа немцев и открыла беспорядочную стрельбу. Из стоявшей рядом будки выскочило еще несколько охранников, которые с криками «Хальт!» кинулись на разведчиков. Те бросили обходчика, перебежали дорогу и укрылись в кустарнике. Стрельба усиливалась.

Узнав, что разведчики вступили в перестрелку с железнодорожной охраной, я послал им в помощь Николаева с шестью партизанами. Эту группу противник встретил сильным огнем.

Прошло несколько минут, стрельба не прекращалась. Тогда я поднял отряд и приказал переходить железную дорогу. Уже

миновали елочный палисад, как вдруг противник осветил местность ракетами.

— Огонь! — подал я команду. — Вперед! В атаку!

Партизаны бросились к полотну. Я увидел, как упал Добрицгофер.

«Неужели убит?» — больно кольнуло сердце.

Опять залегли. Немцы открыли ураганный огонь. В темноте рельсы искрились от попадавших в них пуль.

— Выносите Карла Антоновича, — приказал я Денисевичу.

Когда Добрицгофера вынесли, мы начали отходить.

— Ну что? — спросил я Лаврика, наклонившегося над Карлом Антоновичем.

— Ранен в грудь и ногу, будет жить, — успокоил меня Лаврик.

Меньшиков и Николаев со своими людьми еще не вернулись. Неизвестно — проскочили они или нет. Тревога терзала нас. С раненым Добрицгофером переходить железную дорогу было трудно: за ней почти сразу начиналась глубокая, разлившаяся от весеннего паводка река Плиса.

Посоветовавшись с Морозкиным и Луньковым, решили возвратиться в лес. Наскоро сделав носилки, положили на них Карла Антоновича. Чтобы не стонать от боли, он до крови кусал губы. Четверо партизан с трудом несли его. Возле шоссе залегли. Со стороны Борисова показался свет, послышался гул моторов. Мы плотней прижались к земле. Мимо промчались четыре автомашины с гитлеровцами и два броневика. Это прибыла помощь. Как только немцы проехали, мы бесшумно перешли шоссе и отошли в небольшой лесок. С правого фланга немцы продолжали вести огонь. Нас выручила темная, беззвездная ночь.

Мы прошли около трех километров и остановились отдохнуть. Из еловых веток сделали шалаш, уложили раненого. При свете карманного фонаря Лаврик перевязал ему раны. Лицо Карла Антоновича приняло восковой оттенок.

— Держись, Карл Антонович, — тихонько сказал я.

Добрицгофер приоткрыл глаза, хотел что-то сказать, но едва смог пошевелить запекшимися, окровавленными губами.

— Для выздоровления необходим полный покой и хороший уход, не говоря уже о питании, — шепнул мне Лаврик.

Что-то сдавило мне горло. Я вышел из палатки. «Необходим полный покой. Разве его здесь найдешь?» — раздумывал я.

Меньшикова и Николаева все еще не было. Выслали разведчиков. Выйдя на опушку, они услышали тихий разговор и по голосам узнали товарищей. Это была группа Николаева.

Рассвело. Нудно и медленно тянулось время. В шалаше,

забывшись, стонал Карл Антонович. Отряд подготовился к обороне. Разведчики облазили весь лес поблизости, а Меньшикова не нашли. «Стало быть, он перешел железную дорогу», — заключили мы.

По деревням и селам в поисках партизан свирепствовал борисовский карательный отряд.

Я решил Меньшикова больше не ждать. Он знал конечный пункт похода, намеченные стоянки, знал и людей в Червенском и Пуховичском районах, через которых в случае необходимости мог с нами связаться.

Наибольшую тревогу вызывало состояние Карла Антоновича. Его надо было устроить куда-либо в безопасное место. Ночью мы зашли на хутор лесника Захара Алексеевича Акулича, расположенный в лесу, у дороги, по которой часто ездили немцы. Вокруг усадьбы виднелись свежие следы грузовых машин. Рискованно заходить, но иного выхода нет.

Постучали в окно. Щелкнул замок, и открылась дверь. При свете зажженной спички увидели перед собой худощавого человека в крестьянской рубашке.

— Что нужно? — спросил он спросонья.

Я вошел в избу, электрическим фонариком осветил комнату. Хныкали разбуженные дети. За деревянной перегородкой жена Акулича держала на руках грудного ребенка и с испугом смотрела на меня.

— Не бойся, мамаша, мы свои люди, партизаны, — сказал Луньков. — Нет ли у вас горячей воды? У нас ранен товарищ, нужно обмыть и перевязать раны.

Женщина отдала стоявшей около нее девочке ребенка и, надев юбку, загремела горшками. Хозяин вышел во двор, увел в сарай надрывавшуюся от лая собаку. Карла Антоновича внесли в дом, положили на стол. Тяжело дыша, он едва смог глотнуть липового чая. Дальше нести его не было возможности.

— Часто у вас бывают немцы? — спросил я хозяина.

— Часто. То за дровами, а то просто останавливаются на ночь. Ведь мы у самой дороги, — как бы оправдываясь, говорил лесник.

Я достал карту: поблизости не было ни одной усадьбы, а в деревне у нас нет проверенных людей, нести туда раненого неразумно. Подумав, вызвал хозяина во двор.

— Когда последний раз были немцы?

— Часа два назад, — ответил он.

— Откуда приезжали?

— Откуда — не знаю, но видел, как они ехали со стороны Жодино к Минску.

— Вы советский гражданин, а мы партизаны. Примите нашего раненого товарища, — попросил я.

— Что вы партизаны — верю, но бойца вашего не приму, — угрюмо ответил хозяин и отступил на шаг.

— Почему?

— Сами видите: живу у дороги, немцы каждый день бывают. Найдут бойца — не только ему, всем нам петля. Думайте обо мне что хотите, а принять не могу.

— Наш товарищ пролил кровь за вас и ваших детей. Люди грудью бросаются на вражеские пулеметы, а вы в трудную минуту не хотите помочь партизанам сохранить жизнь советского патриота.

Я чувствовал, что лесник колеблется. Помолчав, он сказал:

— Как хотите, а в хозяйстве его укрыть нельзя: или кто заметит, или дети проболтаются, мало ли чего может быть.

Я и сам уже склонялся к выводу что лесник прав — в его доме раненого укрыть нельзя. Тогда я предложил спрятать его недалеко от хозяйства.

— Ну, спрячу. А что дальше? — спросил Акулич.

— Вы должны его скрывать от всех, в том числе и от своей семьи, приносить ему пищу, делать перевязки.

— Кормить? Чем же я его буду кормить, когда мы сами голодаем, а раненому нужны будут яйца, молоко? — возразил он.

Я вынул из сумки пачку немецких марок и отдал Акуличу.

— За это можно купить?

— Можно.

— Только смотрите, осторожней покупайте, чтобы не пало подозрение, и пусть лучше семья тоже не знает ничего о деньгах.

Акулич согласился. Я строго предупредил его:

— Смотри, друг, оккупанты нагрянули и уберутся, а Советская власть была, есть и будет. Если предашь — тебя все равно настигнет карающая рука народа.

Акулич угрюмо, но твердо сказал, что предателем он не был и не будет.

Вместе с ним мы нашли подходящее место, быстро сделали землянку, тщательно замаскировали.

Я представлял себе состояние Карла Антоновича. Остаться тяжелораненым, беспомощным у неизвестного человека было нелегко. Но он держался молодцом и даже пытался шутить. Перед уходом Лаврик еще раз тщательно перевязал ему раны, оставил достаточное количество медикаментов и бинтов, а я — немецкие марки и продукты на первое время. Карл Антонович отдал мне автомат, маузер, а две гранаты оставил себе.

— Коли придется уходить из этого мира, парочку фашистов с

собой прихвачу.

Прощаясь, я едва сдержал слезы:

— Выздоравливай, Карл Антонович. Через месяц пришлем за тобой, можешь быть спокоен.

— Еще повоюем вместе. Рот фронт! — тихо проговорил он.

С Захаром Алексеевичем Акуличем договорились, что он отдаст Добрицгофера только по условленному паролю. Перед рассветом отряд вышел в направлении деревень Большие и Малые Олешники, находящихся в тридцати километрах от Минска. По пути зашли в деревню Точилище и, достав продукты, двинулись дальше.

29 апреля 1942 года мы прибыли в район Олешников, примерно в 18 километрах от Логойска. От населения узнали, что в этих местах находится десантная группа с красными звездочками на шапках.

«Не группа ли Меньшикова бродит здесь?» — мелькнула надежда.

Тут нам снова пришлось убедиться, что если мы, посланцы Большой земли, ищем себе опору среди местного населения, то и оно в свою очередь стремится объединиться с нами. Наш отряд пополнился здесь хорошим бойцом — политруком Мацкевичем.

Узнав о продвижении какого-то партизанского отряда, который останавливался в Точилищах, Гавриил Михайлович Мацкевич решил примкнуть к нему. За ним следила полиция. Взяв рыболовные снасти, чтобы не вызвать подозрения, он вместе с отцом отправился на поиски партизан. За деревней Точилище на лесной тропинке заметил следы сапог. Обрадовавшись такой удаче, пошел по следу и вскоре наткнулся на двух человек в военной форме с автоматами в руках. Один из партизан, Иван Розум, оказался его земляком. Партизаны привели Мацкевича в отряд.

Мы узнали, что Мацкевич — уроженец деревни Каминка Минской области. Отец его крестьянин. Мацкевич окончил Борисовское педагогическое училище и работал учителем в совхозе «Шипьяны» Смолевичского района. Перед войной его призвали в Красную Армию, направили в Ленинградское Краснознаменное военно-политическое училище имени Энгельса, а после окончания — в танковую дивизию. Здесь его выбрали секретарем комсомольской организации полка и членом партийного бюро.

В сотнях боев участвовал Гавриил Мацкевич. Недалеко от станции Темный Лес он с горсточкой бойцов и командиров попал в окружение. Попытка пробиться к своим через линию фронта не удалась. Мацкевич, раненный, на некоторое время обосновался в

деревне. У него никогда не было мысли о прекращении борьбы с оккупантами…

— А поэтому, товарищ командир, прошу вас взять меня в свой отряд, — закончил он свой рассказ.

— Добро пожаловать! — сказали мы с Морозкиным.

Радости Мацкевича не было границ.

— Нельзя ли моему отцу повидать вас?

— А далеко он? — спросил я.

— Да тут рядом, на опушке.

Мы разрешили. Мацкевич ушел, а через час он возвратился вместе с отцом, шестидесятилетним, еще крепким стариком. Подойдя к нему, я поздоровался.

— Ну как, ваш сын не подведет нас?

— Что вы, товарищ командир, за сына я ручаюсь: он у меня орел.

Тут же я отдал Гавриилу Мацкевичу автомат Карла Антоновича.

— Надеюсь, оружие будет в надежных руках.

Уходя, отец Мацкевича наказал сыну быть примерным и смелым в бою с фашистами, а нам пожелал успеха в священной борьбе.

Итак, Минск недалеко. Отряд достиг намеченной зоны действий. Мы знали, что партийное подполье в Минске возникло в первые же месяцы фашистской оккупации. По призыву Коммунистической партии народ Белоруссии поднялся на борьбу с захватчиками. Повсеместно создавались подпольные группы и партизанские отряды. Теперь нам необходимо наладить связь с местными партийными и подпольными организациями, помочь им в организации борьбы.

В разных направлениях я разослал разведчиков для выявления размещения немецких частей, штабов и складов. Одновременно мы начали искать действовавшие разрозненные группы партизан. Перед разведывательными группами поставили задачу нащупывать связь с минским подпольем, которое несомненно существовало, но, видимо, нуждалось в помощи.

Не трудно нынче, сидя за письменным столом, писать о принятых решениях и их выполнении. Но тогда… Ох, и трудно было осуществлять задуманное. Небольшой отряд находился в глубине вражеского тыла, пока только налаживал связи с местным населением и подпольщиками.

В Червенский и Смолевичский районы пошли Иван Викторович Розум и Николай Николаевич Денисевич, в Пуховичский — Николай Андреевич Ларченко, в Руденский — Кузьма Николаевич Борисенок, в Заславский — Николай

Федорович Вайдилевич. Им дали пароль и места явок.

С отрядом направились к Олешникам, где надеялись найти Меньшикова. Высланные вперед разведчики встретили пастухов. Они сообщили, что немцев в деревне нет.

Вечером в деревню в форме полицейского мы послали старшину Воробьева. Он пришел прямо к старосте. Тот рассказал, что в лесу действительно находится десантная группа и что ее бойцы заходили в деревню за продуктами.

Стояли последние дни апреля, но было еще холодно. По ночам болота покрывались тонким слоем льда. Деревья еще не зазеленели, и укрываться в лесу было трудно. Мы жили в густом ельнике в наскоро построенных шалашах. Кончились патроны и взрывчатка. Необходимо было вызвать самолет с Большой земли. Луньков выбрал близ Малых Олешников небольшую поляну. Мы дали радиограмму в Москву, сообщили координаты площадки и просили как можно скорее прислать боеприпасы и взрывчатку. В тот же день получили положительный ответ.

30 апреля вечером остановились на ночлег в деревне Малые Олешники, и комиссар в честь Первого мая организовал митинг населения. Пока радисты устанавливали рацию, Морозкин рассказал крестьянам о положении на Фронте, о жизни в советском тылу.

— Прошу слушать! — объявил радист Глушков.

Жители деревни столпились около рации. Радиоволны принесли первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. В приказе подводились итоги десятимесячных боев советских войск, ставились очередные задачи по разгрому фашистской Германии.

Вечер закончился скромным ужином, приготовленным для нас населением.

Мы с комиссаром зашли в дом, где до войны жили зажиточные колхозники. Хозяйка поставила на стол картошку, налила по стакану молока.

— Чем богаты, тем и рады, — пригласила она нас.

В это время в комнату вбежала девочка лет шести. Голодными глазенками посмотрела она на стол. Егор взял ее на колени, предложил ей молоко, она с жадностью стала пить, вцепившись обеими ручками в стакан. Уже не первый раз мы видели, что крестьяне отдают нам последнее. Я пододвинул девочке свой стакан. Выйдя из-за стола, покопавшись в вещевом мешке, достал несколько кусочков сахару и положил на стол. У хозяйки навернулись слезы.

В другой комнате мы увидели лежащего мальчугана.

— Что с ним?

— Не знаю. Может, простыл. Одежонки-то нет.

Мы прислали нашего Лаврика. Он осмотрел мальчика и, к счастью, не найдя ничего серьезного, оставил лекарства.

1 мая погода стояла холодная, выпал снег. Не желая оставлять следов, решили обождать до следующего дня.

2 мая в четыре часа утра послышалась пулеметная очередь. Объявили тревогу. Отряд быстро поднялся и стал отходить в лес. Неподалеку от приемочной площадки остановились. Луньков с группой партизан отправился искать место для привала. Вскоре они вернулись и повели отряд в молодой лесок с густым кустарником, где журчал небольшой ручеек. Начали строить шалаши. Здесь мы решили дожидаться самолета, но утренняя стрельба беспокоила меня. Я решил связаться с Москвой и предупредить, чтобы самолет пока не высылали. Посланные устанавливать рацию Луньков и радист Пик (Лысенко Александр Александрович) заметили каких-то двух человек.

— На соседних холмах неизвестные люди. Начштаба следит за ними, — тяжело дыша от быстрого бега, сообщил Пик.

Мы подняли партизан и повели их на вершину холма. Бесшумно заняли оборону. Я подошел к Лунькову. Вот к неизвестным приблизились еще двое. В бинокль мы увидели у одного из них под дождевиком хорошо знакомый мундир.

— Кажется, эсэсовцы, — прошептал я.

Луньков указал на соседний холм. Там тоже появились немцы.

Я приказал приготовиться к бою, держаться спокойно, без команды не стрелять. Прошло несколько напряженных минут. Внезапно вблизи затрещали пулеметы. Каратели заметили нас. Стрельба усиливалась. Мы тихо и незаметно начали отходить, маневрируя под обстрелом. Пробрались в невысокий сосняк, залегли.

Стрельба то приближалась, то удалялась. Время от времени над нашими головами свистели шальные пули. Я приказал приготовить гранаты. И вдруг все стихло. Каратели потеряли нас.

Ночью пошел дождь и лил, не переставая, до утра. Весь следующий день мы пролежали на сырой земле. Стемнело. Каратели отошли, но с другой стороны послышался гул автомашин; мы поняли, что попали в блокированный оккупантами лес. Нужно было выбираться отсюда.

Ночью, уставшие и голодные, двинулись в поход. Дождь лил и лил, все промокли до костей. Дорогой, подбадривая партизан, начальник штаба Лось рассказывал о том, как лет двадцать пять назад он, потеряв в тайге направление, один проблуждал под

таким же проливным дождем четверо суток.

— Хуже всего было, что один, — несколько раз повторил он. И каждый партизан, чувствуя рядом локоть товарища, веселее смотрел вперед сквозь темноту леса.

За ночь прошли около сорока километров. Под утро прибыли в деревню Коробщина. Поев, отошли в небольшой лесок. Костров не разжигали: обстановка была неизвестна. Вконец измученные партизаны, свалившись на сырую землю, быстро уснули. Я охранял сон партизан.

В эту ночь с особенно острой тревогой думал о группе Меньшикова. И сам он так живо вырисовывался перед глазами. Меня, правда, успокаивало то, что Меньшикову известны места встреч и люди; кроме того, он знал, какую работу надо проводить в первое время.

— Идите спать, — прервал мои размышления Лось, пришедший сменить меня. Я лег на его место и быстро уснул. Когда проснулся, было уже темно. Партизаны приводили себя в порядок. Около рации возился Пик.

— Можешь передать радиограмму? — сердясь на себя за то, что долго проспал, спросил я.

— Конечно!

Радировали, что пока не можем принять самолет.

4

Решили идти в леса Плещеницкого района и там окончательно обосноваться. Ночью подошли к деревне Селище и остановились. Отдыхали не более получаса, как от постовых пришло донесение: в деревню идет противник.

Партизаны выскочили из домов. В темноте разглядели двигающиеся фигуры и крикнули:

— Стой! Кто идет?!

Вместо ответа прозвучала команда:

— Станковый пулемет — на высоту, ручной — вдоль дороги, первый взвод — справа, второй слева, в обход — марш!

Мы залегли. Послышалось щелканье затворов.

— Кто такие? — раздался голос.

— Партизаны!

— Мы тоже!

«Атакующими» оказались партизаны из отряда «Дяди Васи» — Воронянского. Их было семь человек во главе с начальником разведки Романовым. Думая, что в деревне полиция, они своей демонстрацией рассчитывали нагнать на нее панику.

— Куда идете? — спросил я Романова.

— Громить волостное правление в волостном центре Заречье, — ответил Романов и попросил у меня людей.

Для того чтобы поосновательнее познакомиться с местными партизанами, мы решили повести туда весь отряд и принять участие в операции.

Подошли к мосту, впереди стало видно Заречье. Морозкин и Луньков с несколькими партизанами остались для прикрытия, а я с остальными вместе с группой Романова направился к зданию правления.

Воробьев тихо подполз к постовому и без шума снял его. Партизаны ворвались в здание. Романов с несколькими партизанами расстрелял бургомистра и двух полицаев. Захватив с собой наиболее важные документы, мы вернулись к мосту.

Романов посмотрел на мои рваные сапоги и сказал:

— В таких вы не дойдете даже до нашего лагеря, возьмите эти, — и он протянул мне новые сапоги, снятые с полицейского.

Я поблагодарил и отдал сапоги Мацкевичу — тот был совершенно бос.

Романов, чтобы запутать следы, вел нас кружным путем. Возле вывороченной грозой ели отряд остановился. Романов сказал: «Обождите здесь, мы сейчас» — и ушел.

Скоро он вернулся в сопровождении статного, широкоплечего

мужчины.

— Уполномоченный особого отдела Воронков, — отрекомендовался он.

Воронков расспросил нас и, удостоверившись, что мы действительно партизаны, повел в лагерь. Встретить нас вышел командир отряда. Он был в чистой, хорошо отглаженной военной форме без знаков различия. Я с удовольствием отметил его отличную выправку кадрового военного.

— Майор Воронянский, Василий Трофимович, — представился он и, крепко пожав мне руку, пригласил в шалаш.

Мы разговорились. Василий Трофимович рассказал о себе. Раньше он был командиром 570-го отдельного батальона связи 13-й армии. В одном из боев батальон попал в окружение. Воронянский не пал духом и в сентябре 1941 года включился в партизанское движение. Весь свой армейский опыт, все незаурядные способности боевого командира отдал неутомимой борьбе против гитлеровских захватчиков.

Под стать ему был и комиссар отряда Иван Матвеевич Тимчук. Он с первых дней оккупации, оставшись в тылу врага, повел активную работу по мобилизации населения на вооруженное сопротивление врагу.

В отряде Воронянского насчитывалось уже около 150 бойцов. Многие из них уже участвовали в боевых операциях и накопили немалый опыт партизанской войны в тылу врага. «Золотой фонд» отряда составляли патриоты, вырвавшиеся из Минска, где, будучи участниками городского подполья, прошли суровую школу борьбы против немецко-фашистских оккупантов и их карательных органов.

— Эх, если бы здесь была степь, — вздохнул Василий Трофимович, — я бы пощупал немцев. Сядешь на коня — и летишь стрелой. Но ничего, просохнут дороги, и пробьемся к фронту…

— Зачем к фронту, когда и здесь можно бить врага, — сказал я. — Ведь у вас уже немалый опыт партизанской войны.

Воронянский задумался.

— Лучше всего запросить Москву, — продолжал я. — Пусть там узнают о вашем отряде и скажут, что делать.

— У вас есть рация? — оживился Воронянский. — Конечно же, запросите!

Пока мы беседовали, Пик натянул антенну, установил репродуктор.

И вот прозвучал голос Москвы: передавали сводку Совинформбюро.

Вместе с Воронянский мы подготовили радиограмму в

Центральный Комитет партии. Утром 5 мая получили ответ:

> «Остаться в тылу. Желаем успеха в борьбе с фашизмом».

Воронянский сообщил партизанам задание партии.

— Ура! Смерть фашистам! — прогремело в лесу.

Наш комиссар рассказал о разгроме немцев под Москвой, об усилении партизанской борьбы. После долгого обсуждения решили назвать отряд Воронянского «Мститель».

Москва сообщила о высылке для нас самолетов с боеприпасами. В районе деревни Крещанка подыскали подходящую площадку и стали ждать.

Было решено, что наш отряд проведет некоторое время в отряде «Мститель».

Мы с Морозкиным и Луньковым долго обсуждали, кого послать к Карлу Антоновичу, и, наконец, остановили выбор на Мацкевиче, который, как местный житель, хорошо знал обстановку и дороги окружающих районов.

— Можете выполнить ответственное задание? — спросил я Мацкевича.

— Я коммунист, — коротко ответил он.

— Отыщите эту усадьбу, — я показал на карте хозяйство лесника Акулича, у которого находился Добрицгофер, — там лежит наш раненый товарищ. Если он не так слаб, возьмите его с собой. Не забудьте пароль.

Мацкевич быстро собрался и с группой партизан вышел из лагеря.

Погода испортилась, снова зарядил дождь. Москва сообщила, что самолет пока прислать не может.

Какова обстановка в Минске, я не знал. Чтобы легче было отыскать минское подполье, обосновались неподалеку от города.

— Нужно послать людей в Минск, — предложил я комиссару.

— Правильно, — отозвался Морозкин. — Как городское подполье, так и партизаны сильны своей взаимной связью.

Тимчук подобрал четырех человек: уполномоченного особого отдела Максима Воронкова, того самого, который встретил нас у лагеря, Владимира Романова, Михаила Гуриновича и Настю Богданову. Я выделил в эту группу Кухаренка.

Кухаренок до войны работал в Минске на железной дороге. Там у него осталась мать. У Воронкова и Гуриновича в городе тоже были родные. У первого — сестра Анна, у второго — жена Вера Зайцева. Побеседовав с Гуриновичем и Воронковым, мы пригласили Настю. Я ее и раньше видел в отряде, часто слышал ее задорный смех и звонкие песни. Ей было на вид лет

шестнадцать-семнадцать.

— Зачем тебе в отряде это дитя? — спросил я как-то у Василия Трофимовича.

— У этого дитяти на счету восемь убитых немцев. Таков у нее характер: в бою — огонь, а в лагере — беззаботная пташка.

Вот и теперь голубые глаза девушки весело и смело смотрели на нас.

— Где ты работала до войны? — спросил я.

— В Логойском районе секретарем сельсовета, — словно колокольчик, зазвенел ее голос.

— В Минске знакомые есть?

— Была подруга, сейчас эвакуировалась.

— Город хорошо знаешь?

— Три месяца была на курсах… Что, в Минск надо идти? — вдруг спросила она.

Мы с Тимчуком переглянулись.

— Да, — кивнул он. — Не побоишься?

— Не побоюсь, — ответила Настя и сжала губы.

— Смотри. Ведь коли немцы схватят, это похуже, чем пулю получить.

— Не побоюсь, — повторила она, тряхнув головой.

Взяв у Насти паспорт, мы отпустили ее.

К сожалению, ни у кого, кроме Насти, не было документов. Мы задумались, смогут ли наши товарищи пробраться в Минск. Условий паспортного режима в городе мы не знали. Вызвали партизан, изложили им наши сомнения.

— Дойдем, — твердо ответил Гуринович.

Обсудили план похода. Мужчины должны были идти без документов, в крестьянской одежде, с пистолетами и гранатами, Настя — с документами, без оружия. Перед городом она оставит партизан, сходит к Анне Воронковой, выяснит обстановку и, если все будет спокойно, приведет к ней ночью своих товарищей. Мы допускали, что немцы могли следить за семьями партизан, но другого выхода не было. Пришлось пойти на риск.

Партизаны ушли собираться, а мы с Тимчуком и Морозкиным, вооружившись захваченными в волостном правлении штампами и печатями, через пару часов «оформили» Насте паспорт и изготовили пропуск для входа в Минск.

К утру все были готовы. Больше всех на «легальных» крестьян походил Кухаренок и Настя, у остальных были чересчур смелые лица. Особенно задорно и независимо смотрели широко расставленные глаза Гуриновича.

— Вы лучше не поднимайте голову, а то даже самый задрипанный полицай обратит на вас внимание, — заметил я

Романову, Гуриновичу и Воронкову. — Помните о важности задачи, будьте осторожны, без надобности не лезьте куда не следует, остерегайтесь провокации.

Я расцеловался с каждым и, подавая руку Насте, смутился: «Как попрощаться с ней?» Она сама нашла выход из затруднительного положения — поцеловала меня в лоб.

Партизаны отправились: впереди Кухаренок, за ним остальные. Мы смотрели им вслед и ясно представляли, на какую опасность они идут, но верили в них. Задание они выполнят…

Наиболее опытными были, конечно, Гуринович и Воронков. Коротко расскажу о них.

Михаил Петрович Гуринович родился в Белоруссии, получил высшее образование, хорошо знал родные края. За два года до войны вступил в партию. Когда немцы захватили Минск, перешел на нелегальное положение и работал в подполье, подбирал и направлял проверенных людей в партизанские отряды, создавал диверсионные группы, распространял антифашистские листовки. Ему удалось переправить в отряд Воронянского пять винтовок, четыре пистолета, два ручных пулемета и несколько тысяч патронов. Затем сам ушел из Минска.

Максим Яковлевич Воронков в партию вступил в 1932 году. Он тоже с первых дней оккупации перешел на нелегальное положение, а в декабре 1941 года ушел в партизанский отряд Воронянского, где стал начальником особого отдела.

Настя Богданова легкой походкой шла по обочине шоссе, а Воронков, Гуринович, Романов и Кухаренок на некотором отдалении позади, иногда они углублялись в придорожные лесочки.

Не доходя двенадцати километров до Минска в деревне Паперня Воронков и Гуринович остановились у знакомых, бывших студентов политехнического института Василия Молчана и его жены Марии, работавших на местном торфопредприятии. Василий и Мария помогли Гуриновичу и Воронкову попасть в город.

Кухаренок, Настя и Владимир Романов продолжали путь одни. Благополучно обошли посты и оказались в Минске. Кухаренок предложил зайти сначала к нему домой, где жила его мать.

— А не опасно? — высказал сомнение Романов. — Сын в партизанах, значит дом на примете у полиции.

— Нет, — отрицательно покачал головой Кухаренок. — О том, что я в лесу, никто не знает, даже мать. В начале войны уехал с поездом и не вернулся. Вот и все.

До войны Кухаренок работал начальником поезда, и его исчезновение из Минска выглядело оправданным. С доводами его все согласились.

Безлюдными переулками привел Николай Кухаренок своих товарищей к домику матери и… побледнел. На месте домика валялись обгорелые бревна и мусор. Жива ли мать? И если жива, где искать ее?

Надо было торопиться. Договорившись о месте и времени встречи, Романов пошел к своим знакомым. Настя направилась в район Сторожевки, к родственникам, а Кухаренок — к довоенным друзьям, через которых надеялся найти мать или узнать о ее судьбе. Ему сразу же сказали, где она. Мать приютилась в доме Михаила Галко. Николай постучал, на пороге показалась старушка с накинутым на плечи платком. Узнав сына, она со слезами бросилась к нему:

— Коленька, сыночек… Жив?

— Жив, мамаша…

— Ой, счастье какое… Заходи поскорее…

Старушка давно считала сына погибшим. И вдруг он заявился. Она глядела и не могла наглядеться на своего «мальчика», который и впрямь, несмотря на тяготы партизанской жизни, мало изменился и казался очень молодым. Утром Кухаренок и Романов встретились с Настей Богдановой.

— Ну, теперь продолжим дело, — начал Романов. — Ты ведь, кажется, знаешь сестру Воронкова, Анну.

— Знаю. Встречались.

— А жену Гуриновича?

— И с Верой Герасимовной знакома.

— Вот с них и начинай, — решил Романов. — Только будь осторожна и держись как можешь естественнее. Ты — наша первая цепочка и надежда.

Настя разлохматила волосы, посмотрелась в осколок зеркала…

— Ждите! Постараюсь сделать все как надо. — И пошла, кажется, спокойной беспечной походкой.

Кажется… Какой надо обладать волей, чтобы вот так, внешне спокойно, идти по улицам города, переполненного фашистами, где тебя в любую минуту могут схватить, бросить в тюрьму и, подвергнув нечеловеческим пыткам, казнить!

Настя пришла на следующее утро, возбужденная, веселая. Она рассказала, что встретилась и с Анной Воронковой и с Верой Зайцевой.

Обе они поддерживают связь с подпольной группой и готовы выполнить любое задание. Вера очень хочет повидать мужа.

Романов ответил:

— Устроим! Но не это главное.

Прошли еще сутки. Едва забрезжил рассвет, все разошлись устанавливать связи с нужными людьми.

Не терял времени и Максим Воронков. Он встретился со старым другом Кузьмой Лаврентьевичем Матузовым. В свое время Матузов окончил Белорусский политехнический институт, с первых дней войны ушел на фронт, но был тяжело ранен и попал в плен. Оттуда удачно бежал и добрался в Минск. Здесь нашел свою семью. Но жить было не на что. И он рискнул. Явился к коменданту города и попросил дать ему какую-нибудь работу. Матузова определили служащим городской управы. Это легализовало его. Но Кузьму Лаврентьевича угнетала мысль, что он стоит в стороне от борьбы против оккупантов. Поэтому встреча с Воронковым очень обрадовала его. Матузов заявил твердо и решительно:

— Можешь на меня рассчитывать. Что я должен делать?..

Кузьма Лаврентьевич оказался для нас сущей находкой. Мы сразу получили доступ к секретным бумагам городской управы.

Наши разведчики заинтересовались личностью Георгия Красницкого, бывшего кадрового командира, попавшего в окружение. Георгия знала в лицо мать Кухаренка. Красницкому удалось скрытно пробраться в Минск и устроиться на работу в качестве инженера на вагоноремонтный завод имени Мясникова. Немцы нуждались в квалифицированной рабочей силе, поэтому не очень придирались к тому, что этот молчаливый, но трудолюбивый инженер еще недавно служил в армии. На вопрос начальника завода оберста Фрике, как он относится к победам Германии на Восточном фронте, Красницкий уклончиво ответил:

— Я политикой не интересуюсь, господин полковник. Моя политика — это мои руки. — И он протянул широкие ладони, загрубевшие еще во время боев на фронте.

Разведчики решили рискнуть и встретиться с Красницким, рассчитывая на то, что вчерашний командир не должен быть предателем. Встречу обставили так.

Недалеко от завода прогуливаются Настя и мать Кухаренка. Скоро конец смены. Вот из проходной начинают выходить рабочие. Старушка незаметно указывает Насте на молодого человека в большой кепке. Это Красницкий. Настя переходит улицу, обгоняет его и «случайно» роняет кошелек. Красницкий подбирает кошелек и протягивает его девушке. Настя любезно благодарит и завязывает разговор о трудностях жизни, безденежье. Постепенно переводит беседу на нужную тему. Красницкий настораживается, а не подослан ли провокатор?

Пытается уйти. Тогда Настя решается на последний шаг. Намекает, кто она. Настороженный взгляд Красницкого теплеет.

— Может быть, вы, — предлагает Настя, — желаете встретиться с моим другом?

Красницкий начинает догадываться, кто ее друг.

— Если он ревновать не будет, я согласен.

— Обойдемся без ревности… ради общего дела.

Через несколько дней Настя сводит Красницкого с появившимся в городе Гуриновичем, и тот, убедившись, что Георгий готов помогать подпольщикам, поручает ему войти в доверие к оккупантам.

— Постепенно начинайте сплачивать вокруг себя заслуживающих доверия людей и ждите наших указаний, — говорит на прощание Михаил Гуринович.

— Хорошо… Все понятно…

Так стали создаваться новые подпольные патриотические группы в Минске. Я говорю «новые», потому что в городе активно действовали другие подпольные группы, во главе которых стояли партийные работники, чекисты или бывшие военнослужащие Краской Армии.

К сожалению, отсутствие опыта в конспирации часто приводило к провалам.

Мать Кухаренка, несмотря на преклонный возраст и недомогание, охотно выполняет наши поручения. Внешний вид старой женщины ни у кого из немцев и полицейских не вызывал подозрений. Поэтому она медленно и спокойно брела по городу, находила нужные нам адреса, людей, толкалась на рынке и снова возвращалась домой.

Прошло некоторое время. Все разведчики, посланные нами в Минск, благополучно вернулись в лагерь. У нас словно гора с плеч свалилась.

После доклада о сделанном разведчики пошли отдыхать, а мы с Луньковым, Морозкиным, Воронянским и Тимчуком приступили к составлению плана дальнейших действий.

Деревья покрылись пышной зеленью. Начали подавать голос кукушки, звонко щебетали дрозды, по ночам заливались соловьи. Лес шумел веселой весенней жизнью.

Мацкевич прибыл в лагерь только одному ему известными тропами. Мокрый от утренней росы, уставший, но с сияющим лицом, ввалился он ко мне в шалаш.

— Товарищ командир, задание выполнено, — вытянувшись, начал было рапортовать Мацкевич. Я обхватил его плечи, подвел к лежанке.

— Не нужно, рассказывай.

— Поправился переводчик. Он здесь, в лагере. Привел вам также группу партизан «Бати» (Г. М. Линькова), ею руководит Черкасов, — коротко доложил Мацкевич.

Я вышел из шалаша. Неподалеку толпились партизаны. Как настоящий дуб в березняке, возвышался над всеми Карл Антонович. Почти бегом кинулся я к нему. Лицо Добрицгофера пожелтело, а в глазах светились все те же веселые огоньки.

Мы обнялись, и я почувствовал, что ногами не достаю земли.

— Пусти, медведь, — вырвался я.

— Спасибо, друг, что прислал за мной, — тряс мою руку Добрицгофер.

— Как раны?

— Совсем затянулись, я живучий, только в бою плохо, слишком большой вырос — хорошая мишень для врага, — весело смеялся Карл Антонович.

— Радуйся, что большой. Маленькому эта пуля попала бы в живот, а тебе в ногу, — в тон его шутке сказал Луньков.

Добрицгофер обнимал друзей, знакомился с новичками.

Я поблагодарил Мацкевича и его группу за успешное выполнение задания и пошел знакомиться с Черкасовым.

Это был высокий, стройный, с ясными выразительными глазами брюнет лет тридцати. С ним пришли четыре партизана, один из них лежал на походных носилках. Лаврик уже хлопотал возле раненого.

— Тяжело? — спросил я, взглядом показывая на раненого.

— Не очень, спасибо вашему врачу — обещает вылечить, — ответил Черкасов.

Он рассказал, что, организуя диверсию на железной дороге, зашел в Олешников лес, где думал временно остановиться, и нарвался там на карателей. Они окружили его группу. По предположению Черкасова, их выдал староста Больших Олешников.

Черкасов попросил разрешения остаться в лагере, пока не поправится раненый. Я согласился.

В эти дни мы ожидали возвращения из Заславского района Вайдилевича и Воробьева с группой.

22 мая возвратились только двое из группы. Они принесли печальную весть.

…Группа Воробьева быстро нашла в заславских лесах Вайдилевича. Он к этому времени сформировал небольшой отряд, на счету которого значились два эшелона противника, пущенных под откос. Воробьев сообщил Вайдилевичу наши очередные инструкции и передал взрывчатку. Он собирался возвращаться

обратно, а Вайдилевич со своей группой был намерен перейти в Налибокскую пущу, так как оккупанты буквально следовали за ним по пятам.

Во второй половине дня затрещали автоматы, и почти в тот же миг, запыхавшись, прибежал дозорный с сообщением, что с трех сторон показались каратели. Вайдилевич и Воробьев быстро повели партизан через болото в лес. По ним ударили из автоматов и винтовок. Был убит Вайдилевич.

— Вперед! За Родину! — крикнул Воробьев.

Партизаны, забрасывая карателей гранатами, кинулись на врага. Кольцо окружения было прорвано. Вслед партизанам летели разрывные пули, однако в лесу они не причиняли большого урона, так как разрывались даже от прикосновения к листьям.

Партизаны уже оторвались от немцев на сто пятьдесят метров, как вдруг неожиданно упал Воробьев: разрывная пуля попала ему в бок. Товарищи бросились к нему, но помочь было уже нельзя. Лицо Воробьева побледнело, куртка набухла от крови.

— Бегите, спасайтесь! Я погибну как коммунист.

Каратели преследовали. Партизаны вынуждены были отступить. Воробьев остался. Партизаны видели, как подбежавшие к Воробьеву два эсэсовца были уничтожены взрывом. Это Воробьев пустил в ход оставшуюся у него гранату.

Мы собрали партизан.

— Товарищи! — дрогнувшим голосом начал комиссар. — Недавно в борьбе с оккупантами геройски погибли наши товарищи: Яков Кузьмич Воробьев и Николай Федорович Вайдилевич.

Партизаны обнажили головы.

— Они пали в кровавом бою, — продолжал комиссар, — до последнего вздоха верные Коммунистической партии и своему народу. Пусть их светлая память воодушевляет нас и будет нам примером в борьбе.

— Мы отомстим за товарищей! Смерть фашистам! — прозвучала в лесной глуши суровая клятва.

Больше мы никогда не услышим задушевных песен Вайдилевича, веселого смеха Воробьева.

Вайдилевич и Воробьев указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно награждены орденами Отечественной войны 2-й степени.

…Прошло три дня. Беспокоясь о посланных в районы товарищах, я решил вызвать их в лагерь, узнать о проделанной ими работе и еще раз проинструктировать. Это задание поручили Мацкевичу. Чтобы облегчить поиски партизан, я указал ему

некоторых наших людей в деревнях, через которых он мог кое-что узнать.

— Приведу, — сказал Мацкевич и попросил себе в помощь сибиряка Чернова.

В тот же день Мацкевич и Чернов отправились.

Мы по-прежнему ждали самолеты из Москвы. Я послал запрос в Москву и получил ответ, что самолеты могут выслать не раньше июня. Мы, конечно, были огорчены. Москва руководит обороной всей страны, там решаются тысячи неотложных вопросов… Если сообщила, что не может, — значит, не может. Пришлось снять людей с приемочной площадки.

Возвращаясь в лагерь, встретили группу партизан из отряда «Бати».

— Что вы здесь делаете?

— Ищем свою группу. Боимся: не погибла ли, — ответил командир группы, коренастый, крепко сколоченный Василий Щербина.

— Кто ею командовал?

— Черкасов.

— Ваша группа у нас, правда, не вся: четверо убиты, один ранен.

Мы повели партизан в лагерь.

Бойцы радостно смотрели на встречу боевых друзей. Скоро партизаны «Бати» собрались уходить. У нас не хватало тола, и я решил попросить его у Щербины.

— Не одолжите ли? Без тола прямо задыхаемся.

Щербина согласился.

— Вот это по-братски! — обрадовался Воронянский.

До лагеря «Бати» тридцать пять километров, нужно было идти через пункты, где расположились немецкие гарнизоны, переходить шоссе. Поэтому для сопровождения партизан послали сильную группу в двадцать пять человек. С группой вышли комиссар Егор Морозкин, комиссар отряда «Мститель» Тимчук и только что прибывший в плещеницкие леса комиссар отряда «Борьба» Ясинович.

Спустя пять дней сопровождавшая партизан группа возвратилась, она принесла подарок от Линькова: пятьдесят килограммов тола, капсюли и около двадцати противопехотных мин.

Взрывчатку поделили между тремя отрядами.

Немецкие эшелоны в то время ходили быстро: шестьдесят — семьдесят километров в час. Поэтому толовый заряд в пять килограммов, заложенный под рельсы, особенно под уклоном, давал эффективные результаты: разрушал состав в двадцать —

тридцать вагонов.

Теперь отряды «Борьба» и «Мститель» почти каждый день посылали диверсионные группы на железную дорогу.

Мы также не собирались отставать. Ко мне подошел Добрицгофер:

— Пустите меня. Хочу рассчитаться за свинец, которым меня угостили фашисты.

— Вы еще слабы, Карл Антонович.

— Ничего, — улыбнулся он, — пять килограммов для меня — пустячок.

В тот же день Добрицгофер с группой Любимова вышел на железную дорогу Минск — Москва.

— Москва сообщает, что следующей ночью прибудут самолеты, — крикнул, вбежав ко мне в шалаш, радист Глушков.

Прочитав радиограмму, я быстро собрался и вышел.

Всходило солнце. На листьях блестели капли росы; назойливо жужжали комары. В лагере было спокойно — все объято глубоким сном.

Я приоткрыл палатку Воронянского. Заложив под голову руку, командир отряда «Мститель» спал. Черные волосы густыми завитушками рассыпались по загорелому лбу. Он всегда спал очень мало. Жаль было его будить, но радиограмма жгла мне руку. Сколько положили сил, готовясь к приему самолетов! И вот — наконец-то! — твердое обещание: самолеты будут! Нет, такая новость для партизанского командира лучше самого сладкого сна!

Я потряс Воронянского. Он вздрогнул, приоткрыл глаза, откинул со лба волосы, вскочил. Я молча протянул радиограмму. Лицо его просияло.

— Помнит о нас Москва! — радостно воскликнул он.

Тотчас выделили группу партизан: надо спешить на приемочную площадку и выставить вокруг сильные заслоны.

— Через полчаса собраться в поход, продуктов взять на двое суток, — сказал я выстроившимся партизанам.

Скоро все были готовы. Выслали разведчиков. С группой в сорок человек вышли Воронянский, Луньков, Тимчук и я.

К обеду были около площадки. После тщательной проверки прилегающих деревень убедились, что противника поблизости нет. Мы успокоились: немцы про «аэродром» ничего не знают.

Посадочная площадка выбрана удачно: с трех сторон ее окружали непроходимые болота, с четвертой — лес.

В двух километрах от площадки устроили засаду. В соседнюю деревню Крещанка выслали разведчиков.

— Немцы не смогут неожиданно напасть. Примем московские подарки аккуратно, — радовался Луньков.

Темнело. Из болот потянулся молочно-белый туман, густой пеленой накрыл кусты можжевельника.

Партизаны сложили костры и, приготовив бутылки с керосином, ждали сигнала.

Лысенко включил рацию, надел наушники. Через несколько минут он подал мне клочок бумаги. Я прочитал: «Готовы ли к приему самолета?» — «Готовы, ждем!» — написал я. Бойко застучал ключ рации.

Туман понемногу опускался, скоро стали видны головы партизан.

В полночь послышался шум мотора.

— Зажечь костры! — прозвучала команда.

Пилот, заметив огни, начал снижаться. Партизаны, сняв шапки, махали ими. Самолет, рокоча, мелькнул над головами и, сделав разворот, снова появился над площадкой.

Мы увидели, как от самолета отделялись одна за другой белые точки.

Самолет приветственно помахал крыльями и взял курс на восток. На площадке лежали двенадцать парашютов с прикрепленными к ним огромными мешками. Партизаны отцепили парашюты, свернули их, а мешки оттащили в сторону.

Дорога в лагерь трудна, предстояло обойти крупный населенный пункт Крайск, а повозками воспользоваться мы не могли. Пришлось на заранее подготовленных лошадей навьючить по два мешка. Оставив на площадке сильное прикрытие, партизаны тронулись в обратный путь.

В лагере никто не спал, ждали нас. Встречавшие щупали мешки и счастливыми глазами следили, как Луньков ножом разрезал веревки. Он вынул из одного мешка листок бумаги — опись содержимого. Сто пятьдесят килограммов тола! Будет чем угостить фашистов!

Из второго мешка выглянули густо смазанные тавотом стволы пулеметов и автоматов. В других мешках были цинковые коробки с патронами, диски к автоматам, литература, газеты, табак.

Литературу Морозкин роздал комиссарам отрядов. Газеты целый день переходили из рук в руки. Никто не был обделен подарками Москвы.

Утром получили радиограмму:

«Подготовиться к приему второго самолета».

На этот раз встречать самолет пошли Долганов и Ясинович.

Воронянский, Тимчук и я остались в лагере, потому что хотели услышать рассказ только что вернувшегося разведчика Юлиана Жардецкого.

— Ну, кажется, все в порядке. Оказывается, не все, кто служит у немцев, являются нашими врагами, — начал Жардецкий веселым голосом, когда мы уселись в шалаше.

Перед получением задания, с которого Жардецкий только что пришел, он сообщил нам, что в местечке Илия находится «украинский» батальон добровольцев.

— Можешь с ними установить связь? — спросил я.

— Это с изменниками-то?

— Да, — твердо ответил я. — Надо добиться, чтобы этот батальон перешел на нашу сторону или в крайнем случае сложил оружие.

— Если это нужно обязательно, — схожу. Только скажите, что мне с ними делать.

— Отнеси им сводку Совинформбюро, побеседуй, узнай, чем они дышат.

— Вроде апостола к ним явиться, — иронически улыбнулся Жардецкий. — Работа, прямо скажу, не по сердцу, но выполню.

Трудная сложилась судьба у этого человека. С восемнадцатого по двадцатый год он бился против интервентов, потом организовал крестьянскую артель, с начала тридцатых годов руководил колхозом. В сорок первом не успел эвакуироваться и остался на оккупированной территории, помогал нашим бойцам, вышедшим из окружения, продовольствием и оружием. Нашелся предатель, который выдал Жардецкого. Оккупанты окружили его дом. Он швырнул в окно гранату, уложил из пистолета трех эсэсовцев и скрылся. Будучи бессильными что-либо сделать самому Жардецкому, в отместку фашисты расстреляли его жену и дочь, сожгли дом. Один, без близких, без пристанища, остался Жардецкий в своем родном краю. С появлением партизан возле Минска он пришел к нам в отряд. Прекрасно зная прилегающие к городу районы, он в темную ночь без труда находил нужную тропинку, среди белого дня проникал во вражеские гарнизоны.

Выполняя наше задание, Жардецкий установил связь с украинцами, побеседовал с рядовыми, а потом, осмелев, и с командиром. Он передал им последние вести с фронтов, рассказал о борьбе партизан, убедительно доказал, что, служа оккупантам, они идут к позорной гибели. В результате его агитации основная масса солдат начала колебаться. Жардецкий должен был договориться о времени и месте перехода батальона на нашу сторону.

Жардецкий подал мне письмо. Украинцы писали, что они решились и сегодня ночью просят встретить их около деревни Кременец. С их стороны явятся тридцать восемь человек. Был указан пароль.

Я задумался. Это могло оказаться и провокацией, они могли преподнести нам хорошую пилюлю. Но не подать им руку помощи было бы непростительно. Обсудив этот вопрос с Морозкиным, Воронянским и Тимчуком, решили выслать на место встречи отличившегося при взрыве эшелонов лейтенанта Цыганкова с шестьюдесятью партизанами, а для гарантии была послана вперед уже зарекомендовавшая себя разведчица Настя Богданова. Она должна была пройти по прилегающим к месту встречи деревням и, если обнаружит что-нибудь подозрительное, немедленно сигнализировать остальным.

Перед выходом мы сказали Цыганкову, чтобы в лагерь их не вел, а оставил в пяти километрах на противоположном берегу реки Илия.

Утром группа вернулась. Цыганков доложил, что задание выполнено. Тридцать восемь украинцев, захватив с собой немецкие автоматы и три ручных пулемета системы Дегтярева, расположились лагерем на берегу Илии.

— Все желают бороться с немцами, чтобы искупить свою вину, — закончил Цыганков.

Мы решили испытать их на боевых делах. Командовать ими назначили лейтенанта Цыганкова.

— Пристукнут они меня и сбегут, — пожал он плечами, но без возражений взял взрывчатку и ушел.

На другой день перешедшие на нашу сторону под руководством Цыганкова, подорвали два моста через Илию и разбили на шоссе автомашину с гитлеровцами…

В районе деревни Крещанка мы приняли четыре самолета. Последний самолет сильно опоздал, что вызвало большие затруднения с транспортировкой полученного груза. Нам пришлось идти на рассвете через крупный населенный пункт Крайск. Необычный груз на лошадях и появление самолетов привлекли внимание жителей, и кто-то, видимо, дал знать об этом в плещеницкий гарнизон. И все же каратели опоздали. Они прибыли в Крайск, когда партизаны были уже далеко.

Я сообщил в Москву, чтобы пока самолетов нам не посылали.

Немцев из Крайска, где они остановились, мы с Воронянским решили выгнать. Такое соседство нас не устраивало.

Вечером отряд «Мститель» подошел к Крайску, однако карателей там уже не было: они побоялись остаться на ночь.

Наутро немцы вновь прибыли в Крайск и начали укреплять

стоявший на возвышенности, удобный для круговой стрельбы дом; за день работу не закончили и, чтобы партизаны не разрушили дом, поместили в нем на ночь учительницу, запретив ей уходить куда-либо. Ночью партизаны перенесли вещи учительницы к соседям, помогли укрыться ей самой, а дом подожгли.

С приемочной площадки пришли связные и доложили, что самолеты принимать там нельзя: по близлежащим деревням рыщут эсэсовцы и полицейские из долгиновского гарнизона.

Этот гарнизон стал для нас бельмом на глазу, и мы решили его разгромить. Долгиново — крупный населенный пункт и узел автомобильных дорог Вилейской области, которые позволяли гарнизону быть весьма оперативным в борьбе с партизанами. Весной 1942 года долгиновский гарнизон состоял из пятидесяти немцев и тридцати полицейских, имел фортификационные сооружения и дзоты, опутанные сетью проволочных заграждений.

5

В партизанской борьбе каждую операцию нужно продумывать до мельчайших деталей, вкладывать весь свой опыт, всю сообразительность, избегать боев на авось. Ведь у партизан зачастую не остается резервов, обычно бросается в бой все, что есть.

План разгрома долгиновского гарнизона мы с Луньковым, Морозкиным, Тимчуком и Воронянским разрабатывали несколько дней. Нам было ясно, что удержать Долгиново мы не в силах, поэтому ставили только две задачи — разгромить гарнизон и уничтожить маслобойный и кожевенный заводы. Я вызвал Жардецкого:

— В Долгиново не мог бы проникнуть?

— Это обязательно? — ответил своим обычным вопросом на вопрос Юлиан.

— Необходимо разведать, в каких домах расположены немцы и полицаи.

— Выходит, не обязательно, — улыбнулся Жардецкий. — Я это и так знаю.

С помощью Жардецкого мы составили план налета на Долгиново. Руководство операцией поручили начальнику штаба отряда «Мститель» Петру Серегину. На командира первой роты Антона Кирдуна возлагалась задача разбить гарнизон и полицейский участок. В помощь ему были выделены рота Чумакова и взвод Пичугина.

Серегин с помощниками разработал детали плана. Под вечер восемьдесят партизан выступили в поход. Путь был далек, около тридцати километров. Перед рассветом подошли к Долгинову. При переходе отряда через мост в местечке раздался одиночный выстрел.

— Неужто обнаружили? — заволновался Чумаков.

— Все равно возьмем, — успокоил его Серегин.

Партизаны Чумакова обрезали провода на телеграфных столбах и залегли. Кирдун подозвал командиров взводов своей роты.

— Командиру первого взвода Морозову приказываю окружить здание полицейского участка и уничтожить. После выполнения приказа прибыть ко мне на подкрепление.

Сам же Кирдун с одним взводом пошел к занятому гитлеровцами зданию.

Под покровом ночи партизаны бесшумно двигались к намеченным объектам. Подошли к казарме, огороженной тремя

рядами колючей проволоки. Прислушались. Тишина.

Кирдун приказал:

— Первому отделению зайти справа к воротам, отрезать фашистам выход, второму отделению подойти к дверям. — Когда отделения собрались уходить, Кирдун добавил: — Дайте несколько очередей из автоматов по казарме с расчетом, чтобы немцы выскочили сюда, на нас, а мы тут их и положим…

Партизаны разошлись. Кирдун и командир взвода Копалев с третьим отделением подошли к забору. Кирдун приказал забросать окна гранатами.

Вдруг тишину разорвала пулеметная очередь: партизан обнаружили. Одиночный выстрел до этого был случайным.

— Ложись! — крикнул Кирдун.

Партизаны залегли. В это время посланные в обход отделения открыли с флангов сильный огонь. Враги растерялись, выбегали со двора и падали, скошенные партизанскими пулями. Партизаны плотным кольцом сжимали засевших в домах фашистов. Над головами свистели вражеские пули и мины, но они пока не причиняли партизанам вреда.

Бой затянулся. Связные докладывали: кончаются патроны.

Тогда Кирдун приказал:

— Гранаты к бою!

Силы фашистов ослабевали: раздавались только редкие одиночные выстрелы. Стены домов были испещрены осколками гранат и пулями. Оставшиеся в живых гитлеровцы, прикрываясь трупами, стреляли, не прицеливаясь.

— Эх, еще немного патронов — и покончили бы с гадами, — процедил сквозь зубы Кирдун, снял фуражку, вытер большой с глубокими залысинами лоб.

В это время к нему подполз связной и передал приказание Серегина: «Сниматься!» Стал слышен гул машин — это немцы спешили на выручку блокированному гарнизону.

Было уже четыре часа утра. Во всех домах поселка окна и двери раскрыты настежь, перепуганное население попряталось.

После длительной трескотни пулеметов и грохота разрывов вновь наступила тишина.

Подбежал Морозов, командир первого взвода, и отрапортовал.

— Товарищ командир, приказание выполнено — полицейский участок разбит, взяты трофеи: подводы с кожей, маслом, мукой.

— Потери? — спросил Антон Кирдун и бросился к подъехавшим подводам. В этой операции партизаны потеряли двух человек.

На горизонте голубоватого небосклона показалась красная кайма зари. В просыпавшемся лесу, еще погруженном в белесый туман, робко посвистывали птицы.

Возвратившись в отряд, Серегин и Кирдун немедленно доложили о проведенной операции.

— Передай, Антон, от имени командования всем бойцам и командирам благодарность за отличное выполнение операции, — сказал я.

Как позже выяснил Жардецкий, в Долгинове было убито девятнадцать эсэсовцев и двадцать два полицейских, около двадцати человек ранено.

Теперь мы в течение нескольких дней опять могли принимать самолеты на старой площадке, хотя стало ясно, что оккупанты не оставят нас в покое. Придется уходить из этого района.

В тот же день я сообщил в Москву о проведенной операции и дал координаты временной приемочной площадки, которую мы выбрали недалеко от лагеря. Москва обещала выслать самолеты.

Три или четыре ночи подряд на площадке зажигали костры и принимали груз.

Утром мы делили присланное так, чтобы в случае опасности партизаны могли все унести с собой, ничего не оставляя врагу.

Вечерело. Мы готовились к приему четвертого самолета. Ко мне подошел комиссар и, широко улыбаясь, сказал:

— Возвратился Мацкевич и знаешь кого привел?.. Меньшикова с разведчиками и делегатов от десяти партизанских отрядов.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул я.

Вместе с Тимчуком и Морозкиным я ушел в лагерь.

Пришедшие товарищи стояли в кругу партизан. Я подошел к Меньшикову. Его небритое, исхудавшее лицо было таким же строгим, так же колюче смотрели глубоко сидящие глаза.

Мы обнялись, затем я поздоровался с остальными.

— Рассказывай же! — подвел я его к поваленной сосне.

Сели, и из его рассказа я узнал…

Во время перехода железной дороги Минск — Москва у станции Жодино Меньшиков со своими разведчиками отошел к кладбищу, находившемуся по другую сторону железнодорожного полотна, и стал ждать отряд. Тут вспыхнула сильная перестрелка, и, зная конечные пункты маршрута, он решил не подвергать группу опасности, уйти.

Идти было трудно: местность болотистая. Переночевав в маленьком леске, группа двинулась дальше и к вечеру вышла к деревне Заручье. Здесь они достали продукты, наметили

маршрут. Немного отдохнули и пошли опять. Меньшиков хотел быстрей дойти до деревни Островы Борисовского района: там он надеялся встретиться со мной. Однако, пройдя деревни Святое и Островы, разведчики никого из нас не встретили и остановились в лесу около Заболотья.

В деревне Стриево Меньшиков узнал от лесника, что в этом районе находится партизанский отряд. Начались поиски. Взяв проводника, разведчики побывали у озера Песочное, но, обшарив все вокруг, никого не нашли.

В деревне Маконь Меньшиков услышал о каком-то якобы действующем здесь партизанском отряде. Что-либо более определенное узнать не удалось. В деревне Слобода встретились с осевшим в деревне раненым красноармейцем, который имел связь с партизанами. Он сначала отнесся к Меньшикову с подозрением, затем, убедившись, что это действительно свои, пообещал привести партизан. Место встречи назначили в лесу.

Неожиданно со всех сторон группу Меньшикова окружили вооруженные люди. Звездочек на головных уборах у них не было.

— К оружию! — крикнул Меньшиков.

Разведчики мгновенно приготовились к обороне.

— Не стреляйте! — крикнул неизвестным Меньшиков. — Кто вы такие?

— Партизаны отряда Сацункевича.

— Ну, и мы партизаны, — ответил Меньшиков.

Группы осторожно сблизились. Познакомились.

Отряд Сацункевича был создан недавно и насчитывал всего двадцать человек. Партизаны, поначалу недоверчиво поглядывавшие на висевшие у разведчиков немецкие маузеры, вскоре с увлечением слушали рассказы о Москве, о фронте, о жизни в тылу. А утром отряд Сацункевича совместно с группой Меньшикова разгромил полицейский участок и маслозавод в Клейниках.

Находясь в отряде Сацункевича, Меньшиков с помощью его партизан искал нас и почти в каждом районе находил мелкие группы.

17 мая разведчики Сацункевича натолкнулись на партизан Николая Дербана и рассказали им о десантниках из Москвы. Эта радостная весть пронеслась по лесам. Многие патриоты и группы стремились встретиться с москвичами.

Для установления связи Меньшиков выслал в деревню Шеремец Березинского района Малева и Назарова. Там они с помощью связного Карповича встретились с командиром отряда Кусковым. Этот отряд, насчитывавший около тридцати человек, собирался уходить за фронт.

— Когда рассчитываете до фронта добраться? — как бы между прочим спросил Меньшиков.

— За месяц дойдем, — ответил Кусков. — Там придется дней десять возле фронта покрутиться, найти место, чтобы проскочить… В общем, месяца через полтора будем у своих…

— Та-ак, — медленно, словно соображая вслух, протянул Меньшиков. — Тридцати бойцам нужно полтора месяца, чтобы фронт перейти. При переходе человек десять потеряете… Ведь нас с той стороны армейские разведчики проводили, а с этой некому помочь будет… А вот, скажем, наш отряд потерял за полтора месяца двух человек, уничтожил больше сотни фашистов, подорвал несколько эшелонов. Что скажете на это?..

В конце концов Кусков согласился, что его отряду целесообразнее остаться и бить врага в тылу. Были созданы партийная и комсомольская организации, выделена инициативная группа для образования нового отряда во главе с Бережным.

Усилиями Меньшикова и Сацункевича организовали еще одну инициативную группу во главе с Василием Дерюгой.

В Червенском районе действовали группы Кузнецова в тринадцать человек и Иваненко («Лихого») из двадцати трех человек. В этих группах разведчики Малев и Назаров рассказали о задачах партизанской борьбы и структуре партизанского отряда.

На совещания командиров и комиссаров, созванные Меньшиковым в Смолевичском, Червенском и Березинском районах, прибыли наши связные Мацкевич, Чернов и другие.

Меньшиков дал указания об оформлении партийных организаций и особых отделов.

Старший лейтенант Меньшиков был человеком опытным, обстрелянным, понюхавшим пороху еще в тридцатые годы на Дальнем Востоке. Командир-пограничник, награжденный еще тогда орденом боевого Красного Знамени, он пользовался большим авторитетом за решительность, смелость и инициативу. Дмитрий Александрович умел принимать самостоятельные решения, проявлял разумную инициативу.

Мацкевич рассказал делегатам о нашем отряде и о том, что при нас работает уполномоченный Минского подпольного обкома партии Ясинович. Меньшиков предложил направить для связи с нами делегатов от отрядов.

И вот делегаты у нас в отряде. Они рассказали, что в мае 1942 года в Минске стала выходить подпольная большевистская газета «Звязда». Чтобы установить, кто и где выпускает газету, гитлеровцы пообещали вознаграждение в пятьдесят тысяч марок. Но газета выходит и распространяется все шире.

Денисевич, Кишко и другие возвратившиеся товарищи проделали немалую работу по установлению связей с местными партийными и комсомольскими организациями.

Розум был вторично ранен в Смолевичском районе и пока остался в отряде Сацункевича.

Возле костра я нашел Мацкевича. Он беседовал с партизанами.

— Спасибо, дружище, за отличное выполнение задачи. — Я крепко пожал ему руку.

— Служу Советскому Союзу! — четко ответил Мацкевич. Затем познакомил меня с делегатами от партизанских отрядов.

Стемнело. Партизаны не уходили на отдых. Делегаты расспрашивали про Москву и, когда узнали, что сегодня прилетит самолет, захотели участвовать в его приеме.

Они с радостью, несмотря на усталость, помогали нести тяжелые мешки, сброшенные на парашютах.

18 июня 1942 года кроме делегатов от десяти отрядов, приведенных Меньшиковым, прибыли делегаты от отрядов «Борьба», «Мститель» и других. Мы с комиссаром рассказали, как лучше организовать борьбу с оккупантами, как сотрудничать с местным населением, постарались охарактеризовать положение на фронтах и передали первомайский приказ Верховного Главнокомандующего.

По предложению делегатов для координации действий партизанских отрядов в Минской северо-восточной зоне было решено выбрать пять человек — партизанский Военный совет. Председателем совета избрали меня, заместителем — Воронянского и членами — Тимчука, Долганова и Ясиновича.

Здесь же, на совещании создали комиссию для выработки текста партизанской присяги. В нее вошли Тимчук, Воронянский и Морозкин; присвоили отрядам названия и наметили сектор действия каждого отряда.

Делегаты совещания отчитались о проделанной работе. Эти отчеты являлись как бы школой боевого опыта.

Приняли решение усилить диверсии на железных и шоссейных дорогах, уничтожать гарнизоны противника в районах.

Два дня длилось совещание. К концу совещания комиссия по выработке текста присяги закончила работу. Делегаты стоя выслушали присягу:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в отряд красных партизан для

активной борьбы с заклятым врагом нашей Родины, перед лицом народа и Советского правительства даю следующие обязательства: за свою социалистическую Родину, за пролитую кровь нашего народа, за матерей и отцов, жен и детей, братьев и сестер, убитых и замученных фашистскими палачами, бить врага всюду и не жалеть своих сил, а если потребуется, то и своей жизни, быть преданным партии и правительству, быть смелым, решительным, честным, дисциплинированным, революционно-бдительным; хранить военную тайну; беспрекословно выполнять все приказы командиров и политработников. Клянусь, что буду биться до полного разгрома врага, с какими бы трудностями и лишениями на этом пути я ни встретился.

И если я отступлю от своего обещания, пусть меня покарает суровая рука революционного закона».

Члены партизанского Военного совета первыми приняли присягу. Затем делегаты вдохновенно спели «Интернационал».

Так по инициативе с мест состоялась первая партизанская конференция, обсудившая ближайшие задачи отрядов и групп, создавшая координационный орган для общего руководства партизанским движением в обширной зоне. Здесь же одному из первых отрядов, которым командовал Николай Прокофьевич Покровский присвоили название «Беларусь», отряду И. Л. Сацункевича — «Разгром», отряду Т. И. Кускова — «Непобедимый», отряду Иваненко — имени газеты «Правда», отряду Н. Л. Дербана — «Большевик». Вновь созданный отряд Бережного получил имя «Комсомолец», отряд В. К. Дерюги — «Коммунист».

Свою задачу командование нашего отряда видело в том, чтобы помочь местным коммунистам и беспартийным патриотам правильно использовать свои силы в развернувшейся борьбе против немецко-фашистских захватчиков, постоянно наносить ощутимые удары по врагу. Нам очень важно было также установить тесную связь с местными партизанами.

После конференции все делегаты двинулись в обратный путь — в свои отряды. Для практической помощи командирам и комиссарам, местным коммунистам, находившимся на нелегальном положении, в Смолевичский, Березинский и Червенский районы снова направили Д. А. Меньшикова. Вместе с ним пошли политрук А. Г. Николаев, старший лейтенант А. С. Кирдун и бойцы Н. Н. Денисевич и Л. Кишко.

Делегатам мы выдали тол, патроны и свежие газеты.

Провожать их вышли в полном составе отряды наш и Воронянского.

Следуя нашему примеру, в зоне червенских и смолевичских лесов, по предложению Меньшикова, также создали партизанский Военный совет. Председателем избрали Сацункевича, членами — Кускова и Дербана.

Группа Меньшикова, разбившись по отрядам, неутомимо готовила новые и новые диверсионные группы. Теперь все чаще вокруг Минска летели под откос эшелоны, взрывались автомашины гитлеровцев.

С задания вернулась группа Ивана Любимова.

— Ну как? — бросились к нему остававшиеся в лагере партизаны.

— Неплохо! — улыбнулся Любимов. — Работали в том месте, где ранили Карла Антоновича. Паровоз и восемнадцать вагонов разлетелись вдребезги.

— Наши все целы?

— Все, — сказал Любимов.

Добрицгофер посмотрел на свои ноги. Взглянул и я. Его большущие сапоги совсем развалились.

— Не беспокойся, Карл Антонович, пока ты ходил, ребята в Долгинове побывали, привезли хорошую кожу. Вот и сошьем сапоги.

— Неужели? — обрадовался Добрицгофер. — А то я уже начал придумывать способы наращения на ступнях тройного слоя собственной кожи.

В лагере снова появился Юлиан Жардецкий. Несколько дней назад он узнал, что в Плещеницы иногда приезжает палач белорусского народа Вильгельм Кубе, и мы посылали его установить дни приезда Кубе в этот районный центр.

Юлиан присел и закурил.

— Ну, чего молчишь? — не выдержал я.

— Серьезное дело. Я заходил к самому бургомистру… Обожди, как его фамилия? — сдвинул брови Юлиан. — Юда… Юди… Ох, Юдин. Раньше, говорят, незлой человек был. Так вот, прихожу к нему в кабинет. Посмотрел он на меня и спрашивает: «Что ты хочешь?» — «Хочу поговорить с тобой, но так, чтобы только твои уши слышали». — «Говори», — согласился он и этак тихонько пальцами по столу постукивает, волнуется, видать. Я сказал, что прислан штабом партизанского отряда. Он побледнел, но быстро взял себя в руки: «Что ты от меня хочешь?» — «Я рядовой, а с тобой хотят поговорить мои командиры, — отвечаю я. — Где мы можем встретиться?»

Юдин согласился встретиться с вами в лесу около деревни Валентиново… Хорошо ли? — закончил Юлиан.

— Пока не знаю, — ответил я. — Зачем ты рисковал?

— А без риска ничего не добьется. Я предупредил Юдина, что, если он подставит нам ногу, мы везде его найдем. В следующую пятницу он ждет нас.

Я подсчитал дни и сказал:

— На встречу мы пойдем, но больше в такие сети не лезь, а то и не заметим, как нам пришьют хвост, а потом и голову снимут. Надо выбирать, с кем устанавливать связи.

Времени до пятницы еще много, и мы с комиссаром начали обдумывать, как нам быть. Деревня Валентиново находилась от лагеря всего в двух километрах. Юдин мог догадаться о близости лагеря, мог привести с собой карателей. Проанализировав все обстоятельства, мы все-таки решили выйти на встречу.

С утра в условленное место мы выслали разведчиков, а вечером, взяв Жардецкого, Карла Антоновича и пять автоматчиков, я пошел сам. Разведчики доложили, что в течение всего дня они ничего подозрительного не заметили. Мы залегли на опушке леса, стали ждать.

Через некоторое время увидели приближающихся разведчиков. С ними шел незнакомый человек.

Представляясь, он неразборчиво назвал фамилию. В сумраке я не мог разглядеть его лица, затемненного широкополой шляпой, и решил пойти на маленькую хитрость. Достав папиросы, предложил ему и Жардецкому закурить. Огонек выхватил из темноты чисто выбритое лицо, острые, колючие глаза, смотревшие из-под тонких черных бровей.

— Вас я не знаю… Где Юдин? — спросил Жардецкий.

— У него не было свободного времени, и он вместо себя прислал меня. Я работаю в земотделе, — услышал я глухой голос.

— Прислал? — переспросил я. — А к кому вы пришли, знаете?

— К партизанам, — пожал плечами неизвестный. — Я, как и Юдин, не хочу работать на немцев. Пошел, ибо не было выхода…

Я решил задать ему вопрос, к которому он не мог быть подготовлен.

— Немцы из Минска часто приезжают?

— Приезжают, но незначительные лица… — несколько растерявшись, промямлил он.

— Когда они собираются вновь побывать?

— Они нам заранее не сообщают.

Я слышал его учащенное дыхание.

— Чем вы можете помочь партизанам?

Он быстро задал встречный вопрос, очевидно, заранее обдуманный:

— А много вас?

— Спросите долгиновского коменданта, у него была возможность подсчитать, — вмешался в разговор Юлиан Жардецкий.

Я незаметно наступил ему на ногу: «Молчи». Затем обратился к пришедшему:

— Вы спрашиваете, сколько нас… Могу ответить — весь народ, не считая предателей.

— Скажите, что нужно, мы сделаем. Скажите, где ваш лагерь, мы прямо к вам придем, — поспешил оправдаться незнакомец.

— Спасибо, это лишнее. Мы знаем, где живет мать Юдина, через нее передадим письмо бургомистру… А теперь все, можете идти, — закончил я.

— Шпион! Что Юдин-иудин, что этот… Оба иуды!.. Обоих нужно повесить на сухой осине, — зло проговорил Жардецкий.

— Типичный, изворотливый фашист! — добавил Карл Антонович.

«Вероятно, — подумал я. — И все-таки надо попробовать, нет ли возможности проникнуть в лагерь врага».

Мы отправились обратно.

Долго думали с Морозкиным, Воронянским и Тимчуком: писать бургомистру письмо или нет. Наконец решили написать.

С Жардецким отправили письмо матери Юдина. В нем мы писали о том, что если ее сын окажет нам действенную помощь, то получит прощение народа.

В лагере приняли меры предосторожности: подальше от лагеря выставили секретные дозоры. Если шпион приведет карателей, сумеем встретить их как следует.

Ночь прошла спокойно, остальные дни — так же. На задания по-прежнему выходили диверсионные группы подрывников. Хорошо воевали и перешедшие на нашу сторону из «украинского» батальона. Они пустили под откос два эшелона, сожгли несколько мостов, уничтожили две автомашины с гитлеровцами.

СД и армейская разведка «Абвер» усиленно выслеживали партизан. Наши разведчики то и дело доносили, что в деревнях появляются незнакомые люди, которые допытываются, как попасть к партизанам.

Жардецкий несколько раз ходил к матери Юдина, но от бургомистра все еще не было ответа. Обстановка становилась все более напряженной. Мы готовились уйти из этого района, да обстоятельства не позволяли. Я ждал Меньшикова и делегатов,

которые должны были прибыть на второе совещание.

14 июля начали собираться делегаты.

Самую большую группу привел Константин Сермяжко, партизан отряда «Непобедимый». Мы уже слышали о нем много хорошего. Он имел на своем счету четыре спущенных эшелона. Мы знали и о том, что, когда в отряде не стало тола, Сермяжко не опустил руки, разыскал несколько неразорвавшихся авиабомб, выплавил из них тол и опять принялся подрывать эшелоны…

Из-под военной фуражки на меня смотрели пристальные, пытливые глаза. Я невольно задержал взгляд на крупных, немного резких, но правильных чертах худощавого, энергичного лица.

— Подрывник Константин Сермяжко, — представился он. Голос громкий, очень отчетливый. Я пожал ему руку.

— Кажется, кроме своих партизан, вы еще кого-то привели?

— Птичка попалась, в деревне Сухой Остров поймали. Зашли в деревню; хозяин, у которого мы остановились, рассказал, что появился новый человек, который хочет встретиться с партизанами… Вот я и привел его к вам. Недалеко от лагеря «наш друг» пытался бежать. «Чего ты удираешь?» — спросил я. Он растерялся, затем, стараясь казаться спокойным, ответил: «Думал, что вы не партизаны, боялся провокации». Прошли с километр, он опять, как заяц, в кусты прыгнул — и опять не вышло у него. Тут уж связали ему руки… Поговорите с ним, может, и не враг, но, думаю, порядочному человеку от партизан незачем бежать, — закончил Константин.

Я подошел к задержанному — коренастому, несколько рыхлому, с толстой короткой шеей человеку. Он исподлобья взглянул на меня и сейчас же опустил глаза. Из-под пиджака выглядывала холщовая рубашка, на ногах блестели галоши. На первый взгляд, это был обычный деревенский парень.

— Развяжите руки, — сказал я партизанам. Они немедленно выполнили приказание. Задержанный тряхнул затекшими руками, смахнул с лица комаров и, поняв, что я командир, шагнул ко мне.

— Почему мне связали руки? Ведь я советский человек и хочу бороться с оккупантами.

Я посмотрел ему в лицо.

— Почему пытались бежать?

Он смотрел куда-то поверх моей головы.

— Сначала думал, что не партизаны, а провокаторы, полицаи, — заученно проговорил он, все так же не глядя мне в глаза.

Я начал расспрашивать. Он твердил, что был в плену и вот уже два месяца как бежал.

— В каком лагере были?

— В Минске.

— После побега где скрывались? — задавал я вопросы.

— Сначала в лесу, потом в деревнях Радевичи, Ейпаравичи, последнее время жил в деревне Сухой Остров. Здесь и встретился с вашими партизанами, — без запинки рассказывал он.

Вопрос сложный: может, на самом деле честный человек, хочет бороться с фашистами?.. «Что делать?» — думал я.

В это время мимо проходила Настя с выстиранным бельем в руках. Увидев нас, она остановилась, взглянула на меня, потом на задержанного, подошла ближе.

— Честное слово, тот самый! — прошептала она.

Задержанный отвернулся.

— Кто? — поинтересовался я.

— Тот, который у меня по дороге в Минск документы проверял.

— Это точно? — переспросил я.

— Дайте еще раз взглянуть на него, — она посмотрела на задержанного и спросила: — Узнаешь меня?

— Нет… нет! — задрожал задержанный, поняв, что его карты раскрыты.

— Он! Честное слово! — уверенно сказала Настя.

Я посмотрел на шпиона.

— Зачем сюда пришел?

Он молчал, я повторил вопрос. Автоматчики взяли оружие наизготовку.

— Отпустите меня, я не виновен… Отпустите, я искуплю свою вину, — запричитал предатель.

— Кто тебя послал в этот район?

— Минское СД, — выдавил он.

— С каким заданием?

— Я должен был следить по деревням, к кому приходят партизаны, разведать их лагерь и какие у них силы.

— Много сведений передал минскому СД?

— Еще ничего… Я только начал… Я не виновен, простите меня, — захныкал шпион.

— Куда должен был передавать сведения?

— В Логойск, начальнику гарнизона… Но я еще ничего не сообщил… Отпустите меня.

Я расспрашивал шпиона о том, кто является начальником гарнизона в Логойске, сколько там эсэсовцев и полицейских, чем они вооружены. Шпион, надеясь спасти свою шкуру, подробно отвечал на вопросы. Я записал его показания, потом привел шпиона к штабной палатке. Подошли вызванные Воронянский и

Тимчук.

— Вот кого прислало нам минское СД, — показал я на шпиона. — Что с ним делать будем?

— Расстрелять предателя, — сказал Воронянский.

Услышав это, шпион неожиданно рванулся и бросился в кусты, но сильный удар прикладом в плечо повалил его на землю.

Приговор был приведен в исполнение. На другой день встали до восхода солнца. Делегатов собралось много, прибыли представители от двадцати грех отрядов. Начиная совещание, я сообщил, что по решению Центрального Комитета партии и Государственного Комитета Обороны в Москве 30 мая 1942 года создан Центральный штаб партизанского движения во главе с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. В ответ послышалось громкое «ура!».

Чувства партизан мне были понятны. Для них, много месяцев оторванных от родных мест и Большой земли, создание Центрального штаба означало не просто организационное мероприятие, а признание того непреложного факта, что партизаны находятся в одном боевом строю с военнослужащими Красной Армии. Отсюда и та окрыленность, которую испытывали мои товарищи.

Мы подсчитали наши силы в северной зоне Минской области. Оказалось более трех с половиной тысяч партизан. Они уже наводили ужас на оккупантов. Однако еще не все отряды были хорошо организованы. Одни наносили чувствительные удары врагу, другие только вступали в борьбу. Но всем им не хватало опыта и оружия.

Члены партизанского Военного совета выслушали сообщения делегатов о нуждах отрядов. Делегаты в большинстве своем были помощниками командиров или руководителями диверсионных групп, поэтому хорошо знали, чего не хватает в отрядах.

В день прихода делегатов нами был принят четвертый самолет из Москвы.

Начальник штаба отряда Луньков выдал каждой делегации по двадцать пять килограммов тола и патроны, Морозкин снабдил литературой. Здесь были свежие номера «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской правды», книги о героических подвигах советских воинов на фронте. И надо было видеть, как осторожно и бережно делегаты укладывали литературу в вещевые мешки.

Константин Сермяжко жадно смотрел на оставшуюся литературу.

— Дайте еще, — не вытерпев, попросил он, — нам она дороже хлеба.

— И так много набрали, не донесете, — возразил комиссар.

— Я скорее соглашусь оставить часть патронов, а литературу возьму… У вас есть рация, вы каждый день слушаете Москву, а мы всегда с нетерпением ожидаем новостей с Большой земли… Не жалейте… Патроны мы у немцев отнимем, а этого-то нигде не достанешь, — взволнованно говорил Сермяжко.

— Хорошо сказано! — улыбнулся Морозкин и добавил пачку литературы.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел озабоченное лицо Воронянского. Он отозвал меня в сторону.

— Украинцы, перешедшие к нам, нервничают. Цыганков прислал их представителя, — сказал он. — Они чувствуют себя обиженными, видя наше недоверие. Просят Цыганкова дать возможность увидеть партизан, поговорить с ними. Цыганков ручается, что ребята они хорошие, смелые…

Воронянский посмотрел на часы и предложил:

— В занятиях с делегатами сейчас перерыв. Давайте сходим пока к украинцам.

— Пойдем, — согласился я.

На пути нас перехватил молодой коренастый парень в белом фартуке и таком же чепчике.

Это повар Володя; раньше он ходил на боевые задания, показал себя смелым и смышленым партизаном, но однажды обмолвился, что пищу приготовляют у нас невкусно, что он мог бы приготовить лучше. Партизаны уговорили его показать свое искусство. Володя Стасин приготовил вкусный обед. Воронянский попробовал и решил:

— С сегодняшнего дня придется тебе вооружиться черпаком.

— Что вы?! — изумился и вознегодовал Стасин. — Я только показал, как нужно готовить. Черпаком пусть тот вооружается, кому винтовка не по плечу…

— Нет, нет… Будешь поваром, — ответил Воронянский. Партизаны единодушно поддержали решение командира.

Так и пришлось Володе стать поваром. Он согласился с условием, чтобы его время от времени отпускали на задания.

Володя вытянулся и приложил руку к головному убору.

— Что скажешь? — остановился Воронянский.

— Товарищ командир! Среди других продуктов Москва рис прислала. Разрешите угостить всех делегатов настоящим пловом, какого в здешних краях не умеют готовить.

Воронянский, смеясь, разрешил.

Через час мы были возле лагеря Цыганкова. Оставив автоматчиков, подошли к украинцам.

Они окружили нас. Это были молодые, крепкие ребята.

Цыганков навел порядок.

— Товарищи, не толпитесь, садитесь в ряд.

Они уселись. Один из них встал, поправил гимнастерку.

— Я не знаю, кто вы, и не знаю… — он помедлил, словно подыскивая слова, — не знаю, имеем ли право назвать вас товарищами, но разрешите мне обратиться к вам просто как к советским людям… Мы понимаем свою вину перед Родиной. Но не из-за любви к фашистам мы оказались в их форме… Все мы были в гитлеровском плену, пухли от голода, мерли как мухи. И вот нас, украинцев, начали вербовать в добровольческие части… Кто отказывался — убивали сейчас же. Мы согласились записаться и стали ждать удобного случая, когда сумеем повернуть оружие гитлеровцев против них самих. Вы дали нам эту возможность, и мы горячо вас благодарим. Мы все ваши боевые задания выполняем честно. Но нас мучит ваше недоверие к нам… — Голос его дрогнул, он на секунду замолчал, преодолевая волнение. — Верьте нам, мы искупим свою вину перед Родиной. Оккупанты нас за собак считали… Но вы… вы не считайте нас продажными псами.

В рядах украинцев послышался одобрительный гул. Я шепотом спросил Цыганкова:

— Кто это выступал?

— Их командир.

Когда шум утих, поднялся другой его товарищ, снял пояс и вместе с гимнастеркой поднял нижнюю рубашку, повернувшись к нам спиной.

— Вот что сделали со мной гитлеровцы, — он показал сизовато-красные рубцы не заживших еще ран.

Воронянский, повернувшись к их командиру, спросил:

— Чего вы хотите?

— Мы хотим, чтобы нас приняли в ряды партизан, — взволнованно ответил тот. — Чтобы мы стали, как все. Мы оправдаем…

Воронянский, Цыганков и я отошли посоветоваться.

— Красноречивый у них командир, ничего не скажешь, — подмигнул я Цыганкову.

— Он не только говорить умеет… Позавчера, выхватив у пулеметчика пулемет, расстрелял в упор полную машину гитлеровцев, — ответил Цыганков.

— А об остальных как думаешь? Ведь ты с ними смеете уже около пуда соли съел? — спросил Воронянский.

— Хорошие ребята, в бой идут смело! — горячо воскликнул Цыганков.

— А может, просто желаешь от них скорее избавиться?

— Нет! Нет! — затряс головой Цыганков. — Я говорю, как мне совесть подсказывает.

— Попробуем принять, — шепнул я Воронянскому.

В знак согласия тот кивнул головой и снова подошел к украинцам.

— Товарищи! Вы знаете, что мы находимся в тылу противника. Враг лют и коварен, вы сами достаточно испытали это на себе. Не обижайтесь за то, что мы осторожничали. Мы решили принять вас в партизанский отряд, чтобы вместе громить врага до полного его уничтожения.

Радостное оживление охватило украинцев, кто-то крикнул «ура!». Всего минут пять понадобилось им, чтобы собрать продукты, снять часовых и построиться.

— За мной, шагом марш! — скомандовал Воронянский. Вскоре сквозь деревья показались палатки нашего лагеря. Украинцы с большим интересом рассматривали хорошо вооруженных партизан.

— Да… это сила! — пробормотал шедший рядом со мной командир украинцев и уверенно добавил: — С вами не пропадем!

Цыганков привел их к рации. Сидя на траве, они слушали Москву.

К Воронянскому подошел Володя и что-то прошептал на ухо. Воронянский встал и обратился ко всем:

— Товарищи, обед готов, пойдемте подкрепимся.

Наш отряд стоял рядом с отрядом Воронянского, и мы пользовались одной кухней. Под большими котлами весело трещали сухие дрова, по всему лагерю разносился вкусный запах. Около котлов суетился старший повар Володя Стасин со своими помощниками.

— Ну, показывай, что приготовил, — обратился к Володе Воронянский и, сняв пробу, сказал: — Эх, перцу нет.

— Все, кажется, прислала Москва, а про перец забыла, — развел руками повар и тут же нашелся: — Отпустите поскорее на задание — у немцев отниму.

К кухне потянулись партизаны и делегаты, только украинцы стояли в стороне.

— А что вы, друзья, ждете? — шагнул к ним Тимчук. — Подавальщиц у нас нет, нужно самим себя обслуживать.

И украинцы, осмелев, подошли к котлу. Последним брал плов их командир.

Партизаны сидели прямо на траве и, разделываясь с пловом, весело переговаривались.

— Володя, не забудь про людей, которые в наряде! — крикнул Тимчук, с удовольствием глядя на обедающих.

— Не забыл… Плова много. У кого хороший аппетит, могу добавить, — весело ответил повар. — Так, значит, разрешаете мне к немцам, за перцем?..

6

Был солнечный теплый день 15 июля 1942 года. На взмыленной лошади прискакал верховой. Это Владимир Романов, начальник разведки отряда «Мститель». По хмурому лицу Владимира я сразу понял: случилось что-то недоброе. Подойдя к нам, он тихо доложил:

— В поселок Валентиново прибыло двадцать пять автомашин с карателями. Оставив машины, фашисты направились к нашей приемочной площадке.

— Сколько их? — спросил я Романова.

— Около тысячи.

Воронянский и Тимчук, не закончив есть, выскочили из-за стола. Заметно посуровели их лица. Положение было серьезное. Впереди лес, за которым расположился немецкий гарнизон, сзади река Илия. Отходить некуда.

— Что будем делать? — обратились ко мне партизаны.

— Организуем активную оборону, — ответил я.

Всем было ясно, что отойти без боя не удастся. Начальники штабов Луньков и Серегин получили приказание: поднять по тревоге отряды, предупредить «соседа» — отряд Сергея Долганова. На опушку леса послали дополнительных наблюдателей. Отдали приказ первыми огня не открывать, стараться как можно дольше не обнаруживать себя.

Когда прибыли Долганов и Ясинович со своим отрядом, подсчитали силы. В отряде «Борьба» — 70, в «Мстителе» — 80, в нашем вместе с делегатами — 90 человек и 38 украинцев. Всего 278 человек.

— Маловато, — сказал Воронянский, — но не в арифметике дело.

Прибежавшие из секрета партизаны доложили, что лес окружен. Эсэсовцы шли от деревни двумя колоннами, охватывая полукольцом площадку, на которую мы принимали самолеты. Теперь дорога каждая минута. Нужно было как можно скорее занять линию обороны. Если бы только знать: известно ли немцам наше местонахождение? Юдин и его подручный могли сообщить об этом гитлеровцам только приблизительно. Но мы принимали самолеты — немцы могли «засечь» место выброски груза и по этим данным определить, где мы находимся. Однако противник не может знать, какими силами мы располагаем.

Поделившись этими соображениями с Морозкиным, Тимчуком и Воронянским, я дал команду:

— Занять линию обороны по окраинам приемочной

площадки.

Партизаны немедленно заняли круговую оборону. Каждый знал свое место, так как заранее, еще до приема самолетов, был составлен план обороны приемочной площадки. Боевые расчеты знали свои места и секторы обстрела, каждое подразделение могло вести кинжальный огонь, причем непоражаемых пространств не было. Левый фланг обороняли украинцы, ими по-прежнему командовал Цыганков.

Перед боем у меня мелькнуло опасение: не зря ли мы привели в лагерь перешедших к нам из «украинского» батальона? Я высказал его Воронянскому.

— Поздно гадать, Станислав Алексеевич, лучше не спускайте с них глаз, — ответил Воронянский.

Я понял, что и Василия Трофимовича мучит та же мысль. Едва успели привести украинцев в лагерь, и — нападение противника. Что это? Случайное совпадение или заранее выработанный гитлеровцами план?

Я в бинокль наблюдал за опушкой леса, откуда должны были показаться каратели, изредка бросал взгляд влево, где залегли украинцы.

Чуть шелестели листья, щебетали на разные голоса птицы.

На командный пункт прибежали разведчики.

— Идут прямо на площадку…

— Подпускайте как можно ближе, — отдали по цепи приказание.

Прошло еще несколько минут. Эсэсовцы шли, как на параде: в новеньких мундирах, при галстуках, на рукавах эмблемы — череп и две скрещенные кости.

В цепи партизан — тишина.

Нервы напряжены до предела.

Кто-то попробовал шутить:

— Ну что ж, пусть все их черепа и кости полягут на этой площадке.

Вот из леса, прямо против середины площадки на короткое время появились каратели и снова скрылись.

— Собираются идти по сторонам площадки, — прошептал Воронянский и дал приказание Долганову перейти с отрядом на правый фланг, Серегину — на левый.

Партизаны поползли на указанные рубежи. И действительно, через некоторое время с обеих сторон площадки показался противник. В руках передних эсэсовцев — ручные пулеметы и автоматы. Вот уже можно различить их откормленные лица. Они совсем близко. Идут, прижимаясь к земле, прячась за стволы сосен. На правом фланге приблизились уже на двадцать пять

метров. Я посмотрел на лежащего рядом Лунькова. Его лицо спокойно и строго, взгляд устремлен на накатывающиеся цепи противника. За Луньковым притаился Карл Антонович. Он сосредоточен. Быть может, ему вспомнилось сейчас, как шли каратели на баррикады восставшего венского пролетариата…

Далее в бинокль можно было разглядеть украинцев. Они внимательно следили за противником. Внезапно на правом фланге раздался голос Воронянского:

— По фашистской сволочи! За Родину! Огонь!

Его голос потонул в грохоте залпа. Дружно заработали ручные пулеметы, автоматы и винтовки, метко бил батальонный миномет отряда «Борьба». По цепи был отдан чрезвычайно редкий у партизан приказ: «Патронов не жалеть!»

От первых залпов противник дрогнул и остановился.

— Огонь! — крикнул Воронянский, и по рядам противника ударил повторный шквал.

Серая полоса порохового дыма стояла впереди нас, и несколько мгновений ничего нельзя было различить. Но вот легкий ветерок разогнал дым, и мы увидели, как одни каратели лежали неподвижно, другие со стоном уползали в кусты.

Вдруг на участке, обороняемом украинцами, замолкли автоматы. Мы заволновались: «Не предательство ли?» — по в этот момент прибежал посыльный от Цыганкова.

— Мы заходим в тыл, — быстро проговорил он и помчался назад.

Каратели, опомнившись, перегруппировались и открыли сильный огонь. Над головами свистели пули, заставляли прижиматься к земле. Эсэсовцы то ползли, то делали короткие перебежки, стреляя на бегу.

Вдруг, как по команде, на мгновение все стихло. От непривычной тишины зазвенело в ушах. Но это лишь на миг. Гитлеровцы поднялись в атаку.

Ко мне подбежал вспотевший, с темным от дыма лицом руководивший боем Воронянский.

— Проучим еще! — крикнул он и залег.

Ни на секунду не прекращая огня, каратели приближались. Их искаженные злобой лица были видны невооруженным глазом. Наша оборона молчала. Уже не более сорока шагов отделяло нас от немцев.

— Приготовить гранаты! — сквозь стрельбу раздался голос Воронянского.

Вдруг я заметил, как позади карателей выскочили украинцы. Они, прикрываясь толстыми соснами, открыли прицельный огонь с близкой дистанции. «Молодцы ребята!» — обрадовался я, и мне

стало стыдно за недавние подозрения.

Неожиданный удар с тыла ошеломил карателей. Они, беспорядочно отстреливаясь, поползли назад.

Чаще захлопали разрывы наших гранат. Вновь поднялась туча порохового дыма. Справа донесся голос Воронянского:

— За Родину! Вперед!

Партизаны бросились в контратаку. Укрываясь за пнями и деревьями, они поливали огнем и забрасывали гранатами гитлеровцев.

Фашисты не выдержали контрудара, начали отступать; отбежав, они залегли за бугры и снова открыли огонь; но в атаку больше не поднимались. В течение полуторачасового боя противник беспрерывно пускал в воздух серии красных ракет.

— Помощи просят, — сказал я Воронянскому.

— Вероятно, придется отойти. Как ты думаешь? — отозвался он.

К нам подошел Долганов, его одежда была перепачкана землей.

— У вас раненые есть? — спросил он, с трудом шевеля пересохшими губами.

Мы с Воронянским отрицательно покачали головой.

— Черт побери, а у меня четверо ранены.

Посоветовавшись, мы приняли решение отойти.

Думая подкрепиться после боя, партизаны собрались возле кухни. Повара Володи нигде не было видно; под котлами чуть тлели угли. Партизаны бродили в кустах, разыскивая свои котелки. Вдруг мы увидели трех убитых карателей. Кровавый след уходил в кусты. Вскинув автоматы, партизаны пошли по следу. Он привел к месту, где лежал четвертый немец в форме ефрейтора.

— Это работа Володи. Но где же он сам? — забеспокоился Воронянский.

Володя пропал.

Лаврик перевязал раненых. К счастью, раны у всех были легкие, все могли двигаться. Надо было уходить с этого места. Но куда? Впереди залегли эсэсовцы, сзади речка Илия с вязкими берегами, покрытыми высокой, в рост человека, крапивой.

— Через нее и проползем, — сказал я Воронянскому и Тимчуку, рассматривая карту, — другого выхода нет.

Они согласились.

Около половины партизан отсутствовало. Они еще до боя ушли на диверсии и не могли знать о нападении немцев на лагерь. Для подобных случаев мы имели «контрольный пункт» — тайник, где оставляли знаки, предупреждающие об опасности,

если она нависала над лагерем. Партизаны ходили на операции по строго намеченным маршрутам, и, возвращаясь, они, прежде чем идти в лагерь, заглядывали на «контрольный пункт».

Сейчас необходимо было дать сигнал опасности, чтобы партизаны при возвращении не попали в лапы к немцам. На один из «контрольных пунктов» я послал бойцов нашего отряда, на другие вышли партизаны отряда «Мститель».

Выполнив задание, они, не возвращаясь в лагерь, должны были ждать отряд в лесу около деревни Рудня.

Когда мы после боя отошли за реку Илия, я перед строем партизан всех трех отрядов объявил благодарность группе украинцев за мужество и находчивость в трудном бою.

Вечерело. Красные лучи солнца освещали вершины высоких стройных сосен, стеной поднимавшихся по границам приемочной площадки. Вокруг стояла тишина. В эти минуты трудно было представить, что недавно здесь гремел бой и бушевала смерть. Мы понимали, что эта тишина обманчива. Дождавшись подкрепления, противник опять пойдет в наступление.

— Сними своих наблюдателей и вышли их к деревне Кременец, — приказал Воронянский.

Романов ушел.

Партизаны начали собираться в путь. В поисках Володи они безрезультатно обшарили ближайшие кусты. Наступило время выхода. Партизаны, каждый с увесистым грузом, тихо двинулись на запад по вязкому берегу Илии. Ноги засасывала болотная грязь, одежда намокла и стала тяжелой, лица и руки обжигала высокая крапива. Впереди шел отряд Долганова, наш отряд за ним. Сильная группа, которой руководил Луньков, была сосредоточена около рации. Вместе с нашим отрядом двигались раненые… Замыкали колонну партизаны отряда «Мститель».

Рядом со мной шел согнувшийся под грузом Карл Антонович, он глубже всех проваливался в грязь.

— Черт возьми, как руки жжет, — тихо ругался рослый партизан из отряда Воронянского.

— Мне вот лицо жжет, — откликнулся на его ругань Алексей Михайловский, — тебе хорошо — ты ведь большой!

— Говорят, крапива ревматизм вылечивает, — улыбнулся Добрицгофер, — а вы на нее жалуетесь.

— Всех лучше тебе, Карл Антонович, тебе-то она лишь по сапогам хлещет.

Вошли в сырой лес. Прислушались. Тишина. Только в болоте, захлебываясь, квакали лягушки, а в кустах мелькали светлячки. Здесь решили перейти речку Илию. Первым, раздвинув заросли,

вошел в воду командир отряда «Борьба» Долганов. За ним пошли партизаны. Держа над головами оружие и вещевые мешки, они осторожно продвигались вперед. Радисты и охранявшие их бойцы бережно несли радиостанцию. Переправившись через речку, мы, не останавливаясь, двинулись дальше. Хлюпала вода в сапогах, мокрая одежда противно прилипала к телу. Лишь через час, выйдя на сухое место, сделали привал.

— Быстрее свяжитесь с Москвой, — сказал я Лысенко. И он тотчас же вместе с Глушковым начал настраивать рацию.

Партизаны помогли радистам натянуть антенну. Я залез под плащ-палатку и при свете карманного фонарика коротко написал:

> «Сегодня самолет принять не можем. На приемочной площадке вели бой с карательным отрядом. Потерь нет. Имеются легкораненые. Нас преследуют каратели и полицейские. Ждите сигнал».

Когда радиограмма была написана, под плащ-палатку залез Лысенко. Он включил аппаратуру, заработал ключом. Затем сосредоточенно принялся записывать ответ, и вскоре расшифрованная радиограмма была у меня в руках.

Текст радиограммы я зачитал партизанам:

> «Поздравляем с удачным боем. Берегите личный состав. Отойдите в наиболее безопасное место. До получения ваших сигналов самолетов посылать не будем».

И вот, тяжело переставляя ноги, мы опять шагаем через болотистый лес. Впереди луг, перешли его, приблизились к деревне Кременец, обогнули большак и снова углубились в лес. Здесь уже не было постылого болота, кругом — высокие сосны. Пройдя километра четыре, пересекли неглубокую, но вязкую речушку Слижовка. Начало светать. Все устали, раненые еле волочили ноги. В северной части леса нашли подходящее для стоянки место, сделали привал. Во все стороны были высланы сильные разведывательные группы. Хотели точно узнать, что готовят против нас оккупанты.

Леоненко с группой партизан отправился в деревню Валентиново. Оставшиеся партизаны заняли круговую оборону. К вечеру возвратились разведчики и доложили, что подразделения эсэсовцев разместились в окружающих населенных пунктах Батраки, Путилово, Трубачи, Янушковичи, Барсуки, Стайки и Кременец. Поздно ночью прибыли люди, посланные на «контрольный пункт», и группа Леоненко. Они принесли раненого

повара Володю Стасина и сообщили, что гитлеровцы собирают в районе приемочной площадки и в прилегающих лесах убитых и раненых и на грузовых автомашинах увозят их, что в Валентиново стоит около тысячи карателей.

— Выходит, немцы окружили нас, — резюмировал Морозкин.

— Это не кольцо, а гнилая веревка, — резко возразил ему Тимчук, — но пока суд да дело, мы и здесь продержимся.

На совещании командиров мы единодушно решили до получения точных данных о противнике оставаться на месте.

Костров не разжигали. В наскоро сооруженном из сосновых веток шалаше Лаврик перевязывал раненого повара, которому разрывной пулей сильно повредило плечо. Обычно румяное лицо Володи теперь было желтым, как воск. Он потерял много крови.

— Поправится? — озабоченно спросил Лаврика Воронянский.

— Вылечим, — не сразу ответил врач. — Где вы его нашли? — спросил он стоявшего рядом Леоненко.

— Нашли случайно: осторожно пробирались через кусты, вдруг недалеко от приемочной площадки услышали какой-то шум; подползли, видим — каратели укладывают в машины трупы своих убитых солдат. Мы сделали большой крюк и вышли на поляну; там встретили старика, который пришел в лес за вениками. Он нам и рассказал, что в Валентинове полно немцев. «А много убитых?» — спросили мы. «Много, — ответил старик. — Каратели хвалились, что сто партизан убили. Население посмеивалось над полицаями. Почему убитые каратели видны, а партизан убитых нет? Полицаи, не успев согласовать свой ответ с начальством, стали уверять, будто одна немецкая часть наскочила на другую свою часть и, приняв их за партизан, открыла огонь, а партизан никаких и не было».

Все усмехнулись. Леоненко продолжал:

— Возвращаясь, мы обнаружили на траве кровавый след; взвели курки и медленно пошли по следу, полагая, что наткнемся на раненого немца. И вот возле берега увидели в кустах лежащего человека. Сначала думали, что он мертвый, но он застонал… Когда перевернули его, узнали повара… Окровавленное плечо перевязано разорванной рубашкой. Он попытался было схватить автомат, но до того ослаб, что не мог его поднять. Мы принесли воды, напоили, обмыли ему лицо. Открыв глаза, Володя узнал нас. «Товарищи, не оставьте меня», — чуть слышно прошептал он и опять погрузился в забытье…

Партизаны, готовые в любую минуту вступить в бой, настороженно провели ночь.

Рассвело. Секреты сменили усиленными сторожевыми группами. Стали ждать. Вокруг тихо. Однако все говорило о том,

что гитлеровцы решили блокировать и уничтожить нас.

Тимчук, Ясинович и я озабоченно ходили по лагерю. Партизаны немного отдохнули и были бодры. Они делились впечатлениями о бое под Валентиновом, хвалили украинцев за находчивость и смелость.

Мы вошли в шалаш, где лежал Володя. Заботливый Лаврик всю ночь не отходил от раненого. Володя чувствовал себя лучше, и слабым голосом рассказал, как был ранен.

После того как партизаны всех трех отрядов начали бой, его помощники схватили винтовки и убежали на линию обороны. Внезапно кусты зашелестели. Володя отскочил в сторону и залег. На поляну выбралось шесть немцев. Володя выпустил очередь из автомата. Трое сразу свалились, остальные залегли. Володя дал еще две очереди, как вдруг почувствовал боль в плече. Собрав силы, он ножом разрезал рубашку, с трудом перевязал себя и потерял сознание. Когда очнулся, было уже темно. Цепляясь за траву и кусты, он пополз. В горле пересохло, сильно хотелось пить, невыносимо болело плечо. Немного отдохнув, Володя с трудом поднялся на ноги и, опираясь на автомат, пошел.

Рассвело. Начало припекать солнце. Володю мучила жажда, и он потерял сознание. В таком состоянии и нашли его разведчики.

В то время, когда мы маневрировали, пытаясь вырваться из блокированного района, Николай Покровский со своим отрядом перешел железную дорогу и шоссе Минск — Москва и прибыл в Логойский район. Он шел из Березинского района по нашей просьбе, переданной через Меньшикова, для усиления местных партизанских отрядов. Мы имели намерение разгромить ряд немецких гарнизонов.

Этот переход через железную дорогу был совершен с боем, но, к счастью, без потерь. На следующий день перепуганные фашисты через своих болтливых прислужников распространили слухи о том, что якобы тут проходила часть Красной Армии, появившаяся невесть откуда. У страха, как говорится, глаза велики. Во всяком случае, опасаясь за свои коммуникации, немцы на целые сутки прекратили движение по железной дороге.

В деревне Сухой Остров Покровскому сообщили, что наш отряд направился за железную дорогу и восточную часть Смолевичского района. Тогда и Покровский решил возвратиться, но, опасаясь невыгодного для себя столкновения с фашистами, которые теперь стали усиливать гарнизоны, оставил на месте обоз, а самый необходимый груз партизаны взвалили себе на плечи.

После тщательной подготовки отряд Покровского двинулся к

селу Яловицы. С трудом партизаны преодолели топкое болото, но зато железную дорогу проскочили без столкновения с гитлеровцами. Около озера Песочное Покровский встретился с отрядом Дербана, который готовился к переходу через железную дорогу Минск — Москва, так как немцы и здесь начали активные действия, намереваясь блокировать партизан. Вместе они благополучно пересекли железнодорожную магистраль и ушли в район озера Палик.

Вечером собрали Военный совет. Сидели без костра.

— Долго здесь оставаться мы не можем, — начал я. — Оккупанты подтянут новые силы и уничтожат нас.

— Это верно, но как мы пойдем? У нас есть раненые. Как только углубимся в болота — постреляют нас, как куропаток, — угрюмо проговорил Долганов.

— Что же ты советуешь? — спросил Воронянский.

— Утром хорошо разведать местность, найти слабое место и с боем прорваться из окружения.

— Все правильно, только разведывать надо сейчас, — добавил Тимчук.

— Ночью? — недоуменно спросил Воронянский.

— Да, необходимо встретиться с жителями и постараться выяснить все о противнике, — пояснил Тимчук.

Мы согласились с предложением Тимчука. Ночью в ближние деревни были высланы разведчики со строгим наказом не ввязываться в бой. Вскоре разведчики возвратились, собранные ими сведения были очень неопределенны.

— На прорыв пойдем после полудня, — выслушав разведчиков, сказал я товарищам. — В это время каратели готовятся к ночным нарядам и основные их силы находятся в гарнизонах.

Наступило утро. Время тянулось мучительно медленно. Вот, наконец, и полдень: со стороны эсэсовцев по-прежнему все тихо. Это странно и необычно: как правило, выступив против партизан, немцы стремились не давать им ни минуты покоя.

— Похоже, какой-нибудь фортель замышляют, — забеспокоился Воронянский.

Из деревень Янушковичи и Трубовичи прибежали разведчики и сообщили, что в лес вошло около двух батальонов эсэсовцев.

Разведчики с другого направления также сообщили, что в поле, недалеко от нашей стоянки, немцы и полицейские окопались и установили пулеметы и минометы. Итак, враг решил подобраться к нам втихую. Нужно было быстро разобраться в обстановке и действовать решительно и энергично.

Еще раньше мы с Долгановым и Воронянским условились, что после прорыва из блокированного района отряды разделятся: они пойдут в Бегомльский район, а наш отряд и делегаты — в Смолевичский, чтобы быть как можно ближе к Минску.

Партизаны подготовились к бою. Отряд Воронянского выдвинулся несколько вперед и недалеко от лагеря занял оборону. Немцы обстреляли его, и отряд начал отходить в лес. В нашем расположении стали рваться мины. Разведчики донесли, что гитлеровцы подвигаются очень осторожно: сначала обстреливают перед собой местность, затем, перебегая обстрелянное место, ложатся и обстреливают впереди себя новый участок. Эта тактика была понятна: немцы опасаются засад, хотят согнать всех нас в одно место, окружить и уничтожить.

— Может, не будем принимать боя? — донесся до меня чей-то голос.

— Трусов будем расстреливать, — громко сказал я.

Объяснять, что у нас нет другого выхода, кроме как прорваться с боем, уже не оставалось времени.

— Ни шагу назад, — услышал я голос Тимчука, — прорываться только вперед. Сзади нас ждет гибель.

Начальник штаба Луньков с сильной группой партизан охранял раненых и радиостанцию. С целью ввести в заблуждение противника мы покинули место стоянки и отошли в глубь леса.

Каратели приближались. Мины рвались вблизи нас. Улучив удобный момент, отряд Воронянского внезапно ударил по врагу и сразу же отошел. Притаившись в кустах, мы видели, как к месту короткой схватки спешило новое подразделение карателей. На месте бывшей нашей стоянки стрельба все усиливалась. Через некоторое время до нас долетели громкие крики: это противник атаковал пустой лагерь.

— Вперед! — скомандовал я, и два отряда, наш и Воронянского, двинулись на север, а отряд Долганова остался прикрывать отход.

Нам посчастливилось: мы проскользнули без выстрела между двумя крупными подразделениями карателей.

С наступлением темноты мы вышли к реке Илии недалеко от нашего старого лагеря. Здесь к нам присоединился отряд Долганова. Держа оружие и одежду над головой, партизаны благополучно переправились на другой берег.

От противника мы оторвались. Теперь надо замести следы, хотя объединенному отряду в триста человек с тяжелым грузом и ранеными сделать это не так-то легко. Короткая летняя ночь не позволяла медлить. Наш отряд и делегаты вышли вперед и под прямым углом повернули на восток.

За ильскими болотами распевали соловьи, у самых ушей зудели рои назойливых комаров. Как ни старались мы продвигаться бесшумно, все же нам это не вполне удавалось. Под ногами гулко чавкала мокрая земля… Изредка брякнет оружие, хрустнет нечаянно обломленный сучок.

Вся надежда была на шедших впереди разведчиков: они должны обеспечить безопасность продвижения. Для этого разведчики обязаны выработать кошачий шаг, чтобы бесшумно проходить кусты, должны услышать и разгадать в лесу каждый звук. Разведчиков возглавляли Мацкевич и Сермяжко. Они блестяще выполнили свою задачу.

Далеко позади остались Илия и наша последняя стоянка. Лес кончился. Справа раскинулась деревня Янушковичи, слева — Трубовичи. Отсюда несколько часов назад на нас напали эсэсовцы и полиция. Где же они теперь? Остались в нашем лагере, преследуют по следам или возвратились по деревням? «А может, на нашем пути сделали засаду и подстерегают нас?» — кольнула догадка, и мы предупредили всех, чтобы были внимательнее. Пригнувшись, мы шли вслед за разведчиками по канаве во ржи. Выделенная группа несла раненых. Мокрые колосья били по лицу.

И вот самый опасный путь пройден — в стороне осталась деревня Трубовичи. Теперь можно устроить привал. Все облегченно вздохнули, особенно командиры. Ведь им приходится отвечать за жизнь десятков и сотен людей. Мы удачно вырвались из кольца гитлеровцев, превосходящих наши силы во много раз. Сменились партизаны у носилок, и отряды снова тронулись в путь.

Шли быстро, подгоняемые короткой летней ночью. Тревожило, что за нами оставались глубокие следы. Вот в тумане показалась окруженная высокими кленами деревня Михалковичи. Здесь придется расстаться с нашими верными друзьями Долгановым, Воронянским, Тимчуком, Ясиновичем…

Я подал руку Ясиновичу и почувствовал, как что-то стеснило горло.

— Еще встретимся, — изменившимся голосом проговорил он.

Мы распрощались, и каждый отряд пошел в свой район, для того чтобы снова и снова бить врага.

Нашему отряду удалось сравнительно легко оторваться от карателей. Отрядам же «Мститель» и «Борьба», как мне позже стало известно от Воронянского, Тимчука и Долганова, после разъединения с нами пришлось очень тяжело. Каратели увязались за ними и неотступно преследовали чуть ли не до самого озера Палик.

Нашим основным объектом по-прежнему оставался Минск, и

отряду при любых условиях нельзя было далеко отходить от него, а располагаться возможно ближе.

Столицу Белоруссии я отлично знал по довоенным временам. Хороший был город. Но теперь он лежал в развалинах. В Минске с помощью местных партийных организаций нам предстояло создать разветвленную сеть подпольных групп и осуществлять широкую разведывательно-диверсионную деятельность.

По этим причинам мы и отказались тогда от предложения друзей уйти вместе с ними в район озера Палик.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Перешедшие на сторону партизан украинцы ушли с Воронянским. У нас из его отряда для связи остались Михаил Гуринович и Максим Воронков. Мы продолжали путь. Остановившись, я пропустил мимо себя весь отряд. По невеселым лицам партизан и обрывкам их разговоров я понял, насколько тяжело переживали многие расставание с отрядами Долганова и Воронянского. Кое-кому, видимо, казалось, что теперь мы уже не то грозное соединение, что было еще недавно.

Наша задача состояла в том, чтобы, не вступая в бой, оторваться от преследовавших нас карателей, незаметно проскочить мимо многочисленных немецких гарнизонов и уйти из блокированного района.

Подойдя к комиссару, я спросил:

— Ну как чувствуешь себя после разделения?

— Грустно, — признался он, — сжились, сроднились с теми отрядами.

— Конечно, грустно с друзьями расставаться, — сказал я. — Но боюсь, что кой у кого в отряде эта грусть смахивает на боязнь: «Не слишком ли туго нам одним придется?»

— А вот мы на привале поговорим по душам, — быстро ответил комиссар.

На день решили остановиться в лесу, недалеко от Минска, около шоссе Минск — Бегомль. На карте это был смешанный лес, однако мы нашли там только пни да небольшие кусты. Рассветало. По шоссе проносились немецкие автомашины. Можно было разбить несколько из них и перейти шоссе, но тогда мы выдали бы себя, и потерявшие нас каратели вновь напали бы на наш след, а перед нами открытая местность и длинный июльский день. Сейчас каратели отстали от нас на двадцать километров. Мы хорошо скрыли свои следы и могли позволить себе отдохнуть. Я дал команду: «Привал». Измученные партизаны поскидали с плеч вещевые мешки и повалились на землю. Во все стороны направились часовые.

— Эх, тяжело будет одним прорываться, — услышал я вздох.

Я приподнялся, собираясь подойти к приунывшему партизану, но увидел, что Морозкин уже там.

— Нет, дружок, — говорил комиссар. — Когда надо без шума пройти, малым числом легче… Припомни, как мы фронт переходили. Вот то-то. Будь нас тогда втрое или вчетверо больше, разве проскочили бы без потерь?

— А потом ты другое в расчет возьми, — поддержал

комиссара бывший пограничник Малев, — если бы сейчас были вместе все отряды, в этих кустах нам бы не разместиться, а теперь мы свободно расположились здесь. Если бы нас было еще меньше, то мы могли бы и днем перейти шоссе.

— А когда понадобится ударить покрепче, то, будьте покойны, людей у нас снова будет достаточно, — говорил Морозкин. — Основа партизанской тактики — маневренность: в одних случаях — мгновенно рассредоточиться, рассыпаться, исчезнуть для противника; в других — также быстро собраться в кулак…

Я заметил, что партизаны, несмотря на крайнюю усталость, подходят к говорящим, слушают. Решил тоже принять участие в разговоре. Партизаны повеселели, и все-таки день тянулся нестерпимо медленно.

Солнце как будто не хотело садиться. Низкие кусты не давали возможности встать, страшно хотелось курить, но это было строжайше запрещено. Во второй половине дня вблизи нашей стоянки послышался звон колокольчиков. Это забрели коровы. Они испуганно и подозрительно смотрели на партизан. Вскоре раздались голоса пастухов, и трое мальчиков вышли из кустов. Заметив часовых, они хотели убежать, но их успели успокоить. Я подошел к подросткам, усадил их возле себя и, развязав вещевой мешок, дал им по куску сахару.

— Это вам прислали из Москвы, — сказал я.

У ребят заблестели глаза.

— Нам? — широко раскрыл глазенки меньший.

Старший мальчуган снисходительно усмехнулся и по-приятельски подмигнул мне.

— Конечно, вам, — продолжал я. — А когда вы в последний раз видели партизан?

— О, уже давно, — грызя сахар, отозвался меньший.

— Если не знаешь, так не суйся, — покраснев, вмешался старший, спрятавший свою долю в карман. — У моего отца позавчера были…

— Не врешь? — переспросил я.

— А если правда, тоже нехорошо всем рассказывать, — строго сказал я.

Парнишка еще больше покраснел и, запинаясь, стал оправдываться.

— Я… я… не всем, я только вам. Ведь вы партизаны?.. Правда?..

— Ох, и слаб же ты на язык! — махнул рукой молчавший до сих пор третий.

— Сейчас тебе повезло, — сказал я. — Мы действительно

партизаны. А нарвись ты на полицаев да расскажи им об отце — они бы его убили. Да и сейчас… Уж лучше я не отпущу вас, пока мы не уйдем отсюда. А то и о нас кому-нибудь расскажете.

Они растерянно переглянулись.

— Так нельзя, — заговорил третий, очень бледный и худенький, не по возрасту сдержанный, — мы с вами будем сидеть, а коровы забредут куда-нибудь, попадут еще к немцам, — рассуждал он. — Пусть двое здесь останутся, а я сбегаю посмотрю на коров, за меня можете быть спокойны.

Мне понравился этот мальчонка, и я разрешил ему уйти. Он быстро вернулся. Тогда отправился тот, который слишком пооткровенничал. Я был уверен, что он не забудет моего внушения.

По шоссе продолжали двигаться колонны автомашин с солдатами и техникой. Мы вынуждены были бездействовать, поэтому день показался тяжелее любого похода. Мы легко вздохнули, когда на землю спустилась темнота. Поползли к шоссе, широкой прямой лентой перерезавшему холмы и кустарник. От него веяло запахом пыли и бензина.

— Остановиться! — скомандовал я и подозвал Лунькова и Морозкина.

— Правильно решил, — улыбнулся подошедший Луньков.

— Что решил? Ведь я ничего еще не сказал.

— И без этого понятно. Не поставить мину на этом шоссе было бы непростительно. Мы должны обязательно ее поставить на память фашистам, в честь нашего благополучного ухода от карателей, — шутливо сказал Морозкин.

Карл Антонович быстро выкопал ямку на шоссе, положил в нее пять килограммов тола. Но как быть? Шоссе широкое, мина занимает маленькое местечко, может пройти много машин, прежде чем какая-либо из них наскочит на заряд. Тогда Карл Антонович принес дощечку, лежавшую недалеко от шоссе, положил ее на мину поперек шоссе и тщательно замаскировал.

— Теперь не проскочит. Нам было ясно без слов.

Хотелось посмотреть, как взлетит на воздух немецкая автомашина, однако короткая летняя ночь не позволяла ждать, и мы продолжали путь. Шедший впереди Гавриил Мацкевич хорошо знал местность и умело руководил разведчиками.

В полночь прошли шоссейную магистраль Минск — Москва, достигли железной дороги. Кругом было тихо, только мерно гудели телеграфные провода. Мы развернутым строем проскочили через полотно железной дороги, залегли в лесу. Подрывники заминировали обе колеи.

На рассвете отряд вброд перешел реку Плиса. Главные

мытарства позади. Мы находились в относительно безопасном районе, хотя впереди оставалось еще немало препятствий. По пояс в воде, мы в течение десяти часов форсировали труднопроходимые Судобовские болота. Затем остановились на короткий отдых, чтобы высушить и вычистить одежду. Немного приведя себя в порядок, партизаны легли, но сон не шел. От усталости кружилась голова: во рту было горько. С жадностью пили болотную воду.

Тронулись дальше. Через два часа вышли к деревне Замостье Смолевичского района. Зайдя в деревню, выставили часовых. Отсюда было недалеко до лагеря отряда Сацункевича. Его делегаты пошли сообщить ему о нашем прибытии.

Мы грелись на солнце и пили принесенное крестьянами молоко Я лежал под тенистой березой. С полей доносился запах свежескошенного сена и зреющих хлебов. Мысли наплывали одна на другую, клонило ко сну. Уткнувшись лицом в мягкую траву, я уснул. Снилось детство, годы борьбы за Советскую власть в Литве. Двадцатый год…

— Приехали! — разбудил меня громкий голос сменившегося часового.

Я вскочил на ноги. В деревню, поднимая пыль, примчался верховой. Сзади на некотором расстоянии двигалась вереница немецких трофейных фургонов. Спросонья я чуть было не поднял тревогу. Всадник подскакал ко мне — я узнал делегата Сацункевича Не сходя с лошади, он поднялся на стременах и отрапортовал:

— Прибыл комиссар отряда «Разгром» Иван Леонович Сацункевич, — он плетью указал на фургоны.

Из первого выпрыгнул полный, одетый по-деревенски мужчина и легкой походкой подошел ко мне.

— Командир партизанского отряда подполковник Градов, — представил меня своему комиссару всадник.

— Иван Леонович, — протянув мне левую руку, отрекомендовался Сацункевич.

Я смотрел на его полное лицо с большим лбом и вздернутым носом. Глаза были голубые, приветливые. Но… на правой руке я увидел протезную перчатку.

— Старая история, — перехватив мой взгляд, глухо сказал Сацункевич, и по его лицу скользнула едва заметная тень. — Не люблю рассказывать… С одной рукой тоже можно воевать.

Через несколько минут мы беседовали как старые знакомые.

— Для кого этот караван? — махнул я рукой в сторону фургонов.

— Наши делегаты сообщили, что вы очень устали, так не

можем же мы допустить, чтобы уставшие гости ходили пешком, — засмеялся Сацункевич, — да и лошадям приятнее будет возить партизан, чем оккупантов.

Приехавших окружили партизаны. Я познакомил Сацункевича с комиссаром и начальником штаба. Мы уложили в фургоны вещевые мешки и рацию, посадили тех партизан, кто был послабее.

— Садитесь, — пригласил меня Сацункевич, указав на фаэтон, который подъехал к нам, — довезу, как фон барона.

Рядом со мной уселся Луньков. Мягко покачиваясь, мы тронулись в путь. Из последних сил я старался не закрывать глаза, но, словно налитые свинцом, веки опускались сами.

— Далеко еще? — спросил я, почувствовав, что мы остановились.

Сацункевич добродушно засмеялся; я увидел, что партизаны распрягают лошадей, а недалеко от нас дымятся землянки.

Сацункевич как заботливый хозяин повел нас в баню. Помывшись, плотно поужинали. Я хотел сразу же договориться о разделении обязанностей между нашими отрядами, но Иван Леонович протестующе покачал головой.

— И не думай, вам нужно отдохнуть. В сторожевые наряды пойдут наши ребята.

Я не противился. Через час в лагере было слышно только глубокое дыхание крепко спавших партизан.

Проснулся я рано утром, чувствуя себя свежим и бодрым.

Между шалашами расхаживали прозябшие за ночь дневальные. Сацункевич был уже на ногах, он что-то показывал на карте-двухкилометровке своим разведчикам. Мы вышли из лагеря, сели на вывороченной ели.

Сацункевич рассказал о себе и об отряде. Перед войной он работал секретарем Минского обкома партии. В начале Великой Отечественной войны по заданию партии остался в тылу врага для организации партизанской борьбы. В его отряде около семидесяти партизан. Сравнительно невелик отряд, он уже нанес несколько чувствительных ударов по оккупантам: в ближайших населенных пунктах разгромлены гарнизоны, уничтожено много автомашин.

— Сейчас семьдесят, полгода назад было двадцать, а месяца через три, наверное, будет сто семьдесят, — уверенно говорил Сацункевич. — Силы народа неисчерпаемы, надо только уметь организовать их на борьбу.

Мы беседовали о положении на фронтах. Нерадостные сведения поступали с Большой земли: гитлеровские банды прорывались на юг — к Ростову, Воронежу…

— Да-а… Не так разворачивается война, как мы надеялись, а? — тихо сказал Сацункевич.

— Не так, — кивнул я. — Но вспомним девятнадцатый год. И потяжелее бывало. Мы помолчали.

— А союзники? — иронически прищурился Сацункевич. — Все еще готовятся?

— Готовятся, — в тон ему ответил я. — Только боюсь, что не к войне с фашизмом, а к дележке…

Сацункевич рассказал о положении в районе. Еще весной, когда наш начальник разведки Меньшиков побывал в его отряде, они вместе взорвали на шоссе Березино — Минск два моста и надолго парализовали движение. Были уничтожены все мосты в окружающих деревнях, гарнизоны противника вынуждены были убраться в районные центры, строить там дзоты и блиндажи.

У партизан отряда «Разгром» до встречи с Меньшиковым не было подрывного материала, и они ограничивались лишь организацией засад.

— Сделали немного, очень немного. Это были только укусы, а хочется ударить по-настоящему, так, чтобы враг кровью захлебнулся, — закончил Иван Леонович.

— Сейчас наша главная задача — парализовать железнодорожное движение. Взрывчатки у нас достаточно, и хранить ее в то время, когда враг рвется в глубь нашей Родины, было бы преступлением… В отряде есть подрывники? — обратился я к Сацункевичу.

— Есть. Есть и минеры, и артиллеристы, словом, представители всех родов войск.

— Надо выделить группу подрывников. Проведем совместную операцию.

— Отберу сейчас же, — ответил Сацункевич.

Под вечер, взяв с собой три мины, на участок Жодино — река Плиса вышла группа партизан под командованием Ивана Любимова. На другой участок: Марьина Горка — Осиповичи вышла группа Гавриила Мацкевича. Местность для партизан нашего отряда была незнакома, и я попросил Сацункевича выделить для нас проводников.

Через день Луньков выбрал из отряда «Разгром» семь партизан, подготовил их и, снабдив взрывчаткой, отправил на участок железной дороги Жодино — Борисов.

Наконец появился долгожданный Меньшиков. Рано утром я дремал в землянке, как вдруг почувствовал чье-то прикосновение, раскрыл глаза и увидел его энергичное, радостное, улыбающееся лицо. Рядом с ним стояли разведчики Кирдун, Николай

Денисевич, Николаев. Они с честью завершили свою «командировку».

Мы познакомили Меньшикова с новыми партизанами и опять поручили ему руководство разведкой.

Наш отряд быстро рос: приходили бывшие военнослужащие, колхозники, рабочие и интеллигенция. Это очень радовало, одновременно приходилось быть бдительными, так как немецкая разведка могла легко подсунуть шпиона.

Часто я с завистью смотрел на командиров других отрядов: они могли свободно переходить из одного района в другой. У нас же такой свободы действий не было. Мы должны были как можно ближе держаться к Минску, поддерживать связь с подпольщиками города и всячески помогать им. Недаром мы носили почетное наименование «Отряд особого назначения».

Действовать возле Минска нелегко: леса маленькие, много населенных пунктов с сильными вражескими гарнизонами, много шоссейных и железных дорог. Поэтому мы придерживались принципа «не количество, а качество» и принимали в отряд только хорошо проверенных людей. Нам понадобился человек, который бы специально занимался вновь пришедшими и проверял их преданность Родине.

— Придется тебе, Дмитрий Александрович, взяться за это дело, — сказал я Меньшикову.

— Справлюсь ли? — обеспокоенно свел он брови.

— Мы с комиссаром надеемся на тебя. Помни, что здесь ошибаться нельзя: принять в свои ряды шпиона — значит, погубить отряд, — сказал комиссар.

— Понимаю, — коротко ответил Меньшиков.

2

Состоялось партийное собрание. На повестке дня один вопрос: усилить помощь армии. Партизаны, свободные от нарядов, каждый день толпились у рации и с болью в сердце слушали сводки Совинформбюро. Снова отступала Красная Армия, отходя на юге все дальше и дальше в глубь страны. Хмурые и озабоченные коммунисты пришли на собрание. Сели на площадке за лагерем.

Секретарь парторганизации Николай Кухаренок встал. Он прошел с отрядом от Москвы до родного Минска. Преодолевая волнение, он срывающимся, хриплым голосом начал:

— Товарищи коммунисты, мы собрались в тяжелый для Родины час, когда фашистские орды, не считаясь с потерями, рвутся в глубь Советской страны. Красная Армия и весь народ напрягают силы, чтобы задержать ненавистного врага, который, безусловно, будет остановлен и отброшен. Нам, коммунистам, в этой священной борьбе выпало особо трудное задание. Мы должны во всем быть примером, должны показывать, как нужно ненавидеть и бить врага. Наша задача — напрячь все силы, чтобы партизаны наносили по врагу удары все более ощутимые. Этого требует Центральный Комитет партии, этого требует обстановка. Что нам делать сейчас? Главные удары должны быть нацелены на железные дороги, на вражеские коммуникации. Коммунисты отряда должны еще более усилить разъяснительную работу среди партизан, чтобы в такой ответственный момент среди нас не было места унынию и пассивности. Каждую минуту мы должны помнить, что являемся членами славной Коммунистической партии, под руководством которой советский народ придет к великой победе над фашизмом!

— Смерть фашистским захватчикам! — в дружном порыве поднялись коммунисты.

Начались выступления.

— Я как коммунист, — сказал Назаров, — обязуюсь не только быстро и точно выполнять все приказы командиров, но и усилить политическую работу среди местного населения.

Попросил слова Алексей Николаев.

— Здесь говорили о том, что надо вести политическую работу среди населения. Это ясно как дважды два. Мне хотелось бы обратить внимание товарищей на то, что недостаточно вести разъяснительную работу, нужно также и помочь крестьянам. Партизанские отряды «Непобедимый» и «Разгром» уничтожили гарнизоны гитлеровцев в близрасположенных деревнях,

оккупанты остались только в районных центрах и крупных населенных пунктах. Начинается уборка урожая, немцы стараются весь урожай забрать себе. Наша задача состоит в том, чтобы оградить крестьян от грабежа…

— Правильно! — раздались голоса.

— Не дадим отнять хлеб у советских людей, — громко сказал никогда не выступавший Юлиан Жардецкий.

— Не для того мы его сеяли, чтобы он достался грабителям.

Собрание кончилось. Луньков готовил группы подрывников для отправки на железную дорогу. Партизаны пошли по деревням побеседовать с крестьянами о сохранении урожая.

Вечером мы возвратились в свой лагерь. Партизаны уже соорудили шалаши рядом с лагерем Сацункевича и теперь занимались приготовлением ужина. Весело трещали сухие ветки, аппетитно пахло жареным. Начальник штаба назначал ночные наряды.

Около рации толпились партизаны, они, видно, только что прослушали сводку Совинформбюро и теперь оживленно ее обсуждали.

— Откуда они, сволочи, берут столько техники? — угрюмо произнес Жардецкий. — Каждый день на фронтах мы уничтожаем сотни машин, а у них опять новые.

— Отец, — ответил ему Карл Антонович, — на немцев работает вся европейская промышленность, которая досталась им почти без боев. А наши эвакуированные в глубь страны заводы лишь недавно возобновили работы. Скоро и мы выпрямимся во весь рост.

— Ты говоришь, работает вся европейская промышленность, — не отставал Жардецкий, — но союзники могут ведь разбомбить их военные заводы…

— Нет, отец, надеяться надо на самих себя. В немецкую промышленность вложены десятки миллионов американских долларов. Некоторые немецкие военные предприятия и теперь приносят прибыль американским капиталистам. Конечно, союзники бомбят военные заводы, но… с оглядкой: как бы не нанести себе ущерба!

— Но, — возразил опять Жардецкий, — союзники воюют в Африке.

— Африка, — иронически повторил Добрицгофер, — в Африке всего восемь немецких дивизий. Там, по сути дела, не война, а что-то вроде маневров. Берлин превозносит своего Роммеля, Лондон прославляет полководческий гений Монтгомери. А всю тяжесть войны несет советский народ.

— Да, тяжела ноша, — согласился Юлиан Жардецкий. —

Выходит, нам одним долбать фашистов?

— Нет, не одни мы, — вставил подошедший комиссар. — Поднимаются патриоты всех оккупированных стран: поляки, албанцы, югославы, чехи, болгары, французы… Во всех странах героически борются коммунисты-интернационалисты… Такие, как наш дорогой Карл Антонович, — кивнул он на Добрицгофера.

— Когда наша армия перейдет границу, тогда союзники вынуждены будут открыть второй фронт, — сказал Карл Антонович и обернулся ко мне: — Правильно я говорю?

— Похоже на правду, — подтвердил я.

Я передал Лысенко радиограмму, в которой сообщал, что боеприпасы кончаются. В тот же вечер получил ответ:

«Подготовиться к приему самолета».

На следующий день около деревни Маконь мы нашли подходящую площадку, подготовили сигнальные костры и с нетерпением стали ждать известия из Москвы.

В первых числах августа мы приняли два самолета с боеприпасами и взрывчаткой. Взрывчатку распределили между отрядами. Подрывные группы стали каждую ночь выходить на отведенные им участки. Несколько групп мы послали на шоссейные и грунтовые дороги, чтобы преградить немцам доступ в деревни.

В это время на полях под охраной партизан шла уборка урожая. Обмолоченное зерно крестьяне делили между собой, прятали в ямы, пекли партизанам хлеб.

Немцы узнали, что мы по ночам принимаем самолеты, и по ближайшим гарнизонам стал расходиться слух, будто в смолевичских лесах высадился крупный десант Красной Армии. Постоянные взрывы на железных дорогах Минск — Борисов и Минск — Осиповичи заставили оккупантов поверить этой легенде. Естественно было снова ожидать нападения больших сил противника. Мы с Сацункевичем, взяв по нескольку партизан из каждого подразделения, создали сильную боевую группу обороны лагеря.

После боев с карателями, придя в лагерь, мы стали рассматривать документы убитого эсэсовского офицера.

Из имевшейся у него топографической карты было видно, что немцы точного расположения нашего лагеря не знают. На карте было отмечено несколько предполагаемых мест партизанских стоянок, но ни одно не совпадало с действительным. Оккупанты знали лишь, где находится наша приемочная площадка. Среди документов нашли приказ командира эсэсовской дивизии, в котором коменданту шипьянского гарнизона предписывалось

усилить охрану дорог и подходов к железнодорожному полотну, установить точное местонахождение нашего отряда, его численность и вооружение.

После короткого совещания с Сацункевичем было решено переменить стоянки лагерей. Сацункевич остался в здешних лесах, наш отряд подался на юг, в лес Червонный бор.

Долгое время наш отряд являлся как бы основной базой и связующим звеном между партизанскими отрядами и Центральным штабом партизанского движения. Центральный штаб снабжал партизанские отряды всем необходимым, используя для этого самолеты, готовил и забрасывал рации с радистами, подрывников, разведчиков и даже переводчиков.

Директивы и указания адресовались мне, а я уже передавал их отрядам и конкретизировал в соответствии с обстановкой. Сначала директивы шли за двумя подписями — Григорьев и Пономаренко. Затем стали поступать шифровки только за подписью П. К. Пономаренко. Это взволновало меня: ведь мой код был известен только Григорьеву. Мелькнула и такая мысль, а не провоцирует ли нас гитлеровская разведка или контрразведка? От этой мысли даже в холодный пот бросило.

Запросил Москву и немедленно получил успокоительный ответ, что наш код сообщен Пономаренко.

Ну, что ж, все в порядке. Продолжая оказывать помощь партизанским отрядам в северо-восточной Минской зоне, я поддерживал непрерывную связь с Пантелеймоном Кондратьевичем и получал от него добрые советы и очередные задания. Ведь сам Пономаренко не хуже меня знал Минск и его окрестности, да и вообще всю Белоруссию, поэтому его распоряжения всегда отличались четкостью и конкретностью.

Особенно мне запомнились его указания о наших связях с подпольщиками Минска. Он настойчиво требовал расширения связей, подчеркивая при этом, что контакты с подпольщиками характеризуются тем, что мы связываемся в большинстве случаев с приходящими к нам по своей инициативе патриотами из Минска. Пономаренко предлагал тщательно проверять новых людей и активнее устанавливать связи с подпольными группами и организациями в самом Минске, посылая на такие задания наиболее преданных, опытных, умеющих соблюдать конспирацию товарищей.

Когда немцы проводили против нас карательные операции, мне приходилось руководить отрядами, оказавшимися в зоне наших действий. В этом случае мы избегали длительных боев с гитлеровцами. Затяжные бои были выгодны только им.

Мы маневрировали, наносили неожиданные удары с тыла и

флангов, устраивали засады и, вырываясь из кольца окружения, расходились по разным маршрутам с тем, чтобы снова соединиться и бить противника крепким кулаком.

В конце августа 1942 года получили радиограмму с указанием передать руководство партизанским движением северо-восточнее Минска Центральному штабу партизанского движения и сосредоточить свое внимание на столице республики.

По моей просьбе Пономаренко подчинил мне отряд лейтенанта Тимофея Ивановича Кускова, насчитывавший около восьмидесяти человек. Отряд состоял из кадровых бойцов, попавших в первые дни войны в окружение, но сохранивших боеспособность и все качества армейского подразделения.

Кусков, как и ранее майор Воронянский, стремился во что бы то ни стало соединиться с частями Красной Армии. Нам стоило немалых усилий убедить его остаться в тылу противника.

— А как вы отнесетесь к тому, чтобы стать моим заместителем? — предложил я Кускову.

— Не должности и чины нас держат здесь. Готов!

Таким образом, наш отряд увеличился количественно и улучшился качественно.

За ночь мы переместились на новое место. Партизаны наскоро соорудили из еловых веток шалаши. Начальник штаба Луньков вместе с Меньшиковым обошел опушку леса, выбрал места для сторожевого охранения.

Неотложной была и другая важная задача: надо повидаться с нашими подпольщиками в Минске Кузьмой Матузовым и Георгием Красницким. За прошедшее время они, возможно, уже успели найти для выполнения наших заданий преданных патриотов.

Я вызвал к себе Гуриновича и Воронкова.

— Знаете, зачем я вас пригласил? — спросил я.

— Не столько знаем, сколько догадываемся, — ответил Воронков, тряхнув черными волосами. — В Минск идти?

— Не иначе! — улыбнулся Гуринович.

— Угадали, друзья, — сказал я. — Для начала я должен напомнить, что в первый раз вам сильно повезло: нигде не нарвались на провокаторов. А снова рассчитывать на «везенье» нельзя.

— Понятно, — сказал Воронков.

— Вы должны быть каждый момент готовы к худшему. Помните, что, кроме тех, которые сами продали свою душу фашистской разведке, находятся и такие, которых принудили шантажом, голодом, пытками. Помните, что провокатор в обличье

обычного советского человека гораздо опаснее, чем эсэсовец в своем черном мундире с черепом и костями на рукаве.

— Да, черную душонку потруднее разглядеть, — сказал Гуринович. — Не тревожьтесь за нас, товарищ командир. Мы теперь опытнее, чем в первый раз…

Мы обсудили их задачу.

Воронков и Гуринович должны были встретиться с Матузовым и Красницким, выяснить, что им удалось сделать за это время. Затем подобрать людей, которые могли бы поддерживать связь между отрядом и минскими подпольщиками.

Весь день мы с комиссаром, Луньковым и Меньшиковым готовили разведчиков в поход. Они надели крестьянские рубахи, кепки и стали похожими на местных жителей. По-прежнему не было немецких документов. Поэтому Воронков и Гуринович взяли с собой по два пистолета и ручные гранаты, надеясь, что эти вещи в крайнем случае заменят им недостающие документы.

Меньшиков проводил Гуриновича и Воронкова через партизанскую зону и распрощался с ними за совхозом «Шипьяны». Отойдя от Меньшикова на пять — десять шагов, разведчики словно растворились во тьме ночи.

Утром мы с Кусковым вышли в ближайшие деревни.

Стояли солнечные дни; крестьяне спешили закончить уборку хлебов. В любую минуту могли приехать немецкие реквизиторы и дочиста ограбить. Убранный урожай население немедленно прятало.

Мы побывали в Жеремцах и Беличанах. Немецкие гарнизоны из этих населенных пунктов давно были выбиты партизанами, и крестьяне свободно занимались своим трудом. Из Беличан завернули в Юрдзишки. За Беличанами тянулись поля со скирдами необмолоченного хлеба.

— Что здесь? — спросил я подводчика.

— Рованичский совхоз, — бойко ответил он. — Заедем?

Я утвердительно кивнул.

Мы повернули на дорогу, обсаженную старыми липами, и спустя несколько минут приблизились к небольшому дому. Везде было пусто, только развешенное на заборе белье да торчащий в колоде топор свидетельствовали о присутствии людей. Вот к нам вышел высокий старик, белый как лунь. Поверх холщовых штанов была надета крестьянская рубаха, обут он был в лыковые лапти.

Невольно напрашивалось сравнение с рассохшейся бочкой — так дряхл на вид был старик. Казалось, тронь его, и он рассыплется.

— Иван Иванович, — поняв, кто мы, назвал себя старик и протянул руку.

Из-под густых седых бровей на меня пристально смотрели черные как уголь глаза. Сильное рукопожатие убедило меня, что внешность старика обманчива.

Мы сели на бревно возле дома, и старик рассказал, как пришли фашисты в совхоз, все разрушили и разграбили, потом, испугавшись партизан, убрались в райцентр Червень.

— А хлеб мы хороший вырастили, — старик показал рукой на сложенный в скирды хлеб.

— Почему же не обмолотили?

— Нечем обмолачивать, — развел он руками. — Немцы молотилку поломали. Теперь возвратятся и, чего доброго, сожгут хлеб… Вот мы и собираемся жечь наше жито, — печально заключил старик.

— Обожди, отец, не нужно торопиться, что-нибудь придумаем, — успокоил я старика. — Где у вас молодежь?

— Частью немцы угнали, частью в партизанах.

— А кто вами управляет? — спросил Кусков.

— Да никто, каждый сам себе хозяин: что хочет, то и делает, — засмеялся Иван Иванович.

— Вот мы возьмем и назначим вас руководителем совхоза, — пошутил я.

— Это можно, — серьезно проговорил старик, — хотя лучше было бы, если бы вы своего человека прислали, вроде как коменданта, а мы ему поможем.

Между тем с поля начали возвращаться крестьяне. Они работали каждый день, не зная, удастся ли воспользоваться плодами своего труда. Земля звала, и они шли на ее призыв.

Мы поговорили с рабочими совхоза, пообещали им помочь исправить молотилку и мотор.

На другой день Морозкин предложил послать комендантом в совхоз «Рованичи» партизана Сергея Романовича Белохвостика. Это был пожилой, всеми уважаемый человек, старый член партии, хорошо разбиравшийся в сельском хозяйстве. С первых дней войны он скрывался от оккупантов, потом вступил в наш отряд.

Мы позвали Белохвостика и все ему рассказали.

— Не уверен я, что справлюсь с этой задачей, но, если необходимо, пойду, — без особой радости согласился Сергей Романович и добавил: — Партийное поручение надо выполнять.

Было решено на подступах к совхозу выставить засаду, а для охраны Белохвостика выделить нескольких партизан.

— Подбери себе партизан, знакомых с кузнечным делом: нужно будет исправить молотилку и мотор, — сказал я.

Вскоре Белохвостик привел двух бывших кадровых рабочих-кузнецов Ленинградского судостроительного завода. Они

заверили:

— Сделаем все, что возможно.

И вот «комендант» Белохвостик со своей командой вышел в Рованичи.

Через два дня партизаны доставили горючее, и отремонтированная молотилка весело заработала.

Крестьяне копали большие ямы, застилали дно досками и соломой и прятали зерно. Зерна было много; Белохвостик щедро наделял им нуждающихся крестьян из соседних деревень. Подсчитав, сколько зерна нужно будет на осенний и весенний сев, он совместно с местным комитетом рабочих совхоза припрятал в надежном месте необходимое количество зерна.

Кроме того, он спрятал несколько тонн пшеницы в лесу.

— Это для партизан. Если мы отсюда уйдем и придут другие — отдайте им, — сказал Белохвостик доверенным крестьянам.

К концу молотьбы мы навестили Сергея Романовича. Весь в пыли, облепленный соломой и мякиной, он орудовал возле молотилки. Работа шла весело и дружно.

— Как дела? Привык к новой работе? — спросил я Белохвостика.

— Прекрасно! Сколько хлеба спасли для народа, а фашистам — вот, — и он, показав кукиш, весело рассмеялся.

— Неправильно ваш комендант исполняет свои обязанности, — подойдя, шутливо сказал Иван Иванович, — Где это видано, чтобы комендант пыль глотал. Немец был… Так тот только палкой и нагайкой управлял.

Все рассмеялись.

Из совхоза «Рованичи» оккупанты не получили ни одного грамма зерна. При активном участии партизан во многих деревнях крестьяне успели собрать и спрятать хлеб. Только вблизи райцентров немцы обобрали крестьян до нитки. Смолевичский, Березинский, Пуховичский, Червенский и другие районы контролировались партизанами.

После разгрома вражеского гарнизона в Шипьянах оккупанты малыми силами на нас нападать не решались. По деревням распространились слухи об огромной силе партизан, про их пушки. Большие же силы немцы собрать не могли, так как каждая дивизия была нужна для фронта.

Легенда о силах партизан пугала оккупантов, и гарнизонные коменданты, чтобы избежать приказов свыше выступать против партизан, в рапортах своему начальству насколько могли раздували их количество.

Однажды над лесом послышался гул мотора. Мы, подняв

головы, вглядывались в ясное небо. Шум приближался, и мы увидели немецкого разведчика. Он медленно, как ястреб, высматривающий добычу, кружился над нашими головами.

— Воздушный пират рыскает, — проронил Луньков.

— Уже авиацию против нас стали высылать. Значит, тошно им, — радостно сверкая глазами, проговорил Карл Антонович.

— Нашел чему радоваться, — пожал плечами партизан из «новеньких».

— А зачем унывать? — заспорил Добрицгофер. — Даже противник признает, что мы — сила…

— Ни радоваться, ни унывать времени нет, — перебил я. — Лучше побыстрее сменим стоянку.

Перемещались недолго. К вечеру были на новом месте. Для костров собрали сухие ветки, чтобы было меньше дыма, ночью вообще костров не жгли.

Наши партизаны просачивались сквозь заслоны гитлеровцев и продолжали пускать под откос эшелоны.

Одним из лучших подрывников был Константин Сермяжко, которого мы хорошо знали: он приходил к нам делегатом от отряда «Непобедимый».

Сермяжко был назначен командиром группы, в которую вошли Мацкевич, Пастушенко, Афиногентов, Ларионов, Тихонов и другие лучшие подрывники обоих отрядов.

Зачастую Сермяжко сам выбирал места для диверсий.

Вспоминаю один наш разговор втроем.

— Выбери участок железной дороги, на котором ты будешь действовать, — сказал Кусков, развернув карту. — Я предлагаю участок Смолевичи — Плиса, он слабее охраняется.

— Зато и эшелоны идут там медленнее — меньше вагонов окажется под откосом, — покачал головой Сермяжко. — Лучше идти на участок Михановичи — Руденск.

— Тебе известны последние донесения разведчиков? — спросил я его. — На этом участке сильная охрана, на полотне всю ночь горят костры… Понимаешь, куда идешь?

— Понимаю! Фашистов уничтожать, — не смутился Сермяжко. — Я и мои товарищи — коммунисты — выбираем самый тяжелый участок. На нем-то мы и принесем больше пользы. Обещаю, что задание будет выполнено.

Отказать ему было невозможно, и Кусков коротко ответил:

— Выполняй!

Группа выстроилась на лесной поляне. Мы проверили оружие, боеприпасы, обмундирование; все было в порядке.

— В поход! — скомандовал Сермяжко, и подрывники

цепочкой тронулись в опасный путь.

Они шли быстро, скоро минули деревню Комиссарский Сад и вышли к шоссе Березино — Червень. Здесь залегли в кустах и долго прислушивались. Как будто ничего подозрительного. Тем не менее группа перешла шоссе только после того, как Мацкевич, оставив товарищей, подполз по траве ближе и тщательно осмотрел весь участок, где предполагалось осуществить переход.

В эту же ночь подрывники достигли шоссе Минск — Осиповичи.

Начинало светать, когда партизаны бегом под самым носом у противника проскочили шоссе и кустами двинулись дальше. Скоро кустарник кончился, впереди — голые поля.

— Что будем делать, товарищи? — шепотом спросил Сермяжко окруживших его партизан.

— Ты командир, как прикажешь, так и будет, — отозвался Тихонов.

— Давайте здесь дневку сделаем, — предложил Мацкевич.

Так и решили. Партизаны забрались в самую гущу кустов, заросших высокой крапивой. В трехстах метрах от них, в деревне Моторово, находились обнесенные колючей проволокой фашистские дзоты. Весь день, сменяясь по очереди, подрывники вели наблюдение за вражеским гарнизоном.

К вечеру простудившийся в прошлую ночь Ларионов стал кашлять. До боли сжимая зубы и засовывая в рот траву, он старался заглушить кашель, но все было напрасно.

— Не могу… — задыхаясь от кашля, простонал он. — Набросьте мне на голову побольше одежды.

Товарищи выполнили его просьбу. Теперь, под тужурками, Ларионов дал волю своему кашлю. Тяжелая груда одежды, наваленная на него, содрогалась, зато кашля не было слышно.

Дождавшись темноты, партизаны пошли дальше. Кашель у Ларионова затих.

— Как мы с тобой подойдем к железной дороге? Вдруг опять забухаешь, — ворчал Тихонов.

Ларионов виновато смотрел на товарищей, молча грыз малиновые стебли — лечился на ходу.

Ночью группа достигла очень извилистой в этих местах реки Свислочь. Она холодно поблескивала в темноте. Налево — деревня Лешница. Сермяжко знал, что, хотя возле нее имеется брод, идти туда опасно. Недолго думая, Константин сбросил сапоги, снял одежду и вошел в воду. Найдя удобное для переправы место, он дал знать товарищам, и скоро вся группа была на другом берегу.

На рассвете партизаны остановились в лесу, недалеко от

железной дороги. Лежа в кустах, они видели, как один за другим с грохотом проносились поезда. Сермяжко и Мацкевич вышли на разведку. Вблизи железной дороги они залегли и, замаскировавшись папоротником, стали наблюдать. Блестели на солнце рельсы; по полотну расхаживали по трое немецкие охранники. Разведчики внимательно следили за каждым их шагом. Вот одна тройка повернула в сторону от полотна и исчезла. Приложив к глазам бинокль, Мацкевич увидел замаскированный дзот.

— Смотри, — толкнул он в бок Сермяжко, передавая ему бинокль.

В этот момент из дзота вышла другая группа патрулей.

Разведчики осторожно перебрались в другое место, тщательно осматривая полотно железной дороги. К востоку железнодорожная линия шла под уклон и за поворотом пропадала из виду.

Сермяжко остался вести наблюдение, а Мацкевич пополз за товарищами. С наступлением темноты вся группа собралась около Сермяжко. С насыпи слышались голоса немцев.

На восток чуть ли не через каждый час шли тяжело нагруженные вражеские эшелоны.

— Пошли, — прошептал Сермяжко Мацкевичу и Тихонову, а оставшимся приказал: — Обеспечить безопасность отхода.

Используя каждый пень и ямку, три партизана тихо ползли по просеке. И если иногда под тяжестью тела хрустела нечаянно задетая ветка, они мгновенно замирали, долго прислушивались.

Впереди полз Сермяжко, стараясь удалять с пути сухие ветки и осматривая каждый камень.

Прошло больше часа, пока подрывники подползли к полотну. В трех метрах от них слабо светились стальные полосы рельсов. Сильно бились сердца, немножко дрожали руки. Подрывники напрягли слух. По полотну прохаживались патрули. В стороне мелькнул огонек карманного фонаря — партизаны плотнее прижались к земле. Разговаривая, мимо прошли два гитлеровца. Вдали, по обеим сторонам от подрывников, загорелись огни — это согнанное немцами население начинало жечь костры. Костры могли в любой момент загореться и возле них. От этой мысли по спине пробежали мурашки. Неужели задание не будет выполнено?..

Костры все приближались, и вот уже в двухстах метрах от партизан, словно факел, запылал большой костер. К нему подошли покурить охранники.

— Время, — тихо проговорил Сермяжко и пополз к рельсам; Мацкевич и Тихонов следили за обеими сторонами.

Константин быстро вырыл под рельсами ямку, заложил туда мину, тщательно ее замаскировал.

— Мина поставлена! Отходите! — отползая от полотна, шепнул он товарищам.

Остановившись в вырубленном лесу, партизаны услышали перестук колес идущего эшелона. Шум все нарастал, и вот, ярко освещая путь, показался паровоз. Он шел навстречу своей гибели. Расстояние между эшелоном и миной все сокращалось. Вот осталось только сто метров. Теперь уже не было такой силы, которая остановила бы мчавшийся тяжелый эшелон.

— Бежим! — сказал Мацкевич, и все бросились к лесу.

Оглушительный взрыв! Воздушной волной подрывников свалило на землю. В стороне у полотна взвился к небу огненный столб и одновременно раздался оглушительный треск: вагоны налезали друг на друга, корежились, как спичечные коробки. Слышались крики раненых.

Поднявшись, подрывники снова бросились бежать к товарищам. Сердца, казалось, хотели вырваться из груди.

Обезумевшая железнодорожная охрана открыла частую, но беспорядочную стрельбу, к ним присоединились уцелевшие от взрыва гитлеровцы из охраны эшелона…

Партизаны уходили в глубь леса. Задание выполнено. Под носом у охраны уничтожены паровоз и двадцать вагонов, под их обломками нашло себе могилу немало фашистов. Позднее стало известно, что железная дорога на этом участке не работала около двух суток.

Отойдя на несколько километров, партизаны остановились отдохнуть и закусить.

В резерве у них оставалась еще одна мина, ее тоже нужно было использовать. И они, посоветовавшись, повернули к железной дороге Минск — Бобруйск, перешли ее, так как с той стороны были лучшие подходы для минирования, меньше гарнизонов и местность не такая открытая.

Небо затянуло тяжелыми тучами, стало совсем темно. Подрывники сбились с пути. Напрасно Сермяжко смотрел на компас — он был испорчен.

Неожиданно вышли на прогалину, и неподалеку раздалась немецкая команда:

— Хальт! Хальт!

Партизаны залегли, в тот же миг над их головами засвистели пули.

— Не стрелять! Отойти назад! — подал команду Сермяжко. И вся группа молча поползла назад, сделала большой круг и вышла к дороге.

— Теперь я сориентировался, — обрадовался Сермяжко, — до рассвета будем в Кайковском лесу.

Лес оказался небольшой, редкий, оккупанты большую часть его вырубили.

Рассвело. Послышался стук топора и немецкий говор. Подрывникам пришлось весь день просидеть в мелких мокрых кустах, и только вечером они тронулись в путь. Поздней ночью добрались до деревни Кохановичи. Она находилась в двенадцати километрах от Минска. Здесь было много гитлеровцев; поблизости от города они чувствовали себя спокойно.

Идти, не зная обстановки, нельзя. Сермяжко подозвал к себе Мацкевича:

— Гавриил, сходи в деревню, осмотрись и, если возможно, достань проводника.

Мацкевич исчез в ночной тьме, вслед за ним медленно пошли товарищи, чтобы в случае опасности быть как можно ближе к нему.

Мацкевич осторожно подкрался к крайнему дому, прислушался и тихо постучал в окно.

— Это ты, Петр? — раздался глухой голос из дома. Мацкевич насторожился. Было ясно, что хозяева кого-то ждут. Медлить нельзя.

— Неужели не узнал? — тихо проговорил Мацкевич.

Открылась дверь, и Мацкевич, приготовив автомат, ощупью вошел в комнату, зажег карманный фонарик.

Маленький полный старик, поняв, что ошибся, бормотал дрожащим голосом:

— Кто вы?.. Кто вы?

— Успокойся, отец, я свой. В деревне немцы есть? — в свою очередь спросил Мацкевич. — Только не ври, а то… — и Мацкевич выразительно поднял автомат.

— Есть, — пробормотал старик.

— Где?

— В школе… около двадцати…

В это время во дворе послышались шаги, и кто-то постучал в окно.

— Кто? — Мацкевич схватил старика за руку.

— Мой сын, — испугался старик.

— Полицейский?

— Нет…

В окно опять постучали. Старик пошел открывать, а Гавриил стал за дверью, держа в одной руке автомат, в другой — фонарик.

В сенях раздались шаги. Мацкевич нажал кнопку, и узкий яркий луч скользнул по лицу пришедшего парня. Он был очень

похож на старика, только выше ростом и шире в плечах. Парень от неожиданности растерялся, отскочил в сторону.

— Стой! — строго приказал Гавриил. — Я партизан.

Парень остановился, щурясь от яркого света.

— Нам нужен проводник, — продолжал Гавриил, — возьми еды и пойдем.

— Куда идти?.. Не могу я… — застонал парень.

— Поторопись, сопротивляться нет смысла — дом окружен, — предупредил Мацкевич.

— Иди, сынок, они вооружены, — сказал старик и, вынув из шкафчика кусок хлеба, подал сыну.

Мацкевич привел проводника к товарищам. Сермяжко сказал парню, чтобы он коротким и безопасным путем вывел их к железной дороге.

До рассвета подрывники благополучно прошли шоссе Минск — Слуцк. Уже совсем близко был Минск, а в нескольких километрах находилась железная дорога.

Начало светать. Усталость одолевала партизан. Их проводник воспользовался этим и незаметно исчез. Подрывники оказались в тяжелом положении. Было неясно: просто ли трус парень или пособник оккупантов? Если пособник, надо ожидать преследования и усиления охраны железной дороги.

Сермяжко решил отвести группу подальше от места, где от них удрал проводник. Переменили направление и вскоре приблизились к небольшой речушке, благополучно перешли ее.

Уже окончательно рассвело. Идти дальше было опасно.

Партизаны подготовили гранаты, залегли в кустах у большака и повели наблюдение за дорогой.

День прошел спокойно. Никто их не разыскивал и не преследовал.

С наступлением темноты партизаны двинулись дальше и через два часа достигли полотна железной дороги.

На участке, куда они вышли, еще ни разу не появлялись подрывники. Немцы чувствовали себя спокойно, не веря, что партизаны могут осмелиться так близко подойти к Минску. Но в том-то и преимущество тактики партизан, что они появлялись именно там, где их не ждали.

Сермяжко, Мацкевич и Пастушенко, убедившись, что охраны поблизости нет, подползли к полотну; они действовали быстро и осторожно.

Мина заложена.

Недолго пришлось ждать эшелона.

Сильный взрыв был слышен даже в Минске, и это еще раз напомнило оккупантам, что на белорусской земле для них не

будет спокойного уголка. Взрывом уничтожено двадцать пять платформ с танками и пушками, на двое суток была выведена из строя железная дорога.

А подрывники, обойдя вражеские гарнизоны, благополучно вернулись в лагерь. Константин Сермяжко коротко отрапортовал:

— Два эшелона спущены под откос. Группа потерь не имеет.

После десятидневного пребывания в Минске возвратились Гуринович и Воронков. Пришли довольные. В штабном шалаше они рассказали о проделанной работе.

…После двух дней пути Гуринович и Воронков достигли Минска. В город вошли ночью: по дороге им не удалось узнать о положении в Минске, и поэтому решили идти прямо к сестре Воронкова — Анне.

У них с Анной было условлено, что, если опасности нет, окно в ее комнате будет приоткрыто. Воронков первым делом подошел к окну, попробовал его распахнуть. Оно слегка подалось. Тогда Воронков спокойно отодвинул горшок с цветами, нащупал ключ от квартиры. Это означало, что сестра дома.

Он тихо открыл дверь, по-хозяйски вошел в комнату, разбудил сестру и позвал Гуриновича.

Только теперь друзья почувствовали, как сильно они устали. Отказавшись от ужина, они залезли на чердак и быстро уснули. Анна не спала — оберегала партизанский сон.

Утром она рассказала, что в городе спокойно и что она по-прежнему вне подозрения. Затем Анна привела жену Гуриновича, а около полудня и Матузова.

Он рассказал, что организовал подпольную группу.

— Фашисты тебя не подозревают? — прежде всего спросил Гуринович.

— Кажется, нет, — ответил Матузов — В группе мои старые знакомые. Ефрем Федорович Исаев, он сейчас работает управляющим имения Сенница. Иван Воронич — работник этого имения, Николай Прокофьевич Прохорчик, Мария Францевна Герциг, Антон Семенович Личко, Андрей Людвигович Касперович, Бронислав Андреевич Касперович, Елена Николаевна Устинович, Платон Самуилович Колейник, Алексей Николаевич Болбут, Нина Ивановна Чумакова, Мария Самуиловна Квитковская и Софья Адамовна Пуцикович.

— Люди проверенные? — спросил Воронков.

— Надежные. Будем еще проверять на деле… В группу также входит моя жена, Дарья Николаевна.

— Члены группы знакомы между собой?

— Знакомы, — кивнул головой Матузов.

— Это плохо… Если кто-нибудь один провалится, может

выдать всю группу, — заволновался Воронков. — В дальнейшем учти: каждый член должен знать только тебя.

— Я не мог поступить иначе, — тихо сказал Матузов. — Исаев, Воронин и моя жена — старые друзья, и так уже вышло, что все вместе поклялись мстить оккупантам.

Гуринович дал Матузову несколько свежих номеров газеты «Правда».

— За это спасибо, но мы хотим действовать не только агитацией. Дайте нам мины, — с жаром проговорил Матузов.

— Пока еще рано, — возразил Гуринович, — сначала нужно закрепиться, всесторонне изучить свои возможности, а потом уже действовать.

Вечером Матузов, спрятав под рубашку литературу, оставил домик Анны Воронковой. Вскоре ушли и Вера с Михаилом. В этот вечер Гуринович решил встретиться также с Красницким.

Часа полтора спустя Вера привела к себе в дом Красницкого. На этот раз Гуринович и Красницкий встретились как старые друзья. Вера подала чай и горький хлеб местной выпечки. При тусклом свете керосиновой лампы Красницкий негромко рассказывал о положении на заводе.

— Много работы? — спросил Гуринович.

— Насколько я понимаю, это вы нам ее добавляете, — засмеялся Красницкий. — Вся территория завода заставлена разбитыми паровозами. Раньше привозили и вагоны, а сейчас нет места… Славно работают партизаны, но и мы кое-чем помогаем: отремонтированные нами паровозы долго не проездят. Рабочие и мастера работают спустя рукава, а где можно — вредят.

— Как же именно? — наклонился к нему Гуринович.

— А вот слушай… Около двух месяцев назад на заводе ремонтировался паровоз — заменяли цилиндры. Один токарь вкладывал втулку в кольцо, я в это время проходил мимо и остановился посмотреть. Я успел заметить, что кольцо внутри подпилено. Это место токарь быстро закрыл рукой, но я, как бы желая полюбоваться работой, убрал его руку. Токарь с ненавистью посмотрел на меня. — «Хорошо, хорошо, делай дальше», — сказал я, сделав вид, что ничего не обнаружил, и отошел. Токарь, это был Григорий Подобед, понял меня; через два дня он подошел ко мне и заговорил откровенно… Примерно так же я познакомился с мастером Глинским и токарем Вислоухим. Они тоже делают, что могут, — закончил Красницкий.

— Оккупанты не подозревают?

— Нет, мы так путаем распределение работы, что немцам трудно установить, кто чем занимался.

— В первое время затрудняются, а потом присмотрятся, —

сказал Гуринович. — Так что ищите и другие формы конспирации. Нужно, чтобы вы как можно дольше удержались на этом заводе. Необходимо вывести из строя наиболее важные станки.

— Тяжело будет, ведь до войны за эти станки мы иностранным капиталистам платили золотом, себе отказывали, а платили, — вслух рассуждал Красницкий.

Гуринович перебил его:

— Теперь эти станки работают на немцев, их необходимо уничтожить.

— Я понимаю, — вздохнул Георгий и, помолчав, продолжал: — Вам, должно быть, нелегко проходить в город? Ведь у вас нет документов, а когда мы начнем действовать, вам будет еще тяжелее проникать сюда… Мне кажется, надо подумать о связных. У меня на примете есть один человек. Это моя соседка, Галина Киричек. Ее мужа взяли в армию в начале войны, и она осталась с грудным ребенком. Часто вечерами мы с ней беседуем. Оккупантов она ненавидит и, я думаю, согласится… Женщина с маленьким ребенком не вызовет подозрения у немцев.

— Она где-либо работает? — спросил Гуринович.

— Биржа труда дала ей освобождение от работы из-за ребенка.

— Пока осторожно намекни, чем она могла бы помочь партизанам, — сказал Михаил. — А завтра расскажешь мне.

Гуринович и Красницкий условились о новой встрече и распрощались.

Весь следующий день Гуринович сидел дома и читал газеты белорусских националистов. Пропаганда Геббельса надрывно кричала о победах гитлеровской армии.

А Вера бегала по городу, выполняя поручения мужа.

Днем пришел Красницкий и сказал, что Галина Киричек с радостью согласилась выполнять поручения партизан или подпольщиков. Тогда Гуринович сообщил Красницкому фамилию нашего связного, проживающего в Червенском районе, и пароль, по которому Галина Киричек свяжется с этим человеком.

Итак, две подпольные группы в Минске созданы. Связь с ними решили поддерживать через Галину Киричек и Анну Воронкову. Не найдена была только квартира для конспиративных встреч и хранения взрывчатки. Посоветовавшись, Гуринович и Воронков сошлись на том, что в данный момент самым безопасным местом для этой цели был дом Гуриновича. Во дворе этого дома находился небольшой сарайчик, в котором партизаны сделали тайник.

На второй день утром Гуринович и Воронков оставили город.

3

В начале сентября по ночам были уже легкие заморозки. Стали желтеть и осыпаться листья. С каждым днем все труднее укрываться в лесу.

По данным разведки, противник не собирался проводить против нас крупных операций. Партизаны, как обычно, выходили на железнодорожные коммуникации, взрывали пути, пускали под откос воинские эшелоны, нападали на мелкие гарнизоны и реквизиционные отряды.

Сейчас уже не было необходимости оставаться в болотах, и мы перебрались в более сухое место. Это был лесной массив около Красного Берега Червенского района. В стороне протекала река Волма, впадавшая в двух километрах от нашего нового лагеря в Свислочь. На прилегающих дорогах еще с весны были взорваны все мосты, и оккупанты не могли напасть на нас внезапно. Ближайший крупный гарнизон противника находился в районном центре Пуховичи. Мы всегда были в курсе деятельности гарнизона.

Другой карательный отряд противника численностью в 150 человек стоял за рекой Свислочь в Пудицкой Слободе. Мост через реку был сожжен, и, чтобы приблизиться к нам, немцам пришлось бы проехать восемьдесят километров через Червенский район. Правда, у карателей имелась хорошо замаскированная переправа, но разведчики вовремя обнаружили ее, и теперь она круглосуточно находилась под нашим наблюдением.

В середине сентября мы получили радиограмму с Большой земли:

> «Сообщите обстановку и ваши возможности приема с воздуха группы литовских товарищей во главе с известным вам Береза».

Долго думал, кто может быть «Береза», но вспомнить так и не мог, хотя знал многих своих земляков, вынужденных эвакуироваться в глубь страны.

Подозвав к себе начальника штаба Лунькова и Кускова, показал им радиограмму.

— Примем?

— Еще бы! — весело отозвался Кусков. — Только нужно подобрать подходящую приемочную площадку, чтобы твои земляки не поломали себе ноги.

Мы пошли искать площадку. Излазив большой участок леса,

мы оказались близ деревни Клинок. Раньше в этой деревне было более ста хозяйств, сейчас она была стерта оккупантами с лица земли и оставалась только на топографической карте. Большинство жителей погибло; те же, которые спаслись, ушли к родным или знакомым, а молодежь — в партизаны к своему земляку Иваненко («Лихому»).

Угрюмо глядели обожженные деревья, торчащие между развалинами домов с высоко поднимающимися голыми трубами. Возле деревни раскинулись богатые луга. Их никто не косил, среди пожелтевшей травы мелькали поздние полевые цветы. Везде было ровно и сухо, только на одном краю, который упирался в запущенную теперь рыбную плотину, виднелись кусты.

Место подходящее. Однако в трех километрах находится Пудицкая Слобода. Правда, нас разделяет топкая Свислочь, мосты через нее сожжены, и это гарантирует от внезапного налета карателей. Руководство не разрешало принимать самолеты, если противник или его зенитные точки находятся ближе семи километров от приемочной площадки. Но откладывать прием тоже было нельзя.

— Все будет хорошо, — видя мое беспокойство, проговорил Тимофей Иванович Кусков.

Искать новую приемочную площадку — значит потерять много времени, а заставлять ждать командование мы не хотели. «Поставим всех на охрану, а товарищей примем», — подумал я и написал телеграмму, что, хотя противник близко, условия местности и принятые нами меры позволяют принять груз и людей.

— Правильно! — взглянув через мое плечо, воскликнул Кусков. — Где в другом месте найдешь такую площадку?

Через некоторое время наша радиограмма уже летела в Москву, а через два дня был получен ответ:

> «Завтра с 22.00 до 3.00 жгите костры. Сообщите о приеме».

Рано утром выступил Кусков. Партизаны нашего отряда перекрыли дороги, идущие к площадке с Пухович и Червеня. Во второй половине дня мы с Луньковым отправились на приемочную площадку. Там уже были разложены кучи хвороста, возле них, покуривая, лежали партизаны. Темнело. На западе догорала вечерняя заря, вскоре показались звезды.

В 23.00 с востока послышался гул самолета. Мгновенно запылали пять костров. Весело потрескивали облитые бензином сухие ветки. Над головами пророкотал самолет. Мы привыкли

принимать грузы с транспортных самолетов, а тут был слышен мотор военного самолета. Кое-кто из партизан шарахнулся в сторону от костров. Начали сомневаться: не фашистский ли?

Сделав разворот, самолет снизился до четырехсот — четырехсот пятидесяти метров и, плавно покачивая крыльями, стал подавать световые сигналы, означавшие, что экипаж самолета передает партизанам привет с Большой земли.

— Свой, свой! — закричали партизаны.

Вдруг позади самолета раскрылись три парашюта. Самолет снова пролетел над кострами, покачал крыльями и, набрав высоту, повернул на восток; еще мгновение — и его не стало видно.

Видимо, управляемый опытной рукой, один парашют опустился прямо у костра. Я подошел к парашютисту, только что успевшему освободиться от лямок, не в это время партизаны потушили костры, и в темноте я не мог разглядеть его лица.

— Где найти командира отряда подполковника Градова? — спросил он у меня.

— Он перед вами, — ответил я и осветил карманным фонарем выпуклый лоб и тонкий нос с горбинкой. — Так это ты и есть Береза?..

Мы радостно обнялись.

С Ионасом Вильджюнасом мы впервые встретились под Москвой, защищая столицу от фашистских захватчиков, и подружились.

— Не знал, что тебя встречу здесь, — радовался Вильджюнас, — думал, кто такой Градов, и вот тебе…

— Да я, признаться, тоже не думал, что «Береза» — это ты.

— Вас только трое? — спросил я.

— Нет двое. Больше не могли поместить в военный самолет. Со мной радист и груз.

Вскоре партизаны привели радиста, принесли груз и сложенные парашюты. Пошли в лагерь.

Сзади нас, обступив плотным кольцом радиста, шли партизаны. Взяв у него все вещи, они расспрашивали о Москве, о Красной Армии. В лагере возле костра послушать рассказы прибывших собрались все партизаны. Мы впервые принимали людей с Большой земли. Кругом царило оживление. Ведь прилетевшие еще сегодня были в Москве, говорили с москвичами. Пригласили «Березу» поужинать. Угощали его картошкой и тушеной капустой с бараниной, он же выложил на плащ-палатку консервы, налил всем по стопке спирта.

— За дружбу народов! — поднял тост Морозкин.

— За свободу Советской Литвы! — сказал Луньков.

— За Коммунистическую партию! За быстрейший разгром гитлеровских захватчиков! — поднял алюминиевую кружку Вильджюнас.

Незаметно летело время. Мы с гостем вспоминали свою родину. Он рассказал про долгие годы, проведенные им в тюрьме при буржуазном правительстве, про короткую, но счастливую жизнь в Советской Литве. Я в свою очередь рассказал, как в восемнадцатом — двадцатом годах боролся с буржуазными националистами, задушившими тогда молодую Советскую власть в Прибалтике, как потом по указанию ЦК Компартии Литвы работал в подполье в Жемайтии. Там мне пришлось столкнуться с палачом литовского народа Плехавичюсом, который свирепствовал в Жемайтии, расстреливая без всякой вины мирных граждан. И хоть прошло много лет, я снова с досадой вспоминал о своей неудаче.

…В воскресенье стало известно, что Плехавичюс отправится из своего имения в местечко Палангу, чтобы до самого вечера проводить тактические занятия с охранно-полицейскими группами. Мы с товарищем решили перехватить его в пути и уничтожить. Пробрались к шоссе, притаились в кустарниках. В час дня к нам подошел наш разведчик, местный кузнец, и сказал, что, поскольку кирмаш (ярмарка) в другом местечке, то и он пойдет туда. Мы нехотя поднялись, потому что без него мы не могли действовать, так как не знали в лицо Плехавичюса.

Сидя в кузнице, мы уже собирались обедать Я взглянул в окошко и неожиданно увидел идущего вдоль речки по тропинке к шоссе мужчину с хлыстом в руке, в английском защитного цвета френче, с черными усиками. У меня не было сомнений, что это Плехавичюс, но для достоверности я попросил посмотреть кузнеца. Тот подтвердил, что я не ошибся.

Мы выскочили на улицу и, чтобы опередить Плехавичюса, бросились через кладки, по болотам и кустарникам, срезали угол и на шоссе вышли ему навстречу. На ходу договорились с товарищем, что я брошу гранаты, а он будет стрелять из парабеллума.

День был ясный, солнечный. По шоссе никакого движения, если не считать по-праздничному одетой женщины, шедшей навстречу Плехавичюсу. Мы оказались в середине между ним и женщиной. По обочине шоссе мы подходили все ближе и ближе. Вот уже до Плехавичюса не более двадцати метров. Я швырнул одну за другой гранаты и бросился в кювет. Они завертелись у самых ног Плехавичюса, но… не взорвались.

Мой товарищ открыл стрельбу из пистолета. Плехавичюс тяжело рухнул в кювет, и я подумал, что он упал, сраженный

моим товарищем, но, когда он начал отстреливаться и звать на помощь, я понял, что он уцелел.

Женщина также подняла крик. Гранат у нас больше не было… Парабеллум — один на двоих. Пришлось отступить ни с чем…

…Советская власть в Литве была задушена, но литовский народ не прекращал борьбы. Во всех деревнях действовали партийные организации. При их содействии нам удалось добраться до Тельшаи, где нам сказали, что мы должны срочно выехать в Каунас. Там я встретился с представителем ЦК Компартии Литвы, который передал мне указание податься дальше на восток. Мне опять пришлось оставить родной край, на этот раз надолго.

— Теперь гитлеровцы опять выдвинули Плехавичюса. Придем на родину, может, еще придется столкнуться с ним, — спокойно проговорил Ионас Вильджюнас и, помолчав немного, добавил: — Если не нам, то другим. Сейчас в Литве борются десятки партизанских отрядов.

И Вильджюнас рассказал, что уже осенью 1941 года в Литве вели борьбу с оккупантами и их пособниками партизанские отряды Вито-Вилуно, Петрико, Симено, Розанауска, Вилимо, Лешмантоса и других верных сынов Родины. Много литовцев пало геройской смертью в борьбе, но партизанское движение все расширяется.

Следующей ночью с прилетевшего к нам транспортного самолета выбросились остальные партизаны группы Вильджюнаса. Они привезли с собой боеприпасы и две рации, которые должны были передать литовским партизанским отрядам.

Мы сообщили в Москву, что группу «Березы» приняли благополучно; в ответ получили приказание помочь ему достигнуть районов Вильно.

Вместе с Вильджюнасом составили маршрут передвижения.

К тому времени отряд Василия Трофимовича Воронянского вырос в бригаду. Она дислоцировалась в лесах в северо-восточной части Минской области, главным образом в Плещеницком районе, а сам Воронянский со своим штабом находился недалеко от озера Палик. Я послал к нему Гавриила Мацкевича с несколькими партизанами договориться, чтобы он принял группу «Березы» и через своих партизан отправил дальше.

Мацкевич долго не возвращался. Вильджюнас и его партизаны нервничали: они стремились скорей попасть в свои края и начать бить оккупантов. Вильджюнас просил посылать на боевые операции партизан из его группы.

— Успеешь повоевать, — успокаивал я его.

— Мы хотим бить врага. Вы имеете уже боевой опыт, и мы поучимся у вас, — настаивал Ионас.

Я, разумеется, согласился. Стокас, Борейша, Грицкунас, Вагонис, Гаведас и другие из группы Вильджюнаса совместно с нашими партизанами ходили в разведку и на железные дороги. Партизаны полюбили новых товарищей за смелость и находчивость. Мы с Кусковым постоянно привлекали Вильджюнаса к решению практических вопросов по руководству работой отрядов. Он помогал нам и вместе с тем приобретал опыт партизанской борьбы.

Возвратился Мацкевич и принес письмо. Воронянский писал, что он в настоящее время поддерживает связь с Минским подпольным обкомом партии, Белорусским штабом партизанского движения и с его руководителем — Петром Захаровичем Калининым. Василий Трофимович обещал принять «Березу», при помощи районных подпольных организаций безопасно провести его через зону своих отрядов до озера Нарочь, где действуют отряды партизан Советской Литвы.

— Спасибо, дружище! — схватил меня в объятия Вильджюнас.

И вновь знакомое чувство: грустно, что товарищи оставляют нас, и вместе с тем радостно видеть, как они рвутся в бой.

Еще до возвращения Мацкевича мы подготовили группу, которая должна была сопровождать Вильджюнаса. Он, Кусков и я обсуждали последние детали, когда к нам подошли подрывники Сермяжко и Усольцев. Всегда энергичные, находчивые и веселые, на этот раз они казались погруженными в глубокое раздумье.

— Что скажете, Константины? — спросил Кусков.

— Мы задумали одно дело, — переминаясь с ноги на ногу, проговорил Усольцев. — Вернее, Сермяжко задумал. Не знаем, одобрите ли?

— Говори, говори, — заинтересовался Кусков. — Если пришли — так, видно, что-то серьезное.

Сермяжко начал докладывать:

— Когда мы взрываем эшелоны, то повреждаем паровоз, десять — пятнадцать вагонов, а остальные остаются целы. Если в эшелонах техника, то она через несколько дней движется опять к фронту, а если в них гитлеровцы, то они открывают по нам огонь. Так вот мы и задумали уничтожать эшелоны полностью, а для этого нужно подрывать их в трех местах и потом брать штурмом.

— Дельно, — проговорил я.

Сермяжко продолжал свой рассказ, и мы убедились, насколько тщательно продумал он план уничтожения эшелонов.

— Обожди, Ионас Ионович, распахнем тебе через железную

дорогу «широкие ворота», — предложил я Вильджюнасу.

— Хорошо задумано. Когда-нибудь и мы используем ваш опыт. Охотно подожду, — согласился он.

— Идите, готовьтесь к походу, — сказал Кусков Усольцеву и Сермяжко. — На задание берите только добровольцев.

Мы вышли из палатки.

Усольцев и Сермяжко повели отобранных людей на подготовительные занятия. Сермяжко обучал подрывному делу по изобретенному им способу. Афиногентов, Ларионов, Тихонов, Красовский и другие спрятались в траве, каждый из них держал в руке по веревке. Концы этих веревок были у Сермяжко. После выстрела из пистолета лежавшие в траве должны были одновременно дернуть свои концы веревок.

Неподалеку от подрывников занимался с двадцатью восемью партизанами из штурмовой группы Усольцев. Кеглевые шашки заменяли им воспламеняющуюся жидкость.

По сигналу Усольцева партизаны бросались в атаку на воображаемый эшелон. Одновременно с этим две пары подрывников впереди и сзади воображаемого эшелона «подрывали» рельсы, чтобы не могло подъехать подкрепление.

Весь день тренировались партизаны. Вечером к нам пришли инициаторы похода.

— Ну как, усвоили? — спросил я их.

— На отлично, — ответили оба в один голос.

— Да, но сейчас вы орудовали днем, а как выйдет ночью?

Сермяжко и Усольцев согласились, что нужно провести еще и ночные занятия. Эти занятия прошли не совсем удачно.

— Придется еще разок попробовать, — признался Усольцев.

— Не забудь, на железной дороге будет легче, там взрывы осветят местность, — напомнил ему Сермяжко.

К этому новому для нас методу готовились серьезно. Даже в день выступления, когда партизанам полагался отдых, они усердно занимались. После обеда их все же заставили разойтись по шалашам. Только Усольцев и Сермяжко не захотели отдыхать, они о чем-то озабоченно переговаривались, осматривали заряды, термитные кегли.

Желая убедиться, все ли готово, я зашел в шалаш подразделения Ивана Любимова. Он должен был сопровождать группу Вильджюнаса. Большинство партизан перед походом отдыхали. Сам командир чистил пистолет.

— В поход? — показывая на разложенные части пистолета, спросил я.

— Так точно, — ответил он.

— Задание вам ясно?

— Ясно! Выполним, товарищ командир.

— Где Жардецкий? — спросил я.

— Если срочно нужно, я здесь, — раздался из-под шинели его голос.

— Присядь, побеседуем, — предложил я и вынул из сумки карту.

Юлиан и Любимов присели. Я показал им, где Усольцев со своими партизанами подорвет эшелон. Любимов внимательно следил за моим пальцем, а Юлиан смотрел куда-то в сторону.

— Ты гляди сюда, соображай, как нужно будет вести людей, — предупредил я его.

— Ничего эта бумага мне не говорит. Хорошо здесь показан лес, но не показано, где растет дерево, где яма, где пень. Лучше уж без нее проведу.

— Какой же ты, Жардецкий, неисправимый, — злился Иван Любимов.

— Меня нечего исправлять, я вполне исправный. А провести — проведу так, что комар носа не подточит.

Ночью, в темноте, Жардецкий видел, как филин. Его уши ловили самый незначительный звук. Юлиан имел и еще одно преимущество: в походе никогда не уставал. Высокий, стройный, он, несмотря на свои пятьдесят лет, оставлял позади самых лучших ходоков.

Уходя от них, я пожелал им удачи.

Вильджюнас и его товарищи готовились к походу. У них было немало груза: две рации, батареи к ним, патроны, взрывчатка, много литовских газет и книг советских писателей. Все это они непременно хотели взять с собой. То же самое пережили и мы, выходя из Торопца. Каждый партизан группы Вильджюнаса сделал себе ношу по двадцать килограммов, и все же много вещей осталось. Вильджюнас смотрел на них с сожалением.

— Жалко оставлять? — спросил я.

— Да, — уныло ответил он. — Пока Москва пришлет, все это пригодилось бы.

— Оставь здесь, а что нужно, Воронянский тебе даст, мы ему позже возвратим.

— Спасибо, — крепко пожал мне руку Ионас.

Вечером повара приготовили превосходный ужин. Мы решили устроить проводы уходящим товарищам. Были разложены свежий хлеб, присланный из совхоза «Рованичи», свинина, соленые огурцы. В середине круга, весело потрескивая, горел небольшой костер.

— Прошу гостей к столу, — обходя партизан, приглашал Луньков.

— За удачный поход, — поднялся Кусков.

— Ура! — ответили партизаны.

Поздно ночью партизаны разошлись по шалашам, и оттуда еще долго были слышны приглушенные разговоры. Постепенно все затихло. Хорошо замаскированные, всегда бодрствующие часовые охраняли сон своих товарищей.

Рано утром выстроились партизаны, уходящие в поход. У всех подогнано обмундирование, вычищено оружие, чисто выбриты лица. У нас существовал обычай: если собираешься в поход, то не только подготовь оружие, но и почини да вычисти одежду.

— Смирно! — скомандовал начальник штаба Луньков, и строй замер.

— Товарищи, — начал я, — мы в тылу противника ведем священную борьбу с фашистскими захватчиками. Тяжел наш путь, но мы не одни, с нами весь народ. Сегодня одним из нас надлежит провести литовских десантников, другим — выполнить новую в нашей партизанской борьбе задачу. Командование верит, что как одни, так и другие с честью выполнят задания.

— Смерть фашистам! — прогремело в ответ.

— Родина не забудет ваших боевых дел, — продолжал я. — Будьте бдительны, нужно в любой обстановке быть хитрее врага. С этого дня пусть оккупанты сильнее почувствуют карающую руку партизан.

Подошли Усольцев и Сермяжко.

— Штурмовая группа… — начал докладывать Сермяжко, но я перебил его:

— Не надо, вижу, что подготовились.

Я осмотрел группу.

— Можете идти!

От отряда отделились Мацкевич, Жардецкий и другие разведчики. Они пошли вперед. За ними двинулась группа Любимова, затем мы с Вильджюнасом, сзади нас шла его группа и замыкающие колонну бойцы Сермяжко. В трех километрах от лагеря остановились, чтобы проститься.

— Спасибо, друг, за все, — обнял меня Ионас, — встретимся после победы.

— Привет родной земле! — только и успел сказать я. Вильджюнас, торопясь, обнял Морозкина, Кускова, Лунькова… Чтобы не выдать своего волнения, отвернулся в сторону и широкими шагами направился к своей группе. Перед поворотом он обернулся, помахал нам фуражкой и исчез за кустарником.

Через несколько дней возвратились группы Усольцева и Сермяжко. Они доложили о выполнении задания.

— Был гитлеровский эшелон, а теперь его нет, — пояснил

Усольцев и добавил: — Ни одного целого вагона. Все там было: и танки, и пушки, и гитлеровцы.

Я знал, что Усольцев не преувеличивает. У нас установился строгий закон — сообщать только действительные результаты, и партизаны точно придерживались его.

Мы с Кусковым пожали руки всем партизанам. Затем повели с собой Сермяжко и Усольцева.

— Сообщим в Москву о вашей операции, пишите рапорты, — приказал я им.

По их отчету мы составили радиограмму:

> «Тридцать восемь партизан подорвали около станции Жодино воинский эшелон с техникой в пятьдесят два вагона.
>
> При этом было убито 22 фашистских солдата, ранено 19, уничтожены паровоз, 14 вагонов и тяжело поврежден весь состав. Ни один вагон не пошел на фронт. Движение по линии было остановлено на одни сутки».

В тот же день получили ответ:

> «Советское правительство благодарит славных партизан и желает им новых успехов и подвигов во славу нашей социалистической Родины. Представьте отличившихся участников к наградам орденами и медалями».

Радиограмму я зачитал перед строем. В лагере был праздник. Позже выяснили подробности этой операции.

Когда партизаны вышли из лагеря, они несли с собой восемь литров бензина, несколько термитных кеглей, три заряда толовых шашек по шестнадцать килограммов каждый.

Пройдя тридцать пять километров, уже в сумерках зашли в небольшую деревушку. Из-за туч, нависших над деревней, выглядывала бледная полоска луны. До железной дороги осталось около десяти километров. Усольцев с Вильджюнасом и Любимовым решили заночевать в деревне.

Выставив посты, усталые партизаны легли в сараях на соломе. Под утро Сермяжко разбудил Усольцева.

— Костя, я с маленькой группой пойду в разведку, вы меня обождите.

— А стоит ли? — усомнился Усольцев. — Еще вспугнешь фашистов.

— Не вспугну, — усмехнулся Сермяжко. — До Судабовки —

рукой подать, а я оттуда родом, там вырос, местность знаю, как свои пять пальцев. Разведаю расположение железнодорожной охраны.

— Иди, — согласился Усольцев.

Они условились, что встретятся в пяти километрах от железной дороги.

На рассвете с остальными партизанами вышел из деревни Усольцев. С целью запутать следы он выступил в обратном направлении, потом, сделав большой круг, по кустам пришел в условленное место и стал ждать. Начал накрапывать мелкий дождик.

В это время Сермяжко с товарищами подошел к железной дороге и в течение двух часов вел наблюдение, приглядывался к охране. Затем партизаны отправились к месту встречи.

Сермяжко забежал в деревню к своему старому знакомому и вернулся с большим куском бараньей туши.

Вскоре разведчики были с основной группой.

Нашли сухие, еще до войны заготовленные штабеля дров. Развели костер. Константин Константинович Тихонов молча разрезал мясо, а Андрей Иванович Ларионов заворачивал куски в тряпки, обмазывал глиной и клал в горячие угли. Скоро потрескавшиеся куски глины вытащили из костра, разбили и вынули запеченное мясо. В лесу запахло жареным.

— Учитесь, ребята, — говорил своим десантникам Вильджюнас.

— Жизнь всему научит, — ответил польщенный Ларионов.

С наступлением темноты Сермяжко ее своими разведчиками вышел к дороге на Судабовку. Спустя некоторое время к железной дороге начали подходить местные жидели. Немцы заставляли их жечь костры вдоль полотна железной дороги для предупреждения диверсий. Вдали показались два подростка. Сермяжко подполз к дороге, пригляделся, тихо позвал:

— Коля! Гриша!

Он узнал младших братьев. Выполняя приказ оккупантов, они тоже ходили жечь костры на железной дороге. Сермяжко использовал это и с помощью братьев уже пустил под откос два эшелона. В Судабовке стоял большой гарнизон полиции, и Сермяжко не мог заходить к себе домой, он встречался с братьями в условленном месте, недалеко от деревни.

Пареньки, предварительно оглянувшись назад, шмыгнули в сторону, откуда был слышен голос брата.

— Ты здесь, Константин? — не различая ничего в темноте, спросил Гриша.

— Я, хлопчики, я, — прошептал Сермяжко и обнял братьев. —

На полотно?

— Куда же больше? — ответил Николай. — А вы в то же самое место? Выходит, придется опять посветить.

— Придется, — подтвердил Сермяжко, — но нам нужно пройти железную дорогу, пропустит ли охрана? — с улыбкой спросил он.

— А много? — поинтересовался Гриша.

— Около сорока.

— Гм, — Гриша в нерешительности покачал головой. — Многовато. — Но, подумав, решительно махнул рукой. — Сделаем.

Константин договорился с братьями, в каком месте и в какое время будут переходить партизаны железную дорогу, какой сигнал должны будут подать Коля и Гриша. После этого мальчики вышли из кустов на дорогу и продолжали свой путь.

Пошел дождь, поднялся ветер, сгибавший верхушки деревьев. В просветах кустарника показались огни костров.

Сермяжко подвел группу к месту, где должны были жечь костры его братья. Залегли. Издали трудно было отличить местных жителей от охраны. Константин смотрел на часы и ждал сигнала. Вот у одного из костров две фигуры начали гоняться друг за другом. Сермяжко понял: это его братья. Костер медленно гас.

— Пора, — сказал он Вильджюнасу и Любимову.

Они пожали Константину руку и вместе со своими партизанами поползли через поляну. В этот момент начал гаснуть и второй костер. Оставшиеся на опушке леса партизаны видели, как один за другим проскакивали через полотно черные фигуры. Облегченно вздохнув, Сермяжко тоже пополз к железной дороге. Недалеко от полотна, спрятавшись за пень, он заухал по-совиному. К нему, будто за хворостом, подошел Гриша и прошептал:

— Фашисты ушли далеко вперед. Возле костра справа свои люди.

— Ясно, — также шепотом ответил Константин и быстро отполз назад к товарищам.

— Начинаем, — шепнул он им.

Разделившись на три группы, партизаны поползли к железной дороге. Почти одновременно достигли полотна, вырыли ямы, положили в них мины и замаскировали гравием и щебнем; оставшуюся землю и щебень собрали в корзинки, отползли обратно и залегли, держа в руках концы веревок.

Недалеко от полотна лежали партизаны Усольцева.

— Порядок? — спросил Усольцев у Сермяжко.

— Сделано, — тяжело дыша от усталости, прошептал тот.

В это же время в километре от станции Жодино на полотно выползли еще два партизана из группы Сермяжко и быстро заложили мину.

Труднее пришлось Красовскому и Дмитрову. Они подкрались к костру, прислушались. Говорили по-немецки, значит, возле костра гитлеровцы. Красовский до боли кусал губы. Время шло медленно. Неужели не удастся поставить мину? Сразу из Минска примчится помощь, и товарищи окажутся в опасности. От этой мысли по телу пробежала дрожь. Ползти между костров нельзя — заметят.

Подрывники напряженно ждали. Наконец гитлеровцы, подняв воротники плащей-дождевиков, отошли от костра, поднялись на полотно и быстро зашагали к станции. Медлить было нельзя. Красовский и Дмитров моментально вылезли из укрытий и, сделав две перебежки, оказались около сторожки.

— Не шевелиться и не кричать, — задыхаясь от дыма, приказали они сторожам.

Старики, сидевшие у костра, подняли руки.

— Не бойтесь, — сказал Красовский, — мы свои люди.

Дмитров быстро поставил и замаскировал мину, протянул через полотно веревку, засыпал ее гравием. Вдали на полотне замелькали огоньки папирос. Это — патрули. Но теперь они уже не страшны.

— Сидите и ни слова, а то… — и Красовский красноречиво помахал автоматом.

— Что ты, сынок, мы православные, — перекрестился один из стариков.

Красовский нырнул в темноту. Патрули, не сходя с полотна, спросили у стариков пароль. Те ответили, и немцы пошли дальше.

Опасность миновала. Красовский вернулся к старикам.

— Как только услышите взрывы, убегайте в лес, — предупредил он их.

Дождь не унимался; у партизан от холода ныли суставы.

Наконец со стороны Минска послышалось пыхтение паровоза. Тяжело нагруженный эшелон торопился на восток. Подрывники сжали веревки, бойцы из штурмующей группы взяли в руки кеглевые шашки и гранаты. Паровоз уже проскочил мимо Афиногентова и Тихонова. Пройдя две мины, он приближался к последней. Вот он достиг ее.

Оба товарища с силой, как будто желая придать взрыву большую мощность, дернули веревки.

Под колесами блеснул огонь, и раздался оглушительный

взрыв. Паровоз, подхваченный взрывной волной, подскочил вверх и, как раненое животное, повалился, в предсмертных судорогах вращая колесами.

Раздался второй взрыв. Это сработала мина Постушенко и Кулеша. Эшелон в белом вихре огня на миг показался из темноты и разорвался пополам. Визжали и скрежетали ломающиеся вагоны. Раздавшийся одновременно взрыв мины Афиногентова и Тихонова поднял на воздух хвост эшелона; ему ответили взрывы с флангов: справа — Дудкина и Давыдова, слева — Красовского и Дмитрова. От этих взрывов в куски разлетелись рельсы.

Но вот все стихло, все утонуло в ночной темноте. После грохота взрывов тишина неприятным щемящим перезвоном отдавалась в ушах. Вдруг неожиданно красный свет ракеты разорвал мрак и бледным светом осветил исковерканный эшелон. В тот же момент на изуродованное тело эшелона обрушился огненный ливень свинца. Это штурмующая группа Усольцева бросилась в атаку. Каждый из партизан до мелочей знал, что ему делать. Пулеметчики и автоматчики простреливали уцелевшие вагоны. Взрывы на флангах придали партизанам уверенность: они гарантировали, что противник внезапно не нападет.

— Ура! — сквозь треск огня послышался голос Сермяжко.

Из-под разрушенных вагонов вылезали гитлеровцы.

— Гранатами! — крикнул Усольцев.

Партизаны стреляли в упор, без промаха. Мацкевич с небольшой группой поджигал термитными кеглями платформы с танками и пушками.

Афиногентов, Ларионов и Тихонов бросились к уцелевшему пульману. От воздушной волны он покосился, но не перевернулся. Когда партизаны приблизились к вагону, оттуда выше их голов просвистела автоматная очередь. Все трое залегли.

— Обождите, — крикнул Ларионов. Он быстро добрался до полотна и швырнул в окно вагона две гранаты. Затем впрыгнул в вагон и изрешетил из автомата все купе. Прибежавшие товарищи помогли ему собрать оружие и документы, из которых позже выяснилось, что этот вагон был офицерским.

Железнодорожная охрана, полагая, что партизаны, как обычно, после подрыва и обстрела эшелона немедленно покинут полотно, решила смело «напасть» на места диверсии, зная заранее, что никакого сопротивления не встретит. Выждав некоторое время, гитлеровцы выскочили из расположенного недалеко дзота и, стреляя по сторонам, побежали к месту взрыва.

Их заметил Мацкевич.

— Пусть поближе подбегут, — прошептал он.

Прибежавшие гитлеровцы были сметены залпом партизан. В

другом конце эшелона еще пятерых охранников уложила вторая группа прикрытия.

Оккупанты умели быстро восстанавливать поврежденный путь. Так и на этот раз: к месту взрыва сейчас же вышли два аварийных эшелона — один из Борисова, другой из Минска, но оба вскоре остановились перед разрушенным путем, не доезжая километра до разбитого воинского состава. Фашисты вылезли из вагонов и по обеим сторонам полотна поползли к разбитому эшелону, пуская в воздух осветительные ракеты и беспорядочно стреляя.

Увидев условный сигнал — зеленую ракету, Усольцев подал команду:

— Отходить!

Партизаны, на ходу вытирая пот, группами отходили в лес.

Перед Константином Сермяжко, словно из-под земли, выросли его братья.

— Что нам делать? Примите в отряд, все равно немцы расстреляют, — торопливо говорил Гриша.

— Не расстреляют, ребята, вы еще здесь пригодитесь, — глухо отозвался Сермяжко, хотя у него от этих слов кольнуло в груди.

В то время оккупанты, опасаясь, что жители не пойдут жечь костры на железную дорогу, после диверсий сторожей из местных жителей не расстреливали.

— Так что же делать? — с унынием спросил Коля.

— Идите домой и молчите. Вся железнодорожная охрана перебита. Сам черт теперь не догадается, в каком месте вы в эту ночь были. Идите, братишки! — Константин нежно обнял их и расцеловал.

Стрельба немного стихла, но опасность не миновала. Партизаны находились в одном километре от противника.

Нужно было торопиться. Усольцев и Сермяжко проверили партизан — собрались все.

— Пошли, — коротко бросил Сермяжко, и все быстро побежали к лесу. Сзади догорал эшелон. В дождливом небе широко раскинулось зарево пожара.

В условленном месте, в двух километрах от железной дороги, партизаны нашли Дмитрова, Красовского, Дудкина и Давыдова.

— Не ранены? — спросил их Сермяжко.

— Нет, — за всех ответил Дмитров. — Только фасон у меня, проклятые, испортили. — Ему осколком мины распороло плечо у ватной куртки.

Усольцев фонариком осветил его и увидел вырванный кусок материи.

— Счастье твое, парень, ведь тебе могло голову оторвать, — сочувственно проговорил Сермяжко.

— Они так и целили, да я вовремя отвернулся, — засмеялся Дмитров.

Унося захваченное у немцев оружие, партизаны торопились уйти подальше от места налета. Они подошли к деревне Трубенки. С пригорка еще видно было пламя пожара.

— Эх, вот бы так же стукнуть и по здешним фашистам, — показал рукой на Трубенки Андрей Ларионов.

— В другой раз, — умерил его пыл Усольцев.

На опушке леса партизаны решили отдохнуть. Они сели в кружок, достали из вещевых мешков жареную баранину, размокший от дождя хлеб и с аппетитом поели.

Ветер доносил звуки разрывов мин, пулеметные очереди.

— Пусть себе палят! — усмехнулся Дмитров.

Эхо этого взрыва пролетело далеко окрест. Это был сильный удар по врагу.

Мы остались довольны, что небольшая горстка партизан нанесла такой чувствительный удар по врагу.

4

Эсэсовцы в Пудицкой Слободе становились все активнее: с противоположного берега Свислочи они обстреливали наш берег, но переправляться не решались.

К этому времени Меньшиков установил связь с командирами партизанских отрядов Иваненко и Тихомировым. Иваненко, родившийся и выросший в деревне Клинок, собрал в свой отряд около пятидесяти партизан, в большинстве жителей окружающих деревень.

Тихомиров — младший командир Красной Армии, попал в окружение, долго метался вдоль прифронтовой полосы, но нигде ему не удавалось прорваться к своим. Тогда он с группой конников остался в белорусских лесах и начал партизанскую борьбу. Подчас тяжело было кавалеристам воевать в топких лесах, но еще тяжелее было отказаться от коня.

Когда в отряд приходили новые люди, Тихомиров подводил новичков к лошади, приказывал ее оседлать и сесть, а сам внимательно наблюдал со стороны. Если новичок все выполнял хорошо, Тихомиров похлопывал его по плечу и с улыбкой говорил:

— Парень будет хорошим партизаном.

— А коня дадите? — радовался тот.

— А коня придется самому достать, — сразу охлаждал пыл новичка Тихомиров и тут же успокаивал:

— Не унывай, возьмем у оккупантов. Хотя их лошади не так быстры, но ничего.

Тихомиров вихрем налетал со своими партизанами на небольшие гарнизоны противника. Так, летом 1942 года он напал на гарнизон местечка Пуховичи. Партизаны выполнили приказ командира: беречь в бою не только свою лошадь, но и лошадь противника. После боя они увели немало коней. Толстых бесхвостых немецких лошадей Тихомиров обменивал в деревнях на местных, более легких. Его отряд быстро рос, вскоре он уже насчитывал около ста пятидесяти всадников.

Отряд уничтожил сотни оккупантов. Конные разведчики сообщали о продвижении реквизиционных отрядов врага, и Тихомиров внезапно нападал на них.

Всякий раз, узнав про подготовку оккупантов к проведению карательной экспедиции, его отряд за ночь проделывал по нескольку десятков километров, и противник терял следы; а в это время партизаны Тихомирова оставляли лошадей под прикрытием, залегали возле шоссе в засаде, ожидая подхода

немцев.

Вместе с боевой славой Тихомирова распространились и неприятные слухи о его неправильном отношении ко всем, без исключения, старостам, к учителям.

Я решил проверить эти слухи и, взяв с собой Меньшикова, направился к Тихомирову. Мы шли по просеке, как вдруг услышали треск ломаемых веток. Повернувшись, увидели трех всадников. Расспросив нас, они посоветовались между собой и согласились отвести нас в свой лагерь.

В лагере застали обычную картину партизанской жизни: одни мыли лошадей и чистили оружие, другие отдыхали.

— К вам, товарищ командир, — сказал один из сопровождавших нас всадников.

Навстречу нам поднялся молодой, высокий, стройный и плечистый блондин с открытым, мужественным лицом. Заметив Меньшикова, он, улыбаясь, подошел к нему и дружески обнял.

— Сорока на хвосте принесла соседей! — смеясь, громко проговорил он.

Потом Тихомиров протянул мне мускулистую руку и назвал свою фамилию. Очень светлые глаза его приветливо блестели.

— Как хорошо, что пришли, побеседуем.

Он отвел нас в сторону. Под небольшими елями, очищенными снизу от веток, мы увидели две полевые 76-миллиметровые пушки.

Я тронул Тихомирова за руку:

— Ого! Батарея!

— На шоссе нашли, — с гордостью ответил он.

— Как нашли? — не понял я.

— Очень просто. По шоссе шли гитлеровцы и везли эти орудия. Фашистов мы списали, а пушки взяли с собой. Снаряды тоже прихватили… Если хотите, пойдемте, посмотрим технику противника, — обратился он к нам.

Мне показалось, что Тихомиров любит похвалиться, но потом я убедился, что это была его обычная манера разговаривать.

— Видел, — отказался я. Мы пошли дальше и сели под деревом.

— Слышал я про ваших партизан — мастеров подрыва немецких эшелонов, — начал Тихомиров.

— Да, мы гордимся ими, — подтвердил я. — Мы также много слышали о вас хорошего, но кое-что рассказывают и плохое.

— Как так? — встрепенулся Тихомиров.

— Говорят, вы решили со всеми старостами разделаться? — взглянул я на него в упор.

— Вот в чем дело! — Лицо Тихомирова вспыхнуло. — Они с

оккупантами обнимаются, а я, выходит, должен ихние плеши целовать!..

Он было выругался, но на полуслове оборвал себя.

— Не горячитесь, — взял я его за плечо. — Разве все старосты продались оккупантам? Среди них есть много наших людей, которые помогают народу.

— Я так понимаю: или с нами или с немцами, середины быть не может, — махнул рукой Тихомиров.

— Во-первых, некоторым патриотам приходится маскироваться… А во-вторых, есть люди, которые боятся, колеблются. Таких нужно убеждать и перетягивать на свою сторону.

— Сегодня я склоню его на свою сторону, а завтра его склонят оккупанты, и он опять переметнется в другую. Так он и будет метаться, — доказывал Тихомиров.

— С теми, кто действительно продался, мы поступаем сурово. Но мы не должны в каждом старосте видеть врага. Ведь партия учит нас поправлять человека, который совершил ошибку. Да одному и трудно выявить предателя, надо прислушаться к голосу народа, и он укажет предателя.

Владимир Тихомиров задумался.

— Может быть, ошибся, — тяжело вздохнул он, — но с первых дней войны в тылу врага я насмотрелся, как оккупанты мучают народ. Поэтому и не терплю их пособников.

— Надо же различать людей, а не стричь всех под одну гребенку, — возразил я. — Я слышал, товарищ Тихомиров, что вы не только к старостам, но и к учителям так относитесь… — сказал я.

— Нет! — вскочил он. — Это уж… — он запнулся. — Это уж наврали. Учителей я не трогал. А просто… Когда мы разбили один гарнизон, то я приказал учителям школы поскорее сматываться. Куда-нибудь подальше…

— В чем же эти учителя провинились?

Тихомиров пожал плечами.

— Ну, если они учат ребят в той школе, где немецкий гарнизон стоит, то, стало быть… — Он снова запнулся. — Стало быть, они фашистам подчинились и гитлеровскую пропаганду разводят…

Мы с Меньшиковым невольно переглянулись.

— И вы, товарищ Тихомиров, полагаете, что учителя, которые двадцать лет учили нашу молодежь любить свою Родину, которые воспитали многих советских патриотов, способны служить убийцам и палачам?

— Я думал, раз они работают в эсэсовском гарнизоне… —

начал было он и тотчас замолк.

Я оглянулся — вблизи никого не было.

— Да, они работали среди эсэсовцев, но выполняли задания партизан, — тихо сказал я. — А теперь их гораздо труднее устроить… Понимаете? Ведь враг и силен, и коварен, и воевать против него только пулями да гранатами мало. Надо бороться также и умным словом, и осторожной разведкой.

— Я понял, — сказал Тихомиров. — Указания партии для меня закон. Теперь буду действовать осмотрительно.

— И к людям надо относиться бережно, — добавил я.

— Постараюсь.

После беседы мы с Меньшиковым собрались уходить. Уже прощаясь, Тихомиров спохватился:

— Что вы, обождите! Для вас готова повозка. Я провожу вас… Спасибо, что навестили меня, — говорил Тихомиров доро́гой. Когда мы выехали на широкий накатанный большак, он простился. Пообещал приехать к нам и, повернув обратно, привычной кавалерийской походкой пошел к своему лагерю.

Вороные, ступив на твердую почву, с места рванули крупной рысью.

— Лихой казак, — заговорил Меньшиков, думая о Тихомирове.

— Огонь парень, — вставил я и подумал, что отряду Тихомирова нужен хороший, волевой комиссар, который имел бы авторитет у командира.

— Как ваш командир? — спросил Меньшиков у партизана-возницы.

— В бою незаменим, везде успевает и себя ничуть не щадит. Еще никогда не приходилось показывать спину фашистам, — с гордостью ответил возчик.

— И никогда не отступали? — хитро прищурился Меньшиков.

— Один раз отступили, но здесь дело другого рода: захват крупных трофеев, — бодро ответил молодой партизан. — Нас было тогда шестьдесят человек; мы лежали возле шоссе, а их подходило полтораста, да сзади еще двигались две пушки. Командир посмотрел в бинокль и опять залег. Когда колонна прошла, мы ударили из пулеметов и автоматов по пушкам, и, пока противник опомнился, пушки уже были у нас в кустах… Известно, потом нельзя было не отступить.

Это была правда. По шоссейным дорогам оккупанты меньше чем по сотне не ходили. Мелкие подразделения иногда по нескольку дней ожидали подхода более крупных частей, чтобы вместе продвигаться в нужном направлении.

Подъехали к секретам нашего отряда. Из-за небольших

густых елок выросла фигура Карла Антоновича.

Попрощавшись с возчиком, пошли тропинкой в свой лагерь. Скоро потянуло дымом, и между деревьями показались шалаши.

Морозкина, Кускова и Лунькова мы нашли в штабной палатке. Я рассказал им об отряде Тихомирова.

— Эх, объединиться бы нам в бригаду! — разошелся Луньков. — Мы — подрывники, тихомировцы — кавалеристы. Так бы развернулись под Минском!

— Только под Минском? — насмешливо взглянул на него Морозкин. — А я предпочитаю меньше шуму, да чтобы и в самом Минске крепкие корни пустить.

— Я за крупное соединение стою, — рубанул рукой Луньков.

На другой день Меньшиков явился ко мне с донесениями сельских партизанских комендантов.

— А как связь с другими отрядами?

— Сегодня вернулись разведчики от Сацункевича.

— Какие новости?

— Хорошие: Сацункевич сообщил, что он поддерживает связь с новым отрядом, которым руководит Веер.

— Большой отряд? — заинтересовался я.

— Около сотни… — ответил Меньшиков и, помолчав, хмуро добавил: — В деревне Зенанполье Тихомиров вчера вечером кого-то расстрелял.

Наутро вернувшийся из Зенанполья Меньшиков доложил, что там по просьбе жителей расстрелян предатель. У нас словно камень с сердца свалился.

Сацункевич сообщил, что 14 октября из-за фронта в его районе появилась конная группа. Командир отряда передает мне привет и просит прибыть к нему на встречу около деревни Стриево.

Я задумался. Не провокация ли немцев? Нужно проверить. Взяв группу партизан, отправился к Сацункевичу.

— Иван Леонович, вы уверены, что эта группа наша, а не противника?

Сацункевич пожал плечами:

— А откуда же ихнему командиру тебя знать? Да и потом у него ордена Ленина и Красного Знамени.

— Это еще не доказательство, — ответил я Сацункевичу.

Фамилии командира Иван Леонович назвать не мог.

Мы заблаговременно отправили в район встречи разведчиков и группу прикрытия. 15 октября 1942 года под вечер мы встретились. Мои опасения отпали.

Я издалека узнал Алексея Канидьевича Флегонтова, участника гражданской войны и партизанского движения на

Дальнем Востоке; мы с ним познакомились в Москве осенью 1941 года. В 1941 году Флегонтов с отрядом партизан действовал в тылу противника в Подмосковье.

Алексей Канидьевич рассказал. Во второй половине августа 1942 года ЦК Компартии Белоруссии сформировал рейдовую группу — свыше ста всадников. Партия дала Флегонтову задание: поднять население на активную борьбу с фашистскими захватчиками. В конце августа на одном из участков Калининского фронта конная группа без потерь перешла линию фронта и углубилась в оккупированную врагом Витебщину. Продвигаясь по намеченному маршруту, партизаны-конники с боями перешли железную дорогу Полоцк — Витебск.

На следующий день группа форсировала Западную Двину южнее Полоцка. Значительной части партизан пришлось добираться до противоположного берега вплавь; те же из них, которые не могли плавать, переправлялись на бревнах или держась за лошадей. Местные жители помогли переправить на плотах обоз.

В первой половине сентября группа Флегонтова достигла района Камень — Лепель, где провела боевую операцию: взорвала двенадцать нагруженных автомашин противника и уничтожила восемьдесят четыре фашиста.

— В этом крепко помогли нам партизаны бригады Дубровского, — закончил Алексей Канидьевич.

Мы, в свою очередь, описали Алексею Канидьевичу обстановку в районах Минской области. Я подробно рассказал о Тихомирове. После беседы решили, что Флегонтов со своими конниками направится к Тихомирову.

Мы выделили ему проводников. В ноябре он вместе с Тихомировым создал бригаду.

В бригаду вошли кавалерийский отряд «Боевой» А. К. Флегонтова, 752-й отряд В. И. Ливенцева, отряды «Пламя» Е. Ф. Филипских, имени Сталина В. А. Тихомирова, «Красное знамя» Кузнецова. Партизанскую бригаду «За Родину» возглавил А. К. Флегонтов, заместителем у него стал В. А. Тихомиров.

11 марта 1943 года во время боя с карателями Флегонтов погиб. Позже отряды Филипских, Ливенцева и Тихомирова выделились из бригады и стали действовать самостоятельно. Вскоре на их базе возникли новые бригады.

Через несколько дней возвратился Любимов со своими партизанами. Он доложил, что благополучно провел группу Вильджюнаса в бригаду Воронянского, а оттуда в бригаду «Дяди Коли» — Лопатина Петра Григорьевича, где Ионас помог выявить

проникших в бригаду предателей — литовских националистов.

Пришло время подумать о зиме. Оставаться здесь дальше было нельзя: рядом сильный гарнизон противника. Как только Свислочь покроется льдом, гитлеровцы не замедлят напасть на нас. Мы решили отойти на другую сторону шоссе.

И вот мы на новом месте. Под ветвистыми елями партизаны сооружают шалаши, повара устанавливают кухню.

В двух километрах от нашей стоянки — деревня Кленовка. В шести километрах протекает река Березина. Слева нашим соседом — отряд Сацункевича, на юго-западе — отряд Веера.

Мы с Луньковым, осмотрев местность вокруг лагеря, наметили «контрольные тайники» и выслали связных в соседние отряды. Они пригласили командиров к нам на совещание.

В назначенный день первым прибыл комиссар отряда «Разгром» Сацункевич. Под вечер приехал Веер с товарищами.

Высокий рост Веера скрадывался необычайно широкими плечами. Небольшие, слегка вьющиеся усы оттеняли мужественную красоту загорелого лица. Было ему лет тридцать пять.

Он представился, крепко пожал нам руки и скромно отошел в сторону.

Разговаривая, зашли в штабную палатку. Сацункевич по-хозяйски осмотрел стены, сделанные из лозы, стол, сбитый из досок, скамейки.

— Гм… неплохо, но зимой замерзнете.

— До зимы сделаем город, выстроим баню, Иван Леонович, и тебя пригласим попариться.

— Раньше нужно осмотреться, не готовят ли нам немцы веники, — смеялся Сацункевич.

Веер сидел в стороне, молчаливый и сосредоточенный.

— В соседи к вам мы пришли, — сказал я.

— Хорошим соседям рады, а друзьям — тем более, — ответил он.

— Как в отряде с оружием?

— Этого хватает, есть даже четыре миномета…

— А мины?

— Есть немного. Отняли у противника, — ответил он.

— Если нуждаетесь, можем кое-чем помочь, — сказал я и спросил: — Связь с Москвой держите?

Веер заметно оживился:

— Если можете, патронов дайте. Связи с Москвой у нас нет. А вы о нас можете сообщить?

Я видел, что Веер не из тех, кто любит говорить впустую и

каждому встречному раскрывать свое сердце.

— Сообщим, — кивнул я.

— Спасибо, — он горячо пожал мне руку. — И если также мин подкинете…

— Мин пока нет. А каких нужно? Может, Москва пришлет.

— Батальонных.

— Запрошу, — пообещал я.

В палатку зашел Кусков.

— Начнем, пока совсем не стемнело, — предложил я и заговорил: — Насколько помогло нам объединение, мы убедились на опыте. Вспомним бои под деревней Валентиново в июле сорок второго… Фашисты попытались зажать нас железным кольцом и уничтожить. Не вышло! Потери противника были в несколько раз больше, чем наши. Примерно то же и в районе Потичево. Теперь нам необходимо определить районы действий каждого отряда и координировать нашу боевую деятельность. Кроме того, наладить обмен разведданными между отрядами.

— Ясно, — отозвался Сацункевич.

Луньков зажег лампу, и все склонились над картой.

Сацункевич и Веер попросили сократить им участки действий. Разумеется, у нас не было и не могло быть «сплошных», надолго установленных оборонительных линий. Основной задачей нашей обороны было держать под неослабным наблюдением районные центры, где сосредоточились крупные силы оккупантов.

Каждый партизанский отряд должен был на своем участке следить за действиями гарнизонов противника и с случае вылазки немцев в населенные пункты бить их из засад; через каждые пять дней мы должны обмениваться друг с другом информацией, а в случае непосредственной опасности немедленно ставить в известность об этом соседние отряды.

Закончив совещание, направились на «склад» боеприпасов.

Поздним вечером Сацункевич и Веер уехали.

Потекла обычная лагерная жизнь. Константин Сермяжко обучал подрывному делу новых партизан. Усольцев, Любимов, Луньков и другие обучали новичков стрелковому делу и тактике партизанской борьбы.

У нас набралось большое количество немецких автоматов, винтовок и пулеметов. Каждый партизан должен был изучить и знать оружие противника.

Однажды в штабную палатку вошли сибиряки Анатолий Чернов и Иван Леоненко. Они состояли в разведгруппе Меньшикова.

— Мы тоже хотим изучить подрывное дело, — сказал

Анатолий. — Эшелоны под откос пускать.

— А разведчиками не нравится? — спросил я.

— Нет, что вы! — замотали они головами. — Разведку мы любим, но надо изучить и подрывное дело. Нам часто приходится проходить через железные дороги и шоссе; разведка не пострадает, если мы задержимся на полчаса, чтобы заложить мину, — одним духом выпалил Анатолий.

Леоненко добавил:

— Подрывное дело мы изучим в свободное время, только вы дайте разрешение на учебу.

— Прекрасно, друзья, — сказал я. — Поговорю с вашим командиром, чтобы отпустил вас на несколько дней для учебы.

Они ушли улыбающиеся, а я задумался. Почему бы не научить каждого партизана подрывному делу, так же как стрелять из автомата и пулемета?

Я пошел разыскивать Кускова, Морозкина и Лунькова, чтобы поделиться с ними своими мыслями.

Около самой палатки столкнулся с разведчицей Валентиной Васильевой. В ватных брюках, кирзовых сапогах и черном полушубке она больше походила на подростка-мальчугана, чем на девушку.

— Вы знаете, я к вам! — немного смутившись, сказала она.

— Ничего не знаю, — развел я руками.

— Мы с Дусей тоже хотим изучить подрывное дело, — пояснила она и подняла на меня глаза. В них было нетерпение.

— Больно много желающих. Этак на каждого и по одному эшелону не хватит, — пошутил я.

— Нет, я серьезно, — твердо сказала Валя.

— Конечно, учиться надо серьезно, иначе сама подорвешься.

— Выходит, я смогу учиться… — обрадовалась Валя.

— Идите и доложите Сермяжко, пусть зачислит вас в новую группу обучающихся.

Как ветер сорвалась Васильева и бросилась искать Сермяжко. Мне припомнился рассказ Кускова о том, как Валя попала в отряд.

…Было серое, холодное апрельское утро. Отряд зашел в деревню. К Кускову робко подошла плохо одетая девушка и несмело спросила:

— Вы командир?

Узнав, что она не ошиблась, девушка заплакала.

— Не могу больше… примите меня в отряд… Я хочу бороться с оккупантами. — Она подняла голову: — Не подумайте, что притворяюсь, нет, я комсомолка.

Валя рассказала о себе. Она выросла в далекой Сибири, там

окончила среднюю школу и работала пионервожатой. Ей полюбилась работа с детьми, и она поступила на курсы воспитателей в Новосибирске. Окончив курсы, получила назначение в Ново-Борисов заведующей детсадом.

Целыми днями она занималась с малышами. Началась война. Гитлеровские стервятники безжалостно бомбили жилые дома. Детсад опустел. Валентина с группой товарищей подалась на восток, но попала в руки фашистов. Пригнали их в Минск и поместили в душные грязные бараки. Затем немцы повезли ее и других молодых девушек на станцию. Участь ясна — ехать в Германию.

Пятьдесят девушек втолкнули в товарный вагон и забили досками. Но как только тронулся эшелон, девушки начали пробовать выбраться из вагона. В соседнем находились юноши, также угоняемые в фашистское рабство.

Ночью один из парней вылез до половины из окна, уцепился за край крыши вагона и сумел выкарабкаться. Затем прыгнул на крышу вагона, в котором ехала Валя.

Свесив голову к окну, он тихо проговорил.

— Девушки, приготовьтесь, сейчас я открою дверь. — И он привязал один конец веревки к крыше вагона, а другим обвязал себя вокруг пояса и спустился. К счастью, дверь была закреплена только проволокой. Несколько усилий — и проволока отлетела. Открылась дверь, и десятки рук втянули в вагон отважного юношу.

Никто не знал, в каком месте находится поезд, есть ли поблизости немцы, но лучше погибнуть на своей земле, чем в рабстве. И девушки начали одна за другой прыгать из вагона.

Валя пожала руку своей подруге Дусе и, сильно оттолкнувшись, прыгнула под откос.

Несколько минут она пролежала неподвижно, потом шевельнулась и почувствовала в голове боль; провела по лицу рукой — кровь. Валентина поднялась; все тело сильно болело. Она потихоньку пошла вдоль полотна железной дороги. Привыкшие к темноте глаза скоро различили лежащего на земле человека. Валя осторожно подошла. Это была Дуся. Валентина приложила ухо к ее груди — сердце билось. Она подтянула подругу к канаве и начала обмывать ей лицо водой. Дуся пришла в сознание и узнала ее.

— Это ты, Валя… На свободе мы…

Когда Дуся полностью пришла в себя, подруги медленно побрели назад. Днем они отсиделись в лесу, вечером зашли в деревню. Их приютили крестьяне.

Кусков принял девушек в отряд. Валя и Дуся нашли свое

место в группе разведчиков; не раз они выполняли серьезные задания.

Занятия по подрывному делу шли успешно. Сермяжко терпеливо разъяснял партизанам действие мин, показывал, как надо их ставить, маскировать, производил расчеты, сколько нужно тола для подрыва кубического сантиметра железа или бетона, объяснял, как действуют различные системы взрывателей.

Ребята, служившие раньше в армии, легко все усваивали. Труднее приходилось Валентине и Дусе, но через пять дней и они уже могли закладывать мины.

Валентина прибежала ко мне и обрадованно доложила:

— Уже все знаю, пустите меня на железную дорогу.

— Пока не пущу, идите в разведку. Там сейчас важнее.

Девушка обиженно надула губы, но четко повернулась и ушла.

Я действительно не мог ее послать, так как в этот период железная дорога усиленно охранялась и неопытный подрывник мог легко попасть в руки гитлеровцев. На железную дорогу вышел Константин Сермяжко с семью самыми испытанными товарищами.

5

О слиянии отрядов Кусков сообщил перед строем партизан. Они это сообщение встретили радостно. Давно партизаны питались из одного котла, вместе выходили на боевые задания, делились хлебом и табаком, и для них объединение отрядов явилось только формальным актом, так как фактически оно давно уже произошло.

Оба отряда — наш и Кускова, — слившись, стали действовать совместно, под общим командованием и названием «Непобедимый». В объединенном отряде насчитывалось около ста семидесяти человек.

К Сацункевичу, Вееру и командиру отряда «Коммунист» были посланы связные с предложением встретиться и совместно обдумать, как провести общими силами несколько крупных операций.

Вместе с нашими связными прибыли командиры этих отрядов.

— Немцы что-то готовят, — сказал Сацункевич. — В районе деревни Гливень мои разведчики поймали шпиона. Он послан начальником борисовской военной разведывательной службы «Абвер», руководителем диверсионной школы на станции Печи-Сортировочная полковником Нивеллингером.

— Какое у него было задание? — поинтересовался я.

— Точно узнать расположение наших лагерей и наши силы, войти в доверие к партизанам, а потом всыпать в котел яд.

Сацункевич протянул мне маленькую коробочку, отобранную у шпиона. Я осмотрел ее и выбросил яд в огонь.

— Что ты сделал! — воскликнул Меньшиков. — Может, нам бы еще пригодился.

— Предпочитаю другое оружие, — сердито взглянул я на него и снова обратился к Сацункевичу: — Что еще узнали?

— Если верить шпиону, немцы готовят против нас карательную экспедицию. В город Борисов прибыла фронтовая дивизия и какие-то французы, которые маршируют по грунтовым дорогам параллельно Березине. Говорят, около Березины будут создавать запасную линию обороны, — ответил он. — На случай внезапного наступления Красной Армии…

— Березина и французы? Как это странно звучит сейчас. Может быть, они ищут тысяча восемьсот двенадцатый год? — вмешался Кусков.

— А вернее, ничего они не ищут. Гитлеровцы пригнали их — вот и все, — предположил я.

— Да и я так думаю, — сказал Сацункевич. — Пока что партизан французы не трогают. Наоборот, они даже хотят встретиться с партизанами.

— Вот это интересно!

— Возле деревни Белино французы исправили мост через реку. Там они расспрашивали крестьян, как можно встретиться с партизанами, — закончил Сацункевич.

— Настоящие французские патриоты не приехали бы к нам вместе с фашистами. Такие на своей родине борются против Гитлера, — покачал головой Морозкин.

— А все-таки с ними необходимо встретиться, — настаивал я.

Сацункевич и Кусков согласились со мной. Мы в сопровождении Карла Антоновича и группы прикрытия, возглавляемой Усольцевым, вышли в район деревни Белино.

Я написал французскому офицеру письмо, Карл Антонович перевел его на немецкий язык. На следующий вечер местные крестьяне вручили письмо французам.

И вот в условленное место явились три француза. Один из них, капитан, приложив руку к козырьку, поздоровался с нами по-французски.

Добрицгофер ответил ему по-немецки, спрашивая, знает ли господин капитан немецкий язык. Француз утвердительно кивнул головой.

На мой вопрос, чем они здесь занимаются, француз ответил: «Мы инженерная часть, и немцы заставили нас исправлять дорогу вдоль Березины. Они не говорят нам, для чего это им нужно». Дальше француз сказал, что они хотят быть в хороших отношениях с партизанами и просят, чтобы те на них не нападали.

— Ты его спроси, боролся ли он с немцами во Франции, — сказал я Карлу Антоновичу.

От этого вопроса капитан покраснел и быстро заговорил. Добрицгофер слегка кивал головой в знак того, что понимает. Затем он коротко перевел:

— Он говорит, что с немцами ему бороться не приходилось.

— А ты ему скажи, что еще и сейчас не поздно. Пусть повернет оружие против немцев, мы поможем. Да еще спроси его подчиненных, как они думают.

Добрицгофер обратился к двум другим французам; кажется, оба они были сержантами. Однако те по-немецки не понимали. Пришлось возобновить разговор с капитаном. Тот что-то взволнованно говорил, размахивал руками.

— Что этот вояка жестикулирует? — спросил Сацункевич.

— Он говорит, что фашистов ненавидит, но в теперешних

условиях поднять оружие против них не может, — перевел Добрицгофер.

Я сказал Карлу Антоновичу:

— Если так, пусть поскорее убирается восвояси.

Лицо капитана побледнело. Оба других француза с недоумением смотрели на него.

— Капитан повторяет, что никогда не нападет на русских, — сказал Добрицгофер и, подмигнув мне, добавил: — Кстати, он уже прослышал, что случилось с эсэсовцами под деревней Домовицкая.

— Передай ему, Карл Антонович, — сказал я, — что уже одним тем, что помогают гитлеровцам в строительстве дорог и мостов, эти господа французы борются против советских людей.

Через несколько минут Добрицгофер перевел ответ смущенного капитана.

— Капитан сказал, что они решили саботировать строительство мостов и что гитлеровцы не порадуются их работе. Мост через Ровое можно построить через неделю, а они построят самое меньшее за месяц. Притом построят так, что он скоро обвалится…

Пока я выслушивал этот ответ, капитан очень тихо разговаривал с подчиненными. Затем он с особенно торжественным видом произнес несколько слов. И тут я увидел, что Добрицгофер пожал его руку.

— Капитан обещает, — повернулся ко мне Карл Антонович, — допустить партизан подорвать уже восстановленные мосты.

Затем капитан подтвердил, что против партизан готовится карательная экспедиция. После этого, распрощавшись с французами и договорившись с ними о способах дальнейшей связи, мы ушли.

Было очевидно, что нападения надо ожидать в ближайшее время.

Партизаны начали было уже рыть зимние землянки, но пришлось прекратить работы.

По деревням были посланы группы партизан, чтобы предупредить крестьян о готовящейся карательной экспедиции и отозвать некоторых наших разведчиков. В деревню Трубаки, расположенную недалеко от железной дороги, я послал Сермяжко. Готовясь к походу, он пришел ко мне с предложением:

— А если мину с собой захвачу? Сразу выполню два задания.

— Если опоздаешь, то не найдешь нас на этом месте.

— На этом месте не найду, так найду в другом.

Я согласился. Сермяжко с довольным видом направился в

наш «склад» за миной.

Мы с Кусковым проверили наличие боеприпасов и взрывчатки. Тола еще было достаточно, но боеприпасов маловато. Сейчас же дал радиограмму в Москву, сообщил о готовящейся против нас карательной экспедиции и просил срочно выслать самолет с боеприпасами. К вечеру пришел положительный ответ. Следующей ночью мы получили боеприпасы, а также приняли радистов и радиостанции для Сацункевича и других отрядов. Командиры групп продолжали обучать партизан тактике ведения боя в лесных условиях.

В лагерь возвращались наши разведчики и связные. Николай Денисевич, побывавший возле местечка Забашевичи, сообщил нам хорошую новость. Французы выполнили свое обещание: партизаны Сацункевича при их содействии сожгли недавно восстановленный мост.

Скоро вернулся и Сермяжко. Он выполнил оба задания: отозвал коменданта и пустил под откос эшелон противника. В его группе я заметил нового партизана — молодую женщину.

— Это моя жена, — смущенно объяснил храбрый подрывник. — Больше оставаться дома не могла: полиция начала следить за ней. Ребенка оставил, где здесь с ним… Там свои люди позаботятся о нем.

Сермяжко посмотрел на меня и, как бы опасаясь моих возражений, продолжал:

— В отношении жены будьте спокойны, она у меня боевая, возьмет оружие и будет бить фашистов.

— Тогда все в порядке, — засмеялся я и пожурил Сермяжко: — Вон ты какой скрытный, никогда не говорил, что женат… Познакомь.

— Валюша! — позвал Константин, и в его голосе послышались нежность и ласка.

Ко мне подошла молодая женщина с задорно вздернутым носиком и большими темными глазами. Она молча подала мне руку.

— Может, на кухню? — спросил я.

— Нет, — упрямо мотнула она головой. — Дайте мне винтовку или автомат…

— Она умеет с оружием обращаться, — подтвердил Сермяжко.

— Хорошо, — сказал я и повернулся к ее мужу. — Костя, ты в отряде свой человек, все знаешь. Распорядись сам как полагается.

Они ушли.

— Из Москвы указаний нет? — спросил, подойдя, Кусков.

Мы каждый день сообщали на Большую землю о готовящейся

против нас экспедиции и ждали указаний Москвы.

— Еще нет, — ответил я. — Не мешает еще раз проверить, как мы готовы к бою, — и мы пошли осматривать лагерь. Проходя мимо палатки Карла Антоновича, я услышал спокойный басок.

— А ты не волнуйся, тогда и выйдет… — кого-то поучал он.

Я вошел в палатку; там Долик Сорин учился собирать маузер. Он горячился, а Добрицгофер ему терпеливо объяснял. Они уже давно стали неразлучными друзьями. Впрочем, Долик был любимцем всего отряда.

Когда начальнику разведки нужно было послать кого-либо к разведчикам, находившимся на заданиях, Долик выполнял это быстро и толково. Нужно найти наших людей и связаться с ними — Долик и здесь незаменим. Возвратившимся с боевых операций партизанам он помогал чистить оружие. Это было его любимым занятием. Даже такие требовательные партизаны, как Анатолий Чернов и Иван Леоненко, не могли упрекнуть Долика в небрежности.

Карл Антонович, освободив мне место, спросил:

— Выходит, опять придется подраться?

— А как настроение у партизан, особенно у новичков? — спросил я в свою очередь.

— Без боя не отступать, сначала попробовать свои силы, а если что, так прорываться, — ответил он.

— Неплохое настроение, — кивнул я и вышел.

Внутренняя подтянутость бойцов, хорошо подогнанное, хотя и разнообразное, партизанское обмундирование, до блеска начищенное оружие, бодрые лица — все говорило о том, что партизаны готовы встретить врага.

Я зашел в палатку, где лежали раненые. Врача не было, возле больных сидела Валя Васильева. Белый халат и чепчик придавали ее лицу необычную серьезность и сосредоточенность. Она молча отодвинулась в сторону.

Розум уже почти поправился. Сухов же, закрытый парашютным шелком, лежал с глубоко впавшими глазами. Лаврик строго приказал ничего не говорить больным о предполагающейся против нас карательной экспедиции, но, хотя его приказ строго выполнялся, Розум и Сухов, опытные, бывалые партизаны, почувствовали сердцем необычную атмосферу лагеря.

— Скажите, к чему вы готовитесь? — спросил, приподнявшись, Розум.

— Ни к чему особенному, — ответил я. — Ведь вы сами знаете, что партизаны должны быть всегда и ко всему готовы.

— Мы с Суховым тоже готовы, не так ли, Костя? — обернулся к Сухову Розум.

Тот утвердительно кивнул.

— Мы обузой для отряда не будем, — продолжал Розум. — Чувствуем, что снова предстоят тяжелые бои. Мы оба коммунисты и с честью готовы умереть за Родину. Только больно, что товарищи скрывают от нас правду, как будто мы чужие…

Во взгляде Розума был глубокий упрек. На глазах у Валентины навернулись слезы, я тоже почувствовал, как у меня запершило в горле.

— Не волнуйтесь, мы вас не оставим… Вы правы… вы должны знать правду, как бы тяжела она ни была. Немцы готовят против нас карательную экспедицию. — И, тепло пожав руки раненым, я вышел из палатки.

«Дали мне урок, — думал я. — От таких людей нельзя скрывать ничего».

Мы сидели в штабной палатке. Я прочитал вслух полученный из Москвы приказ:

> «Без надобности в бой не вступать, избегать потерь, действовать смотря по обстановке».

Наступило короткое молчание. Первым заговорил Сацункевич.

— Из окружения нужно выходить отдельными отрядами: так будет легче…

— А я думаю наоборот: прорываться надо всем вместе через дорогу, — перебил его Дерюга.

— Чтобы потом немцы наступали нам на пятки, — возразил я.

— Прорываясь в нескольких местах, мы тем самым спутаем карты фашистов, — поддержали меня комиссар Морозкин и Кусков.

Действительно, пришлось призадуматься. Разведка и связные сообщали, что из Борисова выступила дивизия эсэсовцев, которая, продвигаясь к партизанской зоне, восстанавливала подорванные нами мосты; из Березино подходил «украинский» батальон. К партизанской территории продвигались немцы из гарнизона Червеня и вновь пополненного гарнизона Смолевич.

Вечером 3 ноября 1942 года мы приняли решение прорываться отдельными отрядами. Сацункевич, Веер и Дерюга выехали к своим партизанам.

Наш отряд был хорошо подготовлен к бою и длительному походу. Радисты Лысенко и Глушков тщательно запаковали радиостанции; Лаврик на немецких носилках удобно разместил раненых. Двадцати партизанам во главе с Мацкевичем поручили

охранять раненых и рации.

Я подозвал Мацкевича.

— Гавриил, как ни тяжело будет, раненых и радиостанции в руки противника не отдавать.

— Товарищ командир, — голос его дрогнул, — задание будет выполнено!

В темноте я встретился с Морозкиным. Он насвистывал какой-то марш. Я подозрительно покосился на него.

— Ты знаешь, какое настроение у наших, — оживленно сказал он. — Говорят: «Против нас пятнадцать тысяч немцев, значит, по тридцать гитлеровцев на каждого. Пусть же каждый обяжется выполнить свою норму».

Расчет был верен: в четырех партизанских отрядах было около пятисот партизан. Значит, надо воевать не числом, а уменьем.

— Понимаю, дружище, понимаю, — ответил я. — Каждый наш партизан во много раз сильнее любого фашиста. Партизан знает, за что борется…

Мне хотелось обнять всех партизан за их смелость, за переносимые ими лишения, за их веру в победу.

Сидя на пне, Меньшиков принимал донесения от разведчиков. Сейчас у них было особенно много работы. Надо было следить за каждым шагом врага.

Чернов и Леоненко сообщили, что в деревню Юрздовка прибыл батальон «Днепр»; Назаров и Малев донесли, что в Забашевичи из Борисова прибыли эсэсовцы. Другие разведчики также сообщали о прибытии новых и новых сил противника.

Приняли решение: ночью просочиться сквозь заслоны батальона «Днепр» между Беличанами и Юрздовкой, а пока разведать деревню Березовка, находившуюся недалеко от лагеря.

Разведчики очень устали. Я понял, что мы допустили ошибку, не создав конной разведки. Меньшиков не совсем уверенно спросил:

— Товарищи! Найдутся ли добровольцы выполнить серьезное задание?

— Я пойду! — раздался в темноте девичий голос.

К нему присоединились голоса мужчин.

— Кто там первый? — спросил Меньшиков.

— Это я, Васильева.

— И я тоже пойду, — раздался голос Любимова.

Желающих было много. Казалось, никто не устал. Было решено отправить Любимова и Валю.

Скоро они вернулись.

— В деревне немцы, — уныло, как будто она виновата в этом,

сказала Валя.

— Пришлось столкнуться, — добавил Любимов.

Мы выслушали их рассказ.

…Валя и Любимов подошли к речке, остановились, прислушались. Вокруг было тихо. Тем не менее они не решились идти через мостик, а пошли вброд.

Перебравшись через речку, снова прислушались и поползли. Вдруг, уже недалеко от деревни, рука Любимова уперлась в лед, затянувший какую-то лужицу. Лед треснул, разведчики словно приросли к земле. Долго не шевелились, но кругом по-прежнему было тихо. Поползли дальше.

Добравшись до сарая, стали наблюдать. Тишина. Вот послышались шаги, двое людей пересекли улицу.

— Немцы! — прошептал Иван.

Но разведчик должен не только предполагать, он должен знать наверняка. Чтобы убедиться, Иван и Валя подползли к ближайшему дому. Иван остался у входа во двор, а Валя подошла к окну.

В этот момент Любимов заметил людей, приближавшихся к нему. «Позвать Валю!» — мелькнуло у него в голове, но было поздно. Иван увидел железные каски и длинные шинели. Тогда, чтобы привлечь внимание Вали, он негромко крикнул:

— Кто идет?

Немцы остановились. Валя подбежала к Ивану. Один из гитлеровцев громко крикнул: «Хальт!».

Одновременно заговорили автоматы разведчиков. В ответ недалеко от сарая заработал пулемет. Огненная струя прорезала темноту, и пули, словно пчелы, зажужжали вокруг разведчиков. Они бросились на землю.

Вскоре две гранаты, брошенные партизанами, заставили замолчать вражеский пулемет, разведчики пустились бежать.

Им вдогонку летели пули. Любимов упал. Валя бросилась рядом, горячо зашептала:

— Ванюша, дорогой, ты ранен?

— Не чуешь, какого огонька дают, разве можно дальше бежать?

Они быстро поползли по замерзшей земле. Вот уже и берег.

— Сообщить командиру, что в деревне немцы, — это мало. Обождем, может, еще что-нибудь узнаем, — дернула Валя за рукав Любимова, и они остались на берегу.

Спустя несколько минут зашумел мотор, и на окраине деревни засветились огни фар.

— Танк? — спросила Валя.

— Танк или броневик — один черт. Ясно только, что немцы

взялись за нас серьезно, — ответил Иван. Разведчики поспешили в лагерь.

Итак, противник бросает против нас не только большое число солдат, но и фронтовую технику. Недаром он так долго и тщательно готовился. Не первый раз гитлеровцы собираются покончить с советскими патриотами, а партизанское движение все разрастается. Теперь противник окружил нас тесным кольцом. Двигаться ночью опасно, можно нарваться на засаду и понести большие потери. Мы стали ожидать рассвета.

Время тянулось медленно. Партизаны, развязав вещевые мешки, закусывали, курили. Под утро в воздухе закружились крупные белые хлопья.

— Проклятый снег! — выругался Усольцев.

Действительно, погода не благоприятствовала нам. Отряду в сто пятьдесят человек и без того трудно пройти, не оставляя следов, а тут еще снег.

Начало светать. На юге загрохотали артиллерийские залпы. В тот же миг в полукилометре от нашего лагеря ударила батарея, одновременно послышались залпы в северо-западном направлении. Партизаны вскочили на ноги. Снаряды разрывались в районе лагеря Сацункевича.

Батареи противника били из деревень Градно и Беличаны. Чувствовалось, что немцы лишь приблизительно знали расположение наших лагерей.

Мы решили этим воспользоваться. Я взглянул на карту: на востоке синей полоской извивалась еще не замерзшая Березина. В районе деревни Жеремец был паром; там мы и решили пройти. Однако предварительно нужно обмануть немцев, ввести их в заблуждение.

Ко мне подбежал Чернов:

— Товарищ командир, из Беличан вышли в нашем направлении двести солдат противника. Идут медленно.

Я подал команду:

— Отряд, шагом марш! — и махнул рукой на запад, по направлению к Березовке.

И вот сорок партизан группы Усольцева быстрым шагом двинулись вперед. У каждого десятого — ручной пулемет.

Хотя снег и неглубокий, наши следы сразу бросились в глаза.

Вслед за группой Усольцева пошли остальные партизаны с Кусковым во главе. Недалеко от березовского леса мы круто повернули на юг. Снег продолжал падать крупными хлопьями. Теперь, на открытой местности, это нас уже радовало.

Сзади послышалась сильная пулеметная стрельба — это фашисты наступали на наш пустой лагерь.

— Быстрей, быстрей! — подгонял комиссар партизан.

Сделав большой круг, мы повернули на восток и (пока без единого выстрела!) оторвались от противника.

А снег все шел. Он плотным слоем покрывал следы. Мы с Кусковым встали в стороне и пропустили отряд. Когда прошел последний партизан, Кусков радостно сказал:

— Порядок!

Под вечер отряд подошел к Березине и остановился в небольшом лесочке около деревни Жуковка. Подул ветер, партизаны ежились от холода и, чтобы согреться, разожгли небольшие костры, вокруг которых натянули плащ-палатки. Луньков отошел в сторону; вернувшись, сказал, что костров не видно, можно вскипятить воду. Вскоре партизаны, грея о горячие кружки руки, пили чай.

Утром вместе с Меньшиковым я вышел на опушку леса. Вокруг все побелело, снег покрыл поле, и наших следов не было видно.

— Надеюсь, противник потерял нас, — заключил я и, развернув двухкилометровку, очертил круг. — Разведчиков дальше этого не пускать.

Меньшиков понимающе кивнул головой.

Партизаны заняли полукруговую оборону. Сзади была Березина; если враг нас обнаружит, останется только один выход — переправляться через реку.

С утра опять началась артиллерийская канонада. Партизаны, расчистив снег, лежали на мерзлой земле и нетерпеливо оглядывались на костры, откуда Валя Васильева, Дуся и Валя Сермяжко носили им горячею воду.

К концу дня артиллерия умолкла. Над Березиной опустился туман. Партизаны не спали уже трое суток. Я сидел на пне и вдруг позади себя услышал приглушенный голос:

— Эх, чем так страдать, лучше уж прямо в ад, там тепло, согреешься… Лучше погибнуть в бою.

— Умереть нетрудно: привязал ремень на сук и — готов. А вот ты сумей жить и побеждать, — тихо, но строго сказал Карл Антонович. Я узнал его по голосу.

— Чем так жить… — возразил тот же голос, его прервали:

— Не стони! Зудишь, как осенняя муха.

И опять послышался голос Добрицгофера:

— Нам здесь действительно плохо… Правда, мы могли бы пойти в бой, уложить много фашистов, но и нас осталось бы мало… К примеру, ты останешься один. Что будешь делать?

Пристыженный партизан умолк, а Карл Антонович продолжал:

— Если нужно будет, неделю проживем так, зато сохраним весь отряд и опять будем бить фашистов. Партизанская борьба, братишка, дело сложное: ненужной горячки она не любит. Партизан, когда нужно, в бою смел и дерзок, когда необходимо — он умеет ускользнуть из-под удара и выжидать в холоде и голоде. А ты сразу же — про гибель… — заключил Карл Антонович.

В ответ послышался вздох.

Ночью я, сколько ни старался, заснуть не мог. Постепенно стало светать, густой туман над рекой исчез.

Было утро 6 ноября. Я поднялся и прошелся по полянке, разминая затекшие мускулы. Кругом по-прежнему тихо. Неужели противника нет поблизости?

Не следовало доверять обманчивой тишине. Поднявшиеся партизаны пошли на линию обороны сменять товарищей. Я нашел Меньшикова. Он лежал на груде еловых веток и от холода руки держал под мышками, у него дрожали ноги. «Это не сон, а мучение», — подумал я и отошел: пусть хоть немного отдохнет. Я подождал, пока он проснется. Вскоре он подошел ко мне. Я приказал выслать разведку.

С нетерпением мы ожидали возвращения разведчиков, прислушивались, не слышно ли выстрелов. К вечеру разведчики вернулись и сообщили, что противника нет.

В воздух полетели фуражки — партизаны ликовали. В отдаленные от лагеря посты пошли Чернов и Леоненко, с ними Тихонов и Валя Сермяжко.

Остальные партизаны стали готовиться к празднику — 25-ой годовщине Великого Октября, приводить себя в порядок; через час все были чисто выбриты. Обогревшись у костров, они стали бодрее, но чувствовали волчий голод.

— Эх, кабы хорошую миску сибирских пельменей, — улыбнулся Луньков.

— Перестань, — притворно сурово поглядел на него Кусков, — у меня и так живот подтянуло.

— А потом горячего чаю да еще хорошего табаку, — не унимался начальник штаба.

— Будет тебе растравлять нас, — сказал я сердито. — Надо на самом деле что-нибудь придумать.

— У меня здесь, в Жеремцах, знакомые, — вмешался Меньшиков.

— Так эти твои знакомые и ждут в гости полторы сотни голодных волков, — засмеялся Луньков.

— А может они на немецкие марки продадут корову? — спросил Морозкин Меньшикова.

Меньшиков кивнул. Я вручил ему пачку марок из кассы

штаба:

— Возьми нескольких партизан и иди! Денег не жалей.

— Покупая корову, ощупай и смотри табаку не забудь! — в шутку крикнул вслед уходящему Меньшикову Луньков.

Через некоторое время возвратился один из партизан, посланных с Меньшиковым, и сообщил, что в деревне зарезан жирный кабан и хозяйки готовят для нас мясо.

Приходилось в ожидании обеда утолять голод курением. Я затянулся несколько раз и, затушив самокрутку, положил ее в карман: кружилась голова, делалось дурно.

Меня вывел из короткого оцепенения громкий голос радиста:

— Товарищ командир, связь налажена.

Быстро написал:

«Карательная экспедиция противника окончилась, противнику ущерба не нанесли, своих потерь не имеем».

В это время на двух санях, полных чугунов и горшков, приехал Меньшиков. Он открыл крышку большого котла, и по лесу разнесся аппетитный запах горячих щей.

— Гавриил, дели! — позвал Меньшиков Мацкевича.

Когда партизаны подкрепились, поднялся комиссар Морозкин. Он встал на пень, обвел всех взглядом и прочел текст радиограммы. Центр одобрял наши действия и поздравлял отряд с Октябрьской годовщиной.

— Вставай, проклятьем заклейменный… — звучным голосом затянул Мацкевич, его поддержали остальные, и могучий «Интернационал» громко прозвучал в затихшем лесу.

Ко мне с котелком в руках подошел Мацкевич.

— А как же с нарядом? — обратился он.

— Товарищи пообедают и пойдут сменят, — спокойно ответил я.

— Я на ходу могу есть, — сказал Мацкевич, — ведь товарищи ждут.

Подменить товарищей вышли Мацкевич, Валя Васильева и секретарь парторганизации Кухаренок.

Лаврик, забыв о себе, кипятил молоко и варил яйца, припасенные специально для раненых.

После обеда партизаны оживленно беседовали, рассказывали, где и как они прежде встречали этот великий праздник.

Спускались сумерки, горели маленькие костры. Я заметил, что Иван Любимов не принимает участия в общей беседе, а, задумавшись, ходит от костра к костру.

— Что с тобой, Иван? — спросил я, положив ему руку на плечо.

Он поднял голову и задумчиво сказал:

— Вся жизнь моя связана с партией, а я до сих пор еще не в ее рядах. В начале войны в своем полку уже собрал было нужные документы, но так и не успел вступить — был ранен… Да вы про это знаете.

— Слышал, однако продолжай, — попросил я его. Мы с комиссаром знали о прошлом Любимова по рассказам Меньшикова, который принимал и проверял его.

— Так вот, — начал Любимов, — ранили меня, и попал я в плен. В концлагере стал обдумывать план побега. Помог случай. Однажды эсэсовцы устроили себе забаву: привели собак, науськивали их на заключенных и давились от хохота. Я не вытерпел: «Смеется тот, кто смеется последним». Два моих товарища пожали мне руку. Этого было достаточно; ночью нас троих посадили в машину и повезли. Мы поняли, что везут на расстрел, расцеловались, решили во что бы то ни стало бежать. Нас отвезли в лес и высадили около канавы. Эсэсовский офицер освещал смертников карманным фонариком, рядом с ним стояли пять автоматчиков. Мой друг, тоже Иван, сильно ударил офицера в подбородок и крикнул: «Друзья, бежим!» Фонарь погас, мы бросились в кусты. Сзади послышались автоматные очереди, пули свистели кругом. Немного пробежав, услышали голос Ивана: «Бегите скорей! Меня ранили! Пусть хоть вы живы будете!»

Под утро мы были в польской деревне. Мой товарищ совсем ослаб, и его пришлось оставить у местных жителей.

Я долго блуждал, пока дошел до белорусской земли. Ну, а потом, сами знаете, примкнул к вашему отряду. Это было пятнадцатого мая тысяча девятьсот сорок второго года. Этот день я никогда не забуду… Вот теперь и думаю, достоин ли я быть членом партии, — закончил Иван.

Я прикинул: четыре эшелона противника, пущенных Любимовым под откос, опасные походы, смелые вылазки были хорошей рекомендацией.

— Я хочу вступить в ряды партии, это придаст мне больше сил для борьбы с проклятыми гитлеровцами, — снова заговорил Иван.

Я посмотрел на его взволнованное лицо и твердо сказал:

— Подавай, Иван, заявление в парторганизацию, я тебе рекомендацию дам.

Любимов горячо пожал мне руку и признался:

— Этот плен не давал мне покоя, меня мучили слова «бывший пленный»…

— В плен попадают по-разному и держатся в плену тоже по-разному, — успокоил я его.

Я рассказал Меньшикову о нашем разговоре с Любимовым.

— Любимов показал себя в бою, и я тоже в случае надобности могу замолвить за него слово.

Отряд у нас был единым, а парторганизаций оставалось две: после слияния отрядов парторганизации еще не объединились. Мы решили созвать 8 ноября партийное собрание с повесткой дня:

1. Выборы партийного бюро.
2. Прием в партию.
3. Отчет о проделанной работе отряда.

И вот члены партии собрались. Председателем выбрали меня, секретарем — Сермяжко. Присутствовало тридцать два члена партии и шестнадцать кандидатов.

Секретарем парторганизации отряда был единогласно избран Николай Михайлович Кухаренок, членами бюро — Кусков, Морозкин, Сермяжко и я.

Перешли ко второму вопросу; начали зачитывать заявления вступающих. Вот одно из многих заявлений, которые писались в тяжелые для Родины дни лучшими из лучших:

> «Прошу первичную партийную организацию принять меня в члены ВКП(б), обязуюсь быть искренним коммунистом, обязуюсь беспрекословно выполнять все распоряжения партийных органов. В боях за дело любимой Родины буду биться с фашистскими захватчиками до полного их уничтожения. Для дела партии в любую минуту готов отдать жизнь. Константин Усольцев».

Приняв Усольцева в члены партии, а Любимова — в кандидаты, собрание перешло к третьему вопросу. Слово было предоставлено мне.

— Наш отряд идет по верному боевому пути, — начал я. — Его удары чувствует противник: спущено под откос двадцать вражеских эшелонов. Здесь следует отметить наших мужественных подрывников: Сермяжко, Мацкевича, Ларионова, Любимова, Тихонова, Афиногентова и других. Много уложено нами гитлеровских головорезов.

Кажется, теперь можно сказать, мы научились везде бить «непобедимых» гитлеровских вояк Достаточно вспомнить бои под Валентиновом, Домовицкой, Потичевом. Гитлеровцы уже вынуждены снимать с фронта и бросать против партизан дивизии, а этим мы помогаем нашей славной Красной Армии.

Наша заслуга и в том, что мы сумели в Минске, превращенном немцами в свой опорный пункт, создать

подпольные группы, которые уже в ближайшее время дадут себя почувствовать немцам.

Но в нашем отряде есть и недостатки: все еще не на должной высоте дисциплина, не все партизаны хорошо усвоили методы партизанской борьбы. В эту блокировку я случайно услышал разговор новичка со старым опытным партизаном. Новичок, геройски выставляя грудь, хотел идти прямо на врага, а не подумал о том, что умелое отступление — тоже победа. Отсюда вывод: опытные партизаны, и в первую очередь коммунисты, обязаны воспитывать в новичках не только героизм в бою, но и большую выдержку и силу воли.

Другой недостаток — чрезмерная словоохотливость, даже подчас болтливость. Наверное, не случайно фашисты так точно били по нашему лагерю. Есть партизаны, которые болтают по деревням много лишнего. Командование отряда будет пресекать это зло самым решительным образом. Здесь нам нужна помощь не только парторганизации, но и всех партизан.

Устранив эти недостатки, наш отряд станет еще более боеспособным, и гитлеровцы почувствуют на себе усилившиеся его удары.

К нам, размахивая листками бумаги, подошел радист Лысенко.

— Приказ Народного комиссара обороны, — сказал он.

— А это вам, — и Александр передал мне радиограмму.

Я отдал листок с приказом Сермяжко:

— Зачитай.

Партизаны напряженно слушали.

Партия не скрывала от советского народа нависшую над страной опасность. Враг угрожал Сталинграду, все ожесточеннее становилась борьба с немецко-фашистскими захватчиками.

В полнейшей тишине Константин читал:

«— От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины.

Раздувать пламя всенародного партизанского движения в тылу у врага, разрушать вражеские тылы, истреблять немецко-фашистских мерзавцев» — это был прямой приказ нам.

— Смерть немецко-фашистским захватчикам! — закончил Сермяжко чтение приказа.

— Смерть фашистам! — прогремело в лесу.

К Сермяжко подбежал Лаврик и протянул руку к листку бумаги.

— Дай мне на минуту, я прочитаю раненым.

Получив листок, он моментально исчез.

Собрание закончилось, но мы не расходились. Постепенно

стали подходить беспартийные товарищи.

— Как вы думаете, в эти миллионы убитых фашистских солдат и офицеров вошли гитлеровцы, ликвидированные нами? — спросил Юлиан Жардецкий.

— Обязательно, Юлиан, и твои личные — тоже, — засмеялся я.

— Сколько их ухлопано, а они все еще лезут на Сталинград, — сказал кто-то.

— Партия считает, что мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти, значит, так оно и будет, — твердо проговорил Мацкевич.

Я заглянул в палатку к раненым; они внимательно слушали Лаврика. Розум взглянул на меня, его глаза как бы говорили: «Вот командование Красной Армии не скрывает всей нависшей опасности, а вы скрывали от нас такую частность, как карательная экспедиция».

Я позвал к себе комиссара, начальника штаба, Кускова и показал им полученную радиограмму. Руководство приказывало оставить этот район и перебраться южнее Минска.

— Что ж, мы не привыкли засиживаться, будем собирать вещевые мешки, — сказал Луньков.

Нас беспокоила опасность этого похода: впереди железная дорога Минск — Бобруйск и реки Свислочь и Птичь.

Взяли двое саней: на одни бережно уложили раненых, на другие — радиостанции, боеприпасы и взрывчатку.

С наступлением темноты первыми вышли автоматчики Усольцева. Через несколько минут двинулся весь отряд.

Месяц серебрил верхушки пушистых елей, под ногами хрустел снег.

6

После тяжелого восьмисуточного перехода мы остановились на новом месте. Далеко позади остался Березинский район, река Свислочь.

Около деревни Омельно Пуховичского района мы встретили штаб 2-й Минской бригады. Командир бригады С. Н. Иванов и начальник штаба бригады И. И. Тищенко по кличке «Дядя Ваня» или «Бородач» обрисовали нам обстановку в этом районе. Перед двадцать пятой годовщиной Великого Октября оккупанты и здесь провели карательную экспедицию. Но партизаны ушли от преследования гитлеровцев почти без потерь. Обозленные неудачей, эсэсовцы сожгли деревни Липск и Горелец.

Партизаны нашего отряда очень устали, раненым необходимы были тепло и покой. Иванов посоветовал остановиться на ночлег в деревне Ямное, на западном берегу реки Птичь. Нам же хотелось быстрее попасть в назначенный район, и мы потянулись дальше на запад.

К вечеру подошли к небольшой деревне, прямо за которой темной стеной стоял лес. Это были Борцы. Все ускорили шаг.

Отряд вошел в деревню. Кусков и Луньков намечали избы, где можно было расположиться на отдых. Ко мне, разглаживая серебристую бороду, подошел коренастый старик.

— Отец, — обратился я к нему, — какая у вас власть?

Старик внимательно осмотрел меня с ног до головы и процедил:

— Никакой! — И настороженно осведомился: — А тебе что — власти захотелось?

— Вот так встреча! — улыбнулся начальник штаба.

— А тебе какой власти нужно? — повернулся к Лунькову старик.

— Мы — партизаны, отец, устали и хотим отдохнуть, — сказал я.

— Так и нужно говорить, — сердито ответил старик. — Подождите! — Он, повернувшись, пошел по улице.

Можно было и без старика войти в какую-нибудь избу, но я решил подождать.

Через несколько минут старик возвратился в сопровождении мужчины средних лет, круглолицего, чрезвычайно бледного.

— Коско, Иосиф Иосифович, — протянул он мне руку. — Бывший председатель сельсовета.

— Мы — партизаны, — представился я.

— Сокола по полету видно, — спокойно ответил Коско. —

Вам нужно отдохнуть, пожалуйста, наши люди хорошие. Что имеют, тем и угостят. Александр Сергеевич! — обратился он к старику. — Пройди по хозяевам.

Старик торопливо заковылял, а Коско, глядя ему вслед, продолжал скороговоркой:

— Это моя правая рука. Я сам живу в тени, скрываюсь, а через него дела делаю… Чего же мы здесь стоим! — спохватился он. — Пошли. Да скажите своим, чтобы расходились по домам.

Меньшиков принялся расставлять посты.

Вслед за Коско мы вошли в большой дом. Нас приветливо встретила пожилая женщина. Я начал было расспрашивать Коско о деревне, но он замахал руками.

— Потом, потом, сначала вам нужно помыться да подзаправиться. Оставайтесь, а я пойду посмотрю, чтобы всех хорошо приняли. — Уже с порога он крикнул: — Настенька, ты позаботься о гостях.

Когда Коско ушел, Луньков проговорил:

— Две противоположности.

— Кто? — спросил я.

— Да старик и Коско.

— Он всегда такой — душу отдает человеку, — вмешалась хозяйка. — Когда вернутся свои, Иосиф Иосифович обратно свое место займет.

Хозяйка вынула из печи чугунок с горячей водой и поставила на стол, потом достала зеркало и посетовала:

— Мыла у меня нет, прокипятим белье и опять на тело.

— Не беспокойтесь, у нас все есть, — сказал начальник штаба и достал из вещмешка бритвенный прибор.

Пока мы брились, вернулся Коско. Хозяйка высыпала на стол печеную картошку, положила кусок сала и поставила миску кислой капусты. Подав еду, она ушла. «Сообразительная женщина», — подумал я.

Коско рассказал, что неподалеку от него скрывается от оккупантов бывший секретарь сельсовета Иван Захарович Гуринович, кандидат в члены партии. А в деревне Кошели проживает комсомолец Федор Васильевич Боровик.

— А вы сами, Иосиф Иосифович… — медленно начал было я. Коско понял меня с полуслова:

— Член партии, билет спрятал, чтобы не попал в чужие руки, — ответил он, лицо его заметно порозовело.

Затем Коско стал рассказывать о своих знакомых.

— В Буде-Гресской, там теперь стоит вражеский гарнизон, живет мой старый друг, еще с гражданской войны, Василий Каледа. До войны он служил лесником, теперь отсиживается

дома. Каледа беспартийный, на глаза немцам не лезет, и никто его не трогает, а человек он свой, твердый, на него можно положиться.

Коско приумолк, видимо что-то припоминая, потом продолжал:

— Объездчиком работает Всеволод Николаевич Туркин. Оккупанты рассчитывают на его помощь, да не дождутся. В Минске живет уроженка деревни Адамово Радкевич Раиса Павловна, надежная женщина. — Коско назвал еще ряд товарищей.

— А вы могли бы познакомить нас с этими людьми? — спросил я.

— Могу… И здесь, и где-нибудь в другом месте.

— Лучше в другом, — сказал я, — действовать надо осторожно, так чтобы в глаза никому не бросалось.

На следующий день партизаны с удовольствием помылись в хорошо вытопленных банях.

Жители Борцов ничего не жалели для народных бойцов — так они называли партизан. То в одной части деревни, то в другой слышались веселые песни. Конечно, было приятно видеть бодрость наших товарищей, и в то же время это веселье заставляло призадуматься. Я собрал Морозкина, Кускова, Лунькова, Меньшикова и актив отряда — Усольцева, Мацкевича, Любимова, Сермяжко.

— Хорошо отдохнули? — спросил я их.

— Живем как у бога за пазухой, — улыбаясь, ответил Кусков.

— Ну и на здоровье, — весело сказал Коско.

— Мне кажется, что за отдыхом мы забыли о главном: о борьбе с оккупантами и бдительности, — начал я. — В отряде падает дисциплина. Партизаны начинают чувствовать себя как дома и как будто не прочь засидеться в деревне. Нет, братцы! Отдохнули несколько дней, привели себя в порядок, пора браться за работу.

— Пора! — подтвердил Морозкин. — Живя в деревне, мы ничего не сделаем, потому что в сторожевые наряды и для прикрытия деревни ежедневно выходит почти весь личный состав отряда.

Я заметил, что Коско поднялся и хочет что-то сказать, и жестом показал, чтобы он сел, а сам продолжал:

— Жители приняли нас хорошо, за это им большое спасибо, однако, находясь в деревне, мы ставим их под удар: придут каратели — будем драться, а что останется от деревни? Пепел… Надо, чтобы партизаны сами поняли необходимость выхода из деревни.

— Сейчас же зима, холод, — вставил Коско.

— Мы так устроимся, что и в лесу нам будет тепло. Придешь в гости — убедишься, — пообещал ему Луньков.

— В гости не хочу, хочу в хозяева, — полушутливо ответил Коско и с оттенком тревоги добавил: — Конечно, если примете…

— Обязательно примем, — успокоил я и тут же спросил: — Окружающие леса хорошо знаете?

Коско утвердительно кивнул.

На рассвете Коско, Меньшиков, Луньков и Усольцев со своей группой вышли в лес искать место для лагеря.

Коммунисты отряда разъяснили партизанам необходимость оставить деревню. Все дружно согласились с этим. Вечером только и говорили о выходе.

Из леса вернулись Коско и остальные.

— Нашли, — весело доложил Коско. — Нашли в Воробьевском лесу, около родника Княжий Ключ. Вы и не представляете, какой это лес! Прямо тайга. Раньше там был питомник князя Радзивилла; кругом густые ели и большие сосны. Будем жить и пить ключевую воду.

— Место прекрасное, — подтвердил начальник штаба. — Можешь посмотреть сам.

— Зачем? Верю и так… Готовьтесь к походу.

Наутро мы выступили. Жители деревни махали нам шапками и платками, а старик Александр Сергеевич далеко проводил отряд, шагая рядом с Коско и о чем-то горячо разговаривая.

Место стоянки лагеря действительно было выбрано удачно. С двух сторон лагерь прикрывали труднопроходимые Вороничские болота, а со стороны шоссе Минск — Слуцк протекала река Случь.

Для постройки землянок выбрали высокое место в лесной роще возле родника. Размещение землянок распланировали так, чтобы в случае нападения фашистов партизаны могли быстро занять круговую оборону.

Хотя в отряде было не более ста семидесяти человек, решили строить землянки на триста человек. Выставив посты, приступили к работе. Земля еще не промерзла, и копать было нетрудно. В течение нескольких дней с утра до вечера раздавался звон пил и стук топоров. Срубы землянок опускались в ямы на метр, а остальная часть возвышалась над поверхностью земли. Вот уже одна землянка готова. Она просторна, настлан дощатый пол, для окон сделаны выемы, землянка имеет два выхода с разных сторон; в ней могли поместиться пятнадцать — двадцать человек.

— Чудесно! — не мог скрыть своего удивления Коско. — Только строится слишком долго. Вот если бы разделиться партизанам по группам и… кто скорее и лучше.

— Хорошая мысль, — одобрил Юлиан Жардецкий.

Тотчас были созданы группы строителей.

Работа пошла быстрее. Ночью строители подвозили материал, а днем строили.

Руководили стройкой Луньков и Кусков, мы с комиссаром и Меньшиковым занялись другими делами. Нужно было разведать силы окрестных гарнизонов.

Любимов, Валя Васильева, Малев, Назаров, Ларченко и другие разведчики скоро излазили всю местность и выяснили, что в деревне Шищицы, в четырнадцати километрах от нашего лагеря, стоит гарнизон немцев в двести пятьдесят человек с двумя 76-миллиметровыми пушками; на северо-западе, в деревнях Буда-Гресская и Белая Лужа — гарнизоны по девяносто солдат и с броневиками; в местечке Шацк, находящемся от лагеря в пятнадцати километрах, стоит карательный отряд в триста человек.

— Соседи не слишком приятные, однако бывало и похуже, — сказал Меньшиков, рассматривая карту.

— Из того, что бывало, надо урок извлечь, — возразил я. — Раньше мы далеко не всегда своевременно узнавали о передвижении противника. Да и связь с разведчиками была чересчур медленной.

— Я об этом думал, Станислав Алексеевич, — горячо подхватил Меньшиков. — Конная разведка нам нужна!

Мы решили взять лошадей у семей полицейских. Все такие семьи были на точном учете у Коско. За неделю мы посадили на коней пятнадцать разведчиков.

Валя Васильева тоже приобрела себе коня, красивого, гнедого, с белой звездочкой на лбу. Вычистив его, она подошла к Меньшикову и принялась упрашивать зачислить ее в конную разведку.

— Да ты подрасти немножко, — засмеялся Меньшиков.

— В разведке и подрасту, — серьезно ответила Валя. — А вы учтите, что иной раз женщина пройдет незамеченной там, где мужчине не удастся пройти.

Меньшиков понимал, что она права. Он направил Валю в распоряжение командира конного взвода разведчиков Ларченко. Тот, выслушав ее, недовольно сморщился, но другие разведчики стали просить за смелую девушку.

— Уж очень ты неспокойна, все хочешь испробовать. Ведь ты собиралась подрывником стать? — спросил я ее, когда узнал про новое назначение.

— Одно другому не помешает, — бойко ответила она. — Зато теперь уж без дела не останусь. Посылайте куда угодно…

Строительство закончено. Партизаны разместились в теплых и просторных землянках. Отапливались жестяными печками, которые сконструировал Коско. Ночью горели керосиновые лампы, в штабной землянке был электрический свет — это радисты приспособили трофейные аккумуляторы от автомашин.

Я предложил назначить Коско заведовать партизанским хозяйством.

— Да он же недавно в партизанах, — усомнился начальник штаба.

— Зато много лет был председателем сельсовета, — возразил я.

— В помощники ему назначим Вербицкого, — добавил комиссар отряда. — Вместе они горы свернут.

Местного уроженца Николая Вербицкого мы приняли незадолго до Коско. Уже немолодой, но по-юношески стройный и худощавый, он был неутомим в походах и никогда не сидел без дела, даже на коротких привалах. То приготовлял брезентовые чехлы для ручных пулеметов, то налаживал упаковку радиопитания.

Утром Луньков зачитал мой приказ.

— Значит, вместе поработаем, — повернулся Вербицкий к Коско и пожал ему руку.

После обеда я увидел, что они вкапывают в землю столбы.

— Что здесь будет? — спросил я.

— Навес для лошадей… Смотрите, дрожат, — показал Коско на привязанных к деревьям лошадей.

— Крышу накроем ветками, стены сделаем из лозы, — пояснил Вербицкий.

К лошадям подошли Валя и Долик. Девушка накрыла гнедого кожухом и стала кормить его с руки хлебом.

— Назначьте Долика заведующим конным парком, — обратился ко мне Вербицкий. — Он сам просится, да и разведчикам, которые возвращаются усталыми, нужна подмога.

— Правда, — поддержала Валя. — Долику я охотно доверю своего коня.

Я согласился. Долик получил первую постоянную служебную должность.

Мы с Луньковым вышли за линию лагеря. Здесь партизаны под руководством Кускова рыли щели. Эти окопы, в рост человека, должны были опоясать весь лагерь, чтобы партизаны имели возможность вести огонь и укрываться от бомбежки.

Удивительно ловко работал Добрицгофер. Он далеко выбрасывал из окопа вырытую землю.

— Словно под Москвой, — увидев нас, весело проговорил

он. — Там фашисты не прошли — не пройдут и здесь.

— Что ж, товарищи! — громко сказал я. — Здешний лес мы, как видно, уже обжили. Пора осваивать местные участки железной дороги.

Работа остановилась, все вызвались идти подрывать вражеские эшелоны. Пришлось отобрать более опытных. Руководителем группы назначили Любимова.

Вечером Долик запряг лошадей, и двое саней покатили к участку железной дороги Марьина Горка — Руденск.

Снова, как во время прежних наших стоянок, все более властно вставала перед нами задача расширения связей с местным населением.

Я разыскал Коско: он наблюдал, как партизаны укладывали сено под навес.

— Откуда? — спросил я, показывая на сено.

— Не беспокойтесь, никого не обидели. Это сено было заготовлено в лесу, — поняв мое опасение, ответил Коско. — Вот только с продуктами плохо: большинство населения охотно помогает, но ведь у самих мало… Я думаю, пора нам отнимать у немцев. У меня уже есть кое-какой план.

— Как говорится, экспроприировать самих экспроприаторов, — отозвался я.

— Правильно!

— Для этого надо, чтобы кругом были наши надежные и умелые помощники. Вот об этом я и пришел потолковать. Помню, вы очень хорошо отзывались о местном леснике…

— О Василии Каледе? — напомнил Коско. — Замечательный человек.

— Расскажите о нем поподробнее, — попросил я.

Коско снял шапку и, выбирая из нее стебли клевера, начал:

— Подробностей всей его жизни я, правда, не знаю. Но верю ему, крепко верю. Ведь еще в гражданскую Василий Аксентьевич за Советскую власть бился, Как раз в здешних краях. Старожилы рассказывали мне, что однажды белые окружили их маленький отряд, а часовой уснул… Стали спящих резать. Тут вдруг проснулся Каледа и в один миг все понял. Как схватился за гранаты!.. Правда, его самого осколками поранило — но что ж!.. Иначе бы никому не спастись…

— Надо повидаться с ним, — сказал я.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше.

— Тогда можем ехать сейчас, только бы дома застать, — сказал Коско. — Сам Василий Аксентьевич удачно перед немцами маскируется, — объездчиком служит.

Полозья саней легко скользили по снегу, лошади бежали бодро. На опушке леса мы остановились, прислушались. По шоссе, подавая глухие сигналы, пронеслась немецкая автомашина. Оставив подводы с прикрытием, мы с Коско подошли к шоссе. Впереди была видна деревня Буда-Гресская, там стоял вражеский гарнизон.

— Как же ты, Иосиф Иосифович, пройдешь туда? — с сомнением спросил я.

— Ничего, — спокойно ответил Коско, — дом Каледы с краю, мне не в первый раз сюда ходить… — И он, кивнув мне, направился в деревню.

Спустя некоторое время недалеко от меня треснула ветка, послышался легкий свист, и из густых кустов показался Коско, а за ним высокий, по-видимому, сильный мужчина. Виски его были седыми.

Мы поздоровались.

— Про здешних немцев могу подробно рассказать, но пока больше ничего не знаю, — заговорил Каледа.

Я выслушал его информацию о численности и составе местного гарнизона.

— А к Всеволоду Николаевичу ты не сможешь нас доставить? — спросил Коско.

Я вспомнил, что Коско другого своего надежного знакомого, объездчика Туркина, называл именно Всеволодом Николаевичем.

— Могу. Он и в Минске бывает. Он побольше знает, — ответил Каледа.

— Сейчас можешь?

— Можно и сейчас, всего двенадцать километров отсюда.

Мы поехали быстрой рысью. Лошади весело бежали, из-под копыт вырывались комья снега, смешанные с землей, и с легким шумом ударялись о передок саней. Впереди мелькали фигуры Ларченко, Вали и других конных разведчиков.

Доро́гой Каледа подробно рассказал о жителях своей деревни. Потом мы вспомнили бои гражданской войны и незаметно почувствовали себя старыми знакомыми.

В небе угасали последние звезды, когда Коско остановил разгоряченных лошадей.

— Придется обождать, пусть рассветает, — посоветовал Каледа. Мы вылезли из саней, чтобы немного размяться.

Через час Каледа пошел в деревню Шищицы и возвратился с Туркиным. Полный, краснолицый, он говорил свободно и спокойно, прямо глядя в лицо собеседнику.

— Как вы попадаете в Минск? — спросил я.

— На машине, она в моем распоряжении, и пропуск имею. В Минске у меня немало знакомых, — говорил Туркин.

— А кто из ваших знакомых согласился бы помогать партизанам? — спросил я.

— Помогать могу я, а в отношении знакомых надо подумать.

— Не могли бы вы на своей машине отвезти в Минск наш пакет? — спросил я. — Но так, чтобы немцы не пронюхали.

— А то голову снимут, — закончил мою мысль Туркин.

— Было бы хорошо, если бы у вас был доверенный человек, которому вы могли бы оставить пакет, — сказал я.

Туркин задумался.

— Есть один. Это инженер лесозавода Борис Велимович, он не выдаст.

— Не одни лишь прямые предатели выдают, — сказал я. — Не споткнется ли на чем-нибудь? Не проболтается ли?

— Если верите мне, верьте и ему, — все так же спокойно ответил Туркин.

— Что ж, — сказал я, помолчав. — Я верю Иосифу Иосифовичу, — значит, полагаюсь и на вас.

— Кому должен Велимович передать пакет? — спросил Туркин.

— Об этом сейчас договоримся. К Велимовичу придет человек и спросит: «У вас, кажется, есть баян для продажи?» Велимович должен сказать: «Дорого уплатите?» После того как пришедший ответит: «Три червонца», Велимович должен отдать пакет, и на этом его миссия кончается… В пакете будут тол и капсюли. Предупредите Велимовича: пусть он держится в стороне, не имеет больше никаких связей. Этого требует конспирация. А на язык Велимович не слаб? — опять спросил я.

— Будет молчать как рыба, — заверил Туркин.

Условившись о времени и месте, когда и где Туркин получит пакет, мы уехали.

— Будьте спокойны за обоих, — говорил Коско дорогой, — и за Каледу, и за Туркина.

Через два дня Коско устроил мне встречу еще с одним своим знакомым.

На опушке леса к нам подошел молодой человек в очень бедной крестьянской одежде.

Он тепло поздоровался с Коско, затем подал руку мне, отступил на шаг и быстро отрапортовал:

— Боровик Федор Васильевич, комсомолец с тысяча девятьсот тридцать восьмого года, рождения двадцать третьего, колхозник деревни Кошели…

Уловив озорную усмешку в его карих глазах, я, подобно ему,

вытянулся и скороговоркой отрекомендовался:

— Подполковник Градов, рождения девяноста девятого года, десантник.

Тут мы все трое рассмеялись, и я еще раз крепко пожал руку комсомольцу.

Вскоре я узнал о Боровике то, чего не знал и Коско, чутьем распознавший в комсомольце настоящего, сильного борца.

…В сентябре сорок первого года, как раз в то время, когда Боровик, не будь оккупации, должен был быть призванным в армию, он встретился с работником Гресского райкома партии Владимиром Зайцем, который сколачивал партизанскую группу.

Заяц, вооруженный автоматом ППД, проходил по деревне. Федя Боровик так и кинулся к нему.

Однако тот сурово отстранил юношу, успев при этом ласково шепнуть ему, что они должны разговаривать не здесь, а в лесу, и назначил место.

Когда они встретились вторично, Федя Боровик попросил у старшего товарища несколько гранат, обещая в ту же ночь забросать ими казарму ближайшего гарнизона. Однако приказ работника райкома поначалу разочаровал его: Феде до особого указания были запрещены активные действия; он получил задание выявлять надежных людей из молодежи, а также бывать в окрестных гарнизонах и узнавать о них все подробности…

Эту ответственную задачу хорошо законспирированного партизанского разведчика Федор Боровик с честью выполнял уже полтора года.

Теперь он будет помогать и нашему отряду.

Лагерь жужжал, как развороченный улей: на полянке лежала цистерна, а вокруг нее суетились Вербицкий и другие партизаны.

— Что здесь делается? — удивленно спросил я Вербицкого.

— Баня, — весело засмеялся он. — Выкопаем, нальем ключевой водицы… плеснешь ковш на красные камни, так пар к земле прижмет, — скороговоркой выпалил он.

— Замечательно, — обрадовался Коско. — А откуда цистерну приволок?

— Со смолярного завода.

— Ага! Вспомнил. — И Коско тоже присоединился к работающим.

Я зашел в штабную землянку. Перед Морозкиным и Меньшиковым сидели двое мужчин, одетых в крестьянские полушубки, из-под которых были видны полинявшие воротнички гимнастерок. При моем появлении незнакомцы встали. Полный, несколько рыхловатый блондин лет тридцати и быстрый в

движениях, тоненький смуглый молодой человек с маленькими черными усиками.

— Пополнение прибыло, товарищ командир, — доложил Меньшиков. — Это военные врачи, их в деревне Кошели наши нашли, приписниками были. Все проверено.

— Александр Чиркин, — представился блондин.

— Михаил Островский, — назвался второй.

Я посоветовался с комиссаром и направил новых врачей в распоряжение Лаврика.

— Теперь наша санчасть укомплектована, — радовался комиссар. — Островский — хирург, Чиркин — терапевт, а Лаврик — начальник.

— Зубного врача не хватает, — пошутил Меньшиков.

— Найдем и этого, а пока побереги свои зубы, лучше фашистам выбивай, — засмеялся Морозкин.

Мы вышли из палатки и направились к окопам. Рытье их уже заканчивалось.

— А что, если перед окопами заминировать? — предложил я.

Всем понравилось мое предложение. Я вернулся в лагерь, зашел в землянку к Сермяжко.

Константин читал вслух книжку, его жена, Валентина, чинила одеяло, несколько партизан отдыхали на нарах.

Сермяжко вскочил и закрыл книгу. Это была «Война и мир» Л. Н. Толстого.

— Как думаешь, Константин, можно вокруг лагеря сделать минное поле из противопехотных мин? — я вопросительно смотрел на Сермяжко.

— Сделаем, — коротко ответил он.

— А сколько времени потребуется на это дело?

— Завтра будет закончено.

Через полчаса все подрывники были заняты делом. Одни из досок делали маленькие ящички, другие укладывали в них тол.

На другой день возле лагеря появились дощечки с надписью:

«Осторожно! Заминировано».

В то же время наши разведчики установили связь с тремя партизанскими отрядами, действующими в этом районе: имени Фрунзе, которым командовал Иван Васильевич Арестович; имени Калинина под командованием Леонида Иосифовича Сороки и имени Чапаева под командованием Хачика Агаджановича Мотевосяна. Отряд имени Фрунзе находился в десяти километрах от нашего лагеря, в лесу Жилин Брод, а отряды имени Калинина и Чапаева, дислоцировались в деревнях Пуховичского района, на восточном берегу реки Птичь.

Сорока и Мотевосян прибыли к нам. Это были уже проявившие себя в боях с немцами, опытные руководители отрядов.

Мы показали им лагерь, уютные землянки, баню, в которой могли мыться одновременно двадцать человек, не достроенную еще пекарню и другое наше хозяйство.

Потом решили испытать баню в действии и, обождав, пока закончит мыться очередная партия партизан, вошли в нее. Помывшись, пошли в парикмахерскую, где ловко работала недавно прибывшая из Марьиной Горки молоденькая парикмахерша Надя Петруть.

— Замечательно! — воскликнул Мотевосян.

— Стройся и ты, кто тебе мешает, — сказал Сорока. — А что, если и вправду нам перебраться в лес? — обратился он к Мотевосяну.

— Примете в соседи? — спросил Мотевосян.

— Всегда рады: чем больше, тем веселее, — ответил Морозкин.

В тот же день в двух километрах от нашего лагеря мы нашли удобное место для отрядов Сороки и Мотевосяна.

— А вы нам своих инженеров пришлете? — прощаясь, спросил Сорока.

— Принуждать мы никого не можем, а вот вы придите и побеседуйте с ними, — ответил комиссар.

Помогать соседям вызвались Белохвостик и Жардецкий. Вскоре у нас появились два надежных соседа.

Подошел день встречи с Туркиным. Сегодня нужно было отдать Туркину посылку для отправки в Минск. В простой деревенский мешок мы аккуратно упаковали двадцать килограммов тола, отдельно положили капсюли и бикфордов шнур.

В условленный час прибыли к мостику, что в четырех километрах от Белой Лужи.

Через несколько минут на шоссе показалась полуторка. Из кабинки высунулся Туркин. Мы вышли на шоссе. Туркин быстро взял мешок и бросил его в кузов.

— А не опасно ли так? — забеспокоился я.

— Так будет лучше. Немцы заглядывают под сиденье и в другие укромные уголки, а на то, что лежит у них на глазах, зачастую не обращают внимания, — уверенно ответил Туркин.

— Счастливо, Всеволод Николаевич. Желаю успеха. Не забудьте пароль, — попрощался я.

— Будьте спокойны!

Машина покатила по шоссе, вздымая снежную пыль.

В тот же день возвратилась диверсионная группа Любимова.

…Доехав до деревни Горелец, подрывники слезли с саней и пошли пешком; не доходя пяти километров до железной дороги, они остановились в глухой деревушке Скрыль, расположенной в болотистой местности.

Крестьяне приняли их очень приветливо, рассказали о расположении охраны на железной дороге. Оккупанты в связи с сильными морозами засад не устраивали, а ограничивались лишь проверкой костров, которые жгло население, и патрулированием полотна.

Любимов решил, что это один из тех случаев, когда затрата времени и сил на предварительную разведку сопряжена с не меньшим риском, чем немедленные действия: ведь разведчики оставили бы следы, которые могли насторожить патрульных.

Подход к железнодорожному полотну изучили по карте. Погода благоприятствовала, началась снежная метель. Воспользовавшись этим, подрывники, одетые в белые маскхалаты, поздно вечером, ориентируясь по компасу, по-пластунски подползли к железной дороге. Справа и слева сквозь бушевавшую метель были видны тускло светившиеся костры.

Группа залегла, стала вести наблюдение. Снег засыпал партизан, коченели руки и ноги. Однако партизаны не двигались.

Прошел состав из Минска, но подрывникам нужно было перехватить воинский эшелон, идущий в сторону фронта на Минск.

Скоро, громко разговаривая, размахивая руками и притопывая от холода, прошли немцы. Через некоторое время они прошагали обратно.

После полуночи со стороны Марьиной Горки послышалось пыхтенье паровоза. Партизаны затаили дыхание. Шешко и Чернов бросились на полотно ставить приготовленный заранее десятикилограммовый заряд тола. Шишко и Прокопеня поползли на фланги для прикрытия. У шнура лежал Денисевич.

Вернулись Шешко и Чернов. Ежась от холода, они доложили Любимову, что мина поставлена.

Паровоз приближался. Денисевич дернул шнур — раздался взрыв: белое пламя осветило темное небо. Началось столпотворение: вагоны лезли друг на друга, слышались крики фашистов.

Партизаны были уже метрах в четырехстах от железнодорожного полотна, когда противник открыл беспорядочную стрельбу. Пройдя двадцать километров, подрывники на день остановились в деревне Липники, а вечером вышли к лагерю и скоро усталые, но довольные вернулись домой.

Всем участникам похода я объявил благодарность.

— Теперь в баню, в парикмахерскую, потом обедать, — сказал я, выходя вместе с ним из землянки.

…Необходимо было сообщить подпольщикам в Минске, что Велимовичу доставили взрывчатку. Мы стали советоваться, кого послать в Минск.

— Пошлем опять Воронкова и Гуриновича, — сказал Морозкин.

— Обождите, ведь у Сороки, кажется, в деревне Озеричино, а это рукой подать до Минска, есть связной, так, может, с ним поговорить? — спросил Меньшиков.

— Хадыка? — спросил Кусков.

— Совершенно верно. Он.

Я задумался.

— Я его не знаю. Надо познакомиться.

— Да ты знаешь ли, какая дорога: сорок километров через гарнизоны противника. Нет, командиру нельзя оставлять отряд, — запротестовал комиссар.

— А на что заместитель, комиссар и начальник штаба? — в свою очередь возразил я. — Справитесь здесь и без меня.

Я позвал Гуриновича и Воронкова. Они все время просились на боевые задания, я их не отпускал, готовя для похода в Минск.

— Работа есть? — весело спросил Гуринович, войдя в землянку.

— Садитесь, поговорим, — предложил я и, когда они сели, спросил: — С этой стороны дорогу в Минск найдете?

— Для нас сейчас все дороги в Минск ведут, — ответил Воронков. — С любой стороны найдем.

— Да этим путем еще лучше, — подтвердил Гуринович. — Недалеко от Минска с этой стороны живет моя двоюродная сестра Василиса.

— Далеко от Озеричино?

— Километров десять.

— Тогда готовьтесь к походу, поедете со мной.

Взяв с собой семь партизан, мы на двух подводах выехали из лагеря.

С рассветом приблизились к Озеричино, остановились и, когда высланная вперед разведка доложила, что немцев нет, въехали в деревню. Найдя нужный дом, я со двора постучал в окно. Двери скоро открылись. Показавшийся на пороге мужчина спросил:

— Вам кого?

— Мы от Алексея, — ответил я.

— Заходите, сейчас зажгу свет, — сонно пробормотал хозяин.

Это был мужчина лет сорока, темноволосый, с длинными руками. На первый взгляд он казался неуклюжим и вялым.

— Вас только трое? — все так же сонно спросил он.

— Нет, с нами еще семеро, они во дворе с двумя санями, — сказал я.

— Тогда нужно скорей распрячь лошадей и завести в сарай, а товарищи пусть заходят в дом, — сразу сбросив с себя сонливость, сказал хозяин.

Лошади были быстро поставлены в сарай и накрыты попонами. Четверо партизан вошли в дом, трое остались караулить, укрывшись в сенях и сарае.

Степан Хадыка, не будя хозяйки, поставил на стол хлеб, сыр, вскипятил чай.

Я назвал себя, сообщил о цели прихода.

— Какая разница: Сорока или Градов — мне все равно. Пока я жив, под моей крышей всегда найдется место для партизан; чем могу, тем и помогу.

Затем он предупредил нас, что в четырех километрах, в районном центре Руденске, находится сильный немецкий гарнизон.

— Теперь река замерзла, и немцы могут нагрянуть неожиданно, — сказал Хадыка.

— Что же вы советуете нам делать? — спросил я.

Хадыка задумался.

— Что ни советуй, а днем ехать все равно нельзя. Надо ждать. Теперь вам не мешало бы поспать.

— Не могли бы вы съездить в Пережир к одной женщине? Она раньше учительницей была, может, и сейчас там живет… Я дам письмо, а вы отвезите на нашей лошади.

— На вашей не поеду, — затряс головой Хадыка, — еще беды наживешь, лучше на своей. — И, поднявшись из-за стола, сказал: — Я пойду лошадь запрягать, а ты пока пиши.

Хадыка, накинув кожух, вышел во двор.

Гуринович написал, чтобы сестра приехала вместе с нашим посланцем. Хадыка уехал. А мы, усилив посты, нетерпеливо ожидали его возвращения.

Вскоре Хадыка вернулся, рядом с ним сидела женщина. Легко спрыгнув с саней, она стряхнула снег с полушубка и вошла в дом. Женщина была высокая, стройная, с чуть поседевшими волосами. Остановившись у порога, она окинула нас внимательным взглядом и, заметив Гуриновича, бросилась к нему.

— Мишенька! — заплакала она.

— Ну что ты, Василиса, — успокаивал ее Михаил.

— Школу закрыли, — сквозь слезы говорила она. — Хожу по

людям, стараюсь, чтобы духом не падали… Муж и сын в отряде «Беларусь»… Где они сейчас, не знаю… Какое счастье партизан повидать!

Василиса Васильевна рассказала, в каких населенных пунктах под Минском стоят немецкие гарнизоны, как оккупанты выдают паспорта и особые пропуска.

— Вы в Минске бываете? — внимательно выслушав ее, спросил я.

— Приходилось, мой паспорт в порядке.

— В Минске у нас имеются свои люди, не могли бы вы поддерживать связь между ними и нашим отрядом… В последнее время эту связь осуществляли ваш брат и его товарищ, — я кивнул в сторону Воронкова, — но им очень рискованно: часто ходить они не могут.

— О чем вы спрашиваете? — серьезно сказала Василиса Васильевна. — Смысл моей жизни сейчас — борьба с фашизмом. Жить сложа руки не буду.

Я поблагодарил ее. Затем сообщил Василисе Васильевне адреса Веры Зайцевой и Анны Воронковой, условился с ней о пароле, и она, попрощавшись с нами, ушла. Василиса Васильевна отвергла наше предложение подвезти ее, сказав, что ей по дороге нужно зайти в несколько деревень.

В беседе с Хадыкой выяснилось, что он хорошо знает члена подпольной группы агронома совхоза «Лошица» Ефрема Исаева. Я решил использовать это и встретиться с Исаевым.

— Не смогли бы вы привезти его сюда? — спросил я.

Хадыка тотчас согласился.

— У него живет инженер Мурашко; человек он свой, может, сказать Исаеву, чтобы и того захватил? — спросил Хадыка.

— Пусть действует по своему усмотрению, — ответил я.

Снова укатил хозяин, а когда возвратился, сообщил:

— Все в порядке, завтра утром они будут.

Задерживаться в деревне было небезопасно. Здесь могли оказаться предатели. Если они узнают о нашем пребывании, дело может кончиться печально. Но что поделаешь: без риска ничего не добьешься.

Мучительно медленно тянулось время. Всю ночь никто из нас не сомкнул глаз. Начало светать, хозяин вышел во двор, хозяйка суетилась около печи. Я неотрывно смотрел на дорогу. Вот показалась сытая, хорошая лошадь, запряженная в небольшие сани. Я насторожился. Поравнявшись с нашим домом, санки нырнули во двор. Хозяйка, подойдя к окну, сказала:

— Свои…

Хадыка проводил приезжих ко мне в комнату. Это были

Исаев, которого я уже знал раньше, и Мурашко — статный, широкоплечий молодой мужчина; на худом его лице резко выделялись глубоко запавшие синие глаза. Мы познакомились.

Константин Мурашко, местный уроженец и житель. Перед войной работал в Минске старшим прорабом на строительстве завода имени Кирова.

— Как вы дальше думаете жить? — спросил я его.

— Дорога ясна — бороться с фашистами. Значит — в партизаны.

— Путей борьбы с фашистами много, — поправил я.

— Как так? — Лицо Мурашко помрачнело.

— Вступить в партизанский отряд — это проще всего. Мы вам предлагаем работать в подполье. — Я в упор посмотрел на него.

— Я не член партии, но ее указания для меня закон… Согласен, — твердо ответил Константин Мурашко.

Я заговорил о том, что ему прежде всего необходимо осмотрительно и неторопливо подобрать себе в помощники надежных людей. Гуринович и Воронков дополнили мои слова, сославшись на свой, хотя и небольшой еще, опыт.

— У меня есть много хороших знакомых, — сказал Мурашко. — Зоя Василевская работает на центральном аэродроме уборщицей в общежитии летчиков; Рая Волчек — официанткой в офицерском казино; технорук дрожжевого завода «Красная заря» Борис Чирко; его брат Игнат работает на железнодорожной станции Козырево; молодой паренек Олег Фолитар…

— Так много? — улыбнулся я. — Чудесно! Только бы надежные были…

— Я им верю, — горячо вступился Мурашко. — Есть и еще свои: Клава Валузенко, она имеет связь с лагерем военнопленных в Масюковщине, и Михаил Иванов, шофер городской управы.

— Они знают друг друга?

— Некоторые — да. А что такое? — удивился Мурашко.

— Надо, чтобы члены организации не знали друг друга.

— Понимаю, — сказал Мурашко, — во всяком случае новых знакомств внутри организации не допустим.

— Стало быть, еще одна подпольная организация будет в Минске, — тихо проговорил Гуринович.

— Народ сам поднимается на борьбу, только руководства не хватает, — ответил Мурашко.

Мы приняли решение создать подпольную боевую группу. Командиром группы был назначен Мурашко, его заместителем — Исаев.

Я снова напомнил о необходимости беречь членов подпольных групп:

— Обнаружите, что за кем-то наблюдают немцы или полиция, немедленно отправляйте со всей семьей к нам в лагерь.

Связь мы решили держать через Степана Хадыку.

Затем я попросил Исаева и Мурашко помочь двум товарищам (я показал на Гуриновича и Воронкова) пробраться в Минск.

— Днем на санях доставим, — улыбнулся Исаев.

— А не слишком ли смело? — спросил Гуринович.

— Чем смелей, тем лучше. На всякий случай заготовим документы.

Он пояснил, что, направляясь из немецкого имения в Минск, рабочие получают особые пропуска, которые заменяют собой остальные документы, и что он, Исаев, может достать такие пропуска.

Мурашко и Исаев вместе с хозяином вышли во двор готовить санки.

Я еще раз напомнил Гуриновичу и Воронкову адрес Велимовича и пароль, поручил собрать как можно больше сведений о белорусских националистах и выяснить, добились ли чего-нибудь оккупанты в организации широко разрекламированного ими «корпуса самообороны».

— Пора прощаться, — с нетерпением сказал Воронков.

Во дворе у распахнутых ворот мы простились с отъезжающими товарищами.

Стемнело. Пора было уезжать и мне. Я позвал хозяина в комнату, крепко пожал ему руку.

— Большое спасибо тебе, Степан!

— За что? — удивился он.

— За то, что помог общему делу. В чем нуждаешься? Можем помочь.

— У меня все есть, — спокойно ответил Хадыка.

Это была неправда. Я видел, как нелегко было ему добыть еды, чтобы нас накормить. У меня в планшетке было пятнадцать тысяч немецких марок. Я задумался: как их предложить Хадыке, чтобы он не обиделся?

— Вот, возьми этот пакетик, — так ничего и не придумав, сказал я и протянул ему пачку денег. — Может, пригодятся тебе или товарищам.

— Деньги?.. Нет! Не возьму, — с силой отвел мою руку хозяин.

— Степан, эти деньги могут спасти не только тебя, но и наших товарищей, только умей ими воспользоваться… Ты же знаешь продажность полицейских. Эти марки иной раз выручают не хуже, чем автомат.

— Хорошо, возьму, только дайте мне и оружие, — согласился

Хадыка.

— Оружия не дам, — мягко сказал я. — А то ты почувствовал бы себя слишком смело.

— Ясно, с оружием смелее.

— Твое главное оружие — осторожность, — говорил я. — Иногда нужно притвориться, что даже стоишь на стороне немцев. Никуда не лезь, без пароля никого не принимай. Если возникнет срочный вопрос, приходи в деревню Кошели, третья хата с восточной улицы Федора Боровика. Там тебе скажут, что делать дальше. Если кто-нибудь нас заметил, скажи, что были родственники… Ну, а теперь запряги лошадей и подгони к крыльцу, — закончил я.

Распрощавшись с хозяевами, мы сели в сани и вскоре доехали до лагеря.

— Лошадей загнали, — ощупывая мокрые шеи, упрекал Долик.

— Что у вас нового? — поинтересовался я, здороваясь с комиссаром.

— Все в порядке. Меньшиков нашел двух новых хороших связных: Мозолевского и Слабинского… Познакомишься — будешь доволен. Мы с Коско в деревне Адамово встретились с Раисой Радкевич. Она согласилась помогать нам.

Я коротко рассказал о новых наших подпольщиках.

Утром передали радиограмму в Москву с сообщением о результатах поездки. Они были одобрены; вместе с тем мы получили указание усилить диверсии на железной дороге. В тот же день две группы подрывников были посланы на задание.

7

Приближался новый, тысяча девятьсот сорок третий год.

Ко мне подошел Коско и озабоченно доложил:

— Продукты на исходе, оставшегося запаса едва хватит на несколько дней, да и к праздничному обеду нужно бы достать что-нибудь получше…

— Что же вы предлагаете?

Коско улыбнулся.

— Каледа сообщил, что для гарнизона Белой Лужи немцы пригнали скот, привезли много сала, масла, яиц, мужи. Все это можно забрать без особого шума. У амбара стоит только один часовой, а хлев вообще не охраняется, все немцы сидят в дзотах около шоссе.

Предложение мне понравилось, я посоветовался с Кусковым и Морозкиным, и мы решили не упускать случая. Для проведения операции выделили двадцать человек под руководством Валерия Гончарова. Группа взяла два ручных пулемета и на подводах тронулась в путь. Недалеко от Белой Лужи партизан встретил Василий Каледа.

— Как дела, дядя Вася? — спросил его Валерий.

— Немцы сидят в дзотах и изредка постреливают, слышишь? А ночь такая, что книгу можно читать. Придется обождать, — уныло ответил Каледа.

Партизаны спрятались в ельнике. Наступивший день тянулся медленно. Валерий часто посматривал на небо: неужели погода не изменится? Но небо по-прежнему оставалось ясным. К вечеру пришел расстроенный Каледа.

— Опять нельзя, — сказал он. — В тихую ясную ночь мы только испортим дело… Хватит у вас терпения ждать?

— Обождем, — топчась на месте от холода, ответил Валерий.

Было уже за полночь. Неожиданно спустился густой туман.

— Пойдем, дядя Вася? — шепнул Гончаров.

Каледа повел партизан в обход деревни. Недалеко короткими очередями стрелял пулемет. Дядя Вася вел группу прямо по полю. Лошади, покрытые инеем, вязли, проваливаясь в глубокий снег.

— Остановимся здесь, — сказал Каледа. — Часового нужно убрать без шума.

Гончаров и Михаил Витко в маскхалатах поползли. Они приготовили кинжалы и на всякий случай пистолеты. Подползли к амбару, прислушались. Тихо. Часовой ушел в деревню. По сигналу Валерия к амбару подошли остальные партизаны. Действовать нужно было быстро, бесшумно: часовой мог

вернуться в любую минуту.

Валерий с помощью лома свернул с двери замок, и партизаны, проникнув в амбар, стали вытаскивать мешки с мукой, крупу, сало. Кто-то нашел бочонок с медом. Все это погрузили на шесть подвод.

— Куда теперь? — спросил вспотевший Витко.

— В хлев. — И Каледа повел партизан к стоящему рядом сараю.

Сарай был открыт, и партизаны стали выводить упиравшихся коров. Когда скот был выведен, Каледа стал прощаться.

— Теперь не заблудитесь? — спросил он Валерия.

— Надеюсь, нет, — не слишком уверенно ответил тот.

— Идите все время прямо, — Каледа вытянул руку, указывая дорогу, — а мне пора на печку, ноги ноют. Попроси командира, чтобы прислал мину.

— Спасибо, дядя Вася! — пожал Валерий руку Каледы.

— Всего хорошего! — ответил тот и исчез в тумане.

Валерий довольно скоро нашел своих. Времени до рассвета оставалось мало. Но коровы шли медленно и не хотели торопиться.

— Шайтаны! Чтоб вы подохли! Шевелитесь скорей, глупые ишаки! — ругался татарин Рахматул Мухамендяров.

Коров пропустили вперед. Рахматул и Витко остались сзади с ручным пулеметом для прикрытия.

К рассвету партизаны достигли деревни Кривая Гряда. Уставшие, они только что остановились отдохнуть, как на окраине деревни раздалась автоматно-пулеметная стрельба. Валерий Гончаров приказал скот и сани вывести за деревню.

Из тумана показались немцы. Мухамендяров и Витко залегли за сугроб. Немцы медленно подходили.

— Обожди, Миша, не стреляй, подпустим их ближе, — прошептал Рахматул.

Когда немцы подошли метров на тридцать, по ним ударили партизанские пулемет и автомат. Трое гитлеровцев упали замертво, другие спрятались за дом и открыли стрельбу. Витко ткнулся лицом в сугроб, пулемет его замолк.

— Сволочи, — процедил сквозь зубы Рахматул и пустил длинную очередь.

Витко поднялся, отер окровавленное лицо, и его пулемет снова заработал.

— Миша, бери мой автомат и скорее отходи, а я останусь прикрывать, — уговаривал Рахматул раненого Витко.

С улицы выскочила новая группа немцев, и шквал огня ударил по двум отважным партизанам. Витко вздрогнул всем

телом и замолк. Рахматул схватил окровавленный пулемет товарища и выпустил несколько очередей по приближающимся вражеским солдатам.

Оставив двух убитых, фашисты отступили.

— Не отдам я им Михаила, — шептал Рахматул, — не отдам…

Сзади него неожиданно затрещали автоматы — это Валерий Гончаров с товарищами спешили на помощь.

— Товарищи… — дрожащими губами крикнул Рахматул. Он поднял на руки убитого Витко.

Группа молча возвратилась в лагерь. Рахматул обмыл кровь с лица убитого товарища, поцеловал и отошел в сторону.

Михаила Витко похоронили возле Княжьего Ключа. Медленно падали в тишину слова комиссара:

— Сегодня мы прощаемся с отважным комсомольцем Михаилом Тимофеевичем Витко. Мы не успокоимся до тех пор, пока родина Витко — Белоруссия — не очистится от фашистской нечисти…

А я не мог произнести ни слова на этих похоронах. Я не мог отделаться от чувства вины: ведь я одобрил эту операцию.

Грянул залп-салют, на гроб посыпалась земля. Партизаны молча обнажили головы. Я посмотрел на Рахматула, он стоял в шапке. Видно, думы его были далеко. Может быть, и он терзался одной неотвязной мыслью: как же это случилось, что он опоздал выручить друга?

Витко Михаил Тимофеевич Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени.

Преподнести фашистам «новогодние подарки» отправились Николай Ларченко и его разведчики. Они взяли с собой мину, пять килограммов тола. В условленном месте нашли записку, прочитали, что Каледа сегодня обязательно будет.

Партизанам долго ждать не пришлось. Дядя Вася скоро пришел. Он радостно поздравил разведчиков с наступающим Новым годом и сообщил, что двадцать пять гитлеровцев выехали в Минск.

— Эх! Было бы вас побольше, — посетовал дядя Вася и тут же спросил: — А мина есть?

— Есть, — ответил Ларченко.

— Тогда идем скорее! — Он повел партизан к шоссе между Белой Лужей и Валерьянами. Шоссе было покрыто толстым слоем укатанного снега.

— Хорошо ли здесь? — спросил Ларченко Дудкина.

— Сделаем наверняка, — ответил тот.

Скоро мина была заложена, и партизаны стали ждать. Темнело. Партизаны начали волноваться.

— Вы пока покурите, — говорил Каледа. — Машина обязательно будет. Неужто немцы окажутся такими невежами, что не привезут своим подарков под Новый год?

Наконец где-то вдалеке зашумел мотор.

— Вы подойдите поближе, а я лошадей посмотрю, — посоветовал Каледа.

Не успели разведчики выйти из ельника, как раздался сильный взрыв. Выскочив на шоссе, они увидели исковерканную автомашину.

— Давай посмотрим, может, что-либо уцелело, — посоветовал Дудкин.

— Собрать оружие! — приказал Ларченко.

Партизаны собрали оружие и документы; разгребая ногами снег, они нашли четыре целые бутылки вина.

— На тебе, дядя Вася, — Дудкин сунул ему в карман одну бутылку.

— Смотрите, уцелела! — поворачивал в руках бутылку Каледа. — Куда я ее понесу? Дайте нож…

Каледа осторожно открыл бутылку.

— За счастливый Новый год! Чтобы на нашей земле не осталось ни одного поганого фашиста! — сказал он и приложил горлышко к губам. — Хорошо!

Всем досталось по глотку. Вино немного согрело. Оставаться здесь дольше было опасно: недалеко гарнизоны противника.

Каледа попрощался с разведчиками.

— Осторожно, не попадись, дядя Вася, — говорили ему партизаны.

— Я стреляный воробей… — уже издали донесся его голос.

Партизаны вернулись в лагерь. Ларченко вошел в штабную землянку и, отдав честь, по своему обыкновению громовым голосом начал:

— Товарищ командир…

— Перестань! — перебил я. — Сколько раз говорил, чтобы не кричал. От твоего крика землянка может рассыпаться… Расскажи спокойно. Садись.

— Простите, — смутился Ларченко и уже тихо доложил: — Задание выполнено: разбита автомашина, убито шесть гитлеровцев; взято шесть автоматов и вот это… — Ларченко достал из карманов бутылки.

— Хорошо! А вино оставь себе, это ваша находка.

— Ни в коем случае! — упирался Ларченко.

— Тогда сделаем так: одну бутылку оставь здесь, другую

отдай Коско, а третью возьми себе с разведчиками.

— Это другое дело, — согласился разведчик и взглянул на часы. — Скоро Новый год.

— Благодарю за успешное выполнение задания, — пожал я ему руку. — Желаю хорошо встретить Новый год и добиться еще лучших боевых результатов.

— Спасибо, — ловко, по-военному повернулся Ларченко.

— Обожди! — крикнул комиссар. — Я хочу тебе пожелать, чтобы в новом году ты отвык кричать.

Ларченко махнул рукой и исчез за дверью.

Стрелка часов приближалась к двенадцати. Я вышел из землянки. Ярко сверкали звезды. Между землянками кое-где торчали небольшие елочки. Вспомнилось, как перед войной на площадях Москвы для детей устраивались сверкающие огнями елки. Как теперь выглядит Москва? Возле Мавзолея Ленина стоят покрытые снегом серебристые ели, а миллионы их сестер здесь, в белорусских лесах, прикрывают нас от снега, от ветра, от глаз коварного врага. Кончится война — и новогодняя елка тысячам партизан напомнит о славных делах во имя Родины.

Я ходил по лагерю. Всюду чувствовалось праздничное настроение, с кухни пахло жареным.

Партизаны толпились у громкоговорителя, они ожидали голос Москвы.

Я вспомнил товарищей, ушедших на выполнение боевых заданий: две группы подрывников на железной дороге, Гуринович и Воронков в Минске. Что делают они сейчас? Должны были уже возвратиться. Идут ли они тайными лесными тропами или встречают Новый год в кругу родных?

Вот пробили Кремлевские куранты. Из землянок вышли все партизаны, вышли врачи со своими выздоравливающими пациентами. Раздался последний удар курантов, и над лесом торжественно зазвучал «Интернационал». Партизаны с обнаженными головами стояли задумчивые и серьезные.

— С Новым годом, товарищи! — поздравил я партизан и пожелал новых успехов в борьбе с фашизмом.

Потом начальник штаба Луньков зачитал поздравительную радиограмму из Москвы. В ответ прогремел партизанский девиз «Смерть немецким оккупантам!».

Коско пригласил партизан к праздничному ужину.

— С Новым годом! С новыми победами! — раздавались взаимные поздравления.

В штабной землянке был накрыт стол. На нем шипели котлеты и жареная картошка.

— За победу над фашизмом! За Коммунистическую

партию! — произнес тост комиссар Морозкин.

— За тех, кто в походе! — поднял рюмку начальник штаба Луньков.

В этот момент открылась дверь, и в клубах морозного воздуха появились Гуринович и Воронков.

— С Новым годом! — крикнул Гуринович.

Мы выскочили из-за стола, помогли раздеться замерзшим товарищам, усадили их за стол Гуринович и Воронков рассказали, как прошел поход в Минск.

Подпольщики активно действуют, ведут работу среди населения, распространяют наши листовки и литературу.

Велимович — надежный человек.

Красницкий усилил свою группу и уже подготовил все для диверсии, но пока никто из членов группы не умеет обращаться с подрывным материалом.

Подруга жены Матузова Феня Серпакова установила связь с начальником отдела пропаганды белорусского «корпуса самообороны» полковником Соболенко.

— Ого! — обрадованно оглядел я товарищей. — Для праздника — достаточно! Подробности доложишь завтра утром.

Усталость брала свое, и прибывшие партизаны пошли отдыхать. Постепенно замолкали и другие. Мы с Кусковым вышли из землянки, проверили посты.

В гитлеровских планах белорусский народ обрекался частью на истребление, частью на превращение в рабов германского империализма. Белорусским же буржуазным националистам отводилась роль подручных палачей.

Долгие годы белорусские националисты, изгнанные народом, околачивались по задворкам белоэмиграции. Все свои надежды они связывали с иностранной интервенцией против Советского Союза. В свое время белорусские националисты выполняли грязные поручения второго отдела белопольского генерального штаба и других иностранных разведок, а когда в Германии к власти пришли фашисты, переметнулись на службу к ним. Обласканные гитлеровцами, они проходили обучение в специальных школах шпионажа, террора, диверсии; в фашистских концлагерях получили большую практику палачей.

Вслед за гитлеровскими войсками, вторгшимися в Советскую Белоруссию, прибыли предатели белорусского народа во главе с кадровыми агентами империализма: Акинчицем, Островским, Ермаченко, Козловским, Ивановским, Шкеленком, Годлевским и другими.

Гитлеровцы полагали, что с помощью этих наймитов им

удастся выявить советских патриотов и расправиться с ними, расколоть и обмануть белорусский народ.

Белорусские националисты охотно служили лакеями у наместника Гитлера, так называемого генерального комиссара Белоруссии Вильгельма фон Кубе.

Первоначально оккупанты не намеревались создавать никаких местных организаций, так как полагались на собственные силы и недооценивали советский патриотизм. Однако массовое сопротивление белорусского народа заставило Кубе предпринять ряд маневров, рассчитанных на подрыв единства белорусского народа и привлечение на сторону оккупантов всех, кого возможно.

Первый шаг в этом направлении был сделан 22 октября 1941 года, когда по распоряжению Кубе белорусскими националистами была сколочена профашистская организация «Белорусской народной самопомощи» — «БНС». Председателем «БНС» Кубе назначил своего проверенного агента, злейшего врага трудящихся масс, белогвардейца Ермаченко. Ермаченко в 1918—1920 годах служил в армиях Деникина и Врангеля и выполнял особые поручения при штабах белогвардейских армий. После того как остатки белогвардейщины были вышвырнуты за пределы Родины, Ермаченко вел враждебную работу против Советской власти в качестве «генерального консула» самозваного «правительства» несуществующей «Белорусской республики» в Турции. С 1939 года, после оккупации гитлеровцами Чехословакии, Ермаченко руководил пражским филиалом «Белорусского комитета самопомощи» в Берлине.

Видя в лице белорусских националистов изворотливых и продажных проходимцев, Кубе не выпускал из своих рук контроля за «БНС» как в Минске, так и в округах и не оставлял ей и признаков какой-нибудь самостоятельности.

Хозяевами окружных комитетов «БНС» были также гитлеровские окружные комиссары, так называемые гебитскомиссары. Но в уставе и программе «БНС» было тщательно зашифровано, что ее действительными хозяевами являются немецко-фашистские оккупанты.

Программа расписывала «БНС» как организацию, призванную готовить кадры государственного управления из среды белорусов. Это нужно было фашистам, чтобы заманить в «БНС» как можно больше людей и натравить их на советских патриотов.

Соответственно этому велась пропаганда и направлялась печать «БНС». Оккупанты не жалели средств на антисоветскую пропаганду. Ими издавались от имени «БНС» «Беларуская газета», «Голас вёскі», журнал «Новы шлях» и другие.

Через эту лживую печать немецко-фашистские оккупанты распространяли грубую клевету на Советское государство, Коммунистическую партию, на русский народ. Стремясь убить в белорусском народе веру в победу Советского Союза, газеты и журналы националистов крикливо выпячивали «стратегические успехи» немецко-фашистских войск.

Чтобы облегчить доставку рабов на каторжные работы в Германию, печать белорусских националистов на все лады расхваливала фашистский образ жизни, «новый порядок» в Европе. Выполняя указания своих хозяев, стремившихся подорвать дружбу между белорусским и русским народами, эта печать прибегала к фальсификации истории белорусского народа, отождествляя царизм с русским народом.

Главари «БНС» выполняли также роль контрагентов германских монополистов. Они содействовали захвату экономики Белоруссии немецкими капиталистическими фирмами, услужливо оформляя передачу им различных промышленных предприятий.

Под прикрытием создаваемых «БНС» в городах и районных центрах клубов, читален, хоровых и драматических кружков орудовали немецкие разведывательные и контрразведывательные органы, которые готовили свою агентуру для засылки ее в партизанские отряды, в подпольные патриотические организации и в тыл Красной Армии.

Главари «БНС» использовали свою растленную пропаганду и агитацию для вербовки членов «БНС» в полицию и другие гитлеровские карательные формирования.

Белорусский народ быстро распознал предательскую сущность «БНС». В эту организацию шли главным образом кулаки, бывшие помещики, появившиеся вместе с оккупантами, а также уголовники, многим из которых были предоставлены административные должности в управленческом аппарате оккупантов.

Все потуги «БНС» идейно растлить, расколоть единство белорусского народа и поставить советских людей на службу немецко-фашистским оккупантам терпели провал.

Огромные потери немецких войск на фронтах зачастую не давали возможности сколотить сколько-нибудь серьезные силы для борьбы с партизанами, и Кубе изыскивал все новые способы, чтобы спровоцировать через «БНС» хотя бы незначительную часть белорусского населения на борьбу с партизанами.

В июне 1942 года Кубе в официальном послании обратился к руководителю «БНС» Ермаченко, в котором говорилось о необходимости создания «корпуса самообороны» для борьбы с

партизанами. Вооружение и обучение такого корпуса немцы брали на себя, предоставляя «БНС» любыми средствами втягивать в него население.

По команде Кубе 4 июля 1942 года главный совет «БНС» выступил в печати с «воззванием к белорусскому народу», подписанным Ермаченко, Годлевским, шпионом в рясе — архиепископом Филофеем, начальником минской областной полиции Саковичем, бургомистром Минска Ивановским и редактором «Беларускай газеты» Козловским. Предатели белорусского народа призывали население вступать в «корпус самообороны».

Тогда же в Минске был создан штаб по формированию отрядов «белорусской самообороны» в составе тех же Ермаченко, Саковича, Кушеля и полковника армии буржуазно-помещичьей Польши Святополка-Мирского.

Для подготовки командного состава спешно организовывались полицейские школы и курсы.

Таким образом, из сугубо «цивильной» как будто организации «БНС» по команде фашистских хозяев молниеносно превращается в откровенную банду, провоцировавшую братоубийственную резню в Белоруссии. С «БНС» была сорвана маска благотворительной организации, и она предстала перед белорусским народом в отвратительной наготе убийц и палачей.

Поэтому ни вербовка, ни насильственные мобилизации путем облав не дали положительных результатов. Белорусская молодежь, загнанная в подразделения «Белорусской самообороны», со всем вооружением и боеприпасами переходила в ряды партизан. Белорусская молодежь осталась верна своему народу и социалистической Родине.

Кубе и свора его приспешников — белорусских националистов бесились от постигнувшей их неудачи. Они искали новых методов, как втянуть молодежь в «БНС».

Выслушав подробные рассказы Воронкова и Гуриновича и прочитав принесенные ими воззвания националистов, я посоветовался с Морозкиным, Кусковым и Кухаренком. Мы решили провести открытое партийное собрание, посвященное одному вопросу: усилить разъяснительную работу в деревнях.

Землянки, в которой могли бы разместиться все коммунисты, не было, и партийное собрание Кухаренок открыл на небольшой поляне.

— Товарищи! Палач Кубе и его лакеи — белорусские националисты хотят устроить братоубийственную резню между белорусами. Они еще осенью начали создавать «корпус

самообороны» для борьбы с партизанами. Закоренелая банда предателей своей грязной пропагандой пытается завлечь нашу молодежь в свои ряды. Иногда им удается кое-кого завлечь, и наша парторганизация также несет ответственность за это. Нужно больше выпускать воззваний и листовок. У нас нет типографии, но мы должны печатать их на пишущих машинках. Мы должны добиться, чтобы «корпус самообороны» не получил ни одного солдата.

После Кухаренка выступил я и рассказал о методах, которыми буржуазные националисты втягивают молодежь в «корпус самообороны».

Слово взял Юлиан Жардецкий. Он напомнил собранию про антисоветскую деятельность Островского и Ермаченко в период гражданской войны.

— Наш народ, — говорил он, — имеет одно свойство: он быстро забывает обиды. Обязанность коммунистов напомнить народу о предательской деятельности руководителей корпуса еще в гражданскую войну, напомнить, как банда Островского уничтожала стариков, детей и женщин, выжигала дотла деревни. Только тогда наша агитация будет действенной, принесет ощутимые результаты, — взволнованно закончил Жардецкий.

— Правильно! — раздались возгласы.

— Каждый коммунист должен быть пропагандистом и агитатором, — сказал Иван Любимов.

— Сколько мы выпускаем экземпляров сводок Совинформбюро? — спросил Морозкина Коско.

— Около полутораста, — ответил комиссар.

— Мало! — горячо сказал Коско. — Нужно гораздо больше выпускать сводок и воззваний. Народ хочет слышать верное слово коммунистов.

Партийное собрание обязало всех коммунистов вместе с остальными партизанами вести разъяснительную работу в деревнях. Приняли решение больше выпускать листовок и воззваний. У нас, членов партии, возникло что-то вроде конкурса на написание лучших листовок.

Я отправил обстоятельную радиограмму в Москву о действиях белорусских националистов, потом навестил Сороку и Мотевосяна.

— Одновременно с разъяснительной работой надо усилить боевые операции, — сказал Сорока. — Мы должны показать нашу мощь, чтобы вести о наших делах далеко разнеслись.

Было уже отпечатано немалое количество воззваний. Разведчики и связные, уходя в поход, брали воззвания с собой. Был дан строгий приказ понапрасну их не расходовать, чтобы они

распространялись в тех населенных пунктах, где редко бывают партизаны.

Из Москвы была получена радиограмма, одобряющая наши действия. Нам предлагалось проникнуть в штаб «корпуса самообороны» и разрушить его изнутри. Москва запрашивала также, не нуждаемся ли мы в боеприпасах.

Через несколько дней в десяти километрах от лагеря, близ деревни Борки, мы приняли два самолета. Москва прислала нам взрывчатку, патроны, гранаты, два миномета и — чего мы совсем не ожидали — много маскхалатов, военных полушубков и тридцать пар лыж.

Большинство наших партизан было плохо одето, и поэтому я очень обрадовался, когда из мешков стали доставать белые полушубки.

— Партия о нас заботится, как о сынах, — прошептал Коско.

В тот же день получили радиограмму из Москвы, где предлагалось отправить в Москву комиссара и секретаря парторганизации для доклада о результатах нашей работы.

Начали подготавливать материалы для отчета. Два дня напряженной работы — и вот все документы, которые могут интересовать Центральный штаб партизанского движения и военное командование, собраны и упакованы. Хотя документы брали самые важные, получилась изрядная ноша.

Морозкин и Кухаренок готовились к походу. Им предстоял далекий путь: группа наших партизан будет сопровождать их до лагеря Воронянского, откуда они пойдут через другие партизанские отряды в прифронтовую полосу. Оттуда — на самолете…

— Выбирай, кто тебя будет сопровождать, — предложил я Морозкину.

— Возьму Любимова, с ним везде пройдем, — грустно улыбнулся комиссар. — Только бы отпустили поскорее обратно…

Любимову была выделена группа автоматчиков в двадцать пять человек. Вместе с ними до железной дороги Минск — Москва пойдет также Сермяжко с группой подрывников.

Наконец последние приготовления закончены. Отряд выстроился для проводов комиссара, Георгий Семенович Морозкин тепло попрощался с каждым партизаном. Было заметно, как у него вздрагивают губы.

— Ты радируй, чтобы поскорее меня обратно отправили, — говорил он мне.

Нелегко было расставаться с комиссаром. Сколько тяжелых и радостных часов мы пережили вместе.

Молча обнялись, расцеловались.

8

Разведчики и связные сообщали, что в ближайшие гарнизоны прибыли новые подразделения. Было ясно: готовится новая карательная экспедиция.

Посоветовавшись с командирами соседних отрядов Сорокой и Мотевосяном, мы решили встретить врага на месте. Начали готовиться к обороне, расчистили окопы, расширили минное поле.

В эти дни Василиса Гуринович передала через Хадыку письмо заместителя начальника штаба «корпуса самообороны»; он просил встретиться с нами и обсудить важные вопросы. Место встречи — деревня Пережир, в доме самой Василисы Васильевны. «Женщина с ума сошла, — подумал я. — У себя принимать таких типов!..»

Письмо было написано грамотно, красивым твердым почерком. Я показал его Кускову, Лунькову и Сороке.

— Может быть, провокация…

— Что ж… Нам не впервой. И с открытыми врагами, и с провокаторами, — ответил начальник штаба.

— Да! Нельзя отказываться от малейшей возможности ослабить врага.

Автор письма ставил условие, чтобы с обеих сторон было не больше, чем по пятнадцати вооруженных человек.

Мы решили заранее выслать в район деревни Пережир сильную группу партизан. Я вызвал Усольцева:

— Возможно, это и провокация, но мы все-таки пойдем на встречу. Подбери крепких ребят.

Встреча должна была состояться 20 января в десять часов вечера. Времени оставалось немного. Усольцев отобрал тридцать автоматчиков и десять пулеметчиков. Сорока также взял двадцать автоматчиков. Партизан одели в лучшее обмундирование: в белые полушубки и чистые маскхалаты. Подготовили пятнадцать подвод.

Вечером 18 января двинулись в путь и к рассвету 19 января прибыли в район встречи. Произвели разведку местности, выставили скрытые посты наблюдения, заняли оборону. Усольцеву был дан строгий приказ: в случае, если на дороге покажется больше пятнадцати человек, открывать огонь без предупреждения.

С наступлением темноты Луньков, Сорока, Карл Антонович, Малев, Назаров, Денисевич и я пошли в дом к Василисе Васильевне.

— Это вы придумали, Василиса Васильевна? — перешагнув порог, строго спросил я.

— Что такое? — улыбнулась она.

— Приглашаете в свой дом всяких… Можно было и в другом месте встретиться…

— Я понимаю ваши опасения, — сказала хозяйка. — Но я уверена, что это не провокация.

Стали ждать. Скоро во двор въехало двое саней. Из одних выскочил военный и легкой походкой направился к дому. Когда он вошел в комнату, я увидел высокого, с правильными чертами лица мужчину.

— Вы подполковник Градов? — спокойно спросил он.

— Да, я. А вы кто?

— Моя фамилия вам ничего не скажет. Но как вы знаете из письма, я заместитель начальника штаба так называемого «корпуса самообороны». Называйте меня просто майором Евгением.

— Можно и так, — согласился я и пригласил: — Разденьтесь, побеседуем.

— Видел ваших партизан во дворе, прекрасно выглядят. А нам говорят, что вы оборванцы, обросшие… — не зная с чего начать, заметил Евгений.

— А вы верите фашистской пропаганде и геббельсовской брехне? — улыбнулся Луньков.

Майор тяжело вздохнул.

— Когда попали в плен? — спросил я.

— Прошлым летом.

— С оружием в руках?

Задав этот вопрос, я ожидал, что он возразит: «Нет, меня взяли тяжелораненым…» Однако Евгений ответил:

— Да, с оружием. Но до этого расстрелял все патроны. И был один…

Мне понравилась его откровенность.

— Ладно, — сказал я. — О плене — особый разговор. Но почему вы надели гитлеровскую форму, почему пошли к ним служить? Немецкие оккупанты временные «гости» на нашей земле. Настанет день, когда Красная Армия вконец разобьет немецко-фашистские войска. Измену Родина не простит. Вам придется строго ответить за свои поступки.

Майор побледнел и сказал:

— Сейчас мне трудно оправдываться… Да, я смалодушничал. Но предателем не стал. И вину свою искуплю…

Помолчав, он продолжал:

— Оккупанты нам не доверяют. Следят, подстерегают… У нас

в корпусе есть нелегальная организация. В ней тринадцать офицеров. Настроены так же, как и я…

— Чем вы можете помочь партизанам? — прямо спросил я.

— Я штабной офицер, и, мне кажется, не нужно объяснять вам мои возможности.

— Значит, приказы, циркуляры, дислокация подразделений вам известны? — спросил Луньков.

Майор утвердительно кивнул.

— Про замыслы оккупантов можете заранее узнавать? — спросил я.

— Иногда узнаем. Сам Кубе вызывал два раза на инструктаж.

— Расскажите о работе корпуса, — попросил я его.

Майор положил на стол планшетку и достал бумаги.

— Здесь копии, — пояснил он и отдал нам приказы, списки личного состава, дислокацию подразделений. Потом спросил: — Что еще нужно?

— Пока оставайтесь на своем месте, будете получать от нас указания, — ответил я.

Майор замолчал, погрузился в раздумье. Потом резко поднял голову.

— Если я сегодня передам вам со всем оружием одно подразделение, вы их не расстреляете?

— Послушайте, майор, — я положил ему руку на плечо. — Неужели фашистская пропаганда так быстро засорила ваши мозги? Какой разговор может быть о расстреле?

— Тяжело, когда нет под ногами опоры, — вздохнул Евгений. — Я хочу вам верить и прошу, чтобы верили и мне.

— Где стоит подразделение? — спросил Сорока.

— В местечке Дукора. Подразделение насчитывает пятьдесят пять человек.

— А как вы его думаете передать?

— Офицер подразделения состоит в нашей организации. Мы выведем солдат якобы для инспекторского осмотра. В дальнейшем действуйте сами.

Я задумался. «Самооборонцы» как солдаты нам были не нужны; тем более, что мы ожидали карательную экспедицию противника. Но, с другой стороны, переход целого подразделения к партизанам окажет сильнейшее влияние на остальных «самооборонцев».

— Как вы думаете? — спросил я товарищей.

— Если майор честно хочет нам помочь, стоит рискнуть, — ответил Луньков.

— Здесь нет никакого риска, — покраснев, твердо сказал Евгений.

— Едем! Готовь партизан, — обратился я к начальнику штаба.

Опасаясь нарваться на засаду немцев, решили ехать прямо по полям, минуя дороги. Майор сел в мои сани, а его провожатые поехали впереди.

— А как ваши спутники, не выдадут? — спросил я.

— Свои люди. Хотят уйти к партизанам, но вы их пока не принимайте. Если я вернусь без них, на меня падет подозрение, — проговорил майор.

— Понимаю, — согласился я.

Не доезжая Дукоры, остановились. Мы отошли к кладбищу, а майор взял из своих трех провожатых и направился в местечко. Один из них должен был дать нам сигнал, когда можно будет идти в местечко. За кладбищем оставили лошадей. Усольцев занял оборону.

Начало светать. Из местечка, махая шапкой, бежал посыльный. Мы поднялись.

— Вы, товарищ командир, идите сзади. Черт знает, что они задумали, — сказал Усольцев и с пулеметчиками выскочил вперед.

Вот наконец и школа. Во дворе, занесенном снегом, по двое выстроены «самооборонцы» в черных шинелях. Вдоль шеренги прохаживались майор и еще один офицер.

— Смирно! — подал команду майор.

Солдаты удивленно смотрели на наших пулеметчиков, одетых в белые полушубки с красными звездочками на шапках. Офицер отдал мне честь.

— Вольно! — Я обернулся к солдатам. — Знаете, кто мы? Партизаны.

Солдаты не двигались.

— Мы знаем, — продолжал я, — как вы попали в хитро сплетенные сети противника. Многие из вас стыдятся своей фашистской формы, хотят вернуться в строй советских бойцов. Правильно я говорю?

— Правильно, — раздались робкие голоса.

— Так вот. Поверните оружие против оккупантов, и тогда вам прямой путь к нам, к партизанам. Пойдете?

— Пойдем, — уже смелее ответили «самооборонцы».

— Теперь можете разойтись, только не уходите со двора, — предупредил я их и обратился к офицеру: — Солдаты завтракали?

— Еще нет.

— Тогда пусть завтракают, а мы поговорим.

Офицер сейчас же распорядился, и мы вошли в дом.

— Что мне теперь делать? — волнуясь, спросил офицер.

— Выбирайте, — сказал я.

— Как выбирайте? — не понял он.

— Или ведите солдат против оккупантов, или они бросят вас и ваших солдат на советских патриотов.

Офицер показал нам склад оружия, амуниции и продовольствия. Во дворе «самооборонцы» разговаривали с партизанами.

Луньков отозвал меня в сторону и спросил:

— А мы оружие теперь им отдадим?

— Я думаю, что опасности нет. Каждому по пять патронов и винтовку, но все пулеметы и гранаты заберем пока себе.

— Ясно! — кивнул начальник штаба.

Офицер вышел укладывать имущество в сани. Возле оружия стояли Добрицгофер и Денисевич, они раздавали винтовки «самооборонцам». Луньков, Сорока и я разговаривали с майором.

— Вы надеетесь еще попасть к Кубе? — спросил я майора.

— Думаю, что да.

— Белорусский народ вынес ему приговор, который привести в исполнение должны мы, партизаны. Нужно точно узнать, где и когда бывает Кубе.

— Если доведется мне его увидеть, живым он не останется. — Глаза майора сверкнули ненавистью. — Как передавать вам сведения? — уже спокойно спросил он.

— Через ту же женщину. Ведите себя осторожно, — ответил я и как бы невзначай спросил: — Вы знаете полковника Соболенко?

— Конечно, — встрепенулся майор.

— Он, кажется, работает в отделе пропаганды. Хорошо бы устроить так, чтобы о переходе этого гарнизона узнали все солдаты корпуса.

Майор распростился и уехал. На дворе «самооборонцы» уже укладывали в партизанские сани запасы продовольствия и боеприпасы.

— Опять будем среди своих, — говорил маленький, с веснушчатым лицом «самооборонец». — Раньше народу в глаза смотреть не смел, когда ходил по деревням… Ночью меня с кровати стянули, нужно было под дулом автомата выбирать: или в Германию, или в этот корпус. Выбрал последнее, все ближе к вам.

— Выходит, сначала оккупанты стянули тебя с кровати, а теперь мы, партизаны, — весело смеялся Анатолий Чернов.

— Но сейчас я по-настоящему проснулся, — уверенно сказал веснушчатый паренек.

— Правильно говоришь. Если еще раз схватят фашисты, то уж по головке не погладят.

— Знаю, товарищ партизан. — «Самооборонец» от холода

начал притопывать своими полуботинками.

Мы смотрели на «самооборонцев». В большинстве это были молодые ребята. Одеты очень плохо: стоял мороз тридцать градусов, а они в шинелишках и полуботинках.

— Не замерзнете? Дорога далекая, — заговорил я с одним.

— Бегом побежим, если замерзнем. Важно, что вырвались от фашистов, остальное чепуха, — бодро ответил тот.

Все уложено. Сели в сани. «Самооборонцы» долго в санях сидеть не могли — мерзли и чаще бежали за санями.

Перед рассветом мы вторично благополучно проскочили участок железной дороги Минск — Пуховичи и остановились в деревне Кошели. Здесь «самооборонцы» согрелись, попили горячего чаю.

В нашем отряде людей хватало. Посоветовался с Луньковым, что делать. И решили отдать «самооборонцев» Сороке. Сорока согласился взять их к себе в отряд. Мы побеседовали с их офицером.

— Предательства не будет? — Сорока посмотрел в глаза офицера строгим взглядом.

— Хватит одного раза. Я лучше пущу себе пулю в лоб, а мои солдаты, сами видите, только и смотрят на партизан.

Мы отдали Сороке все боеприпасы и имущество «самооборонцев» и он тронулся в путь.

В лагере все было спокойно. Разведчики работали неустанно. В отсутствие комиссара и секретаря парторганизации большая часть их обязанностей легла на мои плечи.

К счастью, вскоре наш отряд пополнился новым хорошим товарищем — капитаном Иваном Максимовичем Родиным. 23 мая 1942 года он приземлился на парашюте в тылу противника. Работал комиссаром в десантной группе «Овод». Родин сочетал в себе качества опытного, разносторонне образованного партийного работника и командира. Он окончил перед войной Высшую партийную школу. Был комиссаром полка.

Я попросил Москву, чтобы Родина назначили комиссаром отряда, и получил положительный ответ[1].

— Иван Максимович, будем работать вместе, — подал я ему радиограмму.

— Трудно поверить, что Москва меня назначила, но раз так — нужно работать, — улыбнулся новый комиссар.

Он всегда говорил спокойно, не спеша, обдумывая каждое слово. Его партизанский псевдоним — Гром — не совсем соответствовал характеру.

— Представить вас отряду? — спросил я.

— Не нужно. Буду хорошо работать, люди оценят, а сейчас

зачем этот шум, — ответил Родин и добавил: — Надо найти замену секретарю парторганизации…

— Сейчас невозможно провести собрание, большая часть коммунистов вышла на боевые операции.

— Это правда, — согласился комиссар, — придется тогда заняться подготовкой воззвания в связи с переходом к нам «самооборонцев».

— А не рано ли? — усомнился я. — Пусть они поживут, отличатся, тогда и напишем…

— Нет, надо сейчас, — возразил Родин. — Ведь важен и сам факт их перехода на нашу сторону.

Мы дислоцировались в Воробьевском лесу, но подумывали о переходе в Полесье. Тем более что немцы снова дознались, где наш лагерь, и готовили очередную зимнюю карательную экспедицию. Однако, рассматривая карту и прикидывая, куда лучше податься, я все время помнил, что обязан находиться поближе к Минску.

— Наверное, скоро придется принимать бой, — убежденно заявил Меньшиков.

— Немцы сильно напуганы диверсиями и в покое нас не оставят, — поддержал Луньков.

Я понял их мысль: наши диверсионные группы активно действовали вдоль железной дороги Минск — Осиповичи и на шоссейной магистрали Минск — Слуцк. Это сильно беспокоило немцев.

Громили гарнизоны врага местные отряды.

Ночью 8 января 1943 года партизаны отряда имени Фрунзе бесшумно проникли в деревню Горки, без единого выстрела сняли часовых, заняли помещения полицейского участка, обезоружили находившихся там дежурных и ворвались в дома, где спали полицейские.

Все полицейские без сопротивления сдали оружие и заявили о своем желании уйти вместе с партизанами. В эту ночь партизаны отряда имени Фрунзе пополнили свое вооружение двадцатью пятью винтовками с полным комплектом боеприпасов и привели в лагерь четырнадцать полицейских.

Одновременно отряды 2-й Минской бригады разгромили гарнизон противника в селе Дражно.

Эти смелые операции породили упорные слухи, что в Воробьевском лесу расположился крупный десант Красной Армии. Слухи всполошили гитлеровцев, и они решили провести воздушную разведку с бомбежкой.

11 и 12 января воздушные пираты долго рыскали над лесными массивами и методично сбрасывали бомбы.

В эти дни только на территорию нашего лагеря было сброшено пятнадцать фугасных бомб, не причинивших, однако, вреда партизанам. Видя, что бомбежкой нельзя уничтожить партизан, и убедившись, что наши ряды все время пополняются, гитлеровцы в двадцатых числах января крупными силами пехоты при поддержке артиллерии и танков предприняли блокаду районов расположения партизанских отрядов.

Начиная с 20 января разведки всех отрядов стали доносить, что противник опоясывает партизанскую зону частями эсэсовской дивизии, литовскими, словацкими батальонами и полицейскими карательными отрядами. Несмотря на опасность, такая концентрация сил противника вызывала у нас чувство гордости: немецко-фашистские захватчики почувствовали силу партизан и вынуждены были оттянуть с фронта почти две дивизии. Бронемашины, танки, пушки, минометы, огнеметы — все было брошено против партизанских отрядов.

20 января противник занял на севере и северо-востоке, на западном берегу реки Птичь, многие населенные пункты, в том числе и крупное село Поречье. Одновременно на юге и юго-западе немцы заняли все деревни по шоссе Слуцк — Минск и от городка Старые Дороги до Слуцка.

23 января вечером крестьяне сообщили нам, что командование дивизии подобрало из числа предателей проводников и что 24 или 25 января все собранные немцами силы одновременно двинутся на уничтожение партизан.

Лес Княжий Ключ с юга на север в семи километрах от нашего лагеря и в шести километрах с запада на восток пересекается тремя дорогами: Поречье — Поликаровка, Жилин Брод — Щитковичи и Шищицы — Шацк. Все эти дороги находились под контролем противника. Всюду были организованы засады, секреты, ходили патрули.

С 23 на 24 января штаб 2-й Минской бригады предоставил своим отрядам право самостоятельного выхода из блокированного района.

В наш отряд приехали Сорока с начальником штаба Дубининым и Мотевосян с начальником штаба Пивоваровым.

Во время совещания прибыл с конными разведчиками Ларченко и доложил, что отряда имени Фрунзе они не нашли. Его лагерь разгромлен, землянки сожжены, сами разведчики нарвались на патрулей противника.

Приняли решение: до рассвета выйти из лагерей, отойти на север в Вороничские болота, а если будет возможно — на песчаные острова близ деревни Вороничи.

Начали готовиться к походу. Коско выдал партизанам

маскхалаты.

Тихая звездная ночь. Мороз тридцать градусов. Глубокий снег. Партизаны, которым откровенно сказали о нашем положении, напряжены. Всячески стараясь скрыть следы, тихо двигаемся по намеченному маршруту. Вот и остров; он небольшой, его площадь не больше квадратного километра; вокруг непроходимые в летнее время Вороничские болота. В пять часов утра расположились на острове.

Мороз усиливается. Разнокалиберное партизанское обмундирование подводит нас, а костры жечь нельзя. Организовали круговую оборону. В наиболее безопасном месте поставили обозы, лошадей не распрягали.

Высланная разведка еще не вернулась. В три часа дня наблюдатели донесли, что с северной стороны перебежками приближаются около двух сотен неизвестных людей в белых маскхалатах, а со стороны деревни Вороничи по узкоколейной железной дороге движутся колонны неизвестных с обозами. Вскоре донеслись звуки выстрелов. К острову подходили батальон литовцев и автоматчики власовской «РОА».

Другая группа разведчиков сообщила, что со стороны Вороничей в обход идет колонна автоматчиков.

Противник открыл артиллерийский огонь по нашему расположению. Пока не поздно, нам надо было уходить снова в лес. Наш остров был хорошим ориентиром для обстрела из орудий и минометов.

Отряды поднялись. Наш отряд должен был прорываться первым. Навстречу противнику мы выдвинули группу автоматчиков в двадцать пять человек во главе с командиром взвода Шешко. Остальные партизаны с обозом под прикрытием зарослей пошли к лесу. Впереди была видна пылающая деревня Вороничи.

Стрельба усиливалась. Вокруг свистели пули.

Мы приняли решение возвратиться в свой лагерь и выяснить обстановку в Воробьевском лесу.

К этой блокировке наш отряд был хорошо подготовлен. Мы имели достаточный запас боеприпасов и продовольствия. Весь личный состав одет в маскхалаты и посажен на сани.

Отряд благополучно проскочил узкоколейку и деревню Нисподянка. Здесь мы оставили взвод партизан для прикрытия отрядов Сороки и Мотевосяна. Завязался бой с передовыми подразделениями противника, он был непродолжительным: наши быстро рассеяли немцев.

Мы заняли оборону и стали ждать подхода отрядов Сороки и Мотевосяна, их почему-то не было. С острога по-прежнему

доносилась сильная стрельба. Не возвращался и Шешко с группой автоматчиков.

— Где начальник штаба? — спросил я своего адъютанта Малева.

— Побежал на остров, там осталась часть партизан из хозяйственного взвода, — пояснил он.

— Проверь! — приказал я.

Спустя несколько минут он возвратился и доложил, что в хозвзводе люди все на местах.

— Возвратимся в лагерь, — предложил комиссар Родин, — там, по крайней мере, хорошие позиции.

Я подал команду двигаться. Вперед выскочили разведчики Ларченко, Денисевич и Валя Васильева.

Лагерь наш еще не был занят. В районе деревни Вороничи и на юге гремели артиллерийские выстрелы и били минометы.

Уже из лагеря мы выслали конную группу разведчиков во главе с Меньшиковым, с тем чтобы выяснить, в каком направлении двигаются немцы из деревни Вороничи и заняты ли деревни Сыровадное и Рудица. Вторую группу разведчиков во главе с Ларченко послали в направлении лагерей Сороки и Мотевосяна выяснить, не заняты ли их лагеря, и, если отряды вернулись, установить с ними связь.

Минут через сорок возвратился Ларченко и доложил, что немцы из Вороничей двигаются двумя колоннами: одна прямо на лагерь Мотевосяна, а другая — по восточной опушке, болотами к деревне Сыровадное.

Скоро немцы начали штурм лагерей Сороки и Мотевосяна. В течение двадцати минут они обстреливали из орудий, минометов и пулеметов. Понапрасну: отрядов Сороки и Мотевосяна там не было. Они в этот момент находились в Вороничских болотах.

В район деревни Сыровадное мы выслали партизан во главе с Ефременко для засады. Ларченко, Валю и Денисевича вторично послали к лагерям Сороки и Мотевосяна следить за дальнейшими действиями немцев.

Из-под деревни Нисподянка отошел наш взвод вместе с несколькими партизанами Сороки, которые охраняли рацию. Командир взвода Маслов сообщил, что отряды Сороки и Мотевосяна узкоколейки не переходили.

Мы с Кусковым стали проверять линию нашей обороны. Первым, кого увидели, был Добрицгофер. Он напряженно следил за лесом.

— Устоим? — спросил я.

— Обязательно, иначе погибнем, — спокойно ответил Карл Антонович.

«Железные нервы», — подумал я и вдоль окопов пошел дальше. Еще издали услышал размеренный, неторопливый голос Родина.

— Если увидишь, что товарищу тяжело, спеши ему на помощь. Будет трудно самому, он выручит тебя… — наставлял он кого-то.

В той стороне, куда ушел Ларченко, заработали автоматы. Плотно прижавшись к шее лошади, прямо на меня мчался всадник. Лошадь остановилась — я узнал Валю.

— Здесь, рядом, фашисты, вернее их разведка… Живы или убиты Ларченко и Денисевич, не знаю, они упали с лошадей… — еле выговаривая слова, доложила она.

— Карл Антонович, беги посмотри, — сказал я.

Добрицгофер и еще пять партизан выскочили из окопа, но в этот момент показались Ларченко и Денисевич. Они на плечах несли седла, Денисевич хромал.

— Что с тобой, Николай? — шагнул им навстречу Родин.

— Ничего, — улыбнулся Денисевич, — падал с лошади, ушиб ногу.

— Товарищ командир! — начал докладывать Ларченко. — Мы встретились с разведчиками противника, троих убили. У нас убиты лошади.

Денисевич бросил седло, мы увидели, что оно прострелено.

— За лошадью укрывался, — пояснил Денисевич и начал снимать валенок. Нога его распухла.

В двух километрах от нашего лагеря, в районе деревни Сыровадное, послышалась сильная стрельба. Мы насторожились. Вскоре прибежал Ефременко и, вытирая пот с лица, доложил:

— Шло двести… задержали…

На секунду воцарилась мертвая тишина, затем стрельба возобновилась еще более ожесточенно.

Со стороны лагеря Мотевосяна показались каратели. Шедшие первыми нарвались на мины, другие падали, сраженные огнем партизан. Оставив несколько десятков убитых, противник отошел.

Положение отряда становилось все более тяжелым. Долго здесь оставаться было нельзя. Кольцо окружения сжималось.

Мы с комиссаром решили прорваться через Варшавское шоссе и железную дорогу и уйти в Полесье. По последним данным разведки, был еще один выход на юг, но на пути находилось шоссе.

— Прорвемся, — уверенно сказал комиссар.

В лагерь уже начали падать мины, хотя каратели не наступали, боясь нарваться на наши «минные поля».

— Идите прикрывать обоз, скажите Коско, пусть двигается по

лесной дороге к деревне Поликаровка, — приказал я Ефременко.

Вперед, как всегда, были посланы разведчики.

Я соскочил в окоп. Там за пулеметом лежал Кусков. Рядом стреляли партизаны, лица их были сосредоточенны и серьезны.

— Тимофей Иванович, передай пулемет товарищам. Надо организовать отход, — положил я руку ему на плечо.

Он отдал пулемет Тихонову и вытер руки снегом.

— Оставайся здесь с Усольцевым и дразни их, пока мы не выйдем из лагеря, а потом догоните нас, — приказал я ему.

Он кивнул головой и подозвал к себе Усольцева.

Партизаны вылезали из окопов и быстро садились в сани. Сзади все еще была слышна стрельба.

Через полкилометра нас догнали со своими группами Кусков и Усольцев.

— Оторвались, — тихо сказал Кусков и сел рядом со мной в сани.

Я не знал, где сейчас находятся Луньков, Шешко со своей группой, отряды Сороки и Мотевосяна. Они не возвратились обратно в лес. Все перепуталось, смешалось. Нужно во что бы то ни стало и как можно скорее вывести отряд.

Вот и шоссе Осиповичи — Бобовня. Ко мне прибежал Малев и сообщил:

— Какие-то неизвестные спрашивают пропуск.

Я соскочил с саней и, проваливаясь в снег, с трудом стал пробираться за Малевым. Партизаны без команды залегли в канаву и приготовились к бою.

С 24 января был установлен общий пропуск для всех трех отрядов, кроме того, был установлен свой пропуск, внутренний.

Когда я поравнялся с головной частью колонны, из леса опять раздался окрик:

— Пропуск?

— Какой пропуск? Межотрядный или отрядный? — громко спросил Ларченко.

С другой стороны шоссе из леса послышался глухой голос:

— Что за отряд? Кто командир?

— Не говорить, — прошептал я, но кто-то из партизан уже успел крикнуть: «Градов!»

— Пусть подойдет к нам.

Я выслал Маслова с тридцатью автоматчиками. Когда группа Маслова подошла на близкое расстояние, то увидала, что это власовцы.

— Отойдите! — крикнули власовцы.

— Убирайтесь сами, сволочи! — ответил Маслов.

Те и другие отошли. Отряд продолжал двигаться по шоссе.

Когда мы отъехали от засады с километр, сзади раздались три винтовочных выстрела и в воздух взвились красные ракеты.

— Помощи просят, — усмехнулся Родин.

Скоро показалась деревня Поликаровка. Выехали на дорогу. Я остановился, мимо проходили партизаны. Прошагал Карл Антонович, его фигура выделялась среди остальных и в темноте.

— Лошадей в деревне возьмите, лошадей! — крикнул я ему.

Из одной избы выбежала женщина.

— Немцы не были? — окликнул я ее.

— Нет, — ответила она. — Час тому назад проходила разведка отряда имени Фрунзе, но куда ушла, не знаю.

Ее слова заглушил усилившийся огонь минометов, пулеметов и автоматов. В воздухе во всех направлениях летели трассирующие пули, взлетали ракеты. В окнах дребезжали стекла, лошади становились на дыбы.

— В деревню Шантаровщина! — приказал я Меньшикову. Он передал приказание Ларченко, и тот скрылся в темноте.

Партизаны легли в сани, отпустили вожжи, и лошади вихрем понеслись из деревни. Вокруг рвались мины.

«А если впереди засада?» — кольнуло в сердце. Но вот мы благополучно свернули в лес.

Неподалеку от деревни Шантаровщина был расположен лагерь отряда имени Фрунзе. Я дал приказ двигаться к нему. В пути мы встретились с самим отрядом. Командир отряда Арестович сказал, что возле деревни Шантаровщина стоят броневики и танки противника, поэтому он решил отходить в Воробьевский лес. Я сообщил, что наш отряд был вынужден оставить лагерь.

— Оккупанты хорошо подготовились к карательной экспедиции и долго не дадут нам покоя. Необходимо уйти из этих районов. Если отряды Сороки и Мотевосяна остались в Вороничских болотах, то, прорываясь отсюда, мы облегчим их положение: оттянем на себя большую часть сил противника. Временно перейдем в Полесье, — предложил я.

Арестович высказал сомнение в возможности прорыва через Варшавское шоссе и железную дорогу. По данным его разведки, днем и ночью там курсирует бронепоезд, а Варшавское шоссе покрыто засадами. Я рассказал Арестовичу о своем плане прорыва.

— Уйти в Полесье — это единственный выход, — поддержал меня комиссар Родин.

В это время гитлеровцы открыли огонь и осветили местность ракетами. Мы прямо по целине оттянулись в глубь леса.

Дальше отряды двигаться были не в состоянии: лошади

окончательно выбились из сил. Остановились на дневку в лесу, в трех километрах южнее деревни Щитковичи. В этой деревне стоял штаб власовцев. Поэтому, несмотря на тридцатиградусный мороз, разжигать костры запретили. Партизаны обоих отрядов заняли круговую оборону.

В ночь на 26 января выслали в разные стороны четыре разведгруппы. Никто не спал. Над лесом вспыхивали ракеты и стояло зарево пылающих деревень. Во всех направлениях были слышны пулеметные и автоматные очереди.

Утренние донесения вернувшихся разведчиков ничего хорошего не предвещали. Противник занимал все окружающие деревни.

Я подозвал радиста Лысенко.

— Можешь связаться с Москвой?

Он снял рукавицы, пошевелил замерзшими пальцами и ответил:

— Попробую.

Я написал:

> «Противник проводит карательную экспедицию. Из блокированного района с боем прорываемся в Полесье. Держать связь с вами этими днями не будем. Ждите наших позывных».

Радист быстро передал радиограмму и, получив ответ, настроил приемник на Москву. Передавали приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 25 января 1943 года. Возле рации собралась группа партизан. Лысенко записывал называемые цифры и города.

> «…Красная Армия… разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 000 орудий и много другой техники и продвинулась вперед до 400 километров. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается».

Затаив дыхание, изнуренные, промерзшие партизаны слушали названия освобожденных городов. Родин, взяв у радиста исписанный листок, уселся в сани и на машинке отпечатал двадцать экземпляров. Эти листки он роздал партизанам.

— Не сдадимся, будем биться до последнего вздоха! — крикнул Денисевич, когда кончили передавать приказ.

Этот приказ влил в партизан новые силы. Все стойко переносили трудности.

Во второй половине дня прибежали разведчики Арестовича.

— Враг движется колонной!

Мы отдали приказ: вывести обозы из зоны обороны на юг, личному составу приготовиться к бою, разведку противника не трогать и пропустить через линию обороны, основные силы подпустить как можно ближе, огня без команды не открывать.

Момент напряженный, в цепи партизан тишина. Но противник что-то задержался, не подходил.

— Что они, на четвереньках ползут или на черепахах едут, — нетерпеливо сказал Рахматул Мухамендяров.

— Черт их поймет! Скорей бы! — отозвался лежавший с ним рядом Анатолий Чернов.

— А вы сходите проверьте, — предложил я им.

Спустя несколько минут они вернулись и доложили, что карателей нет. Оказалось, что разведчики Арестовича приняли за карателей местных жителей, убежавших из своих деревень.

На минуту напряжение спало. Я посмотрел на часы — было около четырех часов дня. Мы решили, не ожидая сумерек, двигаться к Варшавскому шоссе по лесному массиву, по целине, объезжая населенные пункты.

Отряды снова двинулись. До Варшавского шоссе в головной колонне пошел отряд имени Фрунзе. Партизаны этого отряда были лучше знакомы с местностью.

Кусков снял посты, а я проверил, все ли партизаны на месте. Не оказалось моего адъютанта Малева. Он пропал где-то в районе деревни Поликаровка. «Придется идти без него», — подумал я.

Впереди шла разведка, по флангам двигались сильные группы прикрытия во главе с Усольцевым и Ефременко, весь остальной состав отряда был также готов в любую минуту вступить в бой.

Полозья звучно скрипели, лошади тяжело дышали и часто проваливались по брюхо в снег. Сани натыкались на скрытые под снегом пни, упряжь то и дело надо было починять, ломались оглобли. Это сильно замедляло движение. За одиннадцать часов мы продвинулись лишь на двадцать километров.

Наконец подошли к Варшавскому шоссе. Разведчики осмотрели местность. Выставив на флангах сильные заслоны, отряды начали переходить шоссе, и через час вся колонна благополучно перебралась.

Но впереди еще одна серьезная преграда — железная дорога. Я чувствовал, что до рассвета мы не успеем перейти ее: партизаны были вконец измучены; они находились в таком состоянии, когда человек может уснуть на ходу. Устали и лошади. Делать же дневку между шоссе и железной дорогой опасно: по следам противник мог легко нас обнаружить, да и

местность для обороны непригодна. Надо при любых условиях переходить железную дорогу, даже если и не успеем миновать ее до рассвета.

К девяти часам утра мы с трудом дошли до железной дороги. Комиссар Родин с разведчиками выяснил у местных жителей обстановку; она оказалась весьма тревожной.

— Нелегко нам придется, — обратился ко мне комиссар. — Разъезд Верхутино в двух километрах, немецкий гарнизон в последние дни усилен, бронепоезд находится в двенадцати километрах на станции Старые Дороги… Но делать нечего. Стоять здесь тоже нельзя.

— Нужно действовать быстро, — сказал я.

Мы вышли к полотну железной дороги. Канавы по обеим сторонам неглубокие, насыпь низкая, но по другую сторону полотна в кустах протекала вязкая речка. Бросить лошадей, продовольствие, боеприпасы и двигаться пешими? Нет, нужно пройти железную дорогу со всем обозом.

Подбежала Валя Васильева.

— Правее находится переезд, но там дзот, — доложила она.

— Дзот для нас не препятствие, двинемся через переезд, — сказал Родин.

Сейчас же выслали к переезду Меньшикова с группой. Немецкая охрана сразу заметила их и открыла из дзота пулеметный огонь.

Приказав Кускову и Арестовичу под прикрытием нашего огня быстро переходить железнодорожное полотно, я взял группу Усольцева и повел ее на дзот.

Прижатые огнем противника к земле, недалеко от дзота лежали Меньшиков и его разведчики.

— Окружить дзот! — крикнул я.

Партизаны перебежками стали обходить дзот. Из леса показались первые сани, из дзота по ним сейчас же был открыт пулеметный огонь. Усольцев и Назаров установили пулеметы и в свою очередь открыли огонь по дзоту. Пулеметчик Оганесян по глубокому снегу подобрался ближе к дзоту и с расстояния пятидесяти метров короткими очередями расстрелял по амбразуре два диска. Пулеметы противника замолкли.

Спустя двадцать минут оба отряда с обозами перешли железную дорогу. Когда партизаны скрылись в лесу, поднялись и мы. Дзот молчал.

Прошли два километра и вдруг сзади услышали шипение паровоза. Ударили орудия — это открыл огонь бронепоезд.

— Опоздали, гады, — сказал Усольцев, и его усталое лицо повеселело.

В десяти километрах от железной дороги в деревне Пасека мы сделали привал. Коско и Долик бегали по колонне и торопили партизан накормить и укрыть от холода лошадей.

Валя тяжело сползла с лошади, привязала к саням поводья и, как подкошенная, свалилась в сани и уснула.

— Бедняжка, четверо суток в седле. Нужно отнести ее в дом, иначе замерзнет. — Родин с грустью и нежностью посмотрел на Валю и позвал партизан. — Эй, ребята, сюда!

— Я один ее донесу, — улыбнулся Карл Антонович и, взяв Валю на руки, как ребенка, понес в дом.

Перекусив, комиссар отправился посмотреть, как отдыхают партизаны, а мы — Арестович, Кусков и я — принялись обсуждать дальнейший маршрут.

Далеко на юге начиналось Полесье — леса, овеянные народной легендой. Туда лежала наша дорога. Там мы немного отдохнем, а затем опять сюда — ближе к Минску, где ждет нас начатая работа.

В деревне Пасека мы пробыли до вечера. Противник нас не тревожил. Видно, находились здесь не слишком большие его силы и потому нападать не решался.

Валя все еще спала. Родин осторожно потряс ее за плечо:

— Поднимайся, партизанка, в поход.

Она встрепенулась, кулаками протерла глаза.

— Где мой конь?

— Все в порядке, кавалерист, — улыбнулся Родин. — Напейся чаю, и — опять в поход.

Пожилая хозяйка принялась угощать Валю. С искренним восхищением смотрела она на девушку.

После отдыха двигаться было легче. Слышны были смех, шутки. Неожиданно ко мне подъехали Ларченко, Валя и два незнакомых всадника.

— Разведчики из отряда Шубы, — пояснил Ларченко. — Их отряд стоит в деревне Осовец.

— Здесь не было карательной экспедиции? — спросил я их.

Партизаны переглянулись и ответили отрицательно.

— Поблизости есть гарнизоны противника? — продолжал расспрашивать я.

— В Верхутино и Старых Дорогах, а у нас спокойно.

— Где мы можем остановиться?

— Впереди будет деревня Зеленки, там и остановитесь. Нам по пути, проведем, — предложили разведчики.

Еще издалека мы увидели огни деревни. Предупрежденные разведчиками, жители высыпали на улицу. Сани свободно въезжали в открытые ворота.

Я зашел в теплую избу, приказал Меньшикову выставить посты и тут же, не раздеваясь, лег на кровать и уснул. Проснулся под утро. Партизаны мылись в банях, брились. Хозяйки угощали партизан, дарили шерстяные носки и рукавицы.

Днем с комиссаром съездили в деревню Осовец. Познакомились с командиром отряда Алексеем Шубой и его комиссаром Георгием Машковым. Шуба рассказал, что в этом районе относительно спокойно, что на хуторе Альбино находится Минский подпольный обком партии.

Вернувшись в лагерь, мы обошли деревню. Партизаны чинили одежду, обувь, чистили оружие. Зашли к врачам. Островский какой-то мазью натирал партизану Павлуше обмороженные ноги. Чиркин и Лаврик за перегородкой принимали больных жителей.

— Нет у нас этого лекарства. Конечно, я могу его прописать, но где вы достанете? — говорил Чиркин.

— Вы только напишите, а я у знакомого аптекаря раздобуду, — донесся до нас женский голос.

Мы ушли из «больницы», пропитанные запахами йода.

Меньшиков со своими разведчиками расположился в конце деревни в двух больших домах. Большинство разведчиков отдыхало: мы готовили для них новое трудное задание. Нужно было узнать, где находятся отряды Сороки и Мотевосяна, разыскать начальника штаба Лунькова, Шешко с группой, Малева и узнать, не возвратился ли Сермяжко.

— Нужно готовиться в поход, — сказал я Меньшикову.

— Назад?

— Да. Узнаем, что кругом делается. Выдели людей.

29 января группа в двадцать человек во главе с Меньшиковым выступила на лыжах в Воробьевский лес. В группе были Чернов, Леоненко, Ларченко, Валя Васильева, Назаров и другие.

В этот же день я послал в Москву радиограмму:

> «Отошел в Полесье, в Любанский район; отряд потерь не имеет. Завтра выезжаю в Минский подпольный обком партии. Разведчики высланы. Скоро собираюсь возвращаться обратно».

В ответ получили:

> «Советуйтесь с обкомом и старайтесь возвратиться обратно».

— Может, и зря отошли, — сказал я Родину. — Отряды Сороки и Мотевосяна отсидятся где-либо, и все.

— Не зря, — покачал головой комиссар. — Если они и

удержались на месте, так в этом мы им помогли. Оттянув на себя немцев, мы дали отрядам возможность замести следы, — твердо сказал Родин и тут же спросил: — Когда поедем в Альбино?

— Видимо, завтра утром, — предположил я.

На рассвете мы выехали. Первого секретаря Минского подпольного обкома партии Василия Ивановича Козлова не застали, он был вызван в Москву. Нас повели к Мачульскому, оставшемуся за Козлова.

Вошли в выбеленную крестьянскую избу. На окнах белые занавески. Из-за стола поднялся высокий мужчина в гимнастерке с офицерской портупеей.

— Роман Наумович Мачульский, — представился он и пожал нам руки. — Поздравляю с прибытием, товарищ Градов. Больше полугода вы у нас, а впервые встречаемся. Много рассказывал о вас Ясинович. Обком собирался этими днями послать к вам своих людей, а вы здесь сами… В отряде много коммунистов?

— Больше пятидесяти, — ответил Родин.

— Большая сила! Как работаете с населением? — спросил Мачульский.

Я коротко рассказал о работе отряда, подробно ознакомил с подпольной работой наших доверенных людей в Минске. Мачульский выслушал, помолчал. Я чувствовал, что он старается запомнить все, что мы ему рассказали.

Мачульский ознакомил нас с последними указаниями Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии по работе в тылу врага.

Затем мы с комиссаром зашли к членам бюро обкома Иосифу Александровичу Бельскому и Ивану Денисовичу Варвашене побеседовать по партийно-организационным вопросам.

— Помните, — сказал Иосиф Александрович, — враг старается засылать в наши ряды провокаторов. И поэтому основой подпольной работы должно быть расширение и укрепление связей наших людей с населением. У нас всюду должны быть надежные наблюдатели. Тогда мы своевременно будем узнавать о планах врага и сможем парализовать его провокации.

Варвашеня дал много ценных советов о ведении работы в сельских местностях.

В Альбино я встретил знакомого десантника, с которым вместе воевал под Москвой, комсомольца Гейнца Липке. По просьбе Гейнца и с согласия обкома партии взял его в отряд.

Распростившись, мы вышли во двор. Здесь стояло несколько запряженных в сани и оседланных лошадей. Покрытая инеем шерсть свидетельствовала о том, что ночью лошадям пришлось пробежать немалое расстояние. В дом заходили все новые и

новые люди. Стоявшие у дверей автоматчики проверяли документы. Сюда приезжали и приходили командиры партизанских отрядов и соединений, политработники, секретари первичных парторганизаций. И все они получали необходимые указания и полезные советы.

Ожидая своих разведчиков, мы стали готовиться к возвращению на старые места. Коско с хозяйственниками исправлял сани и упряжь.

Двое партизан отморозили себе ноги.

— Необходимо лечение в больнице, а может, даже и операция, — сказал мне Лаврик.

Я закусил губы. Брать их назад с больными ногами мы не могли — стоял сильный мороз. Комиссар поехал в отряд к Шубе. Тот обещал взять к себе обмороженных партизан, а потом первым же самолетом отправить их на Большую землю.

Через несколько дней вернулись разведчики. Секреты заметили их еще далеко в поле и дали нам знать. Все вышли им навстречу. Мы напряженно всматривались в их лица: улыбаются — кажется, все хорошо…

— Ну как? — нетерпеливо спросил Меньшикова Родин.

— Все живы-здоровы и шлют большой привет, — отстегивая ремни лыж, ответил Меньшиков. — Сейчас расскажу.

Валю и других разведчиков окружили партизаны и повели к себе. Каждому хотелось узнать про судьбу товарищей.

Меньшиков выпил чаю и стал рассказывать:

— Наш лагерь цел, только потрепан сильно. В нем живут Луньков, Малев, Шешко с группой и оба отряда. Сермяжко с задания вернулся. Наш прорыв действительно сбил с толку фашистов. Среди них пошли слухи, что через железную дорогу прошла трехтысячная армия. Потому они и не преследовали дальше. В Воробьевском лесу карательная экспедиция закончена, теперь фашисты, кажется, готовятся провести ее в Полесье.

— Нужно сообщить Шубе, пусть он передаст в обком партии, — сказал Родин.

— А мы домой, — радовался Кусков.

Мы подняли партизан в поход. Над лесом садилось солнце, когда мы оставили деревню.

По ненаезженной полевой дорожке Меньшиков провел отряд через железную дорогу, затем через Варшавское шоссе, и к утру мы уже достигли своего лагеря.

Все вокруг напоминало о жестоком бое: деревья изрешечены пулями и осколками, земля изрыта минами, снег вытоптан, валялись патронные гильзы, чернели пятна крови. По-прежнему висели дощечки с надписью «Осторожно! Заминировано».

— Это спасло наш лагерь, — улыбнулся Карл Антонович.

— Здравствуйте, Станислав Алексеевич! — первым заметив меня, бросился Малев.

— Где ты пропадал? — обнял я его.

— Виноват, товарищ командир. В районе Поликаровки, когда началась стрельба, лошади испугались, я остался их успокаивать. А потом уже потерял из виду отряд. В лесу встретил группу партизан из отряда Мотевосяна…

Из землянки без шапки выскочил Луньков, схватил меня в свои медвежьи объятия, сильно сжал. Подошли Сорока, Мотевосян и Шешко.

— Вы с похода, вам нужно отдохнуть, — сказал Сорока и бросился отдавать распоряжения.

В уцелевших землянках с трудом разместились два отряда. Начали думать, куда определить третий отряд. Мотевосян заявил, что он нашел выход из положения. Он быстро построил свой отряд к походу.

— Куда вы, Хачик Агаджанович? — спросил я.

— Землянки сейчас нечего строить — скоро весна, так что пойдем в деревню.

Вскоре со своим отрядом вышел и Сорока. Остались мы одни и начали устраиваться снова.

Долик Сорин и другие партизаны хозяйственного взвода возвратили крестьянам лошадей, взятых у них перед экспедицией. Рахматул Мухамендяров заделывал пробитые минами стены конюшни. Повара устраивали кухню. Вербицкий ремонтировал что-то в бане, и вскоре из трубы повалил синеватый дымок.

В штабной землянке ничего не изменилось: те же стены, обитые шелком парашюта, тот же стол, нары. Но сама она казалось теперь милее и дороже.

— Расскажи, Алексей Григорьевич, как ты здесь уцелел? — попросил я начальника штаба.

— Нескладно получилось, — вздохнул Луньков. — Кто-то с командного пункта крикнул: «Проверить обоз! На острове остались подводы с продовольствием и люди из хозяйственного взвода!» Возвращаюсь на остров, проверяю: никого нет. Выхожу обратно на дорогу, а вас уже нет. Огляделся, вижу семь немецких автоматчиков. Схватился за сумку, там документы штаба. Думаю, по ним можно установить все, чего так тщетно добивается немецкая разведка. Уничтожить сумку нет времени… Закрываюсь маскхалатом и ложусь. Каратели подходят ближе, но не замечают меня. Когда они подошли почти вплотную, пустил по ним две очереди из автомата. Кстати, наши автоматы чудесно работают… Четыре фашиста остались на месте, а трое поспешно отскочили и

залегли, так и не обнаружив меня. Скоро они опять поползли в мою сторону, снова очередь — и враги недосчитываются еще двух. Вдруг кто-то дернул меня за полу маскхалата, смотрю, а это кореец Виталий, командир взвода в отряде Сороки. Вместе с ним подполз еще один партизан с ручным пулеметом… Вот это уже здорово! Теперь не возьмешь! Рядом друзья, и на душе спокойно. Виталий кратко сообщил обстановку: противник близко подошел к острову, обозы Сороки и Мотевосяна отошли к лесу. Командиры просят меня явиться на совещание… На этом совещании мне поручили руководить выходом отрядов из блокированного района. Решили: восемьюдесятью партизанами задержать противника, а остальным отходить на сборный пункт; Сорока и я остались с партизанами для прикрытия. Наконец с боем отходим сами. Партизаны дрались отважно. Наши пулеметы и автоматы отлично поработали. Вдруг стрельба прекратилась. Воспользовавшись этим, мы отошли к сборному пункту. Примерно через двадцать минут начали рваться мины, ударила батарея. Немцы открыли огонь по лагерю Мотевосяна, что в пятистах метрах от сборного пункта. Затем послышалась двусторонняя стрельба. Екнуло сердце — думаю, градовцев окружили.

На совещании я предложил пойти к Шантаровщине и к северу от нее засесть под носом у противника. Некоторые это предложение встретили в штыки, большинство согласилось со мной.

Партизаны снова двинулись в путь, броском проскочили дорогу Таковище — Шантаровщина. Дальше шли через поляну, где когда-то принимали подарки из Москвы. Расположились в трехстах метрах от Шантаровщины. Было видно, как гитлеровцы бесчинствуют в деревне, грабят крестьян.

Место, где мы остановились, было опасное. Однако противник не обнаружил. Нас волновало то обстоятельство, что в отряде Сороки находились пятьдесят пять «самооборонцев». Кто знает, какой они номер могут выкинуть…

— Не предали? — перебил Лунькова Родин.

— Мужественно держались. Дрожали в своей одежонке от мороза, но терпели. Мы их распределили по трое среди своих партизан.

Сорока и я залегли за станковыми пулеметами на случай, если со стороны Шантаровщины появится враг.

Время шло очень медленно. Казалось, ночь не собиралась укрыть нас спасительной темнотой. Стертое годами прошлое вдруг ярко всплывало в памяти. Вспоминались годы работы, борьбы, друзья, родные…

Ко мне подошли двое партизан из отряда Сороки. Один из них, смущенно улыбаясь, подал мне кусок мороженого мяса.

— Товарищ командир, вы уже почти четверо суток не ели, хоть немного просим вас подкрепиться.

Одновременно второй партизан протягивает кусок хлеба.

Как сильны русские люди своей заботой о товарище!

На дороге Шантаровщина — Хорошево показались броневики и автомашины с карателями. Мы подготовились «достойно» их встретить, по фашисты, не задерживаясь, мчатся на Таковище. Хитрость удалась. Партизаны повеселели.

Спускалась ночь. Лежать дальше — значит, обморозить людей. И я решил вывести отряды в какую-нибудь не занятую противником деревню, чтобы обсушиться, обогреться и отдохнуть. В километре от нас находилась деревня Жданово. Послал туда разведчиков. Противника нет. Входим в деревню тихо и осторожно, так как юго-западнее нас в соседней деревне находился немецкий отряд, действующий в лесах вблизи Шантаровщины.

Только мы успели расположиться, как разведка доносит о подходе противника. Казалось, мы — в безвыходном положении. Противник подошел почти вплотную, нас разделял только небольшой лесок. Надо попытаться незаметно выскользнуть из окружения: ввязываться в бой при таком превосходстве врага — безумие.

Партизаны третьи сутки без сна и пищи.

Приняв все меры предосторожности, решили все же хоть на три часа дать отдых отрядам. Сорока, Мотевосян и я обходили избы, предупреждали об опасности, требовали спокойствия и запрещали спать.

В час ночи 28 января, коротко обсудив с командирами подразделения план, я дал команду выстраивать партизан в походную колонну.

План прост: учитывая, что с 24 по 27 января противник провел проческу Воробьевского леса и теперь считает его свободным от партизан, мы решили вернуться в Княжий Ключ.

Отдохнувшие партизаны снова тронулись в поход. Двигались без происшествий, прошли контролируемую противником дорогу, на опушке остановились. Разведка донесла, что власовцы держат заслон. Решили переждать. Не разжигая костров и закрыв морды лошадей, чтобы не ржали, просидели до вечера.

В двадцать часов находившиеся в засаде власовцы ушли по направлению Поликаровки, а мы двинулись следом за ними. Прошли Жилин Брод, Березинец; немцев там уже не было. До большого леса осталось три — четыре километра. Целиной

обошли Поликаровку справа. Скрип полозьев встревожил было поликаровский гарнизон, послышалась стрельба… Но мы уже вне опасности. Чтобы не оставить следов, проехали по шоссе, вошли по проезжей просеке в лес и двинулись к месту прежней стоянки.

В километре от расположения лагерей сделали привал. Разведка донесла, что лагеря Сороки и Мотевосяна сожжены. Люди приуныли. Подошла другая группа разведчиков и сообщила, что лагерь градовцев цел, но заминирован. Я объяснил, что знаю проходы. Мы направились в лагерь и к двенадцати часам 29 января вошли в землянки.

— Тесно, но тепло, — заключил Луньков.

И на этот раз гитлеровцы своей карательной экспедицией не добились ничего. За дни блокировки они потеряли более восьмидесяти солдат убитыми и столько же ранеными. А в четырех партизанских отрядах около десяти партизан отморозили ноги и человек десять было ранено. Убитыми — ни одного.

…Стемнело, но мы забыли про сон. Не могли наговориться, как будто не виделись несколько лет. Сермяжко и Мацкевич рассказывали про свой поход на железную дорогу.

Без приключений достигли они лагеря отряда «Разгром». Сацункевич объяснил обстановку. Отдохнув, группа Сермяжко пошла дальше. Вместе с ними до железной дороги шли Морозкин и Кухаренок с группой Любимова.

В деревне Замостье остановились. Любимов с группой пошел посмотреть, как охраняется железная дорога. Вскоре за ними вышли Морозкин и Кухаренок.

Подрывники остались одни. Сермяжко и Мацкевич на дворе прислушивались: не раздастся ли стрельба около железной дороги, тогда надо бежать на помощь товарищам. Тихо. Ночь прошла спокойно. Иногда раздавался паровозный гудок, и эхо гулко разносилось по лесу. Значит, комиссар Морозкин прошел.

Утром подрывники начали готовиться к операции. Сермяжко, Ларионов и Афиногентов ушли в лес. Сермяжко нашел спрятанные им когда-то три снаряда.

Вечером крестьянин, знакомый Константину Сермяжко, раздобыл теплый тулуп и запряг лошадей. Сермяжко положил в сани снаряды, шестнадцатикилограммовую мину, и они выехали. Недалеко от Судабовки подрывники остановились. Валентина Сермяжко пошла в деревню, подползла к дому мужа и тихо постучала в окно. Двери открылись, и Валентина вошла в сени.

— Гриша? — шепотом спросила она.

— Нет, Коля, — ответил знакомый голос. — Ты, Валя?

— Да, дорогой. Поднимай Гришу, идем на железную дорогу, Костя в лесу ждет.

Коля разбудил брата, они быстро оделись.

— Может, поднять мать? — спросил Гриша.

Валентина заколебалась. Так хотелось увидеться со свекровью. Но зачем? Легче не будет, только слезы.

— Не нужно, — зашептала она. — В деревне много карателей?

— Половина немцев, половина полицейских, — скороговоркой ответил Гриша. Валентина, ничего не поняв, переспросила:

— Я спрашиваю, много ли всех?

— Такого навоза хватает, — весело пояснил Гриша.

Коля взял в шкафу краюху хлеба, и они пошли в лес.

Константин бросился к братьям, обнял их.

— Кто сегодня костры разжигает? — спросил он.

— С кострами пустяки, вот сегодня вдвое больше патрулей будет на полотне, — почесал затылок Коля.

Константин задумался.

— А около самой станции Жодино также разгуливают?

— Там меньше.

— Тогда ведите туда, а ты, Валентина, оставайся возле лошадей, — приказал Константин.

Пронести три тяжелых снаряда под самым носом у немцев было нелегко, и подрывники взяли только тол.

Слева — гарнизон Жодино, справа — забитая до отказа немцами станция, а сзади — гарнизон Судабовки. Трудно было подрывникам подойти к железной дороге.

— Заложим мину под самым носом у немцев, — лежа в снегу, шепнул Мацкевичу Сермяжко.

Расставив людей с таким расчетом, чтобы каратели никого не застали врасплох, подрывники по-пластунски подползли к железнодорожному полотну. Вдруг послышалось пыхтение паровоза. Все затаили дыхание. Андрей и Афиногентов бросились на полотно ставить мину. Вдруг кто-то сильно дернул Андрея за винтовку. Он оглянулся, оказалось, на винтовку намотался шнур. Андрей плюнул с досады и замерзшими пальцами пытался освободить от шнура, тот не распутывался, а пыхтящий паровоз неумолимо приближался. Вот он уже в нескольких метрах от Андрея, еще мгновение — и Андрей окажется под его колесами. Что это? Андрей неожиданно свалился под откос, словно его сдуло ветром. Все с замиранием сердца ждали взрыва, но его не последовало.

Когда эшелон прошел, взяли мину.

— Что случилось? — в недоумении спросил Сермяжко.

Ларионов молча подал ему винтовку с запутавшимся на ней

шнуром, присел на пень и схватился за голову.

— Ах ты, сова курносая, — поняв, что случилось, потряс за плечо своего друга Дудкин.

— Я виноват и искуплю свою вину: в другой раз пойду один и подорву эшелон, — упавшим голосом говорил Ларионов.

— Пошли, Андрей, — тихо, без упрека сказал Сермяжко и повел товарищей к саням.

— Почему не подорвали? — удивился Гриша.

— Капсюль не взорвался, — спокойно ответил Сермяжко.

— Нужно же было так случиться, — сокрушался Коля.

— Всякое бывает. Ты мне лучше скажи, где мы могли бы поблизости от железной дороги провести день? Только не в поле.

— Не знаю, — смущенно сказал Коля.

— Тогда завтра вечером ждите нас в кустах у Замостья.

Сермяжко простился с братьями и, вскочив в сани, поторопил жену:

— Трогай скорее…

— Что у вас случилось? — уже в пути спросила Валентина у мужа.

— Неужели не знаешь нашего Андрея? Недавно упустил барана, отобранного у полицаев, а теперь эшелон упустил, — не выдержал Сермяжко.

Ларионов только тяжело вздохнул.

— Ротозейство большое, но не унывай, завтра исправим эту ошибку. — Сермяжко хлопнул Ларионова по плечу.

Весь день Андрей внимательно приготовлял шнур.

— Если теперь я с этим шнуром не сработаю, то можете меня повесить на нем, — сказал он вечером товарищам.

С наступлением темноты группа на двух подводах, захватив снаряды и мину, выехала в условленное место. Там уже ожидали Гриша и Коля.

— А в эту ночь капсюль не подведет? — спросил Гриша.

— Взорвется, обязательно взорвется, — сказал Ларионов.

— Хорошо знаете дорогу в этом направлении? — спросил братьев Константин.

— Не совсем, но здесь в деревне живет дядя Петр, он-то знает.

— А он поведет?

Коля утвердительно кивнул и скрылся в темноте. Скоро он возвратился с прихрамывающим пожилым усатым мужчиной.

— Как говорится, подарок на железную дорогу, — улыбнулся усач. — Пошли.

Возле лошадей опять осталась Валентина.

Приведя подрывников к речке Плиса, проводник остановился.

— Теперь и без меня дойдете, — сказал он.

Сермяжко поблагодарил дядю Петра, и партизаны начали осторожно спускаться с горки. Михайловский шел последним. Он нес тяжелый снаряд. Впереди шагал Андрей. Вдруг у него под ногами затрещал лед. Андрей отскочил в сторону, предупредил об опасности Михайловского. Тот взял правее и провалился по пояс. Руками действовать он не мог: нес снаряд, звать на помощь товарищей было опасно: могли услышать немцы. Оглянувшись, Сермяжко не увидел Михайловского и послал Дудкина выяснить, в чем дело. Только с помощью Дудкина Михайловский смог выбраться из проруби. Несмотря на уговоры Дудкина, он не вернулся к подводам, а пошел вместе с группой.

— Не замерзнешь? — спросил Сермяжко.

— Выдержу, — преодолевая дрожь, ответил Михайловский.

Около самой насыпи подрывники залегли. Сильный мороз давал себя знать, а шевелиться было нельзя. При лунном свете отчетливо вырисовывались на полотне фигуры охранников. Подрывники затаили дыхание. Белые маскхалаты надежно скрывали их.

— Эх, резануть бы из автомата, ни один не уцелеет, — прошептал Дудкин.

Постепенно удаляясь, немцы скрылись. Сермяжко расставил фланговые прикрытия. Мину должны были ставить Дмитриев, Красовский и Дудкин. У шнура лежал Ларионов.

Михайловский оледенел, по оставить товарищей и уйти к подводам не согласился. Он хотел увидеть, как взлетят на воздух ненавистные фашисты. Мороз пересилил его. Михайловский стал замерзать, и Сермяжко отправил его в сопровождении Афиногентова к подводам.

Отойдя с полкилометра, Михайловский и Афиногентов услышали пыхтение приближавшегося паровоза.

— Давай посмотрим, как полетят фашистские вагоны, — обратился Афиногентов к Михайловскому.

Они присели и стали ждать. Показался эшелон, сквозь зашторенные окна кое-где пробивался свет.

— С гитлеровцами, — прошептал Михайловский.

Под ногами партизан дрогнула земля.

— Отличная работа, — смотря, как лезут друг на друга вагоны, сказал Афиногентов.

— Теперь мне теплее стало, — стуча зубами, с усилием проговорил Михайловский.

Партизаны возвратились к повозкам.

— Вот это улов! — пошутил Дудкин.

Уже садясь в сани, Сермяжко сказал:

— Отдохнем дня три, ребята, потом снова закинем такую же удочку.

Дядя Петр восхищался:

— Ну и дали, аж под ногами снег поднялся, а пламя так выше ста метров поднялось.

— Спасибо тебе, отец, иди теперь домой спать, — поблагодарил Сермяжко.

— Если дороги опять не будете знать, позовите меня, — сказал дядя Петр и заковылял в темноту.

— Когда вас теперь ждать? — спросил Коля.

— Вы оба утром наведайтесь на станцию Жодино, походите по деревням, узнайте, что делают оккупанты и что говорят про взрыв, а ночью пусть один из вас придет на опушку леса у Замостья. Там встретите Валентину… Ясно? — сказал Константин.

— Ясно!

Подрывники вернулись в деревню Замостье. Отдыхали, Михайловский пил малиновый чай. Вечером, переодевшись в крестьянскую одежду, Валентина вышла в условленное место. Там ее уже ждал Коля. Он сообщил ей, что на станцию Жодино прибыл батальон эсэсовцев.

Выслушав жену, Сермяжко твердо сказал:

— Батальон эсэсовцев — угроза серьезная. Ничего, не испугаемся. Еще пару дней отдохнем и опять на железную дорогу, заряды обратно в лагерь не понесем.

Еще два вечера Валентина выходила в лес, и оба раза братья Сермяжко сообщали, что охрана значительно усилена.

— Все равно пойдем, — упрямо твердил Константин.

Вечером подрывники снова отправились на железную дорогу. На этот раз они пошли левее станции Жодино, кустами подползли к самому полотну. Афиногентов и Ларионов уже хотели идти с миной на рельсы, но невдалеке послышался разговор немцев, и они увидели, как гитлеровцы в длинных тулупах залегли в снег.

— Засада, — прошептал Ларионов.

Партизаны отползли назад.

— Засада не помешает поставить мину, лишь отрежет путь к отходу, — прошептал Сермяжко, и они кустами поползли вдоль железнодорожного полотна.

— Здесь положим, — остановился Константин.

Афиногентов, как тень, бесшумно приблизился к рельсам и быстро заложил мину.

Через полчаса — снова взрыв, снова пламя бушевало над разбитыми вагонами.

В стороне затрещали пулеметы и автоматы гитлеровцев, но подрывники благополучно отошли в Замостье.

— Теперь домой, — сказал Сермяжко.

По пути в районе Белая Лужа Сермяжко заглянул в тайник Каледы. Дядя Вася писал, что в районе началась карательная экспедиция.

Группа Сермяжко двое суток просидела в кустах и, только когда кругом затихло, решила заглянуть в лагерь. Здесь она встретилась с нашими разведчиками и партизанами Сороки и Мотевосяна.

9

Утром к нам в землянку вбежал радист Глушков и, волнуясь, подал мне лист.

— Читайте! — радостно сказал он.

Это было сообщение о разгроме немцев под Сталинградом.

— Об этом должны знать все партизаны и население, — сказал комиссар и вышел.

Из землянок выбежали бойцы, стихийно возник митинг.

Партизаны в течение дня размножили сообщение в сотнях экземпляров. Валя, Чернов, Денисевич, Ларченко и другие разведчики, взяв листки, разъезжали по деревням и раздавали их крестьянам.

Разгром фашистов под Сталинградом еще больше воодушевил партизан на борьбу с захватчиками.

— У дяди Васи была? — спросил Родин у Вали Васильевой.

— Еще нет, к нему попозже, — на ходу крикнула она.

— Поезжай сейчас, пусть обрадуется человек, обязательно сейчас! — приказал комиссар.

— Есть! — ответила Валя и, стеганув лошадь, помчалась.

Радисты дежурили у раций. Москва передавала все новые и новые данные о разгроме гитлеровских полчищ.

Под вечер, ведя лошадь на поводу, вернулась Валя. Рядом с ней, опустив голову, шел Василий Каледа. Он поднял глаза, и мы поняли, что случилось большое несчастье.

— Жену и младшего сынишку фашисты забрали, — с трудом проговорил Каледа.

Я взял его под руку и повел в штабную землянку. Василий Аксентьевич овладел собой, стал тихо рассказывать.

— Пронюхали, сволочи, что я вам помогаю… Когда карательная экспедиция началась, я со всей семьей был дома. Смотрю, по улице идут эсэсовцы, думал, мимо пройдут, где там — окружили дом. Я достал из-под пола наган и, крикнув «Бежим!», выскочил из дому. За мной выскочили дочь и старший сын. В упор я выстрелил в одного эсэсовца, тот рухнул, убитый наповал… Четыре километра преследовали нас гады, мы кое-как убежали. А жену и младшего сына забрали. Вероятно, их уже нет в живых, — тяжело вздохнул Каледа.

— Не отчаивайся, Василий Аксентьевич, — попробовал я успокоить его, но понял, что горе старика неутешно.

— Что ж, — сказал Каледа, — я знал, с кем веду борьбу. Так пусть же захлебнутся нашей кровью, звери! Я видел, что изверги сделали в деревне Воробьево: окружили дома и подожгли, а

потом начали расстреливать выскакивающих из огня женщин и детей. Гады! Их нужно уничтожать, как бешеных псов… Неужели и сейчас не дадите мне оружие?!

— Где ваши сын и дочь? — спросил я.

— В деревне, у знакомых приютил.

— Приведите их в лагерь. Коско возьмет к себе.

— Сперва дайте оружие, — твердо сказал Каледа.

— Ступайте к Ларченко, он даст вам коня и автомат.

Каледа в тот же день привел своих детей. Партизаны окружили их любовью и заботой. Повариха Мария Сенько готовила специально для них. Каледа посмотрел на Сенько и своих детей, отер рукой выступившие на глазах слезы и сурово обратился к Ларченко:

— Давай задание!

На другой день он уже сидел в седле и вместе с Валей развозил жителям наши листовки о победе под Сталинградом.

Мне сообщили, что в деревню Кошели прибыл Степан Хадыка. Я распорядился привести его в штаб. Скоро в лагерь въехала повозка. Рядом со Степаном в санях сидела женщина, повязанная большим платком.

— Анна, — коротко представил ее Хадыка и спросил: — Где у вас тут поставить лошадь? Везде так чисто!

Я позвал Долика, и он взял у Степана лошадь, а мы пошли в землянку. Хадыка осмотрел стены, обшитые шелком парашюта, белые — также парашютные — покрывала на нарах и не спеша уселся на скамейку.

В это время Воронкова развязала платок и сняла полушубок. Я всмотрелся в мягкие черты лица, в приветливо поблескивающие карие глаза. «Сестра Максима», — припомнил я и послал Малева разыскать Воронкова.

— Анечка! — обрадованно закричал вбежавший Максим.

— Какой ветер принес тебя, Степан? — спросил я Хадыку.

— Мурашко послал. Они там что-то на железной дороге готовят, так Мурашко просил мин, только чтобы объемом были небольшие, а взрыв давали бы сокрушительный. Вот и записка. — Степан порылся за пазухой и вручил мне крохотный листок.

Мурашко писал, что есть возможность минировать на станции эшелоны, просил мин, сообщал, что работа идет, группа увеличивается.

— Больше записок не вози. Так и передай об этом Мурашко. Если что нужно, пусть словесно сообщает через тебя, — сказал я.

У нас были маломагнитные мины, но умеет ли Мурашко обращаться с ними?

— Дадим тебе хороших «вещиц», научим обращаться с ними,

а ты хорошенько запомни и объясни Мурашко, — сказал я Степану.

— Постараюсь, голова, кажется, еще работает.

Луньков и Хадыка вышли из землянки. Я подсел к Анне и Максиму.

— Что в Минске?

— Не спрашивайте, не город, а концентрационный лагерь… Вам приходилось бывать в Минске? — спросила Анна.

— Приходилось, жил там.

— Знаете Университетский городок? Теперь городок и многие другие здания превращены в застенки СД. В самом городе и окрестностях гитлеровцы создали для истребления советских людей концентрационные лагеря. Редко кому удается живым выбраться оттуда. Они на Широкой улице, в деревне Малый Тростенец и в поселке Дрозды. Там замучены тысячи минчан и военнопленных. Да и те жители, которые еще свободны, также живут под постоянной угрозой смерти… Вот и меня стали преследовать. — Анна замолчала.

— Вере Зайцевой не угрожает опасность? — встревожился я.

— Она пока вне опасности: никто не знает, что у нее муж в партизанах. А вот про Максима пошли слухи… — Анна нежно положила руку на плечо брата.

Она помолчала, потом, оглядев землянку, снова заговорила:

— Как у вас здесь хорошо! Свои люди — и сердце отдыхает. А что в Минске! Минское гетто — сущий ад: там каждый камень пропитан слезами и кровью советских людей. За что? За то, что они евреи… Сколько было знакомых, товарищей… — По щекам Анны потекли слезы, и она дрожащим голосом рассказала страшную историю.

…В специальном лагере — гетто, расположенном в западной части города, фашистские варвары держали за колючей проволокой около ста тысяч евреев. Гетто было обнесено пулеметными вышками.

7 ноября 1941 года гитлеровцы в минском гетто устроили погром и массовое истребление еврейского населения. Пятнадцать тысяч мужчин, женщин, стариков и детей были согнаны в район Тучинки и расстреляны. Расстрелы длились несколько дней.

Особенно зверское побоище было учинено фашистскими палачами 28 июля 1942 года. В этот день они организовали массовый погром, охвативший все районы минского гетто и продолжавшийся четверо суток. 27 июля фашистские изверги приказали своим прислужникам — полицейским развесить объявления во всех районах гетто, в которых сообщалось, что 28

июля к девяти часам утра все жители гетто с пятнадцатилетнего возраста должны явиться на Юбилейную площадь. На этой расположенной в центре минского гетто площади населению гетто обычно выдавались отличительные повязки: красные — для работающих и зеленые — для безработных. Объявления предупреждали, что за невыполнение приказа виновные будут расстреляны.

Напуганные погромами жители гетто терялись в догадках. «Наверное, всех безработных будут уничтожать», — думали некоторые. Другие полагали, что это очередная ловушка для осуществления погрома.

С трепетом ждало население рокового дня. С 27 на 28 июля всю ночь моросил дождь. Природа словно заранее оплакивала жертвы готовящегося кровавого фашистского террора.

К утру 28 июля, кто сумел, ушел с рабочими колоннами на работу.

В полдень на Юбилейную площадь согнали всех оставшихся в гетто независимо от возраста. Многотысячная толпа собралась перед комитетом гетто, прямо на улице был поставлен огромный стол, празднично украшенный и уставленный всевозможными яствами. За столом сидели обер-бандиты, вдохновители и руководители затеваемого злодеяния. В центре этой шайки палачей сидели так называемый шеф гетто Реббе, комендант лагеря Ридлер и его помощники Готтенбах и Бенцке. Эти инквизиторы уже показали себя в предыдущих погромах и за особые заслуги в деле учинения расправы над советскими гражданами были награждены железными крестами.

Недалеко от стола возвышалась трибуна. С этой трибуны фашисты заставили композитора Иоффе произнести перед многотысячной толпой речь. Не зная еще истинных замыслов гитлеровцев, Иоффе начал говорить, что ему подсказывали палачи. Он успокаивал возбужденную толпу, уверяя, что немцы ничего плохого с ними не сделают. Он говорил так потому, что был уверен: при малейшем неповиновении эсэсовцы уничтожат всех. Разумеется, Иоффе чувствовал, что эсэсовцы стараются использовать его для своих целей. И все-таки в нем шевелилась слабая надежда, он цеплялся за нее.

Только он окончил речь, как со всех концов на площадь въехало несколько десятков черных крытых машин-«душегубок». Иоффе сразу понял, в чем дело. Понял это и народ. Композитор с поднятыми кулаками крикнул заволновавшейся толпе, по которой молнией пролетело слово «душегубки».

— Товарищи! Я вас обманул, вас будут убивать! Проклятые палачи…

Последние слова Иоффе потонули в крике многотысячной обезумевшей толпы, в страхе бросившейся в разные стороны. Все смешалось в какой-то огромный людской водоворот.

Иоффе был сдернут фашистами с трибуны и зверски убит. Фашисты, окружавшие площадь, открыли стрельбу из автоматов, в упор расстреливали бегущих.

Убив несколько сот человек, усеяв площадь и примыкающие к ней улицы трупами, изверги восстановили «порядок». К десяткам «душегубок» были установлены бесконечные очереди женщин и стариков. Детей отделили от взрослых и с поднятыми руками поставили на колени. Так они должны были стоять до своего конца.

Маленькие дети не выносили долго такой пытки и опускали усталые ручонки. Изверги подхватывали детей и, подняв высоко над головой, бросали на камни или резали их кинжалами.

Матери, стоявшие в очереди у «душегубок» и видевшие такую расправу над детьми, в ужасе заламывали руки, рвали волосы, сходили с ума.

Беззащитных женщин изверги хладнокровно оглушали ударами резиновых дубинок по голове или прикладами.

Не выдержав ужасного зрелища, народный артист Белоруссии Зоров кинулся на фашистов, но тут же был схвачен и брошен в «душегубку».

Только поздно ночью закончили курсировать «душегубки».

Утром в гетто повалили эсэсовцы; начался грабеж. Звенели стекла, разбивалась выбрасываемая из окон мебель. Эсэсовцы брали лишь самое ценное. Группа пьяных эсэсовцев ворвалась в больницу и перерезала всех больных, врачей и обслуживающий персонал.

До 3 августа гитлеровские головорезы уничтожили в гетто двадцать пять тысяч советских граждан. Минчане со страхом смотрели на «душегубки», курсирующие в Тростенец и Тучинку…

Когда Анна закончила рассказ, в землянке воцарилась мертвая тишина. Хотя это и не было для нас новостью, минские подпольщики уже сообщали нам об этом, все же рассказ Анны произвел на нас потрясающее впечатление. Губы Анны дрожали.

— С ума можно сойти, — прошептал подавленный рассказом Максим.

Анна снова заговорила:

— В больницу в Новинках приехал сам Кубе, осмотрел ее, а утром туда прибыл офицер СС в сопровождении химика и группы немцев. Они герметически закрыли баню, подвели к ней шланги от автомашин. В баню помещали по двадцать человек больных, пускали по шлангам отработанный газ. Через двадцать пять —

тридцать минут гитлеровцы открывали двери и вытаскивали трупы, грузили их в машины и вывозили к ямам.

В этот день было уничтожено двести тяжелобольных.

В конце октября 1941 года в другой больнице больных заставили копать ямы. Когда ямы были подготовлены, подъехала полицейская часть и стала вывозить больных к ямам и там расстреливать.

Задержанных советских граждан, как правило, сначала избивали, потом, окровавленных, бросали в тюрьмы.

В тюремные камеры, где с трудом могли поместиться пятнадцать человек, фашисты вталкивали по семьдесят. Люди задыхались, некоторые стоя умирали. Многих заключенных, чтобы быстрее лишить физических и моральных сил, раздевали донага и держали на залитом водой цементном полу.

Тюрьмы зимой не отапливались. Среди заключенных были беременные женщины, грудные дети и старики. Арестованным один раз в день выдавалось 100 граммов смешанного с опилками хлеба и пол-литра кипятку. Заключенным не разрешалось пользоваться баней и умываться. В местах заключения свирепствовал тиф. Больных не лечили, а уничтожали. Поэтому заключенные принимали все меры, чтобы скрыть заболевание. Смерть косила людей.

Перед зверствами, которые совершались гитлеровцами, бледнеют ужасы средневековой инквизиции. Арестованных пытали железом, избивали шомполами, плетками, свитыми из проводов, со свинцовыми шариками на концах, пытали электрическим током, втыкали им под ногти иголки, раздавливали пальцы дверьми, дробили кости, травили собаками. Девушек и молодых женщин садисты раздевали донага, насиловали, а затем замучивали насмерть. Обреченным на смерть связывали руки колючей проволокой. Железные шипы глубоко врезались в тело, и в таких мучениях эти люди ожидали казни. Много людей, подвергавшихся пыткам, умирали на допросах.

День годовщины Великой Октябрьской революции фашисты превратили в день массовых казней беззащитных жителей. В этот день в центральном сквере в Минске были повешены многие жители города. Массовый расстрел был организован в минской тюрьме. Людей выводили по сто человек. Тех, у кого была хорошая одежда, раздевали. Зарывать трупы немцы заставляли самих заключенных, ожидавших расстрела.

Столицу Белоруссии превратили немецко-фашистские захватчики в лагерь смерти…

— Вы слышали о Сталинграде? — спросил я Анну.

— Нет… Разбили их?

— Разбили в пух и прах. Гитлеровцы только за последние три месяца потеряли сто двенадцать дивизий, при этом убито семьсот тысяч и взято в плен триста тысяч… — опередил меня Максим.

— Скоро освободят и нас, — сквозь слезы прошептала Анна.

В землянку возвратились Луньков и Хадыка.

— Вот и наловчился я, — похвалился Хадыка.

— А ну, покажи, — попросил я.

Хадыка взял учебную мину, ловко вставил взрыватель и показал, как поставить время.

— Мы тебе листовок дадим, а ты их распространи по сельсовету, может, и в Минск попадут. Пусть народ знает, — предложил Хадыке комиссар.

— Давайте, отвезу, — обрадовался он.

— Я в Минск поеду. — Анна поднялась. — Пусть сегодня же народ узнает о победе нашей родной Красной Армии. — Она повязывала уже платок.

— Отдохните еще, пока приготовим, — удержал ее Родин.

Хадыке дали четыре маломагнитки и капсюли к ним.

— Как ты доставишь их? — спросил я.

— Брошу под сено в сани и привезу, ведь до самого Озеричино партизанская территория, — весело ответил Степан.

— Эх, Степан, уж чересчур ты самоуверенный, — покачал головой комиссар. — Давай подумаем, как замаскировать мины в твоих санях.

Мы подошли к саням. Родин осмотрел их, поднял сиденье, затем перевернул и внимательно осмотрел низ.

— Что если здесь вынуть дощечку? — обратился комиссар к Степану.

— Хорошо придумано, — обрадовался тот.

Вербицкий быстро прибил снизу лист фанеры, а сверху вынул одну дощечку и, довольный своей работой, отошел в сторону.

— Никто и не догадается, что здесь двойное дно, — сказал он. — Только, когда будешь укладывать мины, Степан, положи соломы, а то будут дребезжать, — наказал он.

Луньков уложил мины, взрыватели, предварительно завернув их в сено, а Родин положил в этот же тайник пачку последних сообщений Совинформбюро. Сверху настлали еще сена, и Вербицкий прибил на место вынутую дощечку.

— Пора ехать, — сказал Хадыка, посмотрев на солнце.

Из землянки в сопровождении Воронкова и Гуриновича вышла Анна. Распростились. Воронков и Гуринович пошли провожать Анну, они долго шли рядом с санями и давали ей советы.

Рано утром возвратился Любимов с группой. Они благополучно проводили Морозкина и Кухаренка до озера Палик. Воронянский тепло принял их и обещал помочь пробраться ближе к линии фронта.

Любимов быстро оглядел расщепленные стволы деревьев, воронки от мин.

— По пустому лагерю они били или вы оборону держали?

— Было тут время жаркое, и мы немного прогулялись — в Полесье побывали, — засмеялся Карл Антонович.

— А мы-то думали, что только нам пришлось путешествовать, — улыбнулся Любимов. — Отряд Воронянского вырос, почти бригада. — И тут же, как бы спохватясь, воскликнул: — В дороге про Сталинград узнал!

— Это далеко было? — прищурился комиссар.

— В деревне Велень.

— Чудесно! — обрадовался Иван Максимович Родин. — У наших сообщений длинные ноги. А как народ?

— Радуется! Когда узнали, так в Велени праздник устроили. Молодежь красноармейские песни пела… Собирается в партизаны, — вместо Любимова ответил Юлиан Жардецкий.

— Теперь, друзья, идите отдыхать.

Они ушли.

— Хорошо, что народ знает про победу и радуется, — сказал комиссар. — Слишком много черных дней он видел… И все же надо народ предупредить о том, сколько еще трудностей нас ждет впереди. Врагу еще хребет не переломили.

— Правильно! Действуй, — сказал я.

Зашли в землянку. Комиссар сел за стол, взял последнее сообщение Совинформбюро, бумагу, карандаш и стал писать. Карандаш быстро бегал по листу бумаги. Я смотрел на его мужественное, с правильными чертами лицо, и мне вспомнился бой с гитлеровцами, далекий поход в Полесье, прорыв через железную дорогу… Везде Родин действовал хладнокровно и умело.

Окончив, комиссар прочел мне и Кускову листовку.

> «Каждый советский человек на оккупированной врагом территории может приблизить час нашего освобождения, — говорилось в ней, — потому что каждый может помочь партизанам и подпольщикам, нашей славной Красной Армии в их самоотверженной борьбе…»

— Я думаю, нужно еще добавить о том, сколько истреблено и взято в плен гитлеровцев: народ наш любит конкретные дела, —

добавил Кусков.

Комиссар согласился.

— Ты прав, пусть народ почитает радостные вести.

Наконец воззвание было окончательно отредактировано, и Малев отнес его печатать на машинке.

— Теперь весь отряд в сборе, надо провести партийное собрание, избрать бюро и секретаря, — продолжал комиссар. — Да и комсомольцев мы плохо еще воспитываем. Комитет комсомола вроде есть, а учебы никакой. Война вечно длиться не будет. Победим фашистов, выйдем из леса — везде руины. Нужно будет все восстанавливать, и уже сейчас к этому надо готовиться.

— Иван Максимович, ты пойми, мы не успели, — оправдывался я, но в то же время радовался настойчивости комиссара.

— Не подумай, будто я кого-то в этом виню, — спокойно проговорил он, — я говорю о ближайших наших задачах.

Утром было закрытое партийное собрание. Выбрали бюро, в которое вошли Родин, Сермяжко, Кусков, я и Мацкевич.

После собрания состоялось заседание членов партбюро. Секретарем был избран наш отважный подрывник Сермяжко. Как быстро рос этот немногословный, скромный партизан!

Решили побеседовать с каждым бойцом в отдельности и выяснить его политические знания, чтобы можно было укомплектовать группы для учебы из людей с одинаковым уровнем знаний. Из более подготовленных партизан решили создать группу лекторов. Эту работу поручили Родину и Сермяжко.

В этот же день провели общее комсомольское собрание и избрали новый комитет. Туда вошли Валентина Сермяжко, Валя Васильева, Андрей Ларионов, Алексей Михайловский и отличившийся в недавних боях Александр Яновский. Секретарем комитета был избран Яновский.

Родин и Сермяжко помогли новому комитету составить план работы. Через несколько дней все партизаны были распределены по группам, и политучеба началась.

Родин, Мацкевич, Сермяжко и Кусков руководили кружками по изучению истории нашей Коммунистической партии. Теперь по вечерам то в одной, то в другой землянке собирались партизаны и учились. Кое-кому учеба давалась нелегко, но постепенно все привыкли и поняли, что она необходима.

Не хватало литературы. Комиссар дал задание разведчикам собирать где можно политическую и художественную литературу. Спустя некоторое время были собраны почти все тома В. И. Ленина и несколько экземпляров Краткого курса ВКП(б).

Партизаны приносили художественную литературу: произведения Горького, Пушкина, Маяковского, Шолохова, Николая Островского, — и таким образом незаметно была создана библиотека; Валя Сермяжко стала библиотекарем.

Из Минска возвратилась Анна Воронкова.

— Больше нужно таких листовок, — оживленно говорила она. — Для минчан это как хлеб. А если бы вы видели, что делается в городе! Немцы вывесили траурные флаги, закрыли все кино, театры и казино. Увидев улыбающегося человека, гитлеровцы сейчас же его арестовывают. Люди стараются принять опечаленный вид, но стоит взглянуть в глаза — они говорят совсем о другом: радостью сияют глаза советских людей… Знаете, что произошло на товарной станции? — спросила Анна.

— Нет, а что?

— Наши подорвали состав с цистернами, был большой пожар. Состав загорелся сразу с обоих концов…

— Кто же это сделал?

— Хадыка говорил, что знает… А фашисты просто взбесились: начали подряд арестовывать людей… Хадыка просил передать, что завтра или послезавтра прибудет сюда с каким-то товарищем.

Я и радовался, и злился. Какая необходимость взрывать эшелон на самой станции, когда можно было заминировать с таким расчетом, чтобы эшелон взорвался в пути следования? Эти мысли не давали мне покоя. Я с нетерпением ждал приезда Хадыки или Мурашко.

На другой день прибыл Мурашко.

— Расскажите о взрыве! — прежде всего попросил я.

— Эшелон застрял и взорвался на месте. Сгорели четыре цистерны и товарный склад.

— Чья работа?

— Олега Фолитара. Помните, я рассказывал вам об этом пареньке? Я ему дал две маломагнитные мины, он долго рассматривал их, потом сказал: «Я им устрою штуку». Я предупредил Олега, чтобы он минировал тот эшелон, который скоро должен отойти от станции. И вот на второй день утром я увидел на станции пожар. Днем в условленном месте, в развалинах, встретился с Олегом. Тот рассказал, как он с маломагнитками в карманах долго ходил по станции, присматривался. На первом пути стоял состав с горючим, Олег крутился возле него. Он стал заговаривать с охраной, клянчить сигаретку, но вместо сигареты получил подзатыльник. Тогда он смешался с железнодорожниками. Никто не заподозрил его: больно он молод. Один из сцепщиков проверял вагонные оси, и

Олег увязался с ним. Выбрав момент, Олег прилепил одну мину к цистерне, а потом в конце состава пристроил и другую. Это было вечером. Готовый к отправке эшелон по неизвестной причине задержался. К утру он взорвался…

— Олег не задержан? — не выдержав, перебил я.

— Нет.

— Из вашей группы никого не подозревают?

— Пока что тоже нет, — ответил Мурашко.

— Счастье, что все хорошо кончилось. Олегу запретите показываться на станции, — предупредил я Мурашко.

— Он не хвастун? — о чем-то думая, спросил комиссар.

— Нет, — ответил Мурашко. — А что?

— А то, что от радости может похвалиться, — погибнет сам и погубит всю группу.

— Нет, Олег скромный парень. Он сам волновался, что так получилось. А на станцию мы его действительно больше не пошлем. Остальные две мины я отдал Игнату Чирко. Он железнодорожник, знает, когда и куда идет эшелон; ему легче достичь большего эффекта, — сказал Мурашко.

Мы заговорили о Зое Василевской.

— По-прежнему работает на аэродроме. Виделся с ней, она рассказала, что присматривается к людям. К ним на аэродром недавно пригнали работать группу военнопленных, и Василевская старается установить с ними связь.

Я дал Мурашко адрес Велимовича, рассказал, как от него получить взрывчатку, и предупредил, чтобы без особой нужды к Велимовичу не ходили.

Приближалась 25-я годовщина Красной Армии. Партизаны на железных дорогах устраивали крушения вражеских эшелонов с живой силой и техникой; на шоссейных дорогах работали наши засады.

Лысенко записал приказ Верховного Главнокомандующего, партизаны размножили его, а разведчики разнесли по деревням.

Валентина и Каледа поехали в деревню Крушник Гресского района к связной нашего отряда молодой девушке Нине Корзун. Они вручили ей листовки для распространения в райцентре Греск.

24 февраля разведчики возвратились. Вместе с ними на санях сидели четверо юношей и девушек. Нина рассказала нам страшную историю.

…Вечером 22 февраля 1943 года, в канун 25-й годовщины Красной Армии, в небольшой крестьянской избе в деревне Крушник собралась молодежь. Некоторые играли в домино, другие пели под аккомпанемент гитары партизанские песни. Тихо

обсуждали последние события на фронтах.

— Завтра день Красной Армии, фашисты в этот день будут брехать о своих победах на фронте и об уничтожении партизан, — заметил хозяин, пожилой крестьянин с угрюмым лицом; это был отец Нины Павел Корзун. — А под видом борьбы с партизанами начнут и детей и стариков убивать…

— Недавно я была в Греске, специально разузнавала: карателей как будто здесь не будет… Наоборот, из Греска и Шищиц много немцев выехало, полицейские одни не пойдут, — возразила Нина.

Ей не сиделось, она ждала разведчиков из отряда, чтобы передать им ценные сведения. Разведчики приехали поздно вечером и, поговорив с ней, рано утром уехали. Нине хотелось снова попасть в Греск, узнать, какое впечатление произвели на население и оккупантов расклеенные партизанские листовки. «Сегодняшний день пережду, а завтра пойду», — подумала Нина.

23 февраля к двенадцати часам дня послышалась отдаленная стрельба. Она становилась все ближе и ближе. Крестьяне насторожились. Через час из деревни Поликаровки пришло несколько человек. Они сообщили, что по дороге Осиповичи — Бобовня идут эсэсовцы.

Два молодых парня Вячеслав Дробыш и Александр Тригубович начали успокаивать и уговаривать крестьян:

— Никуда не удирайте, все будет хорошо. Немцы, если и придут, ничего не станут делать плохого, если народ останется на месте. А коли сбежите — они сожгут деревню.

— Не слушайте их, они подосланы гитлеровцами! — сказала Нина.

Все в нерешительности стояли на улице, переговариваясь и споря. Многие были за то, чтобы уходить в лес; два парня всеми силами старались их удержать.

— Нина, что будем делать? — спросил отец.

— Надо обязательно уходить в лес. Как бы меня ни уговаривали, я все равно пойду, — твердо сказала она.

— А как мне, больному старику… Только в тягость вам буду. Вы, детки, уходите. Вы молодые, вас могут в Германию забрать, а мы с матерью останемся дома, — проговорил отец.

Между тем выстрелы все приближались. В деревню входили эсэсовцы.

Двоюродный брат Нины Анатолий выскочил на улицу и крикнул, поспешно запрягая лошадь:

— Выходите! Уедем!

Но Павел Корзун и его жена отказались ехать.

— Нет, детки… Коли мы уедем — немцы обязательно хату

спалят… А вы езжайте!..

Анатолий и сестры вскочили в сани, помчались в сторону леса. Отец Нины Павел Корзун стоял на улице и, опустив голову, смотрел вслед удалявшимся. Со слезами на глазах к нему подошла жена. Нина помахала им рукой, сани быстро скрылись из виду.

Каратели вошли и начали повальные обыски. Они согнали весь скот и приказали крестьянам собраться в крайней хате. Многие поняли, что им грозит, и прощались со своими близкими.

Несколько гитлеровцев и полицейских подошли с гранатами к дому. Лица крестьян побледнели. Вячеслав Дробыш поднял руку, каратели поняли, что это «свой». Последовала команда: «Отставить!» Дробыша вывели. Он что-то прошептал офицеру, указывая рукой на крестьян. По-видимому, речь шла о том, что не надо расстреливать всех, что это может оказаться опасным… Тогда эсэсовцы приказали крестьянам разойтись по домам и никуда не выходить.

Родственники Дробыша и других полицейских торопливо запрягали лошадей. Гитлеровцы ходили по избам и расстреливали крестьян. Никого не оставляли в живых: ни женщин, ни детей, ни стариков… После этой зверской расправы все дома были подожжены.

Те, кто до прихода карателей успели убежать в лес, ничего не знали о происшедшем в деревне. До них доносились выстрелы и рев скота. Но вот они почувствовали запах дыма и заметили оседавшую на снег копоть.

— Ребята, что это за черные хлопья? — удивилась Нина. — Неужели подожгли? Пойдем на опушку, посмотрим.

Нина и еще одна девушка вышли из леса и увидели, что деревня уже почти сгорела.

Кроме деревни Крушник, горело еще пять деревень. Девушки стояли в каком-то оцепенении. «Мстить!» — промелькнула мысль. Опомнившись, Нина схватилась за голову: «Папа, мама, почему вы остались дома? Почему не уехали с нами? А может, еще живы? Может быть, удалось спастись?..»

Девушки возвратились к остальным и сообщили страшную весть. Когда стемнело, все вернулись в деревню. Она догорала; треск и багровые отблески нарушали зловещую тишину ночи. В лицо ударил терпкий запах жженого мяса.

— Верно, скот сожгли, — угрюмо заметил кто-то из парней.

Подошла чудом спасшаяся корова и с мычанием стала лизать девушкам руки. Едва сдерживая рыдания, парни и девушки направились к своим дворам. На улицах трупов не было. Но вот один из юношей выскочил со двора и крикнул, что нашел

обгоревшие трупы своих родителей. Все начали обыскивать пожарища. Анатолий нашел в своем доме двенадцать обгоревших тел.

У тех, которые в темноте не нашли трупов родственников, еще теплилась маленькая надежда: «А может, живы!»

Наступившее утро не принесло никому радости. Выкопали общую могилу и в нее положили двадцать семь обгоревших трупов.

Приехали разведчики нашего отряда. Нина подошла к ним. Платок на ее голове сбился, и в густых каштановых волосах поблескивали седые пряди, появившиеся за ночь. Партизаны взяли ее в отряд.

Запасы хлеба и продовольствия подходили к концу. Мы устраивали на дорогах засады, ожидая обоза противника; наши связные просачивались в деревни, занятые немцами, но там продовольствия достать было трудно.

Коско выдавал все меньше и меньше продуктов. Кончался фураж. Конные разведчики кое-как достали для лошадей немного сена. Долин Сорин уныло смотрел на худеющих животных.

— Продовольствия осталось всего на два дня. Что будем делать? — спросил Коско комиссара.

— Во всяком случае, среди своих людей от голода не умрем, — улыбнулся Родин.

— Может, дать продразверстку населению?

— Нет, дорогой, здесь такой стиль работы не подойдет. Мы возьмем только добровольную помощь. Да и потом один хозяин может иметь хлеб, и даже лишний, а у другого и вовсе может не быть куска. Необходимо обратиться к населению. Будь спокоен, народ нас поддержит, — уверенно проговорил комиссар.

— Конечно, — сказал я.

— Поедем? — спросил меня комиссар.

— Обязательно. Плохо только, что мы с тобой после возвращения из Полесья не были в деревнях, — упрекнул я себя и начал собираться.

Мы направили Мацкевича, Вербицкого, Павленко и Шешко в близлежащие деревни. Они должны были сообщить населению сводки Совинформбюро и рассказать о тяжелом положении в отряде с продовольствием и фуражом.

Мы с комиссаром провели собрания в деревнях Переселки, Сельцо и в Красном Пахаре.

В деревне Переселки, выставив посты наблюдения, зашли в первую избу с краю. На скамейке сидело несколько крестьян в серых полушубках. Среди них пожилой мужчина, хозяин дома,

Константин Карпук.

— Давно у нас не были, садитесь, — пригласил хозяин.

Крестьяне подвинулись. Мы заговорили о положении на фронтах, скоро завязался оживленный разговор.

— Выходит, Гитлеру все-таки сломаем хребет, — сказал один крестьянин.

— Не только хребет, но и голову оторвем, — отозвался другой.

Я ждал, когда Гром начнет разговор по существу, а он все медлил и говорил о другом. Но вот он обратился к крестьянам.

— То, что я здесь говорил, нужно знать не только вам, но и всем жителям деревни. Не могли бы вы в просторном доме созвать весь народ? — спросил комиссар.

— Можно, — согласился хозяин, и присутствующие разошлись.

Народу собралось много, стояли даже в сенях.

Комиссар обстоятельно рассказал о блестящих победах Красной Армии. Собравшиеся напряженно слушали. Закончив, Гром отер пот со лба, окинул крестьян взглядом и добавил:

— Вы, вероятно, знаете, что партизанские отряды недавно вели бои с превосходящими силами немцев. Против нас фашисты бросили авиацию, танки, пушки и почти две дивизии солдат. И чем все это кончилось? Немало своих голов сложили гитлеровцы в лесах, а партизаны целы и продолжают бороться.

— Неужто все целы?

— Десять из наших отморозили ноги, — угрюмо сказал комиссар.

— Только! — раздался удивленно-одобрительный возглас. — А нам каратели говорили, что уничтожили сотни партизан.

— Пока с нами народ — фашистам нас не победить! — Тут Родин немного помолчал, потом с силой заговорил: — Теперь мы обращаемся к вам за помощью. У нас сейчас нет продовольствия и фуража. До сегодняшнего дня мы питались за счет того, что отнимали у врага, от населения мы не брали ни крупинки.

— Жаловаться не можем… Где это видано, чтобы свой своему не помог, — раздались голоса.

Вперед от стены протолкнулся бородатый мужчина. Он жестом призвал к тишине и заговорил:

— Мы люди свои, нас агитировать не нужно. Нас воспитала Советская власть. Как увидели, что ворвались оккупанты, кое-что закопали в землю. И теперь у нас есть по одной, а у некоторых и по две неотрытые ямы. Сейчас мы обходимся без того, что зарыто в ямах. Я думаю, обойдемся и дальше. В прошлом году партизаны не дали сжечь немцам хлеб, помогли нам убрать и обмолотить.

Так что вопрос ясный. Я даю… — он пошептался с женой, та кивнула головой, — двадцать пудов ржи и столько же картошки.

— Правильно, нужно помочь, — раздался голос. — Я отдаю корову. Кормлю ее, как черта, а молока так и нет… Жирная.

Сосед Карпука Иван Корзун дал пятьсот килограммов зерна, тонну картофеля. Комиссар взволнованно жал всем руки.

— Благодарим, друзья, от всего сердца благодарим, — дрожащим от волнения голосом говорил он. — Но мы всего не сумеем сразу взять, нужно помочь нам…

— Зерно отдам мукой: свезу в поселок на мельницу, оттуда вы возьмете сами, — сказал Иван Корзун.

К столу один за другим тянулись крестьяне, они давали расписки-обязательства.

— Запишите, Павел Смольский. Даю полтонны хлеба.

Крестьяне, прежде чем подойти к столу, думали, советовались друг с другом, подсчитывая в уме свои возможности, а потом уже твердо объявляли.

Хорошо, что крестьяне помогут нам отвезти зерно на мельницу.

— Мешки есть у вас? — спросил меня Иван Корзун.

— Нет.

— Что же вы в карманы будете сыпать муку? — нахмурился Корзун, но тут же сказал: — Ничего, мешки найдем, вы только верните их нам.

Я заверил, что вернем. Народ стал расходиться. Вышли и мы с комиссаром. Около крыльца мелькали огоньки крестьянских самокруток. Сзади услышали разговор.

— Куда так торопишься, покури еще, — говорил один.

— Некогда, нужно сегодня насыпать зерно в мешки. Сам знаешь, зерно не в амбаре. Утром на мельницу, — ответил другой.

Я узнал в темноте голос. Это был Павел Смольский.

— Пойдем, помогу…

«Какие люди! — подумал я. — А сколько таких? Тысячи. Таких людей нельзя поработить!»

Иван Корзун привел во двор упирающуюся корову и привязал ее к нашим саням. Через маленькое окошко его дома просачивался тусклый свет коптилки. Там насыпали в мешки картошку.

К саням подходили и клали буханки хлеба, мешки, какие-то узелки. Рядом с санями стоял комиссар и с благодарностью пожимал руки крестьянам. Один старик принес небольшой окорок и бережно положил его в сани.

— Спасибо, отец, — шагнул к нему Родин.

— Спасибо-то спасибо, только вы больше так не делайте: когда беда, так показали глаза, а так и вашего запаха близко нет, — упрекнул старик.

— Перестань, — одернули его со стороны.

— Чего там перестань, ведь свои люди, их и поругать можно, — возразил старик.

— Сообщения с фронта и воззвания вы ведь получаете, — пытался оправдываться комиссар.

— Получать получаем, что ж из этого? Молодежь прочитает, спросишь, а они скажут несколько слов, и все. А если бы сами рассказали, — другое дело. Живого слова ничто не заменит…

— Правильно, отец, мы это учтем, — согласился Родин.

— Вот и учти. Приезжай сам или пришли других, только чтобы поречистее были, — весело проговорил старик.

— Правильные слова, приеду сам, обязательно приеду. Дай руку! — комиссар обнял старика.

Сняв посты, мы поехали в лагерь. Провожать нас вышли многие жители.

Прощаясь с Корзуном, я спросил:

— Вам не родня Корзуны из деревни Крушник? Их две дочери у нас в отряде.

— Знал их родителей, хорошие люди. Наша родня большая… Ну, прощайте, не забывайте нас, приезжайте.

Мороз был небольшой, и мы шли рядом с санями. Комиссар тихонько посмеивался.

— Что с тобой? — не вытерпев, спросил я.

— Нагоняй-то какой я получил! Слышал, как старик отругал?

— Это, дружище, хорошо, что ругают. Значит, наша деятельность для них — свое, кровное дело. Ведь так? Вот в чем смысл. Народ верит нам, старается помочь. Разве это не оценка? А свои ошибки мы исправим.

— Давай поскорее подберем агитаторов в деревню, — ответил комиссар.

В полночь прибыли в лагерь, отдали Коско продукты и фураж. Крестьянам, которые привезли сено, вернули мешки из-под картошки.

— Ну как, сборщики? — с иронией в голосе встретил нас Луньков.

— Прекрасно, Алексей Григорьевич, — ответил комиссар. — Получили нагоняй и еще кое-что.

Родин выложил на стол обязательства крестьян. Начальник штаба просмотрел их и несколько разочарованно протянул:

— Обещания, одни лишь обещания… Что ж, приснятся нам сегодня на голодное брюхо и тонна картошки, и жирная корова, и

окорок…

— Будь спокоен, это не сон, — строго сказал комиссар.

— Чудак, я шучу, конечно, — засмеялся Луньков. — Разве я не знаю наших людей, — уже серьезно сказал он.

Сели за стол. Пришел Сермяжко. Комиссар передал ему разговор со стариком.

— Правильно упрекнул старик, — согласился Сермяжко.

— Теперь у нас должно стать законом: нашим агитаторам два раза в месяц проводить беседы в деревнях, — сказал Родин.

Каждый день комиссар с группой партизан выходил в деревни и никогда не возвращался с пустыми руками. Через несколько дней жители окружающих деревень свезли на мельницу пятнадцать тонн зерна.

В отряд продолжали приходить новые люди. Из деревни Кошели прибыл Федор Боровик: немцы начали подозревать его в связях с партизанами, из деревни Сыровадное — Иван Залесский. Пришел в отряд и друг Коско — Иван Гуринович, он также не мог больше находиться в деревне. Всего в отряд вступило за это время тридцать четыре добровольца.

Однажды совсем неожиданно в землянку ввалился наш связной Туркин.

— Прибыл со всей семьей к вам. — Он тяжело вздохнул и присел.

— Что случилось? — с беспокойством спросил я.

— Пришлось за решеткой посидеть. Поехал в Минск, по дороге прицепился ко мне эсэсовец… С трудом выпутался. Местное начальство, видно, все-таки подозревает… Перевели меня на работу в другое место. Новый комендант — заядлый нацист, сразу начал цепляться ко мне. Еле ноги унес.

— Хорошо, что успел уйти, Всеволод Николаевич.

— Я привел с собой в отряд подростка Михаила Терновского из деревни Воробьево, — продолжал Туркин. — Ему четырнадцать лет, семью его сожгли фашисты во время карательной экспедиции. Он только и мечтает попасть скорее к партизанам, получить оружие и мстить оккупантам. Сирота он… Примите его, — просил Туркин.

— Покажи его, — предложил Луньков.

В землянку вошел небольшой курносый паренек. Он был в длинном кожухе, в больших валенках, из рукавов еле высовывались рукавицы. Начальник штаба едва не рассмеялся.

— Прямо некрасовский мужичок с ноготок, — шепнул он, а Терновский своими блестящими глазами серьезно смотрел на нас, щурясь от света и белых стен.

— Здравствуй, боец! — я нащупал его маленькую руку.

— Здравствуйте, — коротко ответил он.

Меня поразил его голос: это был голос взрослого, много пережившего человека.

— Разденься, дружок, — приветливо попросил Луньков, помог Мише снять кожух, затем усадил его рядом с собой.

— Партизанить хочешь?

— Нужно бить фашистов, чтобы не осталось ни одного. — По лицу Миши пробежала тень.

— Ведь ты маленький, сколько тебе лет? — спросил я.

— Мне семнадцать лет, — явно соврал Миша, подтянулся и вопросительно посмотрел на Туркина: тот молчал. — Я хочу воевать, дайте мне винтовку, я отомщу за родителей и братьев, — проговорил мальчик.

— Ведь ты винтовку не донесешь, — сказал Луньков.

— Тогда дайте автомат, я видел, у вас есть, — нисколько не смутившись, ответил Миша.

— Примите, — заступился за него Туркин. — Парень он умный, пригодится.

— Я пригожусь, — спокойно повторил Миша.

— Ладно, дадим тебе автомат, — успокоил я его. — Стрелять умеешь?

— Умею.

— Ездить верхом?

— Это — еще лучше! — повеселев, воскликнул Миша.

— Всеволод Николаевич, будете вместе с ним в конной разведке, — обратился я к Туркину. — Согласны?

Туркин радостно улыбнулся и сказал Мише:

— Видишь, как нам с тобой повезло.

Малев вызвал Ларченко. Я представил ему новых партизан. Туркина он знал раньше, а посмотрев на Мишу, спросил:

— И этого парня?

— Конечно, — ответил начальник штаба.

В тот же день вновь прибывшие в отряд принимали партизанскую присягу. В новом обмундировании, подпоясанный ремнем, в начищенных сапогах, Миша Терновский торжественно прочитал присягу, подтянулся, взглядом обвел выстроившихся партизан и, подняв свой небольшой, крепко сжатый кулак, громко крикнул:

— Клянусь!

В день принятия присяги новым товарищам, вступившим в наш отряд, я рассказал о гражданской войне, о своем участии в партийном подполье и партизанской борьбе в Западной Белоруссии против польских захватчиков. Белорусский народ для меня стал тогда еще ближе и роднее.

Я это говорю вот к чему. На дорогах жизни встречаются не одни успехи и удачи. Очень важно не разочароваться в избранном пути, не потерять веру в свои силы, уметь при любых обстоятельствах сохранять выдержку, не впадать в панику. В партизанской борьбе, когда кругом враги и противник сильнее, иметь самообладание очень важно. Поэтому я и старался привить своим партизанам и подпольщикам эти качества с первых дней их вступления на нелегкий и опасный путь борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Наш отряд встречал вторую весну в тылу врага. В прошлую весну еще мало было у нас надежных соседей. Часто приходилось перекочевывать с места на место. Мокрые, голодные партизаны, стараясь скрывать свои следы, пробирались по лесным тропинкам. Гитлеровцы нахально лезли в лес даже мелкими отрядами.

Теперь в отряде насчитывалось уже около четырехсот партизан. Неподалеку стояли другие отряды. Без танков и артиллерии немцы не осмеливались сунуться не только в лес, но и в партизанскую зону.

Над землянками глухо шумели сосны, под ногами хлюпал таявший снег, в воздухе веяло весенней свежестью. Солнечными днями высоко в небе заливались жаворонки.

В первых числах апреля с Большой земли к нам прилетели самолеты. Нам прислали два ротных миномета, два противотанковых ружья, автоматы, патроны, тол, маломагнитные мины, табак и свежие московские газеты.

Я послал Малева и Николаева к Степану Хадыке. Несмотря на разлив, Хадыка и Василиса Гуринович прибыли в лагерь. Они передали нам собранные подпольщиками сведения о противнике и повторили их вечную просьбу: «Дайте взрывчатки, больше взрывчатки!» Теперь мы могли по-настоящему удовлетворить их запросы.

Отдохнув, Хадыка и Василиса повезли для подпольщиков тридцать килограммов тола и двадцать пять маломагнитных мин. Для группы Мурашко мы отправили двадцать килограммов тола и капсюли.

Солнце и ветер окончательно согнали снег. Мы сидели в лагере, отрезанные весенним разливом. Партизаны прочитали все полученные из Москвы газеты и книги и, томясь ожиданием, когда реки улягутся в берега, целыми днями толпились возле землянки радистов. Надоело по ночам ворочаться на нарах, хотелось скорее выйти на боевые операции. Сузился район действия и для конных разведчиков. Со сводками Совинформбюро и воззваниями в дальние деревни с трудом добирались только пешие разведчики.

Усольцев и Малев, используя затишье, обучали партизан стрельбе из минометов и противотанковых ружей.

С хмурым лицом ко мне подошел Иван Любимов.

— Довольно без дела сидеть, — бросил он шапку на нары. — Пора на железную дорогу, подрывать вражеские эшелоны.

— Как ты выйдешь? — спросил я. — Реки не перейдешь, а у мостов засады гитлеровцев.

— Вплавь переправлюсь, а до железки доберусь, — упрямо тряхнул головой Иван.

— А если сам попадешься и людей погубишь? — Я пристально посмотрел ему в глаза.

— Все будут целы, и задание выполним, — уверенно сказал он. — Вы же знаете, к нам в отряд недавно прибыл учитель Павел Рулинский; он поляк, местный житель. Знает все дороги, обещал провести меня по западным районам Белоруссии.

Мы с комиссаром наметили по двухкилометровке примерный маршрут группы. Любимов отобрал партизан. Среди них оказалась и Валя Васильева.

— Ведь ты конный разведчик, — сказал ей комиссар.

— Сейчас на конях нечего делать. Я должна обязательно пойти. За конем моим будет присматривать Миша Терновский.

Остальные подрывники были опытные: Ларионов, Тихонов, Михайловский, Дудкин. С ними пошел и Федор Боровик. Они взяли с собой три заряда толовых шашек, по десять килограммов каждая, и днем покинули лагерь. Им предстояло пройти расстояние около семидесяти километров.

В лагере текла обычная жизнь. Молодые партизаны обучались стрельбе, подрывному делу. Весна была дружная. Реки начали входить в берега.

Через пятнадцать суток подрывники вернулись, промокшие, уставшие, взволнованные. Среди них не было Вали.

— Где Валентина? — заволновались мы.

— Не знаем. Ночью после взрыва эшелона отошли в лес, немцы вели сильный огонь, мы побежали в… потеряли ее, — смотря в землю, угрюмо ответил Любимов.

— Днем искали? — спросил комиссар.

— Искали… Эсэсовцы прочесывали лес… Мы вступили в бой и отступили… Потом опять разыскивали, но все напрасно… — Любимов умолк.

Группа спустила под откос три эшелона, под обломками которых погибло около пятисот фашистов. Упрекать подрывников было не за что. Но — Валя, Валя!.. Искренняя, смелая, веселая… Ларченко ходил стиснув зубы. Он не мог простить себе, что отпустил Валентину на диверсию. Любимов упрекал себя, что согласился взять ее с собой. Весь отряд любил Валю. Многие парни пытались за ней ухаживать, но девушка относилась ко всем одинаково приветливо… Где-то она теперь? Умирает, раненная, в лесу или попала в лапы фашистских извергов?

— Отомстим за Валентину! — скорбно говорили партизаны.

Через несколько дней Любимов опять пришел ко мне и хмуро сказал:

— Разрешите снова пойти на железную дорогу!

— Подожди, присядь.

Я, Кусков и Родин на этот раз решили послать несколько групп. До этого подрывные группы комплектовались только из опытных подрывников. Теперь мы решили включить в группы новичков, а опытных подрывников назначить командирами групп.

— Кто из твоих подрывников может руководить группой? — спросил я Любимова.

— Думаю, все, — ответил он.

Пришел вызванный нами Сермяжко, и мы вместе тщательно обсудили каждую кандидатуру. Создали семь диверсионных групп. Командирами групп, кроме Любимова и Сермяжко, назначили Ларионова, Афиногентова, Тихонова, Шешко и Мацкевича.

Ночью, взяв по две мины, группы вышли на магистрали железных дорог Минск — Барановичи и Минск — Бобруйск. Возвратиться они должны были накануне Первого мая.

Прошло восемь дней. Земля подсохла, стало тепло. Свободные от нарядов партизаны, разостлав полушубки, грелись на солнце. Неожиданно в лагере послышался непонятный, все нарастающий шум. Вскочили и побежали к выходу из лагеря партизаны. Я машинально схватился за маузер, но тут же убрал руку.

— Валя! Валя! — различил я радостные крики.

Партизаны на руках несли Валю, она отбивалась от них:

— Пустите, сумасшедшие!

Наконец она пробилась ко мне.

— Ты жива, Валентина! — От волнения я не знал, что сказать, и радостно прижал ее к груди.

— Что это получается? Не понимаю. Я думала, что меня будут ругать. Ведь это я все прошляпила, а здесь обнимают, — раскрасневшаяся, с влажными глазами говорила девушка.

— Пойдем к комиссару, расскажешь все. — Я взял ее за руку, а комиссар был уже тут.

Чуть ли не все партизаны обступили Валю.

— Когда мы подорвали третий эшелон, нас стали обстреливать — мы в кусты… И тут я, ротозейка, отстала, заблудилась, кричать побоялась и блуждала всю ночь около железной дороги. Услышала немецкий говор — и подальше от него. К рассвету подошла опять к железной дороге, думала, что здесь фашисты не станут искать партизан. Вдруг с той стороны, откуда я пришла, раздалась стрельба. Жутковато стало. Я

осмотрелась. На полотне работали ремонтные рабочие. Мелькнула мысль: «Только у них мое спасение». Спрятала автомат, сбросила ватную тужурку, положила за кофточку гранату и смело подошла к рабочим. Они исправляли переезд. Поздоровались. Я сказала, что убежала из своей деревни: там угоняют молодежь на работы в Германию. Взяла инструмент и тоже стала работать. Стрельба все приближалась. Я взглянула на лес и похолодела: из леса выходили эсэсовцы. Они подошли к рабочим и о чем-то стали спрашивать. Рабочие в ответ отрицательно закачали головами, и эсэсовцы ушли обратно. У меня отлегло от сердца. Когда гитлеровцы были уже далеко, один рабочий сказал мне:

— А и побледнела ж ты, доченька!..

Я испугалась, не догадались ли они, что я партизанка. Но тут же быстро нашлась:

— Еще бы не побледнеть. Кому же охота в неметчину ехать… Люди говорят, что спасаться от немцев надо.

— Люди, доченька, правильно говорят, — покачал головой старик и начал расспрашивать меня, откуда я, как попала сюда.

Я рассказала, что теперь пробираюсь к родственникам за город Столбцы.

— Через город, девушка, не ходи, еще попадешь в лапы к этим людоедам; а если все-таки пойдешь, то вымажь лицо, — предупредил меня старик.

— В какую тебе деревню за Столбцами? — спросил другой рабочий. — В той стороне живу, могу провести.

Я растерялась, думаю: «Вот нарвалась». Вижу, врать больше нельзя. Тогда я вынула гранату и отскочила в сторону:

— Я партизанка! А вы советские люди или нет?

— Ты нас не пугай, мы тебе не враги. Нужно было сразу говорить, что попала в беду, — сказал старик.

Я не сводила глаз с эсэсовцев, они шли в том направлении, где был спрятан мой автомат. Старик опять заговорил:

— В эту ночь около станции Колосово вы эшелон подорвали?

Я кивнула. Старик продолжал:

— Говорят, тринадцать вагонов с фашистами смололи в муку.

— Да, это правда, — подтвердил молодой мужчина. — Санитарный поезд прибыл, народ близко не подпускали… Пожалуй, трудно тебе будет выбраться сейчас, девушка. Ведь кругом немцы шастают. Побыла бы до вечера с нами, — посоветовал он.

Я сунула гранату за пазуху.

Время шло мучительно медленно. Я, опасаясь, что меня схватят, все время озиралась по сторонам. Немцы прошли еще два

раза мимо нас, но по-прежнему считали меня рабочим-ремонтником.

Под вечер, когда эсэсовцы убрались, я распростилась с рабочими, поблагодарила их. Долго искала свой автомат и, когда нашла, почувствовала себя совсем хорошо. Потом начала добираться до лагеря; и плыть пришлось, и ночевать в лесу, и голодать, и вот я опять дома… — закончила Валя.

— Боевая! — не скрывая своего восхищения, сказал комиссар.

— Наши разведчики никогда головы не теряют, они все такие, — гордый за Валю, проговорил Ларченко.

Валя громко засмеялась. Тут ее нашла повариха Белезяко, обняла и увела с собой.

— Как мой конь? — издалека крикнула Валя.

— В порядке, скучает по тебе, — хором ответили ей разведчики.

Уже совсем тепло. Ожили муравейники, вечерами не дают покоя комары.

Мы решили переселиться из зимнего лагеря поближе к реке. Раскинули летние палатки, для лошадей и коров соорудили изгородь.

Сорока и Мотевосян со своими отрядами перешли дальше по восточному берегу Птичи в леса Пуховичского района. Но без соседей мы не остались: в Воробьевский лес прибыл из бригады имени К. Е. Ворошилова, которой командовал Ф. Ф. Капуста, отряд имени Суворова. Этот отряд насчитывал около пятисот партизан. Командиром его был Леонид Петрович Стефанюк.

Я познакомился с командиром, высоким, подтянутым, молчаливым кадровым офицером Красной Армии. В конце июля сорок первого года его, тяжелораненого, подобрали и выходили местные жители. По нашему совету Стефанюк со своим отрядом переселился ближе к нам. Определили участки сторожевого охранения и секторы наблюдения.

Приближалось Первое мая 1943 года. Одна за другой в лагерь возвращались группы подрывников. Настроение у партизан было приподнятое. Родин провел инструктивную беседу с агитаторами. Подготовили праздничное обращение к населению. Однако пойти в деревню агитаторам не удалось. Меньшиков сообщил, что на станции Старые Дороги выгрузился запасной артиллерийский полк, в город Слуцк стянуто много эсэсовцев и полицейских. Мы решили силы не распылять, временно на боевые операции людей не посылать.

Я поехал к Стефанюку.

— Будем драться, если полезут, — сказал он, выслушав меня.

— Да, видно, они решили испортить нам праздник.

Наш отряд уже продолжительное время стоял в этих районах. Мы изучили местность, познакомились со многими местными жителями. Поэтому работу по разведке мы взяли на себя и регулярно информировали Стефанюка.

Ходить по лесу было еще трудно, хотя дороги подсохли, поэтому на все большие дороги мы выслали сильные заслоны. Конные разведчики объехали большую территорию и предупредили население о надвигающейся опасности. Днем и ночью мы получали сведения о том, что делают оккупанты на станции Старые Дороги.

27 апреля конные разведчики Каледа, Валя и Терновский сообщили, что из Старых Дорог по шоссе в направлении нашего лагеря двинулась колонна противника с полевой артиллерией.

Мы внимательно следили за движением колонны. Около полудня немцы остановились в районе деревни Щитковичи. Отсюда дорога шла на северо-запад, в деревню Обчее, входившую в партизанскую зону. В деревне насчитывалось около ста хозяйств. Была опасность, что фашисты ее уничтожат.

Мы со Стефанюком решили отстоять деревню и встретить противника в двух километрах от нее. Имевшиеся у Стефанюка в отряде две 76-миллиметровые пушки установили по обеим сторонам дороги, замаскировали грудами сухих веток. Начали ждать.

Прискакал Ларченко, крикнул:

— Подходят!

Из-за бугра показались первые немцы Это были разведчики. Они долго смотрели в бинокли и, ничего не заметив, стали спускаться с горки по направлению к деревне, потом повернули на фланг нашего отряда.

— Без команды огня не открывать! — передали по цепи.

Двенадцать гитлеровцев, то и дело останавливаясь и осматриваясь, осторожно продвигались вперед. Вот один, видимо, заметил нас, пригнулся и залег.

— По фашистам! Огонь!

Одновременно ударили пулеметы Тихонова и Оганесяна. Не сделав ни одного выстрела, гитлеровцы замертво рухнули.

— Некому будет сообщить про нас, — меняя диск, улыбнулся Тихонов.

Тишина продолжалась недолго. Из-за бугра показалась цепь, насчитывающая около сотни немцев. Короткими перебежками, стреляя на ходу, они приближались к нам. На фланге отряда Стефанюка враги подошли совсем близко. Там заработали партизанские пулеметы.

Оккупанты, оставив несколько убитых и раненых, поспешно начали отходить в сторону нашего отряда. Здесь их тоже встретили метким огнем. Потеряв десятка два убитыми, каратели отступили.

Скоро они опять показались, осторожно подтягивая орудия.

— Минометами накроем? — заторопился Усольцев.

— Обожди, — сказал я. — Когда начнут бить орудия Стефанюка, тогда и ты начинай из минометов.

Немцы установили на бугре батарею полевых орудий. Вот ударило одно из них — и над нашими головами просвистел снаряд; он разорвался далеко позади. Из кустов сверкнуло пламя. Это открыли огонь пушки Стефанюка.

Возле гитлеровской батареи поднялись два черных столба земли. Было видно, как заметались раненые гитлеровцы.

— Отлично! — крикнул кто-то из партизан.

Начали бить наши минометы. Первые мины не долетели, другие, наоборот, разорвались дальше. Кусков рассердился.

— Бейте и вы! — крикнул он Чернову и Демидову.

Начали стрелять оба противотанковых ружья. Каратели быстро отошли за горку. Три разбитые пушки остались на месте.

— Не думали, черти, что так их встретим! — поднявшись из укрытия, крикнул комиссар.

Из-за горки показалась новая цепь противника.

— Не пройдете, сволочи! — крикнул кто-то.

Вот гитлеровцы спустились вниз и открыли огонь из пулеметов. Мы подпустили врага поближе и сразу ударили из всех видов оружия. Гитлеровцы, несмотря на потери, все же настойчиво рвались вперед.

— Зайди им с фланга! — сквозь шум боя крикнул Луньков Усольцеву.

Тот понял его, кивнул головой и под прикрытием кустов повел свою группу в обход противника. Скоро оттуда дружно заработали ручные пулеметы. Каратели, не прекращая стрельбы, стали отходить.

Потери противника были велики, но на следующее утро он предпринял новые атаки. На нас было брошено не менее восьмисот солдат, поддержанных танками и броневиками. Мы с комиссаром ясно различали в бинокль переправляющуюся через реку Случь группировку около двухсот человек, которая затем, поддерживаемая тремя танками, стала продвигаться по дороге Осиповичи — Бобовня.

Бой был тяжел, и все же к концу дня каратели вновь отступили и ушли за шоссе.

Высланная нами ночью разведка вернулась к рассвету и

доложила, что противник убрался в Старые Дороги. Местные жители рассказали разведчикам, что каратели увезли несколько машин с убитыми и ранеными солдатами.

Утром оба отряда встретились в деревне Обчее. Население благодарило уставших партизан, гостеприимно приглашало их отдохнуть и подкрепиться.

Здесь мы отдохнули, привели себя в порядок и подготовились к уходу в лагерь. Лица крестьян, вышедших нас проводить, были озабочены: им не хотелось расставаться со своими защитниками. Поэтому все обрадовались, услышав слова комиссара, что в районе деревни остается отряд Стефанюка.

Скоро наш отряд вытянулся длинной колонной по проселочной дороге. Мы возвращались в лагерь.

Как обрадовались Коско, радисты и партизаны хозяйственного взвода, увидев нас живыми и невредимыми. Они два дня слушали громыхание боя и каждую минуту ждали от нас приказа уходить. Но все кончилось благополучно.

В лагере было оживленно. Партизаны очищали территорию лагеря, мылись, приводили себя в порядок, готовились к майскому празднику.

Мы с комиссаром обсуждали проект праздничного приказа, когда к нам подошел Коско и несколько смущенно заговорил:

— Товарищ командир! Я достал бочонок вина к празднику. Это подарок крестьян нашего сельсовета.

Комиссар оторвался от бумаг, посмотрел на Коско и рассмеялся.

— А обед хороший приготовишь?

— Поварихи меня замучили: то им белой муки надо, то сметаны, то перцу… Даже рассердился…

— Ладно! Мы не пьяницы, а праздник должен быть как праздник. Устроим хороший обед и каждому по сто граммов вина. Только смотри ни грамма больше! И никому никаких исключений, без всякого блата, — шутливо пригрозил комиссар.

— Да ведь люди разные: я и от ста граммов песни пою, а другой, хоть пол-литра выпьет, и ничего, — засмеялся Коско.

— Нет, этим не руководствуйся, — улыбнулся комиссар и уже серьезно добавил: — Еще раз предупреждаю, чтобы всем поровну.

— Будет исполнено, — козырнул Коско.

Партизаны Леоненко, Чернов и Денисевич помогли радистам установить громкоговоритель.

После обеда Сермяжко созвал заседание партийного бюро.

— Набралось много заявлений о приеме в партию, обсудим? — предложил Константин.

— Зачитывай, — согласился Родин.

— Врач Лаврик, Анатолий Чернов, Виктор Маслов рекомендованы в члены партии, Василий Каледа и Иван Сермяжко — кандидатами в члены партии.

Выступавшие характеризовали каждого, подробно разбирали боевые операции, указывали на недостатки, которые надо устранить.

— А что, Иван Сермяжко не твой родственник? — спросил комиссар у секретаря партийной организации.

— Что-то не помню родства, — признался Константин Сермяжко. — В Минской области это распространенная фамилия.

На бюро было решено сегодня же провести открытое партийное собрание и в повестку дня, кроме приема в партию, включить еще вопрос о политической работе среди населения.

К столу президиума подошел Каледа.

— Автобиографию не нужно, мы знаем дядю Васю, — раздались отдельные выкрики.

Каледа несколько обиженно заморгал глазами и заговорил:

— Нет, нужно. Вы молодые, вам полезно послушать… Хоть и не был я в партии, но вся моя жизнь связана с ней. Помню тысяча девятьсот семнадцатый год, Карпаты, местечко Броды. В атаку пошла вся рота, а вернулись только четверо. Среди уцелевших был я и один петербургский рабочий-металлист. Я вцепился ему в грудь и со слезами ярости кричал: «Володя, за что, за что!…» Как будто он был виноват в этой бойне. «Капитал, капитал нас губит…» — ответил он. Постепенно Володя открыл мне глаза. Как только началась революция, я возвратился с винтовкой домой. Воевал с пилсудчиками, с бандами Булак-Булаховича… Потом создавали колхозы… Стареть начал, а в партию так и не осмеливался… — Тут Каледа замолчал, потом добавил: — А дальше вы сами знаете…

Все знали о гибели его жены и сына.

— Теперь, когда коммунисты первыми идут в наступление на фашистов, — продолжал он, — прошу принять меня в члены партии.

— Кто «за»?

Все коммунисты высоко подняли руки.

Сдерживая волнение, Каледа обратился к комиссару:

— А кандидатскую карточку когда получу?

— Только после войны, а до того времени, может, успеем перевести в члены партии, — улыбнулся комиссар.

— Да. До Берлина еще далеко, — согласился Каледа.

Затем единогласно были приняты в члены партии участники обороны Москвы Иван Лаврик, Анатолий Чернов и Виктор Маслов. Иван Сермяжко был принят в кандидаты.

По второму вопросу выступил Родин. Затем Мацкевич отчитался о проделанной работе, и собрание вынесло решение: раз в месяц заслушивать отчеты агитаторов о работе среди населения.

Утром 1 мая стояла теплая, солнечная погода. На березках распустились листочки, от сырой, но уже прогретой земли поднимался легкий пар, небо было безоблачным. Мы с комиссаром и Кусковым обошли шалаши, поздравили партизан с праздником.

Около громкоговорителя столпились партизаны. Они, выглядели по-праздничному: мужчины щеголяли новыми гимнастерками и фуражками, долго хранившимися в вещевых мешках, а женщины, сбросив ватные тужурки и шапки, оделись в платья. Среди разведчиков слышался звонкий смех Вали Васильевой.

Начальник штаба выстроил всех партизан на лагерной площадке. Комиссар зачитал приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина:

> «За период зимней кампании 1942—1943 годов Красная Армия нанесла серьезные поражения гитлеровским войскам, уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, окружила и ликвидировала две армии врага под Сталинградом, забрала в плен свыше 300 тысяч вражеских солдат и офицеров и освободила от немецкого ига сотни советских городов и тысячи сел».

Потом начальник штаба зачитал другой приказ; в нем командование отряда поздравляло личный состав с первомайским праздником и объявляло ему благодарность за боевые заслуги. Партизаны призывались теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, грудью защищать свою социалистическую Родину и не жалеть для этого сил, а если потребуется, то и жизни.

Торжественно в лесной тишине прозвучал приказ и раздалось долго не смолкавшее «ура!».

После торжественной части все собрались на залитой солнцем поляне. На пенек с гармошкой в руках уселся Саша Бабук, рядом с ним с гитарой примостился Евгений Пиманенко. Он пел шуточные песенки, вызывая веселый смех собравшихся. Но вот гармонь заиграла кавказский танец. Николай Ларченко вихрем понесся по кругу, а партизаны в ритм танца хлопали в ладоши. Гармонь играла все быстрее и быстрее. Николай вертелся, как волчок, а Валя плавно кружилась вокруг него на

носочках. Уморившись, они под гром аплодисментов артистически раскланялись и вышли из круга.

Заиграли «Барыню». На середину круга выскочили сразу четверо: Женя Дудкин, Маруся Сенько, Пиманенко и Маруся Воронич. Они залихватски пошли вприсядку. Выступили еще несколько партизан, среди них был Жардецкий с поварихой Марией Белезяко. Все смешались в вихре веселого танца.

— Ты чудак! Она же повар, а ты приволок ее танцевать. А кто же готовить обед будет? — в шутку отчитал Жардецкого Коско и под руку увел Белезяко.

Жардецкий улыбнулся, махнул рукой и под взрыв хохота вышел из круга.

Скоро Коско пригласил всех к обеду. На площадке прямо под деревьями стояли столы, сколоченные из досок и накрытые плащ-палатками и парашютами. На столах было говяжье и свиное мясо, жареная картошка, свежий хлеб.

Партизаны сели, но не начинали есть: чего-то ждали. Из шалаша с ведром в руке показался Коско, с ним Вербицкий и повара. Они начали наливать в партизанские кружки вино.

— Предлагаю поднять тост за нашу победу! — крикнул, поднявшись, Луньков.

— За разгром захватчиков! За советский народ! За нашу славную партию! — ответили ему голоса.

Партизаны с аппетитом принялись за вкусный обед. Подошло время сменять посты. Гавриил Мацкевич, Чернов, Маслов и другие взяли оружие.

— Смотрите, товарищи, будьте начеку, — предупредил я их и, сев на лошадь, поехал проверять посты.

На площадке под нежные звуки вальса кружились десятки пар. Вдруг на середину круга вышел «эсэсовец». Волосы зачесаны на сторону, под носом маленькие усики, широкие галифе засунуты в сапоги.

— Гитлер! — закричали партизаны.

И вправду, ряженый был похож на Гитлера. Я узнал в нем своего адъютанта Малева. Он изображал, как Гитлер руководит своей армией, как, надувшись, мечтает вступить в Москву, как потом, обмотав тряпкой голову и придерживая штаны, бежит прочь от Москвы, подбирается к Сталинграду, затем, придавленный, еле выкарабкивается оттуда и истерически кричит, что уничтожит всех русских. От истерики он, усталый, засыпает, и ему снится новое оружие; проснувшись, лихорадочно шарит за пазухой и, достав оттуда веревку с петлей, замертво падает.

Громкий смех прокатился по площадке. Несколько рук

подняли Малева, он сорвал усики, зачесал назад волосы, скинул немецкий мундир и стал снова партизаном.

— Замечательно, Коля! — кричал его друг Назаров.

— Ведь ты прирожденный артист, где учился? — весело тряс руку Малева комиссар.

— В Ленинграде, в кружке самодеятельности занимался.

— А ты попробуй здесь организовать такой кружок, — предложил Родин. — После войны в артисты попадешь.

— Не выйдет. Повеселить товарищей — одно, а быть артистом — другое, — покачал головой Малев.

А я все ходил по лагерю. На сердце у меня было хорошо. Только вчера люди сражались, смотрели смерти в глаза, а сегодня веселятся, радуются, обо всем забыли. Что-то предстоит им завтра?..

Вот прозвучал красивый тенор Шешко: «Реве тай стогне Днипр широкий…» Песню подхватили. Привольный напев украинской песни плавно лился по весеннему бору.

Старинную песню сменила партизанская:

Песня любимая, песня моя,
Встретишь другую едва ли,
Вместе с тобой побеждали в боях,
Вместе с тобой отдыхали…

На площадку вышли Жардецкий, Коско и Каледа. Возле них собрались запевалы. Жардецкий прищурил глаза, положил руки на плечи Коско и Каледы и негромко запел:

Этих дней не смолкнет слава.
Не померкнет никогда:
Партизанские отряды
Занимали города.

Старая любимая песня напомнила военные походы. К певцам присоединился комиссар. Спели «Варяга», «Ермака». Потом другая группа запела сложенную самими партизанами песню:

У старушки в хате, на каминке,
Бледно догорали смоляки,
Мать, глядя на тлеющие угли,
Думу думала в тиши.
Три сынка, три верных патриота,
Дрались с немцем, жизни не щадя,

На фронтах — два милых голубочка,
Третий сын — ушел в леса.

Так проводили праздник Первое мая партизаны, пока дежурный по лагерю не подал команду: «Отбой!». Нехотя разошлись по шалашам.

Лагерь погрузился в глубокий сон. На страже стояли высокий лес, чуть растревоженный мягким дуновением южного ветерка, и партизанские часовые, зорко охраняющие сон своих товарищей.

Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего был 2 мая отпечатан на пишущей машинке в трехстах экземплярах.

Партизаны вышли в села, чтобы обнародовать приказ. Главной трудностью, как и раньше, оставалась связь с Минском.

Мы вызвали Анну Воронкову.

— Анна, в Минск поедешь?

— Конечно, — ответила она. — Листовки отнести?

— Да. Но ведь с каждым днем в Минск все труднее проходить.

— Зато и мы с каждым днем все опытнее, — возразила она.

Воронкова ушла и вскоре вернулась, одетая, как городская жительница. В руках у нее была плетеная корзинка. На дно мы положили листовки, прикрыли их тонким слоем сена, затем положили полтора десятка яиц и кусок сала, завернутый в немецкую газету, а сверху опять сено. Мы снабдили ее также и пропуском на обратный путь. Это было необходимо, так как иногда случалось, что связных одного отряда задерживали партизаны другого отряда и, пока шла проверка, проходило много времени. Поэтому каждый отряд снабжал своих людей пропусками с печатью отряда. Образцы пропусков имелись во всех соседних отрядах. Свой пропуск связной оставлял на последнем пункте партизанской зоны, а при возвращении вновь забирал его с собой. Для связных, приходящих из гарнизонов противника, мы оставляли пропуска на контрольных пунктах.

Тщательно осмотрев снаряжение Анны, я разрешил трогаться в путь. Анна села в подводу. Чернов и еще один партизан должны были доставить ее на последнюю заставу в деревню Озеричино.

Через два дня Чернов с товарищем возвратились. Они привезли с собой незнакомую женщину.

— Галина Киричек, — протянула она мне руку и улыбнулась темно-карими цыганскими глазами.

— Киричек, — повторил я. — Нет, я хоть и не видел вас, а знаю…

О Гале мы с комиссаром уже много слышали. Ей около

тридцати лет, полная, с крупными чертами лица, одета скромно — в юбке и жакете, затянутом шнурком, в черных туфлях, на плечи наброшен серый шелковый платок с бахромой. Голову обрамляют черные как смоль волосы — будто и впрямь цыганка. Говорит с резко выраженным украинским акцентом.

Галя кратко рассказала про себя: муж — командир Красной Армии, до войны они жили около Бреста, с первых дней войны расстались; судьба его неизвестна. После занятия немцами западных областей Белоруссии Галя сама сожгла все свои вещи: «Уси попалила, щоб воны гадам не попали» — и, переехав в Минск, поселилась в оставленной эвакуированными минчанами комнате. Минское подполье привлекло Галю к партизанской работе.

Когда мы остались одни, Галя доложила, что руководитель подпольной группы на заводе имени Мясникова инженер Красницкий просит назначить встречу 20—25 мая.

— А он сумеет выйти из города? — спросил я.

— На два дня сможет отлучиться, — подтвердила она. — Так и велел передать вам.

Я назначил Красницкому встречу на 23 мая в партизанской зоне, в деревне Песчанка. Начальник штаба Луньков выписал Галине и Красницкому пропуска. Отдохнув, Галина выехала утром, нагруженная продуктами и листовками.

В это время мы с начальником штаба и комиссаром составляли новый план выхода диверсионных групп на железнодорожные магистрали. Ближайшая железная дорога была в сорока километрах от нас — это Минск — Бобруйск, а в восьмидесяти километрах — Минск — Барановичи. Диверсионные группы должны были весь этот длинный путь пройти по труднопроходимым болотам с тяжелым грузом взрывчатки. По многим местам днем идти было невозможно: вблизи гарнизоны противника.

Если раньше, когда эшелоны противника ходили со скоростью шестьдесят километров в час, было достаточно пяти-шести килограммов тола, в особенности под уклоном, чтобы пустить под откос паровоз и двадцать — двадцать пять вагонов, то теперь, когда эшелоны ходят с меньшей скоростью, приходится увеличивать заряды до двенадцати — пятнадцати килограммов и посылать больше людей. Маленьким группам легче проскочить незамеченными, но зато требуется больше времени, чтобы заложить заряд. Большим же группам труднее просочиться незамеченными, зато в случае опасности они могут вступить в бой с охраной и выйти победителями.

Посоветовавшись с подрывниками Сермяжко, Иваном

Любимовым, Шешко а другими, мы решили создать двенадцать групп по пятнадцать человек и вооружить каждую группу ручным пулеметом.

Через пять дней из Минска возвратилась Анна и привела в лес Веру Зайцеву, жену Гуриновича. Она была беременна и никак не хотела оставить Минск; много сил пришлось потратить, чтобы уговорить ее. Окинув взором лагерь, Вера спросила:

— Где мой муж?

Комиссар, поздоровавшись с ней, сообщил, что он ушел на железную дорогу подрывать вражеские эшелоны. Вера долго смотрела ему в лицо, затем тихо проговорила:

— Может, погиб? Скажите. Я хочу знать правду, какая бы она ни была…

Малев повел ее к женщинам, а мы с комиссаром позвали Анну в штабную землянку. Она рассказала, что руководитель подпольной группы инженер Матузов также хочет встретиться со мной и просит, чтобы Анна принесла побольше антифашистских листовок. Матузов сообщил, что в Минске усилился террор. Родин подробно расспрашивал Анну и записывал новые факты для листовок.

Я выбрал то, что могло интересовать Центральный Комитет партии и военное командование, и послал радиограмму в Москву. 10 мая 1943 года получил ответ:

> «Вышлите группу в район озера Палик для встречи группы Козлова, которая направляется в ваше распоряжение».

Встречать группу вышли партизаны во главе с Малевым. Через несколько дней Малев привел прибывших.

— Кто из вас Градов? — спросил один из них.

Я отозвался.

— Капитан Козлов, Александр Федорович, с шестью бойцами прибыл в ваше распоряжение, — четко отрапортовал он и показал рукой на стоявших чуть в стороне шестерых молодцов.

Я подошел к ним и поздоровался. Прикладывая руки к пилоткам, они представились: Иван Сидоров, Михаил Маурин, Павел Грунтович, Гавриил Щетько, Иван Шевченко, Иван Сабуров.

— Газет принесли? — спросил комиссар.

— Принесли, и книг целый мешок, — ответил Козлов и стал угощать нас папиросами.

Я всматривался в загорелое, мужественное лицо Козлова, блестящие черные глаза. Из-под расстегнутой телогрейки сверкал орден Красного Знамени.

Вскоре мы с комиссаром ближе познакомились с Козловым и

его бойцами. Большинство из них были белорусы, уроженцы окрестностей Минска, с первых дней войны воевавшие на фронте. Козлов рассказал, что бойцы прошли боевую подготовку для партизанских действий.

— Двенадцатого мая тысяча девятьсот сорок третьего года вылетели самолетом на запад. Из-за шума моторов «Дугласа» почти не было слышно слов. Бойцы объяснялись главным образом жестами.

Темнело. Самолет набирал высоту. Чувствовалось приближение линии фронта. В ушах слышался треск — это от разреженного воздуха; где-то в стороне блеснули луч прожектора и зарево пожара. Уклонились влево, и больше ничего не было видно. Но вот инструктор, сопровождавший десантников, сообщил, что линия фронта позади. Самолет стал снижаться. В воздухе находились уже пятый час. По времени должны быть у места назначения. Но самолет идет все дальше. Смотрим вниз. В стороне вправо — большие костры. Вспоминаю сигналы. Это наши, сомнений нет.

Самолет разворачивается и идет на снижение. Внизу блеснула вода — это озеро Палик. Вот сирена-гудок — приготовиться. Подходим к обеим дверям дружно, двери открыли. Холодной сильной струей хлестнул воздух. Высота четыреста метров. Мы приготовились к прыжку. Три частых гудка — это значит «Пошел!». И мы, как горох из мешка, один за другим вывалились из дверей самолета и через двадцать пять секунд были уже на земле… Два дня отдыхали на базе бригады «Дяди Коли», а четырнадцатого мая выступили на соединение с вами. В пути встретились с вашей группой, — закончил Козлов.

Комиссар попросил Козлова рассказать, как живет Москва, как трудятся советские люди…

Козлов стал рассказывать. Партизаны, затаив дыхание, слушали и радовались, что рабочим удалось эвакуировать ценнейшее оборудование фабрик и заводов из районов, занятых противником. Партизаны долго расспрашивали Козлова о «катюшах», о новых танках, самолетах. Партизаны-москвичи опасались, нет ли разрушений в столице, и называли улицы, даже дома.

— Теперь уже гитлеровская авиация не осмеливается показываться над Москвой, — закончил свой рассказ Александр Козлов.

Мы решили, что вновь прибывшие товарищи должны провести беседы с крестьянами, и утром они вместе с нашими партизанами и комиссаром отправились по деревням.

К полудню в лагерь вернулся Меньшиков.

— Задержали немецкого полковника и офицера-летчика, — доложил он.

— Где?

— В деревне. Приехали они на грузовой машине вместе с женщинами и двумя детьми. Полковник, насколько я понял, требует, чтобы его отвели к командиру.

— Поезжай и привези его, — сказал я.

Меньшиков вскочил на коня и поскакал обратно. Я нашел Карла Антоновича, и мы вышли за линию лагеря.

Спустя некоторое время послышался гул мотора, а вскоре показалась и машина. На ступеньках кабины по обеим сторонам с автоматами в руках стояли Леоненко и Назаров. Я поднял руку, и машина остановилась. Открылась дверца, вышел немецкий полковник. Он был в новенькой форме.

— Гутен таг, камараден! — приложил он руку к фуражке.

С другой стороны кабины вылез с автоматом через плечо капитан немецкой авиации. Он также по-военному отдал честь. Карл Антонович сказал им, что я командир отряда. Летчик молча отдал автомат. Полковник начал снимать с себя пистолет, его примеру последовал и летчик.

Я спросил, что они намерены делать. Добрицгофер перевел мой вопрос и, сразу же повернувшись ко мне, сказал:

— Они больше не хотят воевать за Гитлера и поэтому сдают оружие.

— Передай, что тех, кто добровольно переходит на нашу сторону, мы не обезоруживаем, — сказал я.

Карл Антонович перевел, а я наблюдал, какое впечатление произведут на них мои слова. Я с расчетом оставил им личное оружие, чтобы они больше верили нам. Два немца, вооруженные пистолетами, все равно опасности для нас не представляли.

Слушая Карла Антоновича, полковник становился спокойнее. Своими тонкими пальцами он сжал мою руку и начал что-то быстро говорить, но, вспомнив, что я не понимаю по-немецки, повернулся к Добрицгоферу.

— Полковник говорит, что не ошибся, веря в советских людей. Он благодарит вас за доверие, — переводил Карл Антонович.

Полковник и летчик слегка поклонились. Полковник опять начал говорить и показал на кабину машины. Только теперь я увидел двух смуглых женщин. Одна из них была очень красива. Там же были два взъерошенных малыша.

— Полковник говорит, что привез двух женщин-евреек и надеется, что партизаны их приютят, — сказал Карл Антонович.

В знак согласия я кивнул головой и пригласил всех в лагерь.

Партизаны подходили поближе, рассматривая неожиданных гостей.

Мы расположились в шалаше. Добрицгофер спросил, не хотят ли немцы пообедать. Они отрицательно покачали головами. Полковник достал свои документы и начал рассказывать.

Ему в 1943 году исполнилось сорок пять лет. Его отец был офицером. Сам он участник первой мировой войны на русском фронте; потом кончил военную академию. До осени 1942 года руководил в Гамбурге противовоздушной обороной, потом был переведен в Минск на ту же работу. В Минске ему пришлось побывать в Тростенецком лагере смерти, видеть массовые казни, и он понял, что является слепым орудием преступников. Начал искать выход. Как начальник противовоздушной обороны он имел доступ всюду. Зайдя в гетто, он встретил там свою гамбургскую знакомую Эльзу. Она призналась ему, что хочет бежать к партизанам, и попросила его помощи. Она говорила с ним столь откровенно потому, что знала его близко и верила, что он не выдаст. И он, конечно, не выдал ее СД. Но сначала запретил ей и думать о бегстве.

— Спроси полковника, почему он не разрешал ей бежать к партизанам, — попросил я Добрицгофера.

Карл Антонович перевел мой вопрос.

Полковник ответил, что боялся. Думал, партизаны убьют ее. Но когда над Эльзой и ее сестрой нависла угроза расстрела, полковник решился любой ценой спасти их.

— Почему он спас их? Ведь фашисты тысячами расстреливают евреев, — спросил я.

Когда Добрицгофер перевел мои слова, полковник покраснел. Он пояснил, что не является нацистом и их человеконенавистническая идеология ему чужда. Он сказал, что любит Эльзу и поэтому решил спасти ее.

Я поинтересовался, как он познакомился с летчиком.

Летчик кратко рассказал. Ему дали задание разбомбить деревню, но, разведав, что там нет военных объектов, он прилетел с бомбами обратно. Командир подразделения назвал его ослом и отправил в Минск на расследование. Летчик рассказал об этом полковнику, и они долго откровенно говорили друг с другом.

— Как они выехали из Минска? Пусть подробно расскажут, — сказал я Карлу Антоновичу.

Полковник рассказал.

Узнав, что эсэсовцы готовятся к погрому, они решили действовать. У полковника был шофер, которому он мог довериться, но тот находился в командировке. Тогда он вызвал дежурную машину, пригласил из подразделения летчика, и они

оба поехали в гетто. Там взяли женщин и детей, и машина выехала на шоссе.

Шофер оказался членом гитлеровской организации молодежи. Он начал было предупреждать об опасной близости партизан, но полковник приказал ему молчать и ехать дальше. Как только машина свернула с шоссе на проселочную дорогу, шофер бросил руль и пытался бежать. Тогда полковник пристрелил его, сам сел за руль, и они приехали в деревню, где их и задержали наши разведчики.

Летчик рассказал, что его брат, майор, служит начальником снабжения соединения, находящегося на орловском направлении. Брат нацист. На мой вопрос, знает ли он, где находятся военные склады, летчик сообщил, что может их показать на карте, так как не раз бывал там.

Я показал немцам на отведенный для них шалаш и отпустил их. Затем позвал Малева и приказал организовать охрану, но так, чтобы не бросалось немцам в глаза. Потом пригласил женщин. Сначала они сильно волновались, но вскоре успокоились, а через некоторое время один из мальчиков уже забрался к Карлу Антоновичу на колени. Женщины рассказали то же, что и офицеры. Затем, помолчав, Эльза заговорила особенно горячо и быстро.

— Что она говорит? — спросил я Карла Антоновича.

— Она сказала, что полковник культурный и очень хороший человек, что она знает его с детства, что в его семье нет ни одного нациста. Она беспокоится, не будут ли партизаны мстить близкому ей человеку.

— Ничего ни с ним, ни с ней не случится. Поясни им, что мы воюем против фашизма, а не против немецкого народа, — сказал я.

Женщины, выслушав, поклонились и вышли.

— Как ты на это смотришь? — спросил я Карла Антоновича.

— Весьма все необычно, но, мне кажется, провокацией не пахнет, — отвечал он. — Мы еще раз проверили документы полковника и капитана. Они не вызывают сомнения.

Я написал обстоятельную радиограмму в Москву. Вскоре получил дополнительные вопросы. Вызвал полковника и снова опросил его. Материалы опроса сообщил в Москву. Получил распоряжение — обоих немцев держать отдельно и ждать указания.

Вблизи шалаша немцев мы поселили Карла Антоновича, Назарова и Леоненко, чтобы те следили за ними. Оба офицера скоро освоились в лагере. Полковник начал усердно изучать русский язык.

Через несколько дней он пришел ко мне и поздоровался по-русски, а затем попросил переводчика. Вызванный Добрицгофер перевел мне его слова. Полковник просил поверить ему, что не только любимая женщина заставила его прийти к нам. Это решение постепенно зрело в течение ряда лет, и только теперь он его осуществил.

Прошло еще немного времени. И вот снова у меня полковник со словарем в руках. Вместе с ним и летчик.

— Как решите мой вопрос? — по-русски спросил полковник.

— Какой вопрос?

— Пустите меня воевать, нельзя без дела сидеть, — перелистывая словарь и подбирая нужные слова, сказал он.

— Воевать вам не придется, а без дела вы, как вижу, не сидите: изучаете русский язык; это вам пригодится. Читали ли вы русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого?

Полковник понял мой вопрос, но ответить у него не хватило слов. Я позвал Карла Антоновича. Он перевел ответ полковника: тот говорил, что читал, но мало, и в свою очередь спросил, читал ли я Шиллера и Гёте?

— Ты ему скажи, что Гёте, Шиллера, Гейне и других немецких классиков у нас читают даже школьники.

Полковник ответил, что Гейне у них читать запрещено, но он этого поэта тоже ценит и любит.

— Когда я ехал сюда, к вам, партизанам, в моей памяти вновь и вновь всплывали две строки Гейне:

Gibt es meiner neuen Liebe,
Oder soll es Tod bedeuten?..[2]

Вдруг горячо заговорил летчик Ганс.

— Ганс говорит, — переводил Карл Антонович, — что он только здесь, в России, понял, какой чумой является фашизм, как он подрывает культуру не только других наций, но даже и самого германского народа. Ганс считает, что он очень виноват перед русскими, хотя воевал против своей воли. Теперь он хочет искупить вину, просит, чтобы его пустили на боевые операции.

Я внимательно посмотрел на летчика и подумал: «Не собирается ли он удрать?»

— А вы знаете, как опасна партизанская война? — спросил я.

— Знаю, — ответил капитан, выслушав перевод Добрицгофера.

— Но я не боюсь и в борьбе докажу, что я не нацист.

— Хорошо, — сказал я. — Усольцев возьмет его.

Как только Карл Антонович перевел это, Ганс сорвал со своей

головы фуражку и погоны и бросил их под ноги.

— Раньше мы думали, что Москва будет нам могилой, а теперь хотели бы стать достойными такого почета — попасть в Москву.

Тогда я достал из сумки радиограмму и попросил Карла Антоновича перевести ее. В радиограмме говорилось, что как только будет возможность, немецких офицеров переправят на самолете за линию фронта. Полковник принялся расспрашивать о Советском Союзе, а Ганс благодарить за то, что его возьмут на задание.

Впоследствии я убедился, что не ошибся, пустив немецкого летчика на боевую операцию. Ганс до последнего дня пребывания в отряде добросовестно выполнял все распоряжения командиров и, хорошо зная порядок несения немцами охраны, во многом помог нашим подрывникам. Он оказал помощь и Карлу Антоновичу в составлении и переписке воззваний к немецким солдатам.

Спустя три месяца я получил радиограмму с указанием доставить немецкого полковника, летчика и прибывших с ними женщин в Червенский район, куда за ними прибудет специальный самолет.

В последний вечер пребывания немцев в нашем лагере мы с комиссаром пришли к ним в палатку. Полковник уже довольно хорошо говорил по-русски. Он прочитал нам из Пушкина:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу…

Ганс, узнав, что на днях их отправляют в Москву, пошел к подрывникам. Он тепло и сердечно прощался со своими новыми друзьями — партизанами группы Ларионова.

2

Ночью меня разбудил адъютант Малев. Он говорил негромко, стараясь не потревожить спавшего рядом комиссара:

— Товарищ командир! Срочное донесение!..

Зыбкое пламя зажигалки освещало его лицо и шевелящиеся губы:

— В Песчанку прибыли люди из Минска.

— Двое?

— Да. Мужчина и женщина. Прикажете лошадь оседлать?

— Двух! И комиссар поедет. Я сам разбужу его…

Малев ушел. Он унес с собой неяркий свет зажигалки, и ночь показалась мне еще более темной. Я толкнул рукой створки окна. В землянку ворвалась прохлада, потянуло приятным запахом смолистой хвои.

— Как ты думаешь, это Галина и Красницкий? — приподнявшись, спросил комиссар. Оказывается, он не спал.

— По-видимому, они. Едем! — ответил я.

Мы вышли из землянки. В темноте негромко позванивали стремена оседланных Малевым лошадей.

Мы вскочили в седла… Отдохнувшие лошади бежали резво. Иногда снизу от земли вылетали короткие искры. Это подковы лошадей высекали огонь о камень.

Ночь стояла теплая, пахучая. Такие бывают в Белоруссии обычно в конце мая. Казалось, что под этими яркими звездами нет войны, что мирно и тихо отдыхают в селах люди после трудового дня.

Где-то слева и справа от дороги должны были быть деревни, но ни одного огонька не видно: идет второй год войны, и у людей нет керосина…

— Смелая эта Галина. Молодец! — проговорил комиссар, поравнявшись со мной. Мне почему-то показалось, что он улыбается. — Помнишь, как она со своими вещами расправилась: «Уси попалыла, щоб воны гадам не попали…»

Приехав в Песчанку, мы быстро разыскали дом, где остановились товарищи из Минска. Галина представила нам своего спутника и снова, как в день нашей первой встречи, улыбнулась.

— Ну что ж, приступим к делу, — наморщив лоб, предложил Красницкий. — Я доложу обстановку, если что неясно — спрашивайте.

Простое добродушное лицо инженера располагало. Он старался держаться по-военному, говорил коротко и случайно

оброненное «доложу обстановку» выдавало в нем человека, знакомого с армейской жизнью.

На заводе имени Мясникова ремонтировали вагоны и паровозы. Красницкий хорошо знал устройство и оборудование завода. Рассказывал он просто, но убедительно, с необходимым минимумом технической терминологии, понятной людям и не работавшим на заводе.

Сразу стало ясно, что сердце завода — это колесно-механический цех. Здесь были сосредоточены три специальных токарных станка фирмы «Дортмунд», карусельный станок «Кинг», второй карусельный станок французского производства, пресс мощностью до шестисот тонн и другое ценное оборудование.

— Присмотрелись к заводским рабочим? — спросил я.

— Народ разный, — не сразу ответил Красницкий. — В большинстве люди новые. Судьба привела на завод железнодорожников из Белостока, Бреста и других городов западных областей Белоруссии. Также есть люди, не имевшие раньше ничего общего с заводом и вообще с железнодорожным транспортом. Они работают только ради того, чтобы избежать угона в Германию. Осталось несколько кадровых рабочих, пришли некоторые специалисты с других заводов. Эти и «учат» новичков, как нужно работать. На отремонтированных нами колесах далеко не уедешь. Завод работает не на полную мощность. Вредим оккупантам сколько можем: практикуем переточку под посадки центров колес вагонных осей, неправильно изготовляем шестерни для кранов, допускаем переточку поршневых колец, оси колес выпускаем с кривизной. Шеф завода Фрике не специалист. Когда обнаруживается недоброкачественная работа, я ему объясняю это отсутствием квалифицированных рабочих. Рабочие часто «болеют», помогают свои врачи. Про это вам, наверное, рассказывали Гуринович и Воронков.

— Рассказывали… Значит, хотите взорвать оборудование колесно-механического цеха?

— Да. Если мы выведем из строя этот цех, то выпуск продукции прекратится… Но нам потребуется взрывчатка…

Красницкий внимательно посмотрел на меня, потом на комиссара и, словно стесняясь своей просьбы, добавил:

— И порядочно. Хватит ли ее у вас?

Я улыбнулся. Время, когда мы были стеснены в боеприпасах, миновало. С Большой земли нам регулярно доставляли на самолетах взрывчатку, оружие, боеприпасы. Наш отряд был хорошо оснащен. Сразу же подумал: «Надо будет рассказать об этом не только Красницкому. Пусть наши люди, оставшиеся в

тылу врага, знают, что страна помнит о них и делает все, чтобы у них было чем воевать с врагом».

По взгляду, который бросил на меня Родин, я понял, что такая же мысль пришла и ему. Он сказал Красницкому:

— Дадим столько, сколько нужно… Видимо, подпольные группы слабо информированы о том, как помогает нам страна. А ведь труженики тыла проявляют большую заботу о партизанах Белоруссии. С Большой земли мы систематически получаем оружие и боеприпасы, продовольствие и одежду, обувь и медикаменты, литературу, даже рации. Вот восьмого мая «Советская Белоруссия» опубликовала письмо трудящихся Чкалова и Медногорска белорусским партизанам. В нем говорится, что на средства, собранные жителями этих городов, приобретены и посылаются в дар партизанам Белоруссии звено самолетов, сорок пять винтовок, три автомеханические мастерские, продукты, аптечки, белье, обмундирование.

> «Трудящихся городов Чкалова и Медногорска, — говорилось в этом письме, — отделяет от вас, наших братьев и сестер — белорусских партизан и партизанок, огромнейшее расстояние, но, несмотря на это, мы чувствуем неразрывную, кровную связь с вами.
>
> Наш боевой союз прочен и непоколебим. Доблестные успехи белорусских братьев — это наши успехи. Наши трудовые успехи и победы — это ваши победы»[3].

— Как видите, дружба народов советской страны является могучим источником непобедимой силы партизан в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Расскажите об этом людям. Тогда у них будет больше уверенности в победе… Ну а со взрывчаткой умеете обращаться?

— Член нашей группы Григорий Подобед служил в саперных частях. Он с этим делом знаком. Справимся…

— А если прислать его к нам на пару деньков? На переподготовку. А?

— Очень хорошо. Подучит тогда и других.

Мы назначили срок взрыва завода. Трудность состояла в том, что завод работал в две смены. Взорвать станки в рабочее время нельзя — пострадает много людей. Значит, нужно найти человека, который сможет пройти на завод в нерабочее время, в перерыве между сменами. А завод усиленно охраняется. Как проникнуть в цех?

— Я постараюсь достать пропуск, — сказал Красницкий и пояснил: — Директор завода Фрике — человек недалекий, в производстве ничего не смыслит. Больше всего боится, как бы его

на фронт не угнали. Мне он доверяет. Через него я получу круглосуточный пропуск…

— Нет ли возможности организовать на заводе вторую подпольную группу? — спросил комиссар.

Красницкий подумал и твердо ответил:

— Хороших людей много. Попытаемся. Да есть ли нужда в этом?

— Безусловно! Ведь как могут развернуться события? Предположим, диверсия осуществлена, оборудование взорвано. Кого потянут в СД? Разумеется, тех, кто работал на этих станках. Значит, этим товарищам и их семьям необходимо тотчас же после взрыва оставить город. Все подозрения надо будет направить на них… А новая группа уже в цеху. Ясно?

— Пожалуй, правильно. Новая группа будет готовить новую диверсию. Так?.. Только как доставить тол в город?

— А он уже там. Вот командир объяснит…

Я дал Красницкому пароль и адрес Бориса Петровича Велимовича, которому мы недавно переправили партию взрывчатки.

Красницкий и Галина заторопились: пора собираться в обратную дорогу.

— Как у вас с документами? — поинтересовался комиссар.

— Въезд и выезд из города, насколько нам известно, контролирует СД…

— Э-э! — махнул рукой Красницкий и рассмеялся: — Пустяки. Документы они мне сами выдали. Есть пропуск, с которым я уже ездил в Слуцк за продуктами. Есть и такая штука… — И Красницкий вынул из кармана железнодорожную повязку.

Мы условились о новой встрече. Я еще раз предупредил Красницкого и Галину: действовать разумно, осторожно, беречь себя и, если на кого-либо из членов подпольной группы падет малейшее подозрение, немедленно со всей семьей уходить в отряд.

Александр Козлов и его товарищи быстро освоились и начали ходить на задания. Уже работавший ранее в тылу противника (в кампанию против белофиннов), Козлов за короткое время успел и здесь отличиться: с группой подрывников пустил под откос два эшелона, недалеко от Минска разбил две легковые машины. Одновременно, вместе с Меньшиковым, он искал человека, через которого можно было бы узнать, когда и куда ездит Кубе, кого он посещает, как он охраняется. Эти данные были нужны отряду для приведения в исполнение приговора белорусского народа над

Кубе. Нужен был также человек энергичный, хорошо знающий Минск, но которого мало бы знали в городе. Такого у нас в отряде не оказалось. Тогда я послал радиограмму в Москву. Через несколько дней получил ответ, что необходимого человека в ближайшее время пришлют.

И вот возле деревни Песчанка ночью закружил самолет. Из него выпрыгнули три парашютиста и было выброшено семь парашютов с грузом. Москва прислала нам еще две рации и радистов Губарева и Янковского. Третьим был Иван Андросик.

Только что улетел самолет, как со стороны Минска вновь послышался гул моторов. По звуку узнали: немецкие. Неожиданно над приемочной площадкой повисла осветительная ракета. Послышался свист падающих бомб. Вздрогнула земля. Один самолет отделился от звена и начал бомбить деревню. Со звоном посыпались стекла в окнах. На дыбы становились испуганные лошади. От бомбы загорелся сарай. На улице начал собираться народ. Мы успокоили людей и бросились тушить пожар.

Рассвело. Возле догоравшего сарая я увидел Андросика и взял его под руку. Перебрались в лагерь и там поговорили.

Андросик до войны работал старшим преподавателем в Минском Краснознаменном танковом училище. В первые дни войны с училищем эвакуировался в глубь страны.

— В городе меня никто не знает, так как мало в нем жил. Есть у меня в Минске родственники, думаю их разыскать… Разве в Минске нет ваших подпольщиков? — спросил он.

Я подумал: стоит ли новому человеку, еще не знающему местных условий, рассказывать о наших людях и смогут ли они в чем-либо помочь ему. Вспомнил, что у нашей поварихи Марии Сенько два брата жили в Минске на нелегальном положении. Много раз Анна и Максим Воронковы и Гуринович искали их, но тщетно. И я рассказал о них.

— Если не найдете родственников, сможете ли еще у кого-нибудь остановиться в городе? — спросил я.

— Я думаю, найду, — коротко ответил Андросик.

Он подробно расспросил у Марии Сенько, где нужно искать ее братьев Владимира и Константина, что им надо сказать. Через два дня Андросик выехал на задание. До Озеричино партизаны отвезли его на подводе, оттуда Хадыка завез Андросика к Исаеву в совхоз «Сеница», а Исаев организовал ему переход в Минск.

Вместе с Андросиком мы послали Анну Воронкову, чтобы она к назначенному сроку привела в условленное место руководителя подпольной группы Матузова. Через два дня я, Малев и Чернов выехали на лошадях в Колодинский лес близ Минска. К утру

достигли леса и, осмотрев местность, остановились на восточной опушке, стали ждать.

«Придет или не придет?» — думал я. Было уже около двенадцати часов. Беспокойные мысли лезли в голову: «Целы ли еще наши работники? Не попалась ли Анна в дороге эсэсовцам?»

Вот со стороны деревни Распутье показалась Анна. Она шла медленно, осматриваясь кругом. Когда она приблизилась к нам, в ста метрах позади нее показался мужчина.

— Здравствуй, Анна! — бросился я ей навстречу.

Подошел Матузов, высокий, стройный блондин. Я сразу узнал его по описаниям товарищей. Мы присели под сосной.

Матузов рассказал о себе. Он уроженец Витебской области. В 1918 году вместе с отцом вступил в сельскохозяйственную коммуну «Свобода». Потом Кузьма Лаврентьевич выехал в Витебск и работал на заводе. В 1921 году поступил в Белорусский государственный политехнический институт. С первых дней войны — на фронте. Тяжелораненым попал в лагерь военнопленных. С незажившими ранами бежал и кое-как добрался до Минска, где при помощи знакомых нашел свою семью.

— Ну, а о том, как я связался с вашими партизанами, вы сами знаете, — закончил Матузов.

— Как ваша группа?

— Увеличивается понемногу, — ответил Матузов и охарактеризовал некоторых, недавно принятых в группу минчан.

Больше других беспокоила нас Феня Серпакова — связная между Матузовым и полковником Соболенко из «корпуса самообороны». Я подробно расспрашивал о ней.

— Женщина она надежная, только чересчур смелая, — как-то неопределенно отозвался он о ней.

— Чересчур? Чересчур смелая, — значит, неосторожная, — повторил я. — А это большой недостаток для подпольщика.

— Я давно ее знаю. А в подполье без риска нельзя. Из всей группы лишь я один знаком ей, и если ошибся, то поплачусь один, — закончил Матузов.

Он помолчал, видимо, вновь и вновь взвешивая все, что было известно о Фене Серпаковой.

— Она только что сообщила, — нарушил молчание Матузов, — что полковник «корпуса самаховы» Соболенко передаст партизанам два бронированных автомобиля. Так называемые «самооборонцы» хотят себя реабилитировать.

— Соболенко вас знает? — спросил я.

— Феня ничего про меня не говорила.

— Тогда хорошо… В «корпусе самообороны» есть своя

подпольная группа, в ней состоит начальник штаба, майор, — сказал я, имея в виду майора Евгения. — Вы оставайтесь в стороне, а Серпакова пусть работает с ним. Надо добиться, чтобы весь «корпус самообороны» перестал служить оккупантам. Пусть Соболенко как начальник отдела пропаганды сделает так, чтобы каждое подразделение знало о перешедших на нашу сторону «самооборонцах». Мы со своей стороны тоже постараемся.

— Сделаем, — кивнул головой Матузов. — В моей группе еще два новых члена — женщины. Они работают в СД.

Я недоуменно посмотрел ему в лицо. Он улыбнулся:

— Вас пугает их место работы? Но ведь мы выполняем ваше же требование — подпольщики должны всюду иметь своих помощников… Так ведь? Мы помним также, что разные советские люди разными путями приходят к активной борьбе. Вот, например, Капитолина Гурьева. В начале войны она решила податься в глубь страны. По дороге насмотрелась, как немцы с самолетов бомбили и расстреливали бегущих женщин и детей. Уйти далеко не успела и вернулась в Минск. Город разбит, работы нет. Походила, походила без работы, да жить как-то надо. Пошла на биржу труда. Немцы видят — девушка молодая, хорошенькая, чистенькая, послали ее в столовую. Когда Гурьева пришла на работу, то только тут поняла, куда попала, но уходить уже было поздно.

Матузов опять помолчал немного.

— Теперь Гурьева живет со мной в одном доме. Придя раз домой, я застал ее у жены плачущую. Расспросил. Она больше не хотела работать на оккупантов и решила лучше покончить с собой, чем видеть их кровавые дела. Я подумал, что это провокация, и вместе с женой начал следить за ней. Подозрительного ничего не было. К нам Капитолина стеснялась больше заходить, но видно было, что мучается она. Вскоре она познакомилась с такой же одинокой девушкой, как и она, Ульяной Козловой. Я их проверял два месяца. И вот однажды поговорил с Капитолиной откровенно, сказал, что не умирать надо, а мстить фашистским извергам. Дал ей почитать ваше воззвание. Печальные глаза девушки сразу прояснились. Она крепко пожала мне руку: «Теперь я нашла свою дорогу, можете рассчитывать на меня, и за свою подругу, Ульяну, я ручаюсь».

Я верил Матузову, он произвел на меня впечатление человека с большим жизненным опытом, умеющего распознавать людей.

— Еще раз проверь и действуй, — сказал я.

— С их помощью эсэсовцы полетят у нас в воздух, — проговорил Матузов и попросил взрывчатки.

Подрывного материала в городе было мало. У Велимовича

имелся тол только для группы Красницкого. Забирать маломагнитные мины у Мурашко тоже не следовало: он сам в них остро нуждался. Оставалась только Василиса Гуринович, она доставила тол в Минск, но где сейчас находится этот тол, я не знал.

— Придется обождать, — сказал я. — Со взрывателями могу ознакомить сейчас. — И я достал тол, маломагнитную мину и капсюли.

Вскоре Матузов хорошо усвоил несложную науку и остался доволен минами.

— Эти маломагнитки для нас прямо сокровище. Положил мину — и точно знаешь, когда она взорвется.

— Получите и маломагнитки, и тол, — заверил я его.

Затем мы условились о новом пароле, с которым к Матузову придет наш человек указать, где взять взрывчатку, и мы простились.

В лагере было оживленно. Несмотря на ранний час, партизаны не спали. Возле огороженного жердями скота суетился потный Иосиф Коско.

— Откуда этот скот? — спросил я начальника штаба.

— Только ты уехал, как разведчики сообщили, что около Белой Лужи на ночь остановились немцы, которые угоняют захваченный у жителей скот. Медлить было нельзя, и я послал Меньшикова с группой партизан. Убив двух гитлеровцев и семь полицейских, они принесли их оружие и пригнали пятьдесят восемь коров.

Я приказал выяснить, у кого из крестьян близлежащих деревень отняты коровы, и возвратить их крестьянам.

Возни с распределением отбитого у грабителей скота нам хватило дня на три. Около сорока коров осталось в лагере.

Через пять дней из Минска вернулся Андросик. Ему посчастливилось: он разыскал своего родственника Николая Фролова, у которого и пробыл эти дни. Фролов помог ему найти братьев Сенько; они нигде не работали. Однако их документы были вполне исправны. Братья хотели уйти в отряд, но Андросик посоветовал им остаться в городе и следить за Кубе. Они охотно согласились. У Владимира и Константина Сенько не было оружия, они попросили дать им пистолеты и гранаты.

Андросику не удалось найти людей, которые непосредственно соприкасались бы с генеральным комиссариатом, где работал Кубе. Он был очень расстроен.

— Не переживай, задачу ты уже выполнил немалую. Условился в отношении связи? — спросил я.

— Для связи с отрядом в деревню Озеричино из Минска

придет связная Катя Карпук. Группа, я думаю, будет действовать. Может быть, и я еще вернусь в Минск. Правда, в последний день за мной начали следить какие-то субъекты, пришлось заметать следы. Неужели меня узнали? — задумался Андросик.

Меня вызвали из шалаша, и я увидел перед собой незнакомого плотного, широкоплечего мужчину средних лет. Его светлые глаза пытливо изучали меня, словно старались заглянуть в душу.

— Григорий Подобед. От Красницкого.

— Приехали получиться? Вы со взрывчаткой работали?

— Приходилось. Хотя теперь в этом деле много нового. Подучиться не мешает.

— Кто будет взрывать? Сами?

— Да.

— Тогда вот что. Подрывники наши отдыхают. Познакомлю позже. А сейчас пойдемте обедать. Расскажите мне о минских делах…

Мы шли по узкой лесной тропинке. Партизанский лагерь дремал. Вернувшись с ночного задания, партизаны отдыхали. На крышах землянок сушились сапоги, в шалашах видны были автоматы. Вкусно пахло свежим хлебом.

— А вы живете добротно, — похвалил Подобед. — Фашисты в городе наклеили листовки: «На кочках, мол, сидят партизаны, оборванные, грязные…» А у вас тут баня, парикмахерская, пекарня…

— По-разному бывает, по-разному. Бывает, что и похуже, чем на кочках, — сказал я. — Интересно, что они наклеят после вашей операции?.. Кстати, у вас все готово, чтобы уйти после взрыва? Кто еще должен покинуть город?

— Юрий Вислоух и Виктор Глинский. Это мои помощники в механическом. А может, и не понадобится? — с сомнением протянул Подобед. — Посмотрим, как там будет…

— Напомните Красницкому, что это приказ, — строго сказал я. — Семьи переправить на день раньше…

Подобед по-военному отрапортовал:

— Есть! Будет выполнено!..

Он прожил в лагере недолго. Подрывники ознакомили его с новыми минами. Он быстро усвоил все и мог теперь сам научить подрывному делу других.

В тот день, когда Подобед собирался возвращаться в Минск, мы снова встретились.

— Словно заново родился, — сказал он. — Здесь чувствуешь себя хозяином. А там — раб. Стоят над тобой с палкой… «Рус, рус, давай!» Быстро они этому научились, сволочи…

Лицо его вдруг потускнело.

— И радуешься, и болит сердце… Какие станки в цехе, вы бы посмотрели, товарищ командир! — Подобед задумался.

— А взрывать надо, ничего не поделаешь!

Я проводил Подобеда до границы лагеря. Он говорил мне о своих товарищах, о своем отце — старом мастере завода. Говорил с таким воодушевлением, что мне на какой-то миг показалось, что Подобед забыл о партизанском лагере, думает, что возвращается после работы домой и мирно беседует с товарищем о заводских делах…

Я слушал его и верил: задание он выполнит отлично.

2 июня 1943 года в лагерь прибыли Григорий Подобед, его отец и помощники, вместе с ним работавшие в механическом цехе, — Юрий Вислоух и Виктор Глинский. Первый из них ушел из города вместе с семьей.

— Удачно? — спросил я Григория.

— На станках нашего цеха никто уже больше не сможет ремонтировать фашистам колеса для вагонов. А какие станки были! На этом заводе я проработал двадцать лет. Помню, как их установили. У карусельного станка «Дортмунд» сам работал. Сколько радости было тогда! Ведь мы заплатили за него тридцать тысяч рублей золотом, а за «Кинг» — пятьдесят тысяч. А теперь своими руками… — ответил отец Григория, сжав кулаки.

Стоявшие вокруг партизаны молчали. Многим вспомнились первые пятилетки, когда капиталисты за оборудование драли с нас по три шкуры.

— Нельзя иначе, отец, — сказал я. — Ведь на этих станках ремонтировались вагоны, которые везли на фронт снаряды, пушки, танки — смерть нашим воинам, горе и слезы мирным людям, женщинам, старикам, детям.

Мы с Подобедом ушли в мою землянку, и здесь он подробно рассказал, как был осуществлен первый крупный взрыв в Минске.

После того как Подобед возвратился из нашего лагеря в Минск, группа Красницкого начала готовиться к взрыву. Красницкий и Глинский взяли взрывчатку у Велимовича и принесли ее на квартиру Красницкого.

— Куда положим? — забеспокоился Глинский.

— Спрячем в развалившемся доме, — сказал Красницкий.

В это время неожиданно в дверной замок вставили ключ и повернули его. Оба товарища оцепенели. Дверь открылась, вошла хозяйка дома Елизавета Петровна Сумарева. Красницкий поспешно сунул развязанный пакет под кровать, мысленно проклиная себя за оплошность.

— Что прячешь, Георгий? — строго спросила Елизавета Петровна.

— Да так, хлам, — буркнул Красницкий.

— Ты не считай меня наивной. Я давно догадываюсь, что вы что-то готовите. Один раз подметала твою комнату, смотрю, в самом углу прогнулась доска, я ее нажала, а под ней что-то белеет. Глянь, а это листовка. Прочитала ее, обрадовалась — наша. Не хотела нарушать после этого твоего спокойствия, ничего не сказала.

— Так вот ты какая, Петровна! — Красницкий схватил ее в объятия и поцеловал.

— Вы от меня можете скрывать или не скрывать, — улыбнулась она, — это ваше дело, но, если нужна будет помощь, можете рассчитывать на меня.

— Хорошо, Петровна. Здесь у нас взрывчатка, не знаем, куда ее положить, — еще не оправясь от волнения, сказал Георгий.

— Если доверяете мне, я спрячу ее так, что ни одна фашистская собака не найдет, а сами сможете в любое время взять, — предложила Сумарева.

Красницкий вопросительно посмотрел на Глинского, закрыл дверь и, достав из-под кровати пакет, вручил его хозяйке.

Она спрятала тол на чердаке в голубятне.

Вечером собрались все члены подпольной группы и обсудили, как пронести взрывчатку на завод. Эту работу взялись выполнить Глинский, Подобед и Красницкий. Тол был разделен на три равные части. Чтобы Глинский и Подобед не заходили на квартиру Красницкого, Елизавета Петровна передала им тол в условленном месте.

В обеденный перерыв пронести на завод взрывчатку было невозможно: в будке торчал сам начальник охраны, и охранники тщательно всех обыскивали. Надо было поступать иначе.

Рано утром, пристроив под ремень брюк четыре шашки тола, Красницкий застегнул пиджак, посмотрел в зеркало — все в порядке. Широкими шагами он вышел из дома. Подойдя к заводу, Красницкий немного обождал у контрольной будки и, когда подошли Подобед и Глинский, открыл двери.

В будке находились два эсэсовца, в стороне сидела огромная овчарка. Проверили документы, один эсэсовец скользнул руками по карманам Красницкого, а тот спокойно заговорил с ним по-немецки о том, что видел сейчас вблизи завода двух подозрительных людей и опасается: не партизаны ли?

Эсэсовцы так же бегло ощупали карманы Подобеда и Глинского и выскочили из будки осмотреть прохожих. Трое друзей прошли беспрепятственно в цех. Принесенный тол

Красницкий спрятал в станине станка.

И вот наконец мины заложены. В каждой мине по два капсюля. Если один не взорвется, взорвется второй. Но теперь весь вопрос в том, когда взорвать. В рабочее время — погибнут свои. Остаться незаметно на ночь? Но вечером эсэсовцы обходят все цехи с собакой. Подобед в то время работал в утреннюю смену.

— Может, неделю обождем? — спросил его Красницкий.

— Не могу больше ждать, да и опасно: вдруг обнаружат.

Уходя после работы домой, Подобед сказал Красницкому:

— Готовь утром семьи к выходу в лес.

Рано утром Вислоух, Глинский с семьями и старик Подобед вышли за город.

Григорий Подобед шел по улице неторопливо — так меньше волнуешься. Каждый шаг — новые мысли.

Все ли предусмотрено? А вдруг мины обнаружены? Ерунда! Красницкий предупредил бы… А что, если в цехе охранники? Ничего, смелее, Григорий! Помнишь, что говорил комиссар? «Разумно и осторожно!» Значит, так и поступай сегодня…

Подобед подошел к контрольной будке и открыл дверь.

Охранники удивленно посмотрели на часы, внимательно прочли протянутый пропуск. Придирчиво ощупали карманы.

Подобед был спокоен:

— Ремонт. Арбайт. Шеф Фрике приказал!..

Охранники закивали головами. Да, да! Шеф давал такое указание. Это хорошо, что рус аккуратен, служба фюреру требует аккуратности.

Подобеда пропустили. Он не спеша пересек двор.

Войдя в цех, поднял светомаскировочные шторы на окнах. Подошел к станку. Все в порядке. Нет! Надо закрыть двери… Только он подумал об этом, как в цех вошли эсэсовцы…

Большая собака, оскалив пасть, бежала к нему.

Подобед похолодел при мысли о возможном провале. «Неужели пронюхали? Или кто предал?.. Пистолет? Эх, не успею достать из сапога. Собака не даст…»

Овчарка стерегла каждое его движение, злобно рычала.

Пальцы машинально чиркнули спичку. Подобед закурил, хотел было опереться о станину, но, почувствовав под рукой масленку, решил смазать станок.

Он делал это старательно, беззаботно насвистывая песенку. А губы повиновались плохо, вместо свиста получалось какое-то шипение.

Эсэсовцы подходили медленно, и Григорий с облегчением

вздохнул: «Утренняя проверка». Он засвистел увереннее, старательнее начал тереть паклей станину. Деланно улыбнулся:

— Смазываю. Работать будет лучше, гут!

— Гут! Гут!

Обойдя цех, эсэсовцы ушли. Подобед подождал немного, потом подошел к двери. Тяжелые кованые сапоги стучали уже далеко.

Он запер дверь. Закурил. Затем приподнял крышку, нашел фитиль зажигательной трубки, приложил к ней горящую сигарету. Убедившись, что фитиль загорелся, подошел к станку Глинского и сделал то же самое.

Посмотрел на часы — до взрыва осталось двадцать минут. Все выполнено. Теперь уходить. Открыть окно и прыгнуть…

Еще давно, когда отец приводил его на завод, подросток Гриша Подобед иногда через окно вылезал из цеха на железнодорожное полотно, убегая отсюда прямо в поле. Вот и сейчас он должен проделать этот путь…

Он встал на подоконник, открыл окно, осмотрелся. Никого не видно.

Подобед последний раз обвел глазами цех. Сердце его сжалось от боли. Здесь он начинал свою трудовую жизнь. Все так знакомо и привычно. Ряды станков… Залитый маслом пол… Григорий придет сюда после победы. Он поставит новые станки, и все будут работать на благо народа.

Подобед, взяв в правую руку пистолет, просунул голову в квадрат оконной решетки. Потом плечи…

Сколько раз мальчиком легко проскальзывал он через эти переплеты! Почему же теперь они стали такими узкими?

«Черт возьми, вырос же я с тех пор! Эх, об этом и не подумал! В мышеловке! Все пропало! Что делать?» Вдруг пришла мысль: «Стать бы теперь мальчиком! Всего на одну лишь минутку!»

Григорий рванулся, напрягая все силы. В глазах потемнело, боль, как ножом, резанула плечи, легким не хватило воздуха.

И вдруг дышать стало легче. «Ура! Вылез!»

Он оттолкнулся от подоконника и спрыгнул на землю…

Пройдя овраг, Подобед свернул влево и пошел через поле. Дойдя до канавы, по краям которой росли березки, остановился передохнуть. Еще раз взглянул на часы:

«Время! Сейчас детонаторы сработают!» Он смотрел в сторону завода. Уже поднималось солнце. Даль была затянута сероватой дымкой тающего тумана.

Золотом отсвечивали окна его цеха. Вон они, в том углу здания. И вдруг из этих окон метнулось неживое белое пламя, вырвался, клубясь, черный дым. Глухой грохот нарушил тишину

летнего утра…

Подобед быстро зашагал к синеющему впереди лесу. Там его ждали разведчики отряда.

После диверсии Красницкий продолжал работать на заводе. Взрыв был сильный: вылетели окна и двери, повредило крышу, развалилась стена. Большие куски чугуна от разрушенных станков валялись кругом. О восстановлении станков нечего было и думать.

В городе много говорили, что на заводе имени Мясникова взорван цех, а иные утверждали, что взорван весь завод. Немцы расклеили по городу большие плакаты, где объявлялась премия в 200 тысяч рублей тому, кто поможет разыскать лиц, совершивших диверсию на заводе. Премия эта так и осталось невыданной.

Когда все участники этой диверсии были отправлены в лес, Красницкий посоветовал своему шефу Фрике проверить, кто из колесного цеха в отпуске. Фрике похвалил Красницкого за преданность интересам Германии и позвонил в СД. Когда работники СД, побывав у Глинского, Подобеда и Вислоуха, увидели оставленные квартиры, они решили, что диверсию совершили эти трое, и ранее арестованный рабочий Зубин был вскоре освобожден.

Красницкий начал создавать на заводе новую подпольную группу. В нее вошли кладовщица Кунцевич, фрезеровщик Маньковский, бухгалтер Линкевич и рабочий Бурак.

Спустя месяц после первого взрыва комсомольцы токарь Шиманский и слесарь Кухта, работавшие от бригады «Дяди Васи» — Воронянского, — в воскресенье взорвали готовый к выходу паровоз и передвижной мост, соединяющий вагонные цехи. Красницкий еще до этого узнал от своих людей, что Шиманский и Кухта ведут антифашистскую работу; они же о нем ничего не знали.

Шиманский и Кухта после диверсии ушли в отряд, а Красницкому пришлось отложить на несколько дней взрыв дополнительной котельной, который он подготовил совместно с Маньковским. Эта операция была совершена ими только в конце сентября. Котельная должна была вступить в строй с наступлением холодов и давать пар кузнечному цеху. Красницкий принес мину в соседнее с заводом помещение, а оттуда по крыше она была доставлена в котельную и заложена под котлом.

Взрыв произошел ночью, котел был выведен из строя. Однако немцы делали вид, что на заводе ничего не случилось. Между тем они усилили слежку за всеми русскими: подсылали шпионов, следили за их квартирами. И все же подпольные группы оставались неуязвимыми.

После того как была организована группа инженера Жигало, Красницкий решил уйти в отряд. Зная, что СД, как правило, арестовывает людей в их жилищах, он за месяц перед уходом переехал из квартиры Сумаревой на другую квартиру.

И вот однажды к Сумаревой нагрянули работники СД. Они тщательно перевернули и обшарили все в комнате Красницкого, но ничего не нашли. Красницкий, предупрежденный Сумаревой, на работу не пошел и через два дня был в отряде…

Григорий Подобед, Глинский и Вислоух были включены в группу подрывников. Уже через два дня они пошли с Любимовым на железную дорогу уничтожать вражеские эшелоны.

Женщины помогали на кухне, а отец Григория быстро подружился с Коско. Они где-то нашли наковальню, и старый металлист начал ремонтировать повозки, делать гвозди для ковки лошадей.

И боевая и трудовая жизнь в лагере била ключом. Теперь каждый день на железную дорогу выходила одна из групп подрывников. Родин вместе с радистами ежедневно принимал сводки Совинформбюро, печатал их и через разведчиков и связных распространял среди населения.

3

Вечером я вызвал Михаила Гуриновича, и мы поехали в деревню Песчанка на очередную встречу с его сестрой.

Василиса вместе со Степаном Хадыка прибыли почти без опоздания. Моросил дождик, и мы вошли в избу.

— Привезли хорошие новости, — снимая дождевик, сказала Василиса. — Встречалась с майором Евгением, он познакомил меня с Феней Серпаковой. Она давно около «самооборонцев» вращается… Почему вы мне об этом раньше не сказали? — и Василиса погрозила мне пальцем. — Майор Евгений подготовил два броневика для перехода к вам. Их экипажи — это бывшие наши военнопленные, насильно загнанные в «корпус самообороны». Я говорила с ними, и они обещали выехать в следующую пятницу. Надо нам успеть исправить мосты в партизанской зоне. Они просят встретить их на шоссе Минск — Слуцк, южнее Валерьян; пароль «Волк», отзыв «Овец не режем».

— Как ведет себя Соболенко? — спросил я.

— Хочет свою шкуру спасти. Работает с нами потому, что чувствует близкий крах гитлеровцев.

— А майор Евгений?

— С ним дело сложнее: он кажется искренним. Во всяком случае воли у него гораздо больше… А Феня — настоящая сорвиголова. Вчера ей нужно было встретиться с Соболенко. Она пошла к нему домой, там его не оказалось. Тогда она пошла прямо в штаб «корпуса самообороны». А ведь в штабе всяких людей полно…

— Да, это безрассудно, — подосадовал я и спросил: — А вообще, что она за женщина?

— И смелая, и надежная, — уверенно ответила Василиса. — Если попадется — не выдаст.

— Верю вам, Василиса Васильевна, но ей, очевидно, нужно постоянное руководство.

— Необходимо, — поддержала Василиса и продолжала рассказывать новости: — Кое-что узнала про Кубе. Он опять стал ездить в свою резиденцию — совхоз «Лошица»; обычно приезжает туда по воскресеньям утром; весь день рыбачит и собирает ягоды. Но там взять его трудно. Охрана — сильнейшая. А в городе всегда вереница машин его сопровождает, причем все машины одинаковые и трудно узнать, в какой сидит этот гад…

— А дорога из Минска в совхоз открытая? — раздумывая, спросил я.

— Да. Нет ни одного кустика, вокруг сплошные поля, кое-где,

правда, к дороге подходят посевы озимых, они уже поднялись.

— Где вы храните ту взрывчатку, которую я вам дал в прошлый раз?

— Хорошо спрятана в городе. А что, понадобилась?

— Отдайте ее Фене Серпаковой. Она знает, кому отнести. Только предупредите ее, чтобы не бегала с толом по городу, и пусть познакомит вас с руководителем группы.

— Будет выполнено, — заверила Василиса Васильевна. — А на заводе Мясникова славно поработали!

— Раненые есть?

— Ни одного, — ответила Василиса, и я почувствовал еще больше уважение к подрывникам.

— А арестованные?

— Есть один.

— Кто такой? — стараясь не выдать своего волнения, спросил я.

— Зубин.

Мне сделалось легче. Красницкий не упоминал такой фамилии. Значит, в группе предательства нет.

Я простился с Василисой Васильевной и уехал в лагерь, а Гуринович остался с ней.

В лагере я разыскал комиссара, передал ему услышанное от Василисы Васильевны.

— Нужно попробовать захватить Кубе, — спокойно сказал он. — Пойду я сам.

— Нет, Иван Максимович, без тебя найдутся люди. Разве ты не доверяешь нашим партизанам?

Мы долго выбирали, кого послать. Здесь нужно было быть человеком не только смелым и находчивым, но и хладнокровным, способным трезво оценить обстановку. Послать на эту операцию многих мы не могли. Им негде будет укрыться. Наконец остановились на Козлове.

— Маленькая группа Козлова лучше сможет действовать, — сказал комиссар.

Мы позвали Козлова и развернули перед ним карту.

— Сможете на этой дороге уничтожить три легковые машины? Но только так, чтобы ни один пассажир в них не остался живым. Местность открытая. Пойдете маленькой группой.

Брови у Козлова сдвинулись. Несколько минут он молча изучал карту.

— Сделаю все, что смогу, — просто ответил он.

— По этой дороге обычно ездит Кубе, — тихо сказал Родин.

— Как ящерица, буду ползти, но выполню задание, — оживился Козлов.

— В бойцах своих уверен? — спросил комиссар.

— Как в самом себе!

— Итак, решено: в пятницу вечером необходимо быть на месте. — Я встал и подал Козлову руку.

На подготовку оставалось два дня, а дорога была далекая — восемьдесят километров.

Под вечер ко мне в шалаш, где находился и комиссар, пришел Козлов с четырьмя партизанами своей группы. Все вооружены автоматами и маузерами, на поясе у каждого по две гранаты. Мы внимательно осмотрели оружие и обмундирование. Все было в безупречном состоянии. Партизан ждали запряженные лошади, чтобы провезти их через партизанскую зону.

Подводы тронулись. Мы с комиссаром проводили отъезжающих. За лагерем простились.

— Здесь мой орден и письмо семье. Если не вернусь, после войны домой перешлете. Не вскрывайте, пока не убедитесь, что я погиб. — И Козлов вручил мне пакетик.

— На счет этого будь покоен, Александр Федорович… — напутствовал я его, но голос мой сорвался, и я замолчал.

— Мы знаем, куда идем, — сказал Козлов и пожал нам руки.

Он сел на подводу и, схватив у возницы кнут, ударил по лошадям. Мы вернулись в шалаш, сели за стол и несколько минут молча смотрели на лежащий перед нами аккуратно перевязанный пакет Козлова — его завещание… Утром меня разбудил Андросик:

— Пришла из Минска Катя, — доложил он. — От Фролова, связная.

— Катя Карпук, — отрекомендовалась она звонким голосом.

Восемнадцатилетняя девушка с тонкими чертами продолговатого лица, румяными щеками, голубыми глазами, темно-русыми волосами, Катя произвела на нас впечатление боевой и смышленой девушки.

Разговорились. Катя передала нам слова Владимира Сенько о том, что они ждут оружие и хотят действовать в ближайшее время. Они собираются уничтожить офицеров СД.

— Каким образом? — спросил я.

— Способ найдут! Ребята толковые. Ведь уже год живут нелегально, и никто их не может поймать, — гордо ответила она.

— Выдержанные хлопцы, голову в петлю без нужды не сунут, — подтвердил и Андросик.

— Хорошо, дадим им пистолеты. А сумеете доставить оружие в город?

— Доставлю, — уверенно тряхнула головой Катя.

— Если схватят, замучают… — начал я.

— Зачем вы мне об этом говорите, я сама знаю. — Лицо девушки покраснело: ей показалось, что в ней сомневаются. — Постараюсь, чтобы не схватили, а на всякий случай научите меня стрелять.

«Кажется, Катя не из тех, которые бросают слова на ветер», — подумал я и спросил, удалось ли ей поступить на работу. Оказалось, что нет…

— Братья Сенько нигде не работают, и вы тоже… Как же живете?

— Много ли нам нужно! — проговорила девушка, и легкая тень смущения пробежала по ее лицу.

Я оглядел ее потрепанный жакет, выцветшее ситцевое платьишко. Было ясно: Катя, как и братья Сенько, жила тем, что продавала вещи. Но ведь этого надолго не хватит… Вместе с ней и Андросиком я пошел на склад выбрать оружие. В город нужно было послать уже испытанное, абсолютно безотказное, чтобы в критический момент оно не подвело.

Верхом на лошадях мы выехали из лагеря на небольшую поляну и здесь стали проверять выбранные нами пистолеты. Отобрали три самых лучших.

Теперь Кате нужно было возвращаться. Я подал ей приготовленный пакет с двадцатью тысячами марок.

— Это передайте Владимиру Сенько. А он уже будет знать, как распорядиться…

Я тревожился: сумеет ли она доставить в город пистолеты, пятьсот патронов к ним, деньги и воззвания — и для большей безопасности направил ее через переправочный пункт Исаева. Дал его адрес, она собрала все в один узел, и Чернов повез ее в Озеричино… Оттуда Хадыка доставит Катю в совхоз «Сеница».

К Валерьянам в назначенный срок я выслал сильную группу Усольцева для встречи «самооборонцев». Через два дня группа возвратилась ни с чем.

— Как резал волк овечек, так и режет по-прежнему, — намекая на пароль, выругался Усольцев.

На следующий день утром прибыла Василиса Васильевна. Лицо ее было посеревшим, измученным… Я понял, что случилось несчастье.

— Погибли, все до одного погибли! — со слезами проговорила она.

— Неужели предательство?

— Убеждена в этом. Но как узнать, кто предатель?

— Расскажите по порядку, что вам известно, — попросил я.

— Все было подготовлено и предусмотрено до мелочей, —

рассказывала Василиса Васильевна. — Шоферы броневиков завели моторы и выехали на дорогу. Здесь их встретили три танка и открыли по ним огонь. Броневики не сдались, начали бой. Они подбили один танк, но остальным удалось поджечь броневики. Тогда солдаты выскочили из броневиков и стали кидать в танки гранаты… Ни один из солдат не сдался живым.

— А Соболенко?

— Соболенко сам приехал потом на место боя… — ответила Василиса Васильевна.

— А вам не кажется, что Соболенко ведет двойную игру? — спросил я ее.

— Его я не подозреваю… Ведь он сам предложил эти броневики!

Я задумался. Весь экипаж погиб… Как узнать теперь, с кем они сговаривались. Может, Соболенко, желая доказать немцам свою преданность, сам состряпал провокацию?

— Держитесь с Соболенко настороже, — сказал я Василисе Васильевне. — Пусть с ним работает только Феня Серпакова, но вы и ее предупредите…

— Конечно, предупрежу, — кивнула она.

— Нет ли у вас новостей из совхоза «Лошица»? — спросил я. — Мы послали туда товарищей, но они почему-то долго не возвращаются.

— Ничего нового не слышала. Если бы Кубе был убит, я бы знала. Сведения о поездках Кубе в Лошицу были точные.

— Люди направлены смелые, закаленные, они не пропадут, — успокоил я Василису, и мне самому от этих громко сказанных слов стало немного легче.

Василиса Гуринович пошла обратно в Минск.

Они возвратились грязные, усталые и сильно обросшие, с потемневшими лицами. Впереди шел Козлов. Я поспешил ему навстречу. Остановившись в трех шагах, он отрапортовал:

— Товарищ командир, вся группа прибыла в лагерь, — затем приумолк и упавшим голосом закончил: — Задание не выполнено. По указанной дороге нужные нам машины не проезжали.

— Успокойся, Александр Федорович, не ты же в этом виноват, — сказал я и спросил: — Почему так долго задержались?

— Не могли раньше, — ответил он и смущенно спросил: — Вы письмо мое не раскрывали?

— Нет, конечно.

— Хоть это хорошо! — обрадовался он.

Они умылись, привели себя в порядок. Затем собрались в

моем шалаше. Тут мы с комиссаром и узнали подробности похода.

От Озеричино они пошли пешком между Михановичами и Колодищами. Чуть было не наткнулись на полицейских, но, быстро сманеврировав, ползком перебрались через железную дорогу и замели свои следы.

С наступлением темноты группа достигла деревни Большое Сцыклово, находящейся в полукилометре от лагеря смерти Тростенец. Иван Сидоров пробрался в деревню и постучал в окно крайней избы. Приготовив автомат, стал ждать. В дверях показался пожилой мужчина. Сидоров вызвал его во двор и спросил, есть ли в деревне немцы. Немцев не было, но стоял полицейский гарнизон.

Брать проводника было опасно: проводник мог оказаться предателем; вокруг много гарнизонов противника, отпустишь проводника, а он донесет… Тогда трудно будет ускользнуть.

Сидоров вернулся к товарищам. Группа пошла дальше. Идти ночью по незнакомой местности, среди вражеских гарнизонов было нелегко. Шевченко, шедший первым, слегка стукнулся лбом о какую-то постройку. Все сразу залегли. Услышали фырканье лошадей, неподалеку послышался немецкий говор. Стало ясно, постройка эта — немецкая конюшня.

Тихонько поползли в сторону, в темноте нарвались на проволочное заграждение. Козлов пополз вдоль забора и, найдя пролом, провел всю группу.

От ползанья по сырой земле промокла одежда, партизаны сильно озябли. Ускорили шаг. Минск в восьми километрах, а кто в ближайших деревнях — неизвестно. Шевченко и Грунтович пошли в разведку и огородами вывели товарищей.

Впереди Красное Урочище — военный городок оккупантов. Обойти его невозможно: слева непроходимое болото и река Свислочь.

— Пойдем краем, — прошептал Шевченко.

Козлов приказал спрятать автоматы под тужурки. Долго раздумывать не приходилось: скоро рассвет. Козлов предупредил: не допускать ни малейшего шума, в любую минуту быть готовыми к бою.

Козлов и Сидоров шли впереди: то и дело останавливались, присматривались и прислушивались. Мысль одна — не наскочить в темноте на часового или патрулей: тогда все пропало. Но обошлось благополучно. В одном месте им удалось в шестидесяти метрах проскочить мимо часового и выйти на западную окраину Красного Урочища. Идти стало легче. Гарнизон остался позади. Быстрым шагом группа вышла к деревне Малявка. Опять провели

разведку. Все спокойно. Без шума прошли и эту деревню. Следующая деревня Дворище. Здесь ночевали немцы. Козлов с группой осторожно обошли Дворище и вышли к Свислочи. Уже недалеко и совхоз «Лошица» — место их задания.

Вот уже начало светать, а идти еще с километр. Здесь, пожалуй, самый опасный участок пути. А тут со стороны военного городка Козырево, что в пятистах метрах от них, одна за другой взлетели три ракеты. И партизанам пришлось ползком добираться до реки. Берега покрывал густой туман. В болотах кричали какие-то птицы. Раздеваться было некогда, и партизаны по вязкому берегу бросились к воде.

Грунтович и Шевченко поплыли на другой берег, за ними Бачила, Козлов и Сидоров.

Выбравшись из реки, партизаны сели, вылили из сапог воду. Мокрые, прозябшие, они упорно двигались вперед. Перед ними свекольное и помидорное поля, рядом проходило шоссе.

Здесь требовалась еще большая осторожность. Партизаны без малейшего шума подошли к шоссе и залегли.

Козлов быстро нашел подходящее для засады место. Это был небольшой малинник. Здесь, видимо, была когда-то яма для картошки, но она давно обвалилась и заросла малиной. От шоссе она находилась в восьми метрах: бросать гранату отсюда было бы очень удобно.

Скоро вся группа перебралась в яму. Козлов определил каждому место и задачу. Всех трясло от холода. Хотелось курить, но об этом не могло быть и речи, да и табак отсырел.

По шоссе прошла охрана. Со стороны совхоза послышался лай собак и мычание коров. Начался день.

Козлов поднял голову и вздрогнул: над его головой висели спелые ягоды. Если кто-нибудь придет их собирать — все пропало. Козлов от обиды прикусил губу. Как он раньше об этом не подумал? Перебираться в другое место было уже поздно.

Козлова беспокоило еще и то, что они по росе прошли через огороды. Значит, оставили след. А может, их заметил сторож? От этих мыслей Козлову стало жутковато. Он посмотрел на лежавших рядом товарищей. Они зорко следили за дорогой и прислушивались.

Где-то недалеко гудели моторы. Когда же, наконец, нужные им машины свернут с шоссе в Лошицу?

Поднявшееся солнце высушило одежду партизан, но от неподвижного, напряженного лежания начали ныть мускулы.

Было около полудня, когда партизаны услышали позади себя немецкий разговор. Козлов повернул голову и вытянул перед собой пистолет. Сердце сильно билось. К яме приближались

патрули из резиденции Кубе, они решили полакомиться малиной. На счастье партизан, солдаты только с краю сорвали несколько ягод и повернули обратно.

Пять часов вечера, а машин все нет. Неужели не приедут?

Стемнело.

— Не приехал в субботу, приедет в воскресенье, — сказал Грунтович.

— Должен приехать, — уверенно добавил Козлов.

— Куда теперь пойдем? — спросил Шевченко.

— Пока не уложим палача Кубе, никуда отсюда не пойдем, — процедил сквозь зубы Козлов.

Партизаны закусили, потом, залезая под плащ-палатку, стали по одному курить. Попеременно спали. Вот Грунтович захрапел, и Бачиле пришлось толкнуть его под бок.

Козлов отправился искать новое место для засады. Среди свеклы он обнаружил воронку от бомбы. Дно ямы заросло травой. Правда, яма находилась от шоссе не менее чем в двенадцати метрах, и это не очень нравилось Козлову, но выбирать было некогда, а оставаться в малиннике опасно. Партизаны перебрались на новое место.

Снова рассвело. Начало пригревать солнце. Хотелось пить, а воды не было. Сегодня, как и в субботу, взад и вперед шныряли машины. Но тех, которых они ждали, — все не было.

Просидели до темноты, и Козлов, посоветовавшись с товарищами, решил укрыться где-либо в деревне и подождать до следующей субботы.

Партизаны уничтожили следы своего пребывания здесь, сделали знаки, по которым могли узнать, был ли кто в яме за время их отсутствия, и ушли к Свислочи. Добравшись до воды, все всласть напились, затем нашли брод, перебрались на другую сторону. Пришли в деревню Малявки. Шевченко и Грунтович пошли в разведку и возвратились обрадованные: в деревне противника нет.

Соблюдая меры предосторожности, партизаны зашли во двор школы, расположенной на краю деревни. Уже рассвело. Козлов тихонько постучал в ставни окна. Двери открылись, и показалась пожилая женщина; посмотрев на изнуренные лица партизан, на мокрую и грязную их одежду, она ахнула.

— Мы партизаны, — поспешил успокоить ее Козлов, — просим приютить нас.

— Входите, — коротко ответила женщина и посторонилась, пропуская партизан.

Входя последним, Козлов закрыл за собой дверь и осмотрелся. Здесь было чисто и уютно. Козлов, грязный и

обросший, почувствовал себя неудобно. Не решаясь подать руку хозяйке, он только поклонился и назвал свою фамилию.

— Советский партизан, капитан Александр Козлов.

— А я учительница этой школы Нина Яковлевна Бернатович. Вижу, что свои люди, — спокойно сказала женщина. — Вас надо спрятать, да?

— Вы одни? — спросил Козлов.

— Живу с дочерью Тамарой, она комсомолка.

— Чердак свободен?

— Загромождён старыми вещами.

— Я думаю, что никто не видел, как мы сюда зашли, — улыбнулся Козлов. — Если не возражаете — мы останемся у вас.

Нина Яковлевна открыла дверь в сени. Там стояла лестница, по которой партизаны поднялись на чердак. Здесь были свалены сломанные школьные скамейки, у окна валялись два разбитых глобуса и стояла старая школьная доска.

Нина Яковлевна принесла ведро воды, миску, мыло и чистое полотенце. Партизаны, помывшись, тут же моментально уснули. Охранять сон своих товарищей остался Козлов.

Он осмотрел местность. Деревня небольшая. С одной стороны было видно Красное Урочище — военный городок оккупантов, с другой — деревня Дворище. Там тоже были гитлеровцы.

Сзади дома протекала Свислочь, а за ней, если хорошо присмотреться, можно было увидеть дорогу, возле которой двое суток просидели партизаны.

Козлов задумался. Им предстояло пробыть здесь пять дней. Кругом вражеские гарнизоны. Если кто-либо видел, как партизаны вошли в школу, и сообщит об этом немцам, он и товарищи погибнут наверняка. Козлов опять посмотрел в окошко. «Что это?» — сердце его замерло. По дороге из Дворищ двигался отряд полицейских. Козлов стал будить своих товарищей. Долго теребил Бачилу, но, и проснувшись, тот не сразу сообразил, где находится.

Шевченко и Грунтович в одном конце чердака из сломанных скамеек устроили баррикаду и скрылись за ней. Сидоров спрятал ведро, миску и засыпал сухой землей место, где умывались. Укрывшись за сваленными скамейками, все приготовились к схватке. Козлов напряженно следил за полицейскими.

Вот они вошли в деревню, поговорили с какой-то женщиной и начали ходить по дворам. Трое полицейских отделились от остальных и повернули к школе.

Заскрипела дверь, послышался топот ног и шум от сдвигаемых с места парт.

— Неужели они остановятся здесь?.. — прошептал Козлов.

В этот момент на лестнице послышались шаги. Партизаны переглянулись. Козлов через щели увидел высунувшуюся голову полицейского.

— Есть там кто-нибудь? — послышался голос снизу.

— Здесь только старая рухлядь, — ответил полицейский.

— Все равно посмотри, — настаивал тот же голос.

— Спасибо, я на нее насмотрелся, когда еще учился в школе. — И полицейский стал спускаться по лестнице.

Как только внизу затихли шаги, Козлов подошел к окошечку. Двое полицейских медленно шли от школы к центру деревни. Туда же направлялись и другие. Вскоре весь отряд собрался и ушел.

На чердак поднялись Нина Яковлевна и ее дочь, красивая молодая девушка.

— Моя дочь Тамара, — сказала Нина Яковлевна, указывая на девушку. — Как, жутко было?

— Мы не из пугливых, — улыбнулся Козлов.

— Только не подумайте, что мы пригласили этих «гостей», — сдержанно улыбнулась Тамара.

— Что вы, что вы! — поспешил успокоить ее Козлов. — Наоборот! После этого случая у нас и тени сомнения не может быть.

— Люблю откровенных людей, — сказала Нина Яковлевна.

Сидоров, не вытерпев, спросил:

— Зачем они приходили?

— Говорят, что какие-то бандиты ночью прошли через деревню, — пояснила Тамара.

— Так почему же они ночью не преследовали, если видели? — засмеялся Грунтович.

Все улыбнулись.

— Я иду в Минск, с вами останется Тамара. В случае чего не оставляйте ее, — попросила мать.

— Будет у нас хороший опекун, — улыбнувшись, заметил Грунтович.

— Я постараюсь, чтобы вам было неплохо, — серьезно сказала девушка.

Козлов дал Нине Яковлевне марок, попросил купить в Минске кое-что из продуктов и разузнать, что делается в городе. Нина Яковлевна обещала все выполнить.

Когда мать ушла в город, Тамара принесла партизанам на чердак книги. Через час она снова поднялась на чердак и принесла горшок горячей картошки и тарелку малосольных огурцов. Пока партизаны ели, она наблюдала из окошка.

Козлов рассказал девушке о последних событиях на фронтах,

а Павел Грунтович — о делах минских партизан. Тамара внимательно слушала.

— А у вас в отряде девушки есть? — спросила она.

— Конечно, есть, — вмешался Бачила.

— Что они делают? — заинтересовалась Тамара.

— То же, что и все партизаны. Ходят в разведку, подрывают эшелоны, стреляют в фашистов.

— Примите и меня в отряд, — взволнованно проговорила девушка. — Ведь я комсомолка, что я скажу товарищам, когда нас освободят от фашистского ярма?

— Мы не из этого края птицы, Тамара, — сказал Козлов. — Мы с юга, наш лагерь далеко, а если ты хочешь партизанить, иди на север: там тоже есть партизаны, они тебя примут.

— Пойду, — очень тихо сказала девушка, скорее себе, чем им.

Пришла Нина Яковлевна и принесла хлеба.

Вечером все поужинали впотьмах, и партизаны легли спать. Ночь была тихая и звездная. Дежурные постоянно расталкивали храпевших во сне товарищей.

Прошло четыре дня. Нина Яковлевна не спрашивала у партизан, долго ли они будут у нее, но Козлов заметил, что она стала подозревать, действительно ли они те, за кого себя выдали. Вечером он собрал оставшиеся у них продукты и зашел к хозяйке.

— Вот, Нина Яковлевна, приготовьте, пожалуйста, из этих продуктов нам еды. Завтра вечером мы от вас уходим.

— Если не секрет, скажите, почему вы так долго находились здесь? — поинтересовалась Нина Яковлевна.

— Работать нам предстоит только в воскресенье, а лагерь наш далеко и ходить туда-сюда займет много времени… А что мы делаем, может, когда-нибудь узнаете, — уклончиво ответил Козлов.

— Живите, милые, сколько нужно; правда, мне показался немного странным ваш длительный отдых на чердаке, — призналась Нина Яковлевна.

В пятницу с наступлением темноты партизаны стали прощаться с хозяевами. Нина Яковлевна пожала каждому руку и поцеловала в лоб, а Тамара провела партизан безопасной дорогой к броду, который знали лишь немногие из местных жителей. Здесь партизаны простились с девушкой.

Первым в воду вошел Сидоров, за ним остальные. Перейдя брод, набрали восемь бутылок воды, оделись и потихоньку пошли к дороге. Разыскали свою яму. Козлов проверил знаки: в яму никто не заглядывал. Кое-как устроившись, партизаны стали ждать.

Рассвело. Дежурили двое, остальные лежали. Воду

экономили. Под вечер стали дежурить все. Садилось солнце. Лица партизан хмурились: неужели и сегодня Кубе не приедет? Всем мучительно опротивело лежать в яме. Хотелось пить. Бачила взял пустые бутылки, пополз к реке и набрал воды. Козлов ушел на разведку в малинник. Там было много обломанных веток, ягод почти не стало. «Должно быть, немцы больше сюда не придут», — подумал Козлов и перевел своих товарищей в малинник. Грунтович остался на посту, остальные легли отдыхать.

Утром, дрожа от холода, все проснулись. Нельзя было побегать, чтобы согреться. Даже шевелиться можно было лишь очень осторожно.

Опять начался мучительный день ожидания. По шоссе, как обычно, проходили машины, и ни одна не сворачивала на Лошицу.

Пришел вечер. В совхозе заработал мотор, партизаны вмиг взяли в руки гранаты. Между стволами деревьев показался зеленый «опель». Козлов кивком головы приказал партизанам лежать смирно, а сам потихоньку приподнялся на локтях. Машина на тихом ходу приближалась. Козлов увидел, что в машине сидит только шофер, и дал партизанам сигнал пропустить машину. «Опель» проехал мимо партизанской засады.

— Может, нужно было стукнуть? — выпалил Иван Шевченко. Чувствовалось, что от пережитого волнения ему требовалась какая-то разрядка.

— Стоило для такой мелочи так далеко идти, и столько переживать, — сердито сплюнул Грунтович. Неудача злила его.

Козлов повелительным жестом прекратил разговор, и они опять продолжали следить за дорогой.

Стемнело. Опустился туман.

— Не приехал, — каким-то чужим голосом сказал Козлов, сжимая кулаки.

— Ждем еще неделю, — с отчаянием проговорил Грунтович.

— Мы так можем просидеть, пока не примерзнем к земле, — сказал Бачила.

Козлов посмотрел на него и глухо сказал:

— Вероятно, в этот раз нам не суждено привести в исполнение народный приговор. Пойдем в отряд, а потом постараемся вернуться обратно.

Партизаны поднялись и пошли к речке, нашли указанный Тамарой брод, умылись, напились и, перейдя на другую сторону, обошли Малявки.

— Может, завернем попрощаться? — Бачила рукой указал на школу.

— Зачем зря беспокоить женщину, — сердито ответил Павел

Грунтович.

Шевченко засмеялся.

— Перестань, Иван, — угрюмо оборвал его Грунтович, и все молча пошли дальше.

Обошли Красную Слободу и подошли к военному городку Красное Урочище. Здесь залегли и прислушались. Идти второй раз мимо часовых Козлов не решался, он уже хотел обойти городок лугами, как вдруг в воздухе послышался шум моторов.

— Самолеты! Наши! — радостно прошептал Сидоров, и в тот же миг партизаны услышали яростный огонь зениток.

В городке была объявлена воздушная тревога. Гитлеровцы прятались в бомбоубежище.

— Пошли, — громко сказал Козлов, и партизаны смело прошли через Красное Урочище.

Под утро группа Козлова прибыла в деревню Большое Сцыклово. Здесь партизаны немного отдохнули и пошли дальше. 2 августа под вечер они прибыли в лагерь.

4

Партизанскому отряду, даже переросшему в крупное соединение, трудно подолгу оставаться на одном месте. Мы привыкли к тому, что время от времени приходилось уходить с насиженных мест, менять свой лагерь. Но от Минска мы никуда надолго не уходили. Точно невидимая нить — боевая задача удерживала нас вблизи белорусской столицы.

Несмотря на частые перемещения, в Центре наш отряд рассматривали как базу, куда можно забросить новые группы. В Белоруссии такую задачу выполняли не только мы. В районе озера Палик подобной базой была бригада «Дяди Коли» (П. Г. Лопатина), под Гомелем — бригада «Вперед». Хотя новые спецгруппы создавали дополнительные трудности, мы всегда радовались встрече с ними. И не только потому, что они выполняли важные и нужные задания. Нам просто по-человечески хотелось увидеть людей с Большой земли, пожать руку однополчанам, узнать, как поживает Москва и наши товарищи из бригады особого назначения НКВД СССР.

Бывало и так, перед отлетом командование пошлет кого-нибудь проведать наши семьи и тот привезет привет от родных, расскажет, как выглядят жена, дети…

Первой прилетела к нам группа майора Ивана Ивановича Домбровского, в которой насчитывалось двадцать человек. С Иваном Ивановичем я был знаком с 1930 года. Мы вместе тогда работали в Минске. Командир партизанского отряда имени газеты «Правда» П. И. Иваненко («Лихой») попросил меня, чтобы группа Домбровского разместилась у него в Червенском районе, и вновь прибывшие передислоцировались туда из нашего лагеря. Они, как и большинство чекистско-войсковых отрядов, вели диверсионно-разведывательную работу. В 1943 году около деревни Клинок в бою с карателями майор Домбровский погиб. По указанию Центра его группа, выросшая до сорока человек, перешла в наш отряд.

Летом 1943 года предложили принять «известного мне Саркисова». «Кто такой?» — думал я, перебирая в памяти всех знакомых армян.

Нет, человека с такой фамилией я не знал.

Саркисовым оказался Леон Андреевич Агабеков. Я чуть было не назвал его по настоящей фамилии, но вовремя спохватился: раз он Саркисов, значит незачем именовать его иначе. Нужно сказать, что бойцы его отряда узнали настоящую фамилию своего командира только после войны.

Леон Андреевич мне очень нравился. Внешне спокойный, даже медлительный, с тихим голосом и едва заметным акцентом, он преображался в бою и в работе: движения становились быстрыми и энергичными, голос крепчал, в нем звучали твердые и решительные нотки.

Со времен гражданской войны ведется спор, каким должен быть чекист. Одни утверждают, что ему следует всегда быть суровым и жестким, лишенным жалости и сочувствия к людям. Иначе, говорили они, он раскиснет и не сможет быть беспощадным к врагам. Агабеков был прямой противоположностью такого «идеала». Его отличала исключительная человечность. Суровость и строгость не противоречили этой человечности, а вытекали из нее.

Но многое о Леоне Андреевиче я узнал гораздо позже, когда на Ваганьковском кладбище в Москве мы опустили в могилу его гроб. Одного он с женой помирил, второго предостерег от необдуманного поступка, с третьим деньгами поделился, четвертого поселил с семьей в своей квартире не на день, не на месяц, а на несколько лет, пока тот жилплощадь не получил. Агабеков шестнадцатилетним юношей добровольно вступил в Красную Армию, воевал с белогвардейцами и интервентами, громил банды басмачей в Средней Азии, был наркомом госбезопасности в Армении. Живым и невредимым прошел Агабеков свой трудный, но почетный путь коммуниста-чекиста, и только коварная болезнь свалила его.

Теперь Леон Андреевич представил мне своего заместителя лейтенанта Михаила Лукьяненко. Заместитель был почти вдвое моложе своего начальника, но уже побывал в боях. Война его застала на границе. Лукьяненко был помощником начальника пограничной заставы Августовского отряда. Именно в эти места шел отряд Агабекова. Лукьяненко уже бывал в тылу противника.

Леон Андреевич негромко рассказывал:

— Наш отряд, мой дорогой, назвали «Вест», что по-немецки означает Запад. Такое название нам по душе, дорогой. Мне надо проникнуть в Белостокскую область, а потом и дальше, вести разведку под самым Берлином. Как, неплохо?

— Неплохо, но не легко.

— Понимаю, дорогой. А зачем мне легкое дело? Сюда добрался и до Берлина дойду. Дорога дальняя, но свои следы оставлю везде. Ты только помоги мне, дорогой. Дай проводников, свяжи с отрядами, которые собираются уходить на запад.

Эту просьбу мы выполнили.

Про Леона Андреевича Агабекова я рассказал очень кратко и лишь для того, чтобы напомнить читателю: что всех гостей с

Большой земли, старых и молодых, мы принимали не зря и не зря помогали им. Они работали и воевали с полной отдачей сил и показали образцы храбрости, самоотверженности и героизма. А без таких качеств — какой же это партизан, разведчик или подпольщик?

Через несколько дней в районе деревни Песчанка мы приняли группу в двадцать восемь человек под командованием старшего лейтенанта Александра Миронова.

Спустя три дня, согласно указанию Москвы, я выделил группу прикрытия во главе с Анатолием Шешко и направил ее в район Ганцевич Пинской области в распоряжение подполковника Кирилла Прокофьевича Орловского.

С Кириллом Прокофьевичем мы были друзьями с периода гражданской войны. Поэтому, кроме привета и пожелания успеха в борьбе с фашизмом, я написал ему письмо.

Через десять дней возвратился Шешко с группой и сообщил печальную весть о том, что Орловский тяжело ранен и самолетом отправлен в Москву, а группа Миронова поступила в распоряжение его заместителя, капитана Никольского.

Готовясь к летней кампании 1943 года, гитлеровцы гнали на фронт, к району Курской дуги, все новые и новые части.

Весной и летом 1943 года немецко-фашистское командование бросило часть шедших на фронт дивизий на проведение карательных экспедиций против белорусских партизан. Эти операции потерпели полный провал, причем многие немецкие части в упорных боях с партизанами понесли значительные потери.

Гарнизоны гитлеровцев один за другим становились добычей партизан. Расширялась партизанская территория. Летели под откос вражеские эшелоны. По указанию Центрального Комитета партии и приказу Белорусского штаба партизанского движения партизаны приступили к проведению широкой операции, получившей название «рельсовой войны».

В то время как Совинформбюро сообщало об успешно проведенных массированных операциях партизан на путях сообщения в Белоруссии, командир корпуса фашистских охранных войск центральной армейской группы доносил в ставку гитлеровского командования:

> «Партизанами впервые проведена операция небывалых размеров по срыву немецкого подвоза путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения. 6784 взрыва за первые

две ночи августа на участке корпуса».

Гитлеровские оккупационные власти прибегли к новым политическим маневрам. Чтобы сократить размах партизанского движения в Белоруссии, они предприняли попытку оторвать руками националистов белорусскую молодежь от движения советских патриотов, взять ее под свое влияние и спровоцировать на борьбу с партизанами.

Такой попыткой явилась организация так называемого «Союза белорусской молодежи» («СБМ») созданного по образцу существовавшего в Германии «Союза гитлеровской молодежи».

Кубе лично осуществлял руководство всеми мероприятиями по созданию «СБМ». Учредив при генеральном комиссариате специальный отдел молодежи, он поставил во главе его активных функционеров нацистской партии Германии Шульца и Гроземана, которых и уполномочил направлять деятельность «СБМ».

Руководящим органом «СБМ» явился центральный штаб во главе с белорусскими националистами Ганько и Абрамовой, агентами германской разведки, окончившими «школу пропагандистов» в Берлине. За свою предательскую деятельность Ганько и Абрамова были награждены фашистскими медалями.

Утвержденным Кубе уставом определялись задачи «СБМ» и соответственно им обязанности его членов. Главной задачей «СБМ» выдвигалась идеологическая обработка белорусской молодежи в духе преданности гитлеровской Германии и устанавливаемому ею «новому порядку» в Европе, подготовка молодежи к службе в германских оккупационных военных частях для вооруженной борьбы с советскими партизанами и последующего участия в боевых действиях против Красной Армии. Членам «СБМ» вменялось в обязанность выявление советских подпольных патриотических организаций. От каждого вступающего в «СБМ» бралась специальная подписка, содержащая клятву вступающего в его верности гитлеризму.

Но «СБМ», так же как и другие прогитлеровские националистические организации, оказался мертворожденным детищем, не получил сколько-нибудь заметного распространения и оказался не в состоянии осуществить нужного оккупантам влияния на белорусскую молодежь. Карательные экспедиции весной 1943 года не подорвали все разраставшегося партизанского движения. Успешное продвижение советских войск требовало посылки на фронт дополнительных дивизий, и палач Кубе оказался в тяжелом положении. У него были взяты все, какие только можно было взять, вооруженные силы, и оккупационные части в Белоруссии мало-помалу оказались в

позиции обороняющейся стороны. Ослабление своих вооруженных сил оккупационные власти пытались компенсировать политическими мероприятиями.

Серьезным политическим резервом гитлеровская администрация считала свой план обмана белорусского народа обещанием ему государственной «самостоятельности». И вот Кубе решил, что настало время для использования этого козыря. 27 июня 1943 года он издал распоряжение о создании, так называемой «Белорусской рады доверия». Вся гитлеровская печать, в том числе и печать их пособников — белорусских националистов, лезла вон из кожи, пытаясь представить «Белорусскую раду доверия» в качестве органа государственной власти белорусского народа и создать оккупантам ореол друзей Белоруссии. Оккупанты надеялись смягчить этим трюком гнев белорусского народа, парализовать его волю к борьбе с захватчиками и поссорить его с русским народом.

На открытии «Рады доверия» Кубе так сформулировал ее основные задачи:

> «Сюда относится прежде всего внутренняя готовность… бороться против большевизма».

Кубе подобрал послушный оккупантам состав «Белорусской рады доверия». В нее вошли: Ивановский, Соболевский, Гуло, Калубович, Ганько, Абрамова, Рябушко и другие агенты германского фашизма.

Деятельность «рады» сразу же была ограничена жесткими рамками. Кубе писал:

> «Членам рады будут предоставлены различные возможности для выполнения работы на пользу «Новой Европы» Адольфа Гитлера».

Но Кубе и его приспешники — белорусские националисты просчитались и здесь. Подпольные партийные организации и партизанские отряды помогли народу увидеть настоящее лицо «Белорусской рады доверия». Они показали, что белорусские националисты — злейшие враги советского народа и государства. Белорусские националисты оказались изолированными от белорусского населения. Они вызывали всеобщую ненависть, особенно после того, как, разглагольствуя о заинтересованности белорусов в победе немецкого оружия, обратились к Кубе с предложением создать для борьбы с партизанами совместный немецко-белорусский орган в составе представителей генерального комиссариата, органов СД, войск СС и «Рады

доверия».

Однако оккупантам не удалось достичь этой махинацией какого-либо для себя облегчения.

Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии усиливал разъяснительную работу среди населения, и особенно среди молодежи. В полученной нами радиограмме сообщалось, что в ближайшее время к нам в отряд будет прислана типография и прибудет редактор.

— Смотри, даже типография своя будет, — обрадовался начальник штаба Луньков.

— Она здорово поможет нам. Главное сейчас — работа с молодежью столицы, — задумчиво проронил комиссар Родин.

Созвали совместное заседание партийного и комсомольского бюро. Написать обращение к молодежи Минска было поручено Вале Васильевой и Алексею Михайловскому. Они долго писали, обсуждали написанное, спорили, перечеркивали и снова писали, потом с исписанным листком пришли к нам.

— Прочитай, что написала, — попросил Валю комиссар.

Девушка с раскрасневшимся лицом начала:

— «Дорогие товарищи минчане!

Мы, партизаны-комсомольцы, обращаемся к вам.

Славный Ленинский комсомол в суровые годы Великой Отечественной войны грудью встал на защиту Родины.

Тысячи комсомольцев и комсомолок смело сражаются в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах. Сотни из них совершили бессмертные подвиги.

Товарищ! Твою родную землю фашистские головорезы залили кровью, установили виселицы. Припомни лагерь смерти в Тростенце. Народ поднялся на освободительную борьбу против ненавистных фашистских оккупантов. Красная Армия на всех фронтах наносит тяжелые удары, в тылу партизаны также не дают покоя немцам.

Час освобождения Белоруссии недалек! Но фашистский зверь хочет продлить свою агонию.

Палач белорусского народа Кубе со своими подручными Шульцем и Гроземаном, с их холуями Ганько и Абрамовой состряпали ненавистную организацию «СБМ».

Не поддавайся обману и не вступай в «Союз белорусской молодежи», не будь предателем своей Родины и своего народа! Твое место в партизанском отряде!

С оружием в руках бей гитлеровских головорезов и предателей Родины!

Смерть фашистским захватчикам!»

Воззвание было размножено. Для доставки листовок в Минск

я собрался вызвать Анну Воронкову, но Михаил Гуринович настойчиво запротестовал.

— В этот раз пойдем мы с Максимом, — заявил он.

Мы с комиссаром согласились и предложили написать воззвание к солдатам «корпуса самообороны», которое доставит Феня Серпакова.

Я сообщил Гуриновичу и Воронкову адреса Галины Киричек, Фени Серпаковой и братьев Сенько. Они уехали в Озеричино. Там у Хадыки все время стоял пост для связи с Минском.

Гуринович и Воронков оставили у Хадыки лошадей и к вечеру были уже около Минска. В кустах обождали, пока совсем стемнеет, и, крадучись проходными дворами и маленькими переулочками, осторожно вошли в город. Нашли дом Галины Киричек. Постучали. Дверь открыла сама Галина и, узнав партизан, впустила в комнату.

Утром они встретились с Матузовым. Он познакомил их с новым членом своей группы — двадцатилетней девушкой Клавой Валузенко. Она поддерживала связь с «самооборонцами», охранявшими лагерь военнопленных в Масюковщине.

— Вы их не расстреляете, если они выпустят военнопленных и с ними придут к вам в отряд? — прямо спросила Клава Валузенко.

— А они не расстреливали пленных красноармейцев? — спросил Гуринович.

— Нет. Они сами из пленных, — пояснила Клава.

— Весь лагерь можно освободить? — взволнованно спросил Гуринович.

— Нет, только одну секцию; ту, где они будут стоять на посту.

— Это не провокация? Не встретят ли нас пулеметом? — Воронков вопросительно посмотрел на Клаву.

— Надеюсь, что нет, — неуверенно ответила Клава.

— Надеюсь, — пожав плечами, повторил ее слова Воронков.

— Ручаться, конечно, не могу. Но рискнуть надо.

— Ты не могла бы организовать встречу с командиром охраны? — спросил Воронков.

— Могу! Так будет лучше. Встретитесь и обо всем договоритесь, — обрадовалась Валузенко.

У Воронкова и Гуриновича не было времени возвращаться в отряд для получения новых указаний, и они решили действовать на свой риск.

— Пусть он послезавтра идет один по дороге от совхоза «Сеница» через лес, мы его встретим. Пароль «Сухая береза», — сказал Воронков и обратился к Гуриновичу: — Согласен? — Тот

кивнул.

На другой день в маленькой комнатке Матузов устроил Воронкову и Гуриновичу встречу с Владимиром и Константином Сенько.

— Как там наша сестренка живет? — поинтересовался Владимир.

— Живет хорошо; старшим поваром она сейчас. Вот только жалуется, что соли нет. Шлет вам обоим привет, — сказал Гуринович.

— Соли нет — это небольшая беда, — протянул Владимир и задумался. Слабый свет лампы чуть освещал его хмурое лицо.

Воронков достал из-за пазухи воззвание к молодежи.

Братья приблизились к лампе, прочитали его.

— Хорошо, распространим. Но этого мало. Если можете, дайте нам еще пару пистолетов, — попросил Владимир.

— Кому? Новых людей нашли?

— Нам самим. С одним пистолетом тяжело работать… Мы уничтожили шесть офицеров и один раз чуть не попались только из-за того, что у брата заело пистолет.

— Это вы убили в парке двух эсэсовцев? — спросил Гуринович (он в городе слышал об этом).

— Пришлось, — небрежно бросил Владимир.

Гуринович достал пистолет ТТ и подал Владимиру. Тот вынул обойму и тщательно осмотрел оружие.

— Будь спокоен, никогда не подведет, только присматривай хорошенько, — заверил его Гуринович.

Максим Воронков отдал свой запасной пистолет Константину.

— Теперь сможем действовать наверняка, — сказал Владимир.

— Вы только вдвоем? — спросил Воронков.

— Не только… Вот Катя помогает… и еще один товарищ. Они узнают, где бывают офицеры, а мы их списываем, — спокойно проговорил Константин, вручая Воронкову документы убитых эсэсовцев.

Матузов посоветовал братьям Сенько принять в свою группу Михаила Иванова, работающего шофером в городской управе.

— Я его немного знаю… присмотримся и тогда… примем, — сказал Владимир.

Братья попрощались и вышли.

На следующее утро Гуринович встретился с Феней Серпаковой и от нее узнал подробности о гибели двух броневиков с экипажами. Феня рассказала также, что СД начинает подозревать Соболенко и что в «корпусе самообороны» предстоит

чистка.

— Ты не думаешь, что Соболенко провокатор? — спросил Гуринович Феню.

— Он предал бы нас только в том случае, если бы дела на фронте были плохи. Сейчас он слишком дрожит за свою шкуру, я насквозь его вижу, — с презрением ответила Серпакова.

— Ты плохо делала, что открыто ходила к нему на службу, — строго сказал Гуринович.

— Срочное дело было…

— Как Евгений держится?

— Майор? Этот, кажется, искренний. Задумал что-то новое… Говорит, если выйдет, то уйдет к вам, — сказала Феня.

— Будь осторожнее с Соболенко, — повторил Гуринович. — Лучше всего веди работу через майора Евгения.

Он взял у Фени сведения, переданные Соболенко, отдал ей воззвания к солдатам-«самооборонцам», и Серпакова ушла.

Вечером пришел Матузов вместе с женой Дарьей Николаевной.

— Говорят, немецко-фашистская армия разгромлена в районе Орла — Курска, — радовался Матузов, рассказывая городские новости. — Кубе и белорусские националисты создали «Белорусское научное товарищество» во главе с гитлеровским шпионом Ивановским. Оно шантажирует научных работников. Их вызывают поодиночке к Ивановскому и дают издевательские задания: подготовить письменную работу, охаивающую ту отрасль советской науки, которой они до этой поры отдавали всю свою жизнь…

Однако фашистские оккупанты и тут просчитались. Подавляющее большинство научных работников поодиночке, а иногда и группами уходили к партизанам.

— Есть сведения, — продолжал Матузов, — что научные работники, которые оставались в городе, прятали свои труды и изобретения.

— С научными работниками надо установить связь. С кого будем начинать? — спросил Воронков. Все задумались.

— С Клумова… Он стар, но бодрый еще, — предложила Дарья Николаевна. — Я с ним встречалась.

— Попробуем. Но сначала посоветуемся с руководством отряда, — сказал Гуринович.

Евгений Владимирович Клумов был известен не только в Минске, но и во всей Белоруссии как опытный профессор-гинеколог. В начале войны он попытался эвакуироваться на восток, в дороге был перехвачен наступавшими частями немцев и вынужден был возвратиться обратно в Минск. Долгое время нигде

не работал, потом возобновил практику в поликлинике.

— Что нового еще? — спросил Воронков.

— Создали какое-то «Белорусское культурное объединение», — медленно ответил Матузов.

Через несколько дней мы узнали подробности и об этом трюке врага.

Через «Белорусское культурное объединение» гитлеровцы пытались использовать белорусскую интеллигенцию для того, чтобы вызвать у населения вражду к Советской власти, привить ему фашистское мировоззрение. В ведение «Белорусского культурного объединения» были переданы театры, «народные дома», библиотеки и другие, если так можно назвать, культурно-просветительные учреждения.

Народ не пошел и на эту удочку. «Просветительные учреждения» не посещались населением. И вскоре библиотеки стали местом сборищ групп националистов, а театры все явственнее начали походить на заурядные фашистские кафешантаны…

На следующий день Дарья Николаевна пришла вместе с Красницким. Он рассказал о работе группы, о ее новых членах.

Под вечер явился Матузов.

— Я вас, товарищи, сегодня покатаю! — с порога крикнул он.

— За ноги по полу, — улыбнулся Максим.

— Нет. Ведь на сегодня у вас назначена встреча с «самооборонцем». Сейчас подъедет Михаил Иванов на легковой машине. У него есть пропуск через все посты…

— Знай наших! — обрадовался Максим.

Начали готовиться в дорогу. Дарья Николаевна вышла на улицу удостовериться, не следит ли кто за домом. Вскоре вышел Матузов, который затем позвал Воронкова и Гуриновича. Немного пройдя, они увидели новую, блестевшую на солнце легковую машину. Открылась дверца.

— Прошу, — любезно пригласил шофер, молодой черноволосый парень.

Воронков и Гуринович сели в машину. Шофер затянул занавески на окнах и, усмехаясь, спросил:

— Куда прикажете?

— Прямо к Кубе, — тоже улыбаясь, сказал Воронков.

— Жаль, маловато вас, а то бы с удовольствием завез таких гостей, — ответил Иванов и включил стартер.

Через щели между занавесками были видны руины города, мелькали формы эсэсовцев.

Вот машина остановилась. Воронков и Гуринович сжали в карманах пистолеты. Но машина снова тронулась, и мимо

промелькнул наряд охраны эсэсовцев.

— Контрольный пост, — коротко пояснил Иванов.

Отодвинули занавески. Теперь машина мчалась среди зеленых полей. Проехали совхоз «Сеница».

— Хватит, товарищ Иванов, спасибо, — сказал Гуринович. Шофер затормозил.

— Смотри, и фамилию знаете! — удивился он.

— С незнакомыми не ездим, а после войны обстоятельнее познакомимся, — засмеялись пассажиры и, перепрыгнув канаву, исчезли в кустах.

Машина быстро развернулась и помчалась назад. Воронков посмотрел на часы, до встречи оставалось два часа.

Ожидали долго. Наконец на дороге показался высокий человек, одетый в форму офицера-«самообороонца».

— Ты посмотри, чтобы кустами кто-нибудь не подобрался, а я пойду навстречу, — сказал Гуриновичу Воронков и вышел на дорогу.

— Сухая береза, — проговорил Воронков, поравнявшись с «самообороонцем».

Тот ответил условным отзывом и спросил:

— Вы один?

— Вдвоем.

— Александр Коненцов, — поклонившись, представился «самообороонец».

— Максим, — назвался Воронков и в свою очередь спросил: — А вы один?

Коненцов утвердительно кивнул головой и угрюмо проговорил:

— Не очень приятно здесь в такой форме ходить.

— Не нужно было вообще ее надевать, — улыбнулся Максим, — во всяком случае пришла пора сбросить эту форму… Итак, вы обещаете освободить военнопленных? — Воронков в упор посмотрел на Коненцова.

— А нашим людям жизнь гарантируете? — Вместо ответа спросил Коненцов.

— Живите себе. Мы расстреливаем только предателей и палачей… Как вы наметили вывести пленных?

— Думаем ночью, когда наше подразделение будет стоять на постах. Пусть приходит ваша охрана. Мы пропустим ее в лагерь.

— Хорошо. Ваше предложение доложим командиру. Послезавтра в это время будьте на дороге около деревни Кайки, — сказал Воронков.

Коненцов ушел.

Из кустов выбрался Гуринович.

— Как? — он кивнул в сторону уходящего «самообороне».

— Посмотрим! Не в его интересах обманывать нас, — коротко ответил Воронков. — Пошли.

К вечеру они пришли в Озеричино, сели на лошадей и ночью были в лагере.

Встретить Коненцова и привести военнопленных в лагерь решили поручить Воронкову и Усольцову с группой.

Они начали собираться в поход. Мы с комиссаром засели готовить воззвания к интеллигенции Минска. Перед этим пришлось прочитать несколько буржуазно-националистических белорусских газет; в некоторых листовках мы разоблачали их лакейство перед палачами белорусского народа.

Едва мы закончили работу, как за лагерем послышался сигнал автомашины. Родин и я вышли из палатки. Среди деревьев буксовала большая немецкая автомашина «Бюсинг». Около нее возились Анатолий Чернов и молодой парень в эсэсовской форме.

Анатолий вместе с другими сейчас постоянно находился в Озеричино, и я понял, что это он пригнал автомашину. Возле машины уже собрались партизаны. Подошли и мы с комиссаром.

— Вот командир, — Чернов указал на меня.

— Константин Сенько, — вытянулся «эсэсовец».

— Так вот какие наши боевые орлы! — комиссар сердечно пожал руку Константину.

Заглушив мотор, из машины выскочил и Владимир. Оба брата были стройные и ловкие, с темными курчавыми волосами. Только эсэсовские кителя портили их вид.

— Что там в машине? — спросил я.

— Соль, сахар, табак, мука и разная другая мелочь, — махнул рукой Владимир.

— Откуда же это? — удивился комиссар.

— Из немецких складов, — беззаботно ответил он. — Все товары доставлены по назначению. Мы заметили около склада груженую автомашину и решили ее угнать. Я и брат стали крутиться около машины, а Михаил Иванов в складе заговаривал зубы эсэсовцам. Улучили минутку, захлопнули на щеколду дверь и… с ветерком! Темно было, не поймали.

Подбежали женщины, среди них была и Мария Сенько. Сначала она удивленно смотрела на «эсэсовца», потом бросилась ему на шею:

— Костя, дорогой!

Владимир вышел из группы обступивших его партизан и нежно обнял сестру. Мария успокоилась, вытерла фартуком слезы.

— Снимите скорее эту поганую одежду!

— Снимем. А у вас, говорят, соли нет, так мы позаботились, — и Владимир показал на машину.

Через час братья Сенько были в нашей штабной палатке и подробно рассказывали о своей работе. Мы им подсказали кое-что для будущего, потом спросили:

— Вы профессора Клумова знаете?

— Кто его в Минске не знает? — ответил Константин.

— А вы можете зайти к нему по важному делу?

— Можем, — кивнул Владимир.

— Оккупанты, чувствуя свой близкий конец, вывозят из города научные и художественные ценности, надо помешать им грабить народное добро. У нас есть воззвания к интеллигенции, не возьмется ли Клумов распространить их?

— Я думаю, возьмется, — уверенно сказал Константин. — Разрешите ехать домой?

До Озеричино братьев провожала Мария. Гуриновичу в город идти не пришлось.

Мы с нетерпением ждали возвращения Воронкова и Усольцева. Они вернулись через двое суток и привели шестьдесят военнопленных. Военнопленные долго умывались, приводили себя в порядок и еще дольше обедали. Врачи Лаврик, Чиркин и Островский внимательно осматривали больных и строго определяли диету.

Начальник штаба Луньков и его помощник Андросик составляли список нашего пополнения.

— Кто среди них Коненцов? — спросил я Воронкова.

— Его здесь нет, он возвратился в Минск.

Созвали митинг бывших военнопленных. Среди них было и восемнадцать бывших их охранников.

— Как дальше жить будете, друзья? — обратился комиссар к военнопленным.

— Мы теперь поняли, что значит сдаться в плен, — отозвался пожилой исхудалый мужчина. — Дайте нам немного окрепнуть, и мы опять возьмем в руки оружие.

— Но партизаны в плен не сдаются, — необдуманно крикнул кто-то из наших.

— Надо бы понимать, браток, что иногда в плен не сдаются, а ранеными попадают, — прозвучал негромкий голос из группы пленных.

Наступило короткое тягостное молчание. Его прервал Родин:

— Партизанская борьба требует большой выдержки и сильной воли. Кто желает, может уйти, мы никого не принуждаем.

— Будем воевать! — раздались дружные голоса, и

военнопленные дали клятву.

Новых бойцов распределили по группам, им выдали оружие.

Почему-то давно не показывался в отряде Мурашко, и мы стали беспокоиться. Взяв с собой Анну Воронкову, я выехал в Озеричино. Деревня была партизанской. От стоявшего по соседству в Руденске немецкого гарнизона ее отделяла река Птичь, мосты через которую были сожжены. Фашисты изредка постреливали через реку из пулемета. Между гарнизоном и деревней стояли некошеные поля — мертвая зона, в которую без нужды не заходили ни партизаны, ни немцы. Косить траву возле реки крестьяне ходили только с наступлением темноты.

Я остановился в доме Степана Хадыки, а Анна пошла в Сеницу и на другой день возвратилась с Мурашко.

— Где вы пропадали? — обняв его, спросил я.

— Меня как будто начали подозревать, так я без нужды не хочу здесь показываться, — медленно проговорил он.

— Может быть, тогда напрасно я сейчас вызвал?

— Ничего страшного, — махнул рукой Мурашко, — я и сам собирался прийти, чтобы получить еще мин.

— Уже израсходованы?

— Осталось несколько, но ведь удары надо наносить непрерывно. Эти мины приклеивали только к цистернам. Олег Фолитар заминировал восемь цистерн, Игнат Чирко — шесть, но не удалось узнать результатов взрывов. Мины устанавливаются с двенадцатичасовым расчетом. Кое-как выяснили только о пяти взрывах: сгорели восемь цистерн; остальные маломагнитки взорвались в пути следования уже за Борисовом. Чирко познакомился со служащим станции Минск-пассажирская Гавриловым. Гаврилов тоже помогает нам.

Потом Мурашко рассказал про аэродром, где вместе с Зоей Василевской с недавнего времени начала работать и Александра Никитина. Она немного моложе Зои, работает под ее руководством. Александра владеет немецким языком. Василевская и Никитина выяснили, сколько на аэродроме и каких самолетов, какой запас горючего.

— Значит, пополняется ваша группа?

— Да. Но я не тороплюсь ее расширять, — сказал Мурашко, — подолгу присматриваюсь к людям… На аэродроме работают и двое наших военнопленных: Василий Оперенко и Борис Капустин. Они также подробно информируют меня и просят, чтобы мы им дали возможность заминировать самолеты. Как вы на это смотрите?

— Пока не стоит. Пусть продолжают собирать сведения.

Мы условились с Мурашко, что в районе совхоза «Сеница» он

или Исаев будут ежедневно класть в тайник записку с новыми сообщениями об аэродроме. Я отдал Мурашко последние шесть маломагнитных мин, имевшихся на контрольном пункте, и попрощался.

В лагере я застал большое оживление.

— Наша армия освободила Орел и Белгород, на, читай, — и Кусков подал мне сообщение Совинформбюро от 7 августа 1943 года.

> «В результате упорных наступательных боев войска Брянского фронта, при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов, разгромили отборные части немецкой армии, сосредоточенные германским командованием в районе Орла, ликвидировали Орловский плацдарм врага и 5 августа заняли город Орел, в течение почти двух лог находившийся в руках немецких оккупантов».

— Эту сводку населению уже отправили?

— Только что приняли, размножаем.

Листовки, содержащие сообщения с Родины и сводки Совинформбюро, мы доносили до самых отдаленных деревень. Весть об освобождении Орла нужно было немедленно послать в Минск. На этот раз в Минск пошла Анна Воронкова.

В лагерь Анна возвратилась на машине, нагруженной продуктами. Из кабины выскочил Владимир Сенько, за ним следом выпрыгнул его брат Константин. Я отвел в сторону Владимира:

— Я уже запретил вам заниматься добыванием продуктов.

Братья, опустив головы, молчали. Потом Владимир проговорил:

— Товарищ командир! Здесь ничего опасного не было. Я устроился работать в гараже, и эту машину закрепили за мной. Наряд на продукты организовал Михаил Иванов; погрузили законно среди белого дня, взяли пассажира и… приехали.

— А теперь как будете?

— Машину оставим вам. Служба в гараже закончена. Меня уже нацелились проверять… Домой возвратимся пешком…

Владимир достал из-под сиденья машины кожаный портфель и принес его мне. В портфеле были немецкие пистолеты и эсэсовские документы.

Уже в палатке я стал расспрашивать братьев, как обстоят дела с Клумовым.

Дело в том, что немецко-фашистские оккупанты старались привлечь на свою сторону белорусскую интеллигенцию и даже

заигрывали с известными учеными, популярными артистами и педагогами, не успевшими эвакуироваться из города. Немцы рассчитывали авторитетом таких людей прикрыть и приукрасить гнусности своего «нового порядка», а также получить поддержку буржуазных националистов. Под предлогом «спасения» художественных и научных ценностей оккупанты давно грабили музеи, картинные галереи, театральные и банковские склады и все ценности вывозили в Германию.

Чтобы помешать дальнейшему грабежу и предупредить население о необходимости прятать от врага народное добро, уникальные картины и другие национальные богатства, мы составили обращение к интеллигенции, надеясь распространить его через известного врача — профессора Евгения Владимировича Клумова. В подполье профессора знали под кличкой «Самарин».

Владимир Сенько подробно рассказал о своих встречах с «Самариным».

— Сначала я один пошел к профессору прямо на работу, в его клинику. Встретил он меня не очень любезно, даже хотел выпроводить и пригрозил позвонить в СД. А потом смягчился и спросил меня: «Что вы хотите?» Я ответил, что есть разговор по поручению партизанского командования. Коротко объяснил ему, что к чему. Профессор внимательно вгляделся в меня и уже совсем спокойно сказал: «Глаза у вас честные… Пожалуй, я вам поверю. Вечером приходите ко мне домой и принесите воззвания. Если есть, прихватите с собой побольше листовок».

Этим же вечером Владимир в сопровождении Константина пришел на квартиру Клумова. Он встретил партизана очень радушно, прочитал текст обращения к интеллигенции и так разволновался, что чуть не заплакал. Обращение и пачку листовок спрятал во дворе.

Перед уходом Владимир спросил профессора, не хочет ли он уйти к партизанам, там безопаснее. Однако Клумов твердо заявил:

— Я здесь нужнее. Врачи у вас есть?

— Есть.

— Тогда мне нечего там делать. А если понадобятся медикаменты, я всегда достану.

— На том мы и распрощались, — закончил Владимир.

Профессор Клумов нас не подвел, воззвания неведомыми путями быстро распространял среди минской интеллигенции, что сыграло свою роль в борьбе против оккупантов и их буржуазно-националистических прихвостней. Многие государственные ценности были спрятаны и спасены.

Никогда не будет забыто светлое имя Евгения

Владимировича Клумова. Во время оккупации Минска гитлеровцами он сразу же включился в борьбу с захватчиками. Многих раненых подпольщиков и партизан профессор вернул в строй, многим помог бежать из города. Но осенью 1943 года гитлеровцы неожиданно арестовали Е. В. Клумова. Угрозами, пытками и заманчивыми обещаниями они стремились склонить его на свою сторону. Все домогательства фашистов он отверг. В марте 1944 года профессор Е. В. Клумов и его жена Г. Н. Клумова были казнены гитлеровцами.

Мы с Родиным принялись разбирать принесенные братьями Сенько эсэсовские документы, подробно выясняя, когда и при каких обстоятельствах они были захвачены.

— За вами в городе не следят? — озабоченно спросил я.

— Следят за всеми. А специально за нами — пока нет. По ночам выходим на охоту, сейчас трудновато, меньше чем впятером эсэсовцы не разгуливают, да и то по центральным улицам.

— Вы, друзья, больше с машинами не возитесь, — положив руки братьям на плечи, сказал я.

— Обещаем, — в один голос ответили они.

Они остались в лагере и стали готовиться к тому, чтобы вместе с подрывниками идти на железную дорогу подрывать эшелоны.

5

Борьба на железных дорогах все усиливалась. Теперь из нашего отряда каждый месяц выходило на задания по пятнадцать групп. В отряде, исключая хозяйственный взвод, не было партизана, который бы не участвовал в подрыве вражеских эшелонов.

Некоторые новые партизаны из бывших военнопленных также стали подрывниками. Но большинство из них были еще больны и не могли принимать участия в боевых операциях.

С каждым днем становилось яснее, какой провал потерпел новый маневр Кубе с созданием «Союза белорусской молодежи». Ганько и Абрамовой не удалось втянуть в эту организацию белорусскую молодежь. Благодаря усиленной работе подпольных партийных и комсомольских организаций вся молодежь отвернулась от предателей-националистов. Она живо откликнулась на призыв Коммунистической партии и широким потоком вступала в партизанские отряды. В течение только одного месяца в наш отряд пришло около двухсот человек. Большое пополнение получили 2-я и 3-я Минские партизанские бригады.

Теперь в нашем отряде было около восьмисот партизан. В августе по решению Минского подпольного обкома партии отряд Кускова «Непобедимый» выделился из нашего отряда и влился в 3-ю Минскую партизанскую бригаду. Тех партизан, которые имели связи с минскими подпольщиками, обком партии предложил оставить в моем отряде.

— Значит, расстаемся, Тимофей Иванович, — сказал я Кускову, — выбирай себе партизан.

После отделения отряда Кускова у нас осталось около трехсот партизан.

Родин, Луньков и я начали перестраивать структуру отряда. Так как большинство партизан являлись военнослужащими, решили создать в отряде три роты. Командиром первой роты назначался Малев, а его заместителем по политической части — Мацкевич; командиром второй роты — Усольцев, заместителем — Михайловский, командиром третьей роты — Сидоров, заместителем — Маурин. Командиром хозяйственного взвода оставался Коско, его заместителем — Вербицкий.

В последнее время в отряд прибыло много минских подпольщиков с семьями, и мы решили создать отдельный семейный лагерь, чтобы не ослаблять нашей маневренности. Для обеспечения лагеря продовольствием и охраной создали

комендантский взвод во главе с опытным партизаном Евдокимом Павленко.

Изменение в структуре отряда требовало и перестройки партийной работы. Теперь в каждой роте была создана своя партийная организация. Во вновь избранное бюро отряда вошли: Михайловский, Мацкевич, Родин, Сермяжко и я. Секретарем бюро вновь был избран Сермяжко.

Комсомольская организация также была перестроена по тому же принципу. Комсоргом избрали радиста Яновского Александра Николаевича.

В конце августа получили радиограмму, что 6 сентября гитлеровцы собираются отмечать какую-то годовщину в истории их нацистской партии. Не исключена возможность присутствия на банкете и самого Кубе.

Летом 1943 года немецко-фашистское командование объявило Минск на осадном положении. Въезд и выезд из города разрешался только по специальным пропускам, по определенным улицам, в определенное время. В городе действовала сложная система контроля. Нужно было предупредить всех наших подпольщиков, чтобы они подготовились. Мы с Родиным вызвали Максима Воронкова, Михаила Гуриновича и братьев Сенько.

Я рассказал им о содержании радиограммы и спросил:

— Согласны пойти в Минск выполнить важное задание?

— Пойдем, — уверенно сказал Воронков.

У братьев Сенько были хорошие документы. Они помогли «обновить» надлежащим образом старые документы Гуриновича, но Воронкову не смогли изготовить подходящих бумаг.

— Пойду и так, — махнул он рукой.

— Мы его на машине привезем в Минск, — заверил Владимир.

В Кайковском лесу Гуринович и Воронков остались ждать, пока за ними приедет Иванов, а братья Сенько пошли в Минск.

После полудня Иванов приехал, но не на легковой машине, а на грузовой.

— Легковую не удалось взять, — улыбаясь, объяснил он и стал просматривать документы Гуриновича. — Твои хорошие, а вот с товарищем неважно. — Он почесал себя за ухом и, немного помолчав, сказал: — Ты, Максим, садись в кабину между нами, как-нибудь проскочим.

Так они и уселись втроем. К городу приближались быстро. Вот в сгущающихся сумерках стали видны первые дома. Впереди контрольный пункт. На шоссе перед контрольным пунктом показались четыре эсэсовца с собакой, один из них поднял руку.

Машина остановилась. Впереди был виден еще наряд

фашистов.

«Эх, кажется, влопались», — с тоской подумал Воронков и сжал в кармане пистолет. Гуринович спокойно подал эсэсовцу документы. Тот повертел их и возвратил. Затем он проверил бумаги Иванова.

— А у меня нет с собой документов, — сказал Воронков.

Ему приказали вылезти из машины и идти на контрольный пункт. Он посмотрел на Гуриновича, тот моргнул: «Иди!», и Максим в сопровождении эсэсовца двинулся по шоссе. Оставшиеся трое осмотрели машину и разрешили следовать дальше.

— Дай свет, а подъезжая к Максиму, немного притормози, — шепнул Гуринович Иванову.

Тот кивнул головой и нажал педаль.

Сердито заурчав, машина резко рванулась и помчалась по шоссе. Гуринович приоткрыл дверцу кабины и вынул пистолет.

Машина поравнялась с эсэсовцем — из кабины сверкнул огонек. Фашист упал в канаву, а Максим быстро вскочил на подножку.

Иванов дал полный газ. В кузов ударились пули. Потушив фары, Иванов ловко маневрировал. Машина на полном ходу ныряла в темные переулки, и, чтобы не вывалиться из кабины, Гуринович и Воронков крепко упирались руками в потолок и хватались за выступы.

— Тебе теперь в городе нельзя появляться, — предупредил Максим Иванова.

— Ничего, номер машины сменю, и никто не узнает, — улыбнулся он, — а документы-то я ему не свои показывал. — Пожав товарищам руки, Иванов уехал.

Гуринович и Воронков укрылись на еврейском кладбище, чтобы удостовериться, нет ли за ними погони. Кругом было тихо. Они хотели уже выходить из укрытия, как вдруг услышали шаги. По улице прошли три эсэсовца, и опять все стихло.

— Пойдем, — прошептал Воронков.

— Куда?

— К Матузову.

Крадучись, друзья продвигались по темным, словно вымершим улицам. Вот и Второй Опанский переулок. В темноте подошли к большому деревянному дому. Здесь живет Матузов. Партизаны приготовили пистолеты: ведь неизвестно, кто их встретит — свои или фашистские агенты.

Гуринович постучал в окно, как было установлено. Раздвинулись занавески — выглянул сам хозяин. Он узнал своих и указал на крайнее окно во дворе. Воронков и Гуринович долго

прислушивались и, убедившись, что за ними никто не следит, влезли в открытое окно.

— Ух, наконец-то, — вздохнул Воронков и закурил.

Встала Дарья Николаевна, зашторила окна, зажгла каганец. Она взглянула на Воронкова и воскликнула:

— Максим, что с вами? Почему ваше лицо в крови?

Только теперь, проведя рукой по лицу, Максим почувствовал боль.

— Маленькое столкновение с фашистами, — пояснил Гуринович.

Дарья Николаевна заботливо обмыла Воронкову лицо. Оказалось, что он расцарапал лицо при прыжке в машину.

— Пожалуй, нам лучше от вас уйти, — забеспокоился Гуринович, — может случиться обыск.

— Положим вас спать в кладовой, а оттуда есть ход в подпол. Никуда не пойдете, — твердо сказала Дарья Николаевна. Матузов поддержал жену.

Утром Дарья Николаевна пошла к Галине Киричек и попросила ее передать Красницкому, что его ждут у Матузова. По дороге она завернула к Кате.

Вечером по одному собрались у Матузова Владимир Сенько и Иванов. Дарья Николаевна тщательно закрыла окна, зажгла свечку и поставила чай.

Воронков рассказал о цели своего прихода в Минск.

— Я готовлю еще одну диверсию на заводе и создаю новую подпольную группу, но у меня нет людей, которые могли бы проникнуть к Кубе, — сказал Красницкий.

— Проникнуть к нему трудно, значит, надо по дороге подкараулить, — заявил Владимир.

Обменялись сведениями и разошлись.

Начали настойчиво следить за работниками СД: не готовятся ли они к сборищу. Матузов узнал, что в Университетском городке, в бывшем здании, историко-филологического факультета, находится столовая СД. В ней работают члены его подпольной группы молодые девушки Капитолина Гурьева и Ульяна Козлова.

— Возможно, что там хоть ненадолго появится и палач Кубе, — сказал Матузов.

Воронков попросил Матузова устроить ему встречу с Козловой или Гурьевой. Пришла Гурьева. Воронков и Гуринович по ее рассказам набросали подробный план здания и выяснили обстановку. Капитолина рассказала, что в зале столовой на перевернутой бочке стоит пальма.

— Тяжелая она? — спросил Максим.

— Конечно, — ответила Капитолина и непонимающе подняла глаза на Воронкова.

— А вы вдвоем с Ульяной могли бы поднять ее? — спросил Максим.

— Мы поднимали втроем, но, если нужно, поднимем и вдвоем.

Воронков испытующе посмотрел на Гурьеву. Он видел, что она уже поняла его план и согласна выполнить… Но как доставить подрывной материал в столовую и вывести из города семьи тех, кто совершит диверсию? Он поделился своими мыслями с Капитолиной.

— Обеим нам нет нужды уходить из города в лес. У Ульяны шестого выходной день. На нее не будет подозрения, а свою семью — маму и двух сестренок — я выведу сама.

Вместе с Матузовым Воронков и Гуринович тщательно проинструктировали Капитолину и Дарью Николаевну, как обращаться со взрывчаткой, как ставить маломагнитку со взрывателем в заряд тола, и составили план действий. Подрывной материал на машине привезет Иванов, маломагнитку со взрывателем принесет Дарья Николаевна, а Капитолине и Ульяне останется подложить ее.

На другой день вечером операция началась. В полночь во двор столовой въехал Иванов и подал условленный сигнал.

Здесь, в центре города, фашистские офицеры чувствовали себя смелее: ни у парадного, ни в самой столовой постов охраны не было.

Девушки, схватив помойные ведра, выскочили во двор. Иванов поднял сиденье и достал пятнадцать килограммов тола. Капитолина и Ульяна уложили его в ведра, прикрыли половыми тряпками. В тот же момент подошла Дарья Николаевна, на ходу сунула Капитолине маломагнитку и зашагала прочь.

Девушки поднялись в столовую и спрятали ведра с толом в кладовку, где лежали дрова. Потом они приблизились к кадке с пальмой. Капитолина выключила в зале свет. Их взгляды встретились. Обе были бледны как мел. На кухне работали судомойки, оттуда слышался звон посуды.

Вазон с пальмой очень тяжел. Гурьева споткнулась, и вазон с шумом ударился об пол. Девушки затаили дыхание; все было тихо. Тогда они приподняли кадку, уложили под нее тол и установили подготовленную маломагнитку со взрывателем. Затем, сделав последнее усилие, поставили пальму на место. Капитолина зажгла свет и осмотрела зал, все было в порядке.

Утром, уходя на работу, Капитолина обняла мать.

— Мама, ты собери необходимые вещи; вечером, как только

приду с работы, мы уйдем. Одень потеплее сестренок.

— Сохрани тебя бог, что случилось? — взволнованно спросила мать.

— Ничего не случилось, но я не могу больше служить фашистам. В лесу проживем до освобождения… Только об этом никому ни слова.

Она поцеловала мать, спящих сестренок и с учащенно бьющимся сердцем вышла в последний раз на работу.

В столовой с утра было все как обычно. Приходили эсэсовцы, завтракали, обменивались сальными остротами, гоготали и уходили. После обеда столовую закрыли. Пришли работники СД и начали проверять помещение. Один из них подошел к пальме. Капитолина вздрогнула, и на какое-то мгновение все поплыло у нее перед глазами; она оперлась о дверной косяк. К счастью, никто не обратил на нее внимания. Работник СД отошел от пальмы, осмотрел все углы, заглянул в печки и, подойдя к старшему, доложил, что все в порядке. Поставив у дверей двух эсэсовцев, они ушли.

После осмотра здания служащие столовой стали готовиться к банкету: через весь зал они установили два ряда столов и накрыли их белыми скатертями. Прибыла машина с ящиками различных вин. Из кухни доносился запах жареного.

Капитолина почти успокоилась и только с тревогой посматривала на пальму: «А что, если раньше взорвется?»

Начали собираться эсэсовцы.

Как только приехал их самый старший, все сели за стол. Выступил какой-то чин. От волнения Капитолина ничего не слышала и, чтобы не навлечь на себя подозрения, старалась как можно лучше обслуживать собравшихся, а украдкой посматривала на часы. До взрыва оставалось три часа. Время тянулось мучительно медленно. Наконец Капитолина услышала условный гудок. Выбежав во двор, она увидела в машине улыбающегося Иванова.

— Кубе там? — шепотом спросил он.

— Нет.

— У тебя все сделано?

Капитолина кивнула головой и прошептала:

— Бегу, а то еще заподозрят…

— Никуда ты не побежишь, садись. — Михаил открыл дверцу машины, за руку втянул девушку и усадил рядом.

Машина остановилась. Капитолина вбежала в дом, увела с собой мать, сестер, захватила немного одежды.

— Скорей, чтобы успеть проехать через контрольный пункт, — торопил Михаил.

Капитолина в одно мгновение усадила сестер и мать, ловко впрыгнула сама и села рядом с шофером. Все это время Капитолина находилась словно во сне. Только когда машина остановилась далеко за городом и Капитолина увидела вышедших из лесу Воронкова и Гуриновича, она пришла в себя. Максим подошел ближе к кустам и спросил кого-то:

— А вы с нами вернетесь в отряд?

Капитолина заметила в кустах двух эсэсовцев.

— Кто это такие? — с недоумением спросила она у Гуриновича.

— Разве не видишь, свои, — улыбнулся Михаил. Это были братья Сенько.

— Нет, мы назад с Ивановым поедем, — ответил Владимир.

Братья попрощались со всеми, и машина уехала обратно. В городе Иванов петлял по улицам, а Владимир и Константин наблюдали из заднего окна машины. Внезапно фары другой машины ослепили братьев. Иванов уменьшил скорость. Машина проехала мимо.

— Следи за ней, на такой машине ездит Кубе, — наклонившись к Иванову, шепнул Владимир.

Иванов, не выпуская из виду эсэсовскую машину, следовал за ней. Вот она свернула в переулок. Иванов дал газ, обогнал ее и поставил свою машину поперек дороги. Из машины выскочили два эсэсовца. В тот же момент выскочили и братья Сенько с пистолетами в руках. Эсэсовцы, увидев людей в своей форме, что-то крикнули, но два выстрела в упор уложили их на месте. Владимир успел убить и третьего эсэсовца, сидевшего за рулем. Кубе в этой машине не было.

— Ну, Миша, теперь жми… Скажешь Кате, где тебя теперь искать, — проговорил Владимир и вместе с Константином исчез в темноте.

Иванов помчался в гараж. А тем временем братья Сенько подбежали к эсэсовской машине, выбросили из нее труп шофера, и Константин сел за руль. Глухими улицами они поехали из города. На одном посту часовой хотел остановить, но Константин дал сигнал и увеличил скорость, часовой едва успел отскочить в сторону. Недалеко от Кайковского леса братья нагнали Воронкова, Гуриновича и Гурьевых. Увидев свет машины, те бросились в кусты.

— Стой, еще гранатой угостят, — сказал Владимир брату, а сам, высунувшись из машины, крикнул: — Эй, не вздумайте стрелять по своим!

Воронков узнал голос Владимира и вышел из кустов.

— Вы их машину захватили… Неужели Кубе? — пробормотал

Воронков.

— Сначала понадеялись… Но в ней оказались только эсэсовцы… Машина была похожа, — усмехнулся Владимир. — Садитесь, подвезем.

— Нет, спасибо. Неохота на партизанскую очередь нарваться, — покачал головой подошедший Гуринович.

— Пусть женщины садятся, вы идите впереди и громко разговаривайте, мы тихо поедем следом за вами, — сказал Константин.

Так и сделали.

Когда рассвело, Воронков пристроил красный флажок. Все сели в машину и скоро прибыли в лагерь.

Я крепко пожал руку Капитолине и сказал:

— Народ никогда не забудет вашего подвига.

— Служу Советскому Союзу, — очень тихо проговорила девушка.

Через несколько дней в лагерь пришла Василиса Васильевна Гуринович. Она рассказала о гибели начальника штаба «корпуса самообороны» майора Евгения.

Евгений, поклявшись во что бы то ни стало уничтожить Кубе, ждал его вызова на инструктаж. Вызова не было. Тогда он сам пошел в генеральный комиссариат и попытался попасть на прием к Кубе. Личная охрана Кубе не пропустила Евгения. Он все же упрямо добивался приема.

Охранники заподозрили майора. При выходе его пытались задержать подоспевшие на помощь эсэсовцы. Евгений убил трех из них и выскочил на улицу, но тут же, сраженный пулей, упал замертво.

Нам было жаль Евгения. Он искренне хотел искупить свою вину. Жаль тем более, что погиб он из-за излишней своей горячности, нетерпеливости…

От Анны Воронковой мы узнали, что Матузов с женой продолжают работать, что Ульяну Козлову СД пока не преследует и она на старом месте.

Затем Анна достала из корзинки несколько белорусских националистических газет «Раніца». В них сообщалось, что от руки «бандитов» в столовой СД погибло шестнадцать эсэсовских офицеров и тридцать два ранено. Раньше оккупанты умалчивали про диверсии партизан в Минске, дальше молчать оказалось невозможным.

Я подозвал Капитолину и подал ей газету. Она долго, очень долго читала эти немногие строчки. Потом сурово проговорила:

— Они этого заслужили. Сколько они пролили крови наших людей!

Этот взрыв еще раз показал минскому СД и «Абверу», кто является подлинным хозяином на белорусской земле.

6

Борьбу против гитлеровцев трудящимся Минска, как и других городов, приходилось вести в чрезвычайно трудных и сложных условиях подполья, в обстановке жесткого оккупационного режима. Немецко-фашистские захватчики прилагали все усилия, чтобы сделать прочным свое господство в Минске, которому они придавали важное стратегическое значение. Минск был превращен оккупантами в военно-административный и политический опорный пункт центральной армейской группировки войск.

В городе постоянно находился большой гарнизон. Здесь сосредотачивались армейские резервы, сюда отводились потрепанные на фронте части для пополнения и переформирования. Здесь же располагались управление войск СД, армейские авиационные части, много госпиталей. В сохранившихся крупных зданиях размещался генеральный комиссариат Белоруссии во главе со ставленником Гитлера — гауляйтером фон Вильгельмом Кубе. Генеральный комиссариат был создан немецкими оккупантами для управления захваченной территорией Белоруссии. Он опирался в своей деятельности на ряд подчиненных ему учреждений, в том числе на чудовищно большой аппарат СД и полевой полиции. На охрану военных объектов, расположенных в Минске, было брошено большое количество войск СС.

Передвижение по улицам и за пределы города жителям разрешалось только в строго установленное время и по специальным пропускам. В Минске гитлеровцы особенно широко применяли террор. В городе и его окрестностях гитлеровские палачи истребили десятки тысяч советских граждан. Тысячи минчан были угнаны на каторгу в фашистскую Германию.

По улицам Минска — на столбах, стенах домов, на заборах — висели многочисленные приказы, в них на разные лады повторялось слово «расстрел». За неявку на регистрацию в комендатуру или полицию — расстрел, за нежелание работать на немцев — расстрел, за появление на улице с наступлением темноты — расстрел.

Подпольные организации Минска работали в тяжелых условиях. Ни одного дня не проходило без волнений и тревог. За подпольщиками охотились полицейские, эсэсовцы, СД. Непрерывно приходилось менять явки, пароли, перемещать людей из одной конспиративной квартиры в другую, заметать следы, а иногда и уничтожать преследователей.

Партийное подполье в Минске начало действовать с первых дней оккупации. Исай Павлович Казинец, инженер-нефтяник, когда фашисты оккупировали Минск, стал секретарем подпольного горкома партии. Под его руководством была создана широкая подпольная сеть, издавалась газета «Вестник Родины», выпускались листовки. Вместе с Казинцом минское подполье создавали старые большевики, участники Октябрьской революции и гражданской войны А. Арндт, Е. Баранов, М. Думбра, И. Матусевич, Д. Одинцов и другие.

Но Казинец и многие его товарищи в марте 1942 года попали в руки СД. Причинами провала являлись, прежде всего, слабая конспирация, отсутствие у патриотов достаточного опыта борьбы с таким сильным и коварным врагом, каким были гитлеровцы, недостатки организационных форм подполья. Были, конечно, и другие причины. Руководящий центр подполья погиб.

Минское СД торжествовало. Оно поспешило сообщить в Берлин, в имперское управление службы безопасности, что с коммунистами в столице Белоруссии покончено. На очереди, мол, уничтожение «банд», скрывающихся в лесах. Однако радость СД была преждевременной. Партизан уничтожить не удалось. А в мае 1942 года, через два месяца после ареста руководителей минского партийного подполья, возник новый центр. Он объединил уцелевшие кадры коммунистов и комсомольцев и с новой силой развернул борьбу против гитлеровских поработителей.

В состав нового руководящего центра вошли замечательные коммунисты Д. А. Короткевич, В. К. Никифоров, В. С. Омельянюк и другие. Однако и они через некоторое время при помощи провокатора Б. Рудзянко были схвачены СД[4].

Фашистские карательные органы имели большой опыт в проведении различных пыток. Захватив кого-либо из подпольщиков, фашисты применяли изощренные, зверские истязания. Отдельные узники не выдерживали и выдавали кое-какие сведения, необходимые СД.

Немало подпольщиков расстреляно и повешено. Например, в одном из секретных отчетов СД в Берлин говорится:

> «…9 мая 1942 года в Минске были публично казнены через повешение 28 человек, принадлежавших к организации партизан Белоруссии. В этот же день было расстреляно 251 человек… В Минске была проведена кампания против группы на железной дороге. Было арестовано 126 человек»[5].

Деятельность минского партийного подполья особенно

активизировалась в 1943—1944 годах. В феврале 1943 года состоялся V пленум ЦК КП(б)Б. Подпольные комитеты, партизанские отряды и бригады, дислоцировавшиеся вокруг Минска, под руководством подпольного обкома партии, создали в столице Белоруссии многочисленные разведывательные и диверсионные группы, которые с новой силой развернули в городе и пригородных районах борьбу против оккупантов.

После гибели руководителей второго партийного центра ЦК Компартии Белоруссии принял решение создать Минский подпольный городской комитет партии. Это способствовало улучшению партийной работы в городе.

Унылым, дождливым вечером к нам с комиссаром вошел радист Яновский и принес радиограмму.

— Могу порадовать, — улыбнулся он.

Центральный Комитет Компартии Белоруссии сообщал, что из Полесья решением Минского подпольного обкома партии в наш отряд посланы секретарь Минского подпольного горкома, редактор и работники типографии. Я передал радиограмму Родину.

— Ого! — сказал он. — Поднимаемся на высшую ступень.

Я позвал командира взвода конной разведки Николая Ларченко и, наметив маршрут, приказал выехать навстречу товарищам. Отправились Валя, Терновский, Каледа, Денисевич.

На следующий день большая подвода въехала в лагерь. От нее отделилась группа мужчин, среди них я увидел высокую фигуру Машкова, комиссара отряда Шубы.

— Здорово, Георгий Николаевич, что же, совсем к нам? — приветствовал я его.

— Совсем… Областной комитет направил… А вот, — Машков указал на стоящего рядом плотного, широкоплечего мужчину, — секретарь Минского подпольного горкома партии Савелий Константинович…

— Лещеня, — дополнил, улыбаясь, секретарь, с силой пожав мою руку.

Темные, узкого разреза глаза Лещени смотрели пристально, изучающе и в то же время задумчиво, словно, смотря на меня и комиссара, он держал перед своим умственным взором кого-то еще…

Познакомились и с редактором газеты Александром Демьяновичем Сакевичем. Это был высокий, худощавый и необыкновенно подвижный человек.

Во время обеда разговорились. Лещеня — белорус, окончил Московский институт стали, работал на партийной работе. В

начале Великой Отечественной войны направлен ЦК Компартии Белоруссии в тыл врага, был парторгом Минского подпольного обкома партии, а затем комиссаром партизанской бригады.

Машков, по профессии электромонтер, тоже прошел большую школу подпольной и партизанской борьбы. В тылу противника — с первых дней войны. Он был секретарем партбюро, а позже комиссаром партизанской бригады.

Сакевич до прихода к нам работал редактором подпольной районной газеты «Кліч Радзімы» (орган Любанского подпольного РК КПБ).

После обеда Лещеня ознакомил меня с решением Минского обкома. Он назначался секретарем Минского подпольного горкома, Машков — секретарем городского комитета по пропаганде, я и И. М. Родин — членами комитета.

— Отныне ваша парторганизация берется на учет Минским подпольным горкомом. Где ваш секретарь парторганизации? — спросил Лещеня.

— Уже три дня на задании: вышел с подрывниками на железную дорогу. Скоро должен возвратиться, — сказал комиссар.

Я подробно доложил о работе отряда и подпольщиков Минска. Лещеня и Машков внимательно выслушали и, когда я кончил, долго молчали, обдумывая все данные.

— Диверсионная работа налажена неплохо, шпионов и провокаторов не допустили к себе, но нужно усилить разъяснительную деятельность, — резюмировал Лещеня. — Хорошо, что занялись разложением изнутри «корпуса самообороны».

— Вернули советскому коллективу многих обманутых и колеблющихся, — добавил Машков.

— А теперь прочтите директивы ЦК партии Белоруссии, адресованные всем партизанским отрядам и подпольным организациям. — Лещеня достал несколько тонких листов бумаги.

Центральный Комитет указывал, что взрывы, диверсии необходимо совершать только на предприятиях, которые работают на военные нужды. На других предприятиях принимать меры к тому, чтобы помешать оккупантам вывезти ценное оборудование. Для этой цели создать новые подпольные патриотические группы.

Партия предупреждала, что, отступая под сокрушительными ударами нашей армии, оккупанты будут стремиться силой угонять население с собой. Поэтому рекомендовалось организовывать в лесах лагеря и с приближением фронта

выводить в эти лагеря население из города; всемерно усиливать агитационно-пропагандистскую работу.

— Здесь у нас слабо, — заметил комиссар.

— Вот и будем вместе работать, чтобы и в этом направлении добиться успехов. Сделано немало, а теперь, когда получили типографию, сумеем сделать еще больше… Радисты у нас есть, а Москва сообщила, что у вас имеются запасные рации, я думаю, вы уступите их городскому комитету для поддержания связи с подпольным обкомом партии?

Мы с комиссаром согласились. Я добавил:

— Силами одного нашего отряда тяжело поддерживать связь с подпольщиками Минска. Рядом стоят партизаны М. Г. Мармулева, Л. И. Сороки, 2-й и 3-й Минских бригад, бригад «Штурмовая», имени Калинина. У них тоже есть свои люди в Минске. Может быть, поговорить с ними? Тогда в городе можно было бы создать крупную подпольную организацию с централизованным руководством…

— Да, — подхватил Лещеня, — об этом есть указание Минского подпольного обкома. Мы создадим единое руководство подпольными группами в городе. Так и решим: выявить все имеющиеся подпольные группы в Минске, через них усилить пропагандистскую работу среди населения, организовать диверсионную работу, начать выпуск печатного органа Минского подпольного горкома партии газеты «Минский большевик». Кто за это предложение?

Все подняли руки.

Так закончилось первое заседание комитета.

Мы вышли из землянки. Партизаны помогали наборщикам разгружать повозку. Все оборудование типографии они уложили на разостланный мешок. Комиссар, улыбаясь, напомнил мне, как, получив от Центрального Комитета радиограмму о посылке нам типографии, мы беспокоились о трудностях ее доставки в лагерь, а оказывается — она немного больше пишущей машинки.

— Это очень удобная типография, — заметив мое удивление, сказал Сакевич. — Ее сконструировал наш инженер Пильтиенко и назвал «Партизанка». Она может печатать в час сто экземпляров размером в одну восьмую печатного листа. Такие машины сейчас изготовляют в Москве.

— Куда вы хотите ее поставить? — спросил Коско.

— Где-нибудь подальше от лагеря, чтобы нас никто не беспокоил, — ответил Сакевич.

Вместе с Сакевичем мы нашли прекрасную поляну. Спустя два дня партизаны вырыли здесь просторную землянку и сделали большие окна. Наборщики поставили в землянку «Партизанку» и

сложили свое имущество. Радисты Яновский и Глушков вынули из автомашин аккумуляторы и лампочки, провели туда электрический свет. И наборщики приступили к работе.

Машков написал передовую статью. Григорий Подобед и Капитолина Гурьева рассказали о борьбе минчан с оккупантами, радисты приняли последние сводки Совинформбюро, после этого редактор дал обзор положения на фронтах и достижений героического труда советских людей в тылу.

Уставший, но веселый в штабную землянку зашел Сакевич. Он принес свежую газету. Машков осторожно взял ее, чтобы не размазать еще не высохшую краску, и начал читать вслух. Горком партии утвердил первый номер.

Газета печаталась. Теперь предстояло организовать бесперебойную доставку ее в Минск. Эту задачу мы возложили на Анну и Максима Воронковых, Гуриновича и братьев Сенько, на подпольщиков Василису Васильевну Гуринович, Михаила Иванова, Галину Киричек и Феню Серпакову.

С первым номером газеты «Минский большевик» в город вышли Владимир и Константин Сенько.

— Как вы проберетесь? — смотря на два небольших узла, спросил их Лещеня.

— Точно сам еще не знаю, — улыбнулся Владимир. — Может, придется обратиться к Иванову, возможно, и сами пронесем, но газеты будут доставлены.

Братья выехали в Озеричино, оттуда в Кайковский лес к тайнику Мурашко — самому опасному этапу.

Спустя несколько дней оба брата на взмыленных лошадях прискакали в лагерь.

— Что случилось? — с беспокойством подбежал к ним Лещеня.

Глаза Константина радостно сверкали:

— Палач Кубе убит: ночью с кровати полетел в воздух, и эсэсовцы подобрали только его останки, — прерывающимся голосом сообщил он.

22 сентября немецкая радиостанция передала, что убит Кубе. Потом из Москвы пришла радиограмма:

> «По сообщению лондонского радио, в Минске убит имперский комиссар Кубе. Проверьте, соответствует ли это действительности и кто исполнитель акта».

— Кто исполнители? — схватил я за руку Владимира.

— Приговор привела в исполнение партизанка отряда «Дяди Димы» (майора Федорова). Она у Кубе работала горничной… В городе гитлеровцы с ума сходят, — весело крикнул Владимир.

— А газеты доставили? — спросил Машков.

— Сделано! Уже вчера их люди читали. Нужно больше газет, народ прямо из рук рвет.

— А немцы что? — взволнованно спросил Лещеня.

— В городе начались расстрелы. На место Кубе назначен генерал-лейтенант Готтберг.

— Наши люди не арестованы? — с тревогой спросил я.

— Те, которых знаю, не арестованы, продолжают работать. За одну ночь мы распространили все пятьсот экземпляров.

Я вызвал Ларченко.

— Собирай быстро конных разведчиков и — на задание. Хорошая новость — Кубе казнен.

Скоро во все соседние отряды и населенные пункты с этим известием летели наши разведчики.

Известие об уничтожении Кубе быстро облетело лагерь. Партизаны громко и оживленно беседовали.

— Наконец-то этот гад получил по заслугам! Теперь они поймут, что на нашей земле им нет жизни, — окруженный товарищами, говорил Михаил Гуринович.

Мы получили от разведчиков точные сведения, что Кубе убит в своей спальне миной, положенной ему в постель горничной Еленой Мазаник, и тотчас же послали об этом радиограмму в Москву.

Расскажу вкратце о событиях последних дней, связанных с уничтожением наместника Гитлера в Белоруссии.

Многие высокопоставленные гитлеровцы, в том числе и генеральный комиссар Белоруссии гауляйтер Вильгельм Кубе, нашли свою бесславную гибель в Минске. Кубе постоянно прятался за спины охранявших его немецких солдат. Но оказалось, что гнев народа не знает преград. От него не спасают ни многочисленная охрана, ни пулеметы и автоматы, ни самые, казалось бы, неприступные крепости.

Кубе знал, что он обречен на смерть, что его всюду подстерегает ничем неистребимая ненависть народа. И он, как лиса, старался замести свои следы. Всячески стремился засекретить места своего нахождения, ездил на разных машинах, постоянно меняя маршруты. Доступ к его жилищу преграждался сложной пропускной системой. И тем не менее партизанская мина в нужный момент нашла этого гитлеровского сатрапа.

Приговор народа над Кубе был приведен в исполнение в ночь с 21 на 22 сентября 1943 года.

Разведчики нашего отряда установили, что горничной у Кубе работает комсомолка Елена Мазаник и что муж ее в Красной Армии. Я запрашивал о муже Елены по радио разведотдел,

однако не удалось установить сразу же, где он находится… А терять время, пока, наконец, его разыщут, было бы непростительно. Поэтому мы решили использовать то немногое, что мы знали, для того, чтобы связаться с Еленой Мазаник.

Для ликвидации Кубе 2 августа 1943 года мы направили в Минск нашего разведчика Гейнца Линке. Его снабдили немецкими документами, формой эсэсовца и карманным оружием.

Гейнц Линке остановился на одной из наших квартир. Хозяйка квартиры постаралась незаметно встретиться с Еленой и обещала свести ее с человеком, который совсем недавно виделся с ее мужем. Как только представилась возможность, Елена Мазаник помчалась к хозяйке явочной квартиры.

В небольшой комнате из-за стола поднялся навстречу ей красивый белокурый молодой человек.

Это был наш Линке.

Елена так и бросилась к нему, засыпала его вопросами о муже…

Линке пришлось признаться, что он не знает о нем ничего определенного и что он воспользовался его именем только для того, чтобы добиться личной встречи с Еленой. Линке сказал напрямик, что прибыл от партизан для того, чтобы поручить ей выполнить задание особой важности.

Нет сомнения, что если бы в это время лишь один наш разведчик добивался установления боевого контакта с Еленой Мазаник, она тотчас поняла бы: для такой цели можно и нужно использовать любую возможность, любой предлог.

Но… получилось нечто похожее на те случаи, когда партизанская группа, отправляясь минировать железную дорогу, натыкается на партизанскую группу другого отряда, избравшую для диверсии тот же самый участок. В таких случаях проходят чрезвычайно тревожные минуты, пока выяснится, что перед тобой не враг, а товарищ, соратник по общей борьбе…

Да, нечто похожее!..

К этому времени Елена Мазаник уже имела связь с партизанским отрядом. И она заподозрила в нашем Линке провокатора СД. Это подозрение у нее еще более усилилось во вторую встречу, когда Линке пришел в мундире эсэсовца. Поэтому, когда он прямо дал ей задание убить Кубе, Елена изобразив перепуганную насмерть обывательницу, кинулась бежать от него…

Это было в то самое время, когда руководитель одной из городских подпольных групп Мария Осипова под видом торговки доставила в Минск в корзине с творогом и брусникой мину с

часовым заводом.

Затем эта мина была Еленой пронесена в резиденцию Кубе. Пронесена мимо зорких и придирчивых часовых личной охраны Кубе!.. Елена проникла в спальню Кубе и заложила мину в кровать между матрацем и пружинами в головной части кровати. Кубе был убит. Собранные куски его тела были положены в серебряный гроб и отправлены самолетом в Берлин. Это был партизанский подарок Гитлеру.

Активное участие в проведении этой операции принимали рабочий-подпольщик А. П. Дрозд, подпольщица М. Б. Осипова, партизанка бригады «Дяди Коли» (П. Г. Лопатина) Н. В. Троян.

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с врагом, славным советским патриоткам: Е. Г. Мазаник, М. Б. Осиповой и Н. В. Троян — присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Члены Минского подпольного горкома собрались на короткое совещание.

Тираж очередного номера газеты был почти отпечатан, поэтому в связи с уничтожением Кубе подпольный горком решил выпустить специальное воззвание к населению города. Тут же сообща написали его. Горком партии призывал население еще больше оказывать сопротивление оккупантам. Воззвание заканчивалось следующими словами:

> «…Грозный, но справедливый народный приговор белорусского народа над кровавым палачом Кубе приведен в исполнение.
>
> Народная месть настигнет всех палачей. Никакой террор не сломит всенародной борьбы с фашистскими захватчиками.
>
> Товарищи минчане! Приближается день вашего освобождения. Еще более усилим наши удары по оккупантам.
>
> Смерть фашистским захватчикам!
>
> *Минский подпольный комитет Коммунистической партии большевиков Белоруссии».*

Воззвание необходимо было отпечатать как можно быстрее, и сам редактор пошел помогать наборщикам.

За эту ночь газеты и воззвания были отпечатаны, а утром в Минск отправились братья Сенько, Воронков и Гуринович. Они должны были установить, не арестован ли кто из подпольщиков, и вместе со связными наметить новые способы доставки в город газет и листовок, так как постоянно пользоваться для этой цели

машиной Иванова становилось слишком рискованным.

Пришло письмо от Мурашко. Он просил срочной встречи.

Взяв с собой Чернова и конных разведчиков, я выехал в Кайковский лес. Скоро пришел Мурашко.

— Что так спешно? — спросил я.

— Мы узнали, что оккупанты собираются с аэродрома вывезти куда-то всех военнопленных и вообще всех русских. Поэтому необходимо срочно убрать оттуда наших людей. Но я хочу вывести их с эффектом.

— Что вы придумали?

— Поджечь склад с горючим, — спокойно сказал Мурашко. — Зоя со своей подругой Александрой Никитиной берутся заминировать общежитие летного состава, а бывшие военнопленные Оперенко и Капустин — самолеты и цистерны.

Он рассказал мне подробности плана. Мурашко и Фолитар должны были ознакомить женщин и Василия Оперенко, как обращаться с маломагнитками. Долго мы беседовали, обсудили до мелочей все детали предстоящей операции. Прощаясь, я пожелал ему удачи.

Мурашко начал действовать. Вместе со своей женой Галиной Циркун (которая была подругой Зои Василевской) он подготовил заряд тола в десять килограммов, взял две маломагнитки и принес их в дом жены по Рабкоровской улице, совсем недалеко от общежития гитлеровских летчиков.

Галина привела к себе домой Зою Василевскую, показала ей, где находится мина и как заложить маломагнитку, чтобы она взорвалась в полночь, отдала ей ключ от своего дома, и они обе ушли на квартиру к Зое. Здесь Галина осталась, а Зоя отправилась за Никитиной и скоро привела ее и ребенка. Все они остались ночевать у Зои.

В это время Мурашко разыскал Олега Фолитара и передал ему шесть маломагниток, чтобы он отнес их к Оперенко. Мурашко тщательно проинструктировал Олега и сказал, что цистерны должны быть взорваны завтра после полуночи.

Оперенко и Капустин жили рядом с аэродромом, без охраны. Фолитар в сумерки подошел к бараку, вызвал Оперенко, передал ему маломагнитки и показал, как с ними обращаться.

— Добре, братишка, — кивнул Оперенко и ушел в барак. Он осторожно пробрался к своему топчану. Никто не заметил его отсутствия.

Лежа рядом с Капустиным, он сообщил ему новость. Оба товарища засунули мины себе под головы и до утра не смыкали глаз. Утром они встали позже других, тщательно спрятали под одеждой мины и как обычно пошли на работу.

Оперенко и Капустину приказали подготовить к старту «мессершмитт». Друзья стали промасленными тряпками вытирать плоскости самолета, наливать в бак бензин. Как только немецкий механик куда-то отлучился, Оперенко быстро сунул в отверстие моторной части маломагнитку. Она накрепко прилипла к металлу.

Окончив заправку самолета, Оперенко и Капустин украдкой посматривали на «мессершмитт», но тот все не стартовал. Друзья стали беспокоиться, что самолет взорвется на земле. Наконец Капустин увидел подходивших к самолету генерала, двух полковников и летчика. От радости он пребольно ущипнул Оперенко.

Пассажиры забрались в самолет, механики завели моторы, и самолет, плавно прокатив по дорожке, поднялся в воздух. Капустин и Оперенко готовили второй пассажирский, но тут в воздухе послышался какой-то глухой взрыв. Все подняли головы, самолет, охваченный пламенем, со страшной быстротой падал на землю и в районе товарной станции, врезавшись в пакгауз, разлетелся на куски.

С аэродрома к месту катастрофы тотчас же выехали две грузовые машины с немецкими техниками.

Выбрав удобный момент, Оперенко и Капустин подошли к цистернам и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, приклеили к двум цистернам по две маломагнитки. После этого они опять направились к самолетам.

Из разговоров возвратившихся техников Оперенко и Капустин поняли, что их никто не подозревает. Комиссией было установлено, что взорвался бензиновый бак. Оперенко и Капустин продолжали работать дальше. Под вечер они начали готовить к старту двухмоторный грузовой самолет. Капустин всячески старался помочь механику и, как только тот отвернулся от мотора, подсунул туда мину.

Скоро самолет с артиллерийскими офицерами поднялся в воздух. Где-то в районе Радошкович он взорвался.

— Бежим отсюда, — шептал побледневший Капустин. — Уж сейчас-то догадаются.

— Еще рано, — коротко ответил Оперенко и посмотрел на общежитие. Условного сигнала пока не было.

Галина Циркун встала очень рано, разбудила Зою Василевскую и Никитину, и они начали собираться: потеплее одели детей, связали в узлы самые необходимые вещи.

Время тянулось медленно. Наконец половина восьмого. Зоя и Александра должны были идти на работу. Взяв Галину за руку,

Зоя сказала:

— Галина… Мое сердце чувствует, что все кончится хорошо, но если что… не оставь наших малышей.

— Будь спокойна за них… — Галина поцеловала подруг, взяла детей и узлы и пошла из города.

Возле совхоза «Сеница» ее встретил Мурашко. Дети хныкали. Мурашко дал им сахару и начал с ними играть. Они успокоились.

В это время Александра и Зоя пошли на квартиру к Циркун, вытащили из-под кровати головые шашки и две маломагнитки, уложили все в хозяйственные сумки и покрыли бумагой. Положив наверх кусок сала и несколько яиц, они вышли.

Зоя и Александра знали немецкий язык и не один час простаивали, болтая с летчиками. Те считали их своими людьми. И теперь, когда они проходили на аэродром, часовой подмигнул им и, глазами показывая на сетку, спросил:

— Провизию купили?

— Да нам из деревни привезли, не хочется возвращаться домой, вечером отнесем, — спокойно ответила Зоя.

Александра и Зоя подошли к общежитию. Александре нужно было идти в столовую.

— Как увидишь около дверей полотенце, иди ко мне, — сказала Зоя и, взяв обе сумки вошла в помещение.

Летчиков в общежитии еще не было, и Василевскую встретил хромой немец — комендант общежития.

— Сало есть? — показывая на сумку, пробормотал он.

Зоя вынула кусок сала и подала коменданту. Тот достал хлеб и сразу же начал есть, не отрывая глаз от сумки. «Хромой черт, еще вздумает запустить лапы в сумку, — подумала Зоя. — Надо что-то сделать, чтобы он отвязался». Она знала, что комендант очень боится начальника аэродрома капитана Элерта, и решила прибегнуть к хитрости.

— Завтра должен возвратиться из командировки капитан Элерт. Он просил меня, чтобы я ему купила сала, вот я и принесла, — сказала Зоя коменданту и обе сумки положила в шкафчик капитана, закрыв его на ключ.

Чтобы затянуть время и подольше побыть в общежитии, Зоя медленно застилала кровати, усердно вытряхивала простыни. А хромой комендант все вертелся около нее.

С места аварии самолета возвратились летчики, продолжая разговаривать о происшедшем. Зоя всячески старалась продлить уборку кроватей.

Наконец комендант куда-то поковылял. Летчики тоже разошлись, и Зоя осталась одна. Она закрыла дверь, вынула сумки со взрывчаткой, отодвинула доску и в образовавшуюся

щель быстро начала засовывать головые шашки. Она торопилась и слышала только биение своего сердца. Вот шашки уложены. Зоя взяла маломагнитку и тщательно приложила взрыватель к головой шашке. Затем поставила на место отодвинутую доску и забила ее гвоздем. Открыла дверь и только теперь почувствовала невероятную усталость. Осмотрелась — никого нет. Она спрятала опустевшие сумки в шкафчик к Элерту, закрыла на ключ и выбросила его в окно, а около двери повесила полотенце — сигнал для Оперенко и Капустина.

Вскоре пришла Александра.

— Сделала? — шепотом спросила она.

Зоя молча кивнула.

Подруги быстро ушли.

Оперенко и Капустин, увидев вывешенное полотенце, поспешно убрались с аэродрома. Через несколько часов они все встретились за совхозом «Сеница».

Зоя кинулась к своей дочке Валечке, обняла ее и долго не могла произнести ни слова. Затем, успокоившись, она, внимательно посмотрев на Капустина и Оперенко, спросила:

— Ведь это вы действовали на аэродроме?

Оперенко и Капустин молча наклонили головы.

— Теперь понятно, почему взорвались самолеты, — улыбнулась Зоя.

Вечером все товарищи, работавшие на аэродроме, были уже в Кайковском лесу, где мы их ожидали. Здесь я познакомился с Никитиной, Василевской, Галиной Циркун, Оперенко, Капустиным и Олегом Фолитаром.

Позднее я узнал, что до войны Олег Фолитар учился в шестом классе 46-й Минской школы. Отец его — Фолитар Мартин Кондратьевич работал поваром в тресте столовых, а мать — Анна Александровна — продавцом. Эвакуироваться они не успели и остались в Минске, проживали по улице Розы Люксембург в доме 33/3. Родители знали, что Олег поддерживает связь с партизанами, и помогали ему всем, чем могли.

С подпольной группой Константина Мурашко Олег установил связь через свою двоюродную сестру подпольщицу Раису Врублевскую. Встречался с Мурашко в деревне Сеница. Через Врублевскую установил связь и с другими подпольщиками. Встречи происходили на квартире Врублевской по улице Чкалова, 55.

После взрыва эшелона с горючим на товарной станции в Минске Олег участвовал еще во многих диверсиях: во взрыве нефтехранилища в районе Козырева и нефтебазы по улице Толстого. Он помогал подготовить взрыв двух фашистских

самолетов на Минском аэродроме (исполнители Оперенко и Капустин).

На железной дороге Минск — Бобруйск, на перегоне между станцией Талька и деревней Демьяновка, с участием Олега был взорван немецкий эшелон с новой техникой, и на том же участке пущен под откос воинский эшелон с солдатами.

В 1943 году Фолитар участвовал в поджоге немецкой базы, которая снабжала обмундированием армию. Раисе Волчек он доставил мину для взрыва немецкого казино с офицерами.

В том же году, когда эта подпольная группа попала в руки СД, Олегу удалось уйти из города в наш отряд, где он находился до соединения партизан с Красной Армией. Олег Фолитар сразу же был зачислен в 32-й мотострелковый полк 63-й дивизии, с которой дошел до Берлина. В 1950 году демобилизовался и стал работать слесарем на инструментальном заводе. В настоящее время работает на минском заводе «Калибр» слесарем-инструментальщиком.

Но вернемся к тому периоду.

Чернов приготовил закуску, но никто не прикасался к еде, все ожидали взрыва. Время подошло к полуночи, лес по-прежнему был окутан глубокой тишиной. Зоя нервничала: «Неужели что-нибудь сделала не так и мина не сработала?»

И вот в первом часу ночи на аэродроме раздался глухой взрыв.

— Сколько в общежитии людей? — спросил Мурашко.

— Более пятидесяти летчиков, — ответила Никитина.

Как позже выяснилось, взрывом было убито двадцать и ранено тринадцать фашистских летчиков.

Мы вышли на опушку леса. Ведь еще должны были взорваться цистерны с горючим. Минут через тридцать после первого взрыва раздался второй взрыв. В воздух взметнулся огненный язык и далеко осветил местность.

— Это наш, — спокойно проговорил Оперенко.

Все смотрели на разраставшееся пожарище. Его отблески отражались на строгих лицах партизан.

— А много было бензина? — нарушил молчание Чернов.

— Пять цистерн на четыре тысячи литров, одна, правда, не полная, — засмеялся Оперенко.

Я отозвал Мурашко в сторону.

— Вы теперь тоже в отряд? — спросил я.

— Пока нет. Ведь еще не все мои группы вышли в лес. Рая Волчек работает в офицерском казино… Может, там тоже что-нибудь удастся сделать…

— Верно, — согласился я, — мы обязаны использовать

каждую возможность. Но жена ваша пусть останется с нами. В лагере ей будет безопаснее.

Мурашко простился с женой и с нами. Вдвоем с Олегом Фолитаром они направились к городу, где бушевало пламя пожара.

7

Кроме боевой деятельности мы проводили большую разведывательную работу. Подпольщики Минска беспрерывно следили за поведением врага.

В ноябре 1943 года Федор Боровик установил, что бургомистр города Слуцка Бахман — уроженец бывшей автономной республики немцев Поволжья. Мы решили установить с ним связь.

Штаб отряда написал письмо:

«Господин бургомистр! Очевидно, вы оказались на стороне гитлеровцев потому, что уверовали в непобедимость «армии фюрера»? Теперь, конечно, вы уже знаете о страшных поражениях германской армии и под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге. Недалек тот день, когда германский фашизм, постигнет полный крах. Не только многие старшие офицеры вермахта, но и рядовые солдаты уже понимают это. Многие военнослужащие германской армии решительно рвут с Гитлером и с нацизмом, прекращая борьбу против советского народа и Красной Армии. А вы, господин бургомистр, были советским гражданином, вы знаете нашу идеологию и должны хорошо понимать, что Красная Армия воюет не против германского народа, а против германского фашизма, против Гитлера и его клики.

Господин бургомистр! Вам надо задуматься также и вот о чем. 22 сентября по приговору белорусского народа имперский комиссар Кубе был казнен советскими партизанами. Вспомните: его охраняла огромная свора эсэсовцев и гестаповцев. До вас же, господин бургомистр, нам совсем нетрудно добраться.

Мы предлагаем вам искупить вину перед советским народом и помогать нам, советским партизанам. Вы должны предупреждать нас о готовящихся карательных экспедициях против партизан, о передвижениях войск по Варшавскому шоссе, должны передать нам несколько чистых бланков для паспортов.

Мы ручаемся вам, господин бургомистр, что фашисты не будут знать о вашей помощи нам, партизанам.

Не отказывайтесь от нашего предложения! Помните,

что советские партизаны во второй раз вам руки не протянут. Решайтесь, пока не поздно. Иначе вам негде будет укрыться от карающей руки советских патриотов!

Дайте ответ по следующему адресу (мы указали тайник).

Партизанский штаб».

Федор Боровик взял письмо, несколько номеров свежих советских газет и отправился в Слуцк. Через шесть дней он вернулся и рассказал:

— При помощи моей знакомой Екатерины Ивановны Пискун я пробрался в дом, где живет бургомистр, и рано утром опустил в почтовый ящик на дверях его квартиры запечатанный пакет с надписью «Бургомистру Бахману (лично)». В пакете было письмо и свежий номер «Правды».

Затем двое суток мы вели наблюдение за тайником. На третий день нашли там записку:

«Согласен. Приходите завтра в три часа ко мне на прием. Скажете: «От гресского коменданта…»

— И ты был на приеме, Федор Васильевич? — не выдержал я.

— Был, — улыбнулся Боровик. — Оказалось, не так страшно, как ожидал… Мы сидели вдвоем в его кабинете и переговаривались шепотом… Бургомистр — крепкий, здоровый старик. Очень боится партизанской кары, особенно после уничтожения Кубе. Поэтому будет помогать нам… Вот — на первый раз…

И Боровик протянул мне двадцать пять чистых бланков для паспортов, а также план дислокации частей слуцкого гарнизона…

Забегая вперед, скажу, что бургомистр Бахман честно помогал нам вплоть до освобождения Белоруссии летом 1944 года. Когда в город Слуцк вступили наши войска, Бахмана, как бургомистра, арестовали и отправили в лагерь военнопленных. Там он на допросах сообщил о том, что поддерживал связь с партизанами нашего отряда, передавал важные разведданные. После моего подтверждения Бахмана освободили.

Наши опытные разведчики Д. А. Меньшиков, Н. Н. Денисевич, Николай Ларченко, немец-антифашист Гейнц Линке и другие брали «языков», подстерегая их на шоссейных дорогах, вблизи гарнизонов и аэродромов противника. Пленные немецкие солдаты и офицеры дополняли и уточняли имевшиеся у нас разведывательные данные и служили постоянным источником ценной информации. Я уже не говорю о других товарищах,

действовавших в минском подполье или специально проникавших в гитлеровские гарнизоны, где они устанавливали связи с солдатами и младшими офицерами, в частности, с насильно мобилизованными в немецкую армию чехами, словаками, австрийцами, французами. Во многих гарнизонах, офицерских столовых и общежитиях мы имели свои «глаза и уши», получали нужные нам сведения, а некоторых военнослужащих уводили в отряд, где они становились партизанами и честно сражались против гитлеровцев.

Из французов, ставших советскими партизанами, помню, например, Поля из Версаля и его друга Роберта из Парижа, а также Лео и некоторых других. Немцы их держали в строительном батальоне. Мы дали новым партизанам автоматы, и они участвовали во многих боевых операциях.

Разведчиками становились подчас люди, не имевшие до войны ни малейшего представления о разведывательной работе. В этом отношении поучительна история с Екатериной Мартыновной Дубовской — подпольщицей, а впоследствии нашей разведчицей.

Екатерина Мартыновна в первые дни войны оказалась под Белостоком. Муж, командир стрелкового батальона, наспех поцеловав двух малолетних ребятишек, Алика и Леню, жену, ожидавшую появления через месяц третьего ребенка, побежал в часть, которая уже выходила на исходные рубежи. Дубовская с детьми попыталась эвакуироваться, присоединившись к семьям командиров, советских и партийных работников. Однако, испытав все ужасы бомбежек и пулеметного обстрела, решила пробиваться в Минск, где проживали ее родители.

С невероятными трудностями, на попутных подводах, машинах или в теплушках, а чаще пешком, Екатерина Мартыновна пробиралась к Минску. В одну из ночей в суматохе, вызванной очередным обстрелом немецких самолетов, Дубовская потеряла сына Алика. Он остался в ушедшем эшелоне, куда набилась толпа беженцев.

Представляете себе горе и отчаяние матери! Она металась из стороны в сторону и кричала:

— Алик! Алик!..

Но ее ждал еще более страшный удар. Беженцы присоединились к находившимся в окружении советским пограничникам. Вначале двигались вместе. Потом пограничники решили с боем прорываться к своим. Это было в районе Баранович. Не желая подвергать смертельному риску женщин и детей, пограничники предложили им двигаться отдельной, самостоятельной колонной.

Ночью в лесу Дубовская вместе с другими семьями прилегла

отдохнуть, но вскоре проснулась от криков и стрельбы. Их обнаружили фашистские автоматчики и начали хладнокровно расстреливать. Босая, полураздетая, в разорванном платье Екатерина Мартыновна вскочила, но тут же упала с простреленным плечом.

Зажав платьем кровоточащую рану, она кинулась к плачущему сыну, но не успела прикрыть его своим телом. Высоченный эсэсовец в плаще и каске выстрелил из пистолета в упор и убил четырехлетнего Леню.

По лесу разнесся полный отчаяния крик матери. Она свалилась без сознания и уже не видела, как немецкая колонна, прошагав по трупам убитых и раненых — стариков, женщин, детей — скрылась в пыльной дали.

Екатерина Мартыновна Дубовская как-то сразу состарилась, поседела.

По улицам Минска, куда все же добралась, она шла как во сне, с потухшим взглядом и внешним безразличием.

Дома тоже не было радости: родители тяжело болели, сестра, не успевшая эвакуироваться, еле-еле зарабатывала на пропитание. А тут еще Екатерина со своим горем, неузнаваемая, с охрипшим голосом, без детей, без денег, без надежд на чью-либо помощь…

Несколько дней Екатерина Мартыновна пролежала в постели, а ветреной ночью вынуждена была вместе с родными бежать на улицу. В находившемся неподалеку гараже неожиданно вспыхнул пожар, пламя захватило и домишко родителей Дубовской. Они оказались без крыши над головой.

Семью погорельцев приютила старая знакомая, бывшая заведующая детскими яслями Юркян. У нее в квартире Екатерина и родила сына, ставшего теперь ее единственной радостью.

И вот эта женщина, перенесшая столько горя, едва оправившись после родов и тяжелой болезни, стала искать подпольщиков, чтобы вместе с ними бороться против оккупантов. Узнав о ее неукротимом стремлении включиться в борьбу, мы помогли ей: познакомили со связной Галиной Киричек и через нее стали передавать задания. Каждое поручение Екатерина Мартыновна выполняла аккуратно и точно.

Начала с небольшого — наладила связь с работниками одной из аптек и добывала там различные медикаменты, перевязочный материал и даже наркотики для раненых, которых наши врачи готовили к операциям. А затем, уклоняясь от встречи с патрулями и обходя контрольные посты, посещала наш лагерь и уносила в Минск листовки и сводки Совинформбюро, затем распространяла их среди населения: подбрасывала во дворы, просовывала в

дверные щели и даже ухитрялась опускать в почтовые ящики гитлеровских офицеров и местных начальников.

Дубовская познакомилась с соседом по квартире Сергеем Котовым, работником железнодорожного узла, и с его помощью наша литература начала распространяться среди железнодорожников. Екатерина Дубовская вместе, с Сергеем Котовым и заведующей детдомом Юркян создали подпольную диверсионно-разведывательную группу. Они выполнили немало наших ответственных заданий.

Однажды мы вручили Дубовской мину с просьбой передать ее Котову. Улучив удобный момент, тот прикрепил мину к эшелону с горючим, предназначенным для немецких танков. Весь эшелон, стоявший на товарной станции Минск, сгорел.

Когда нам понадобилось выяснить наличие вражеских войск в Барановичах, Дубовская добралась до города и при помощи своей подруги Яди, переводчицы в немецкой столовой, собрала нужные сведения. Оказалось, что каждую ночь на станции Барановичи скапливается много воинских эшелонов и до рассвета никуда не двигаются, опасаясь взрывов на железной дороге. Лишь с наступлением рассвета эшелоны уходят по своим маршрутам. В депо находится большое количество запасных паровозов.

Эти разведывательные данные мы немедленно передали в Центр. Советская авиация вскоре произвела несколько успешных налетов на Барановичи, уничтожила скопившиеся там эшелоны и разбомбила депо.

Ни одного раза Екатерина Мартыновна не напомнила нам о том, какой тяжелый груз лежит у нее на сердце: нет никаких вестей о муже, один сын потерян, другой застрелен эсэсовцем и только недавно родившийся тянется ручонками к матери, требует молока, а его негде достать.

Передав собранные сведения и получив очередное задание, Дубовская обычно говорила:

— Ну что ж, разведчик из меня не блестящий, но задание выполню.

На самом деле Екатерина Мартыновна была настоящим разведчиком, она чаще других снабжала нас важной информацией: какие эшелоны с грузами и живой силой идут через Минск и в каком направлении, какие части дислоцируются в городе и пригородах. Она аккуратно и в срок передавала инструкции горкома партии и штаба отряда подпольщикам.

Так Дубовская сумела преодолеть личное горе и включиться в активную борьбу против немецко-фашистских оккупантов.

После войны в ее дом пришла огромная радость: живым и невредимым вернулся с фронта муж. Затем нашелся

потерявшийся на дорогах войны сын, родилась дочь. Так что теперь в семье Дубовских двое женатых сыновей, дочь, внучата.

Недавно я встретился с Екатериной Мартыновной в Минске. На вопрос, как живется, она с усмешкой ответила:

— Живем хорошо и только по росту наших детей и внуков замечаем, как бегут годы. Здоровье? Сами понимаете, что пережитое оставило следы. Но ничего, креплюсь, не сдаюсь и не сдамся!..

В этом ответе — вся Дубовская, подпольщица, разведчица, мать, каких много было во время Великой Отечественной войны.

Секретарь подпольного горкома партии Лещеня читал националистические газеты, когда мы вошли в землянку.

— Интересно… фашисты задумали новый трюк. Придется нам поработать, — хлопнул он ладонью по газете.

Я взял газету. Она многое объяснила мне.

Красная Армия наступала на всех фронтах. Уже были изгнаны немцы из Гомеля, приближался день полного освобождения Белоруссии. Этого не могли не учитывать оккупанты. И вот новый генеральный комиссар фон Готтберг пускается на очередной трюк, чтобы ослабить силу народной ненависти, парализовать стремление белорусов бить оккупантов.

22 декабря 1943 года «Белорусская рада доверия» при изъявлениях лакейского восторга белорусских националистов реорганизовалась в «Белорусскую центральную раду». Теперь она объявлена «Конституционным белорусским правительством».

В этот день на заседании, посвященном церемониалу провозглашения «независимого белорусского буржуазного правительства», выступил с речью фон Готтберг, огласивший утвержденный им устав «БЦР». Он объявил о назначении президентом «рады» белорусского квислинга Островского, привезенного в 1941 году в Минск из Германии.

Островский — слуцкий помещик, провокатор царской охранки, платный агент немецкой, польской буржуазной и английской разведок, член первой «Белорусской рады» в период немецкой оккупации Белоруссии в 1918 году, был в белой армии Деникина и в банде Булак-Булаховича, организатор кулацкого восстания в Слуцке в 1920 году, руководитель многих заговоров против трудящихся Белоруссии, вдохновлявшихся и финансировавшихся английскими, польскими буржуазными и немецкими правительственными кругами, — такова беглая характеристика нового президента фашистской марионетки «БЦР».

Выступая с ответной речью, Островский еще раз раскрыл лицо и чаяния белорусских националистов как кучки предателей

белорусского народа. Он открыто поддерживал интервенцию гитлеровской Германии против Советского Союза и оправдывал ограбление нацистами оккупированной территории Белоруссии.

Вместе с Островским в состав «БЦР» Готтберг назначил ненавистного белорусскому народу штатного агента гитлеровской разведки националиста Шкеленка.

С разрешения Готтберга Островский составил «кабинет министров». Военным «министром» назначил Езовитова, отъявленного врага белорусского народа. Езовитов был членом «Белорусского центрального военного совета», двадцать шесть лет назад предпринявшего попытку сформировать националистическую армию для расправы с рабочими и крестьянами Белоруссии, провозгласившими Советскую власть.

В декабре 1917 года Езовитов участвовал в качестве «делегата» на 1-м контрреволюционном всебелорусском конгрессе. В январе 1918 года он был арестован народной властью Белоруссии, однако ему удалось бежать, и под защитой штыков Вильгельма Второго он занял пост военного министра предательской «Белорусской рады». В начале 1919 года, после бегства членов «рады» за границу, Езовитов был назначен шефом военно-дипломатической миссии «Белорусской рады» в Прибалтике с задачей выклянчить признание прибалтийскими буржуазными правительствами «Белорусской рады» и с их помощью сформировать армию для военных действий против белорусского народа.

Тогда же он установил связь с генералом Булак-Булаховичем, организовал переход его потрепанной дивизии из армии Юденича в лагерь белорусских националистов и толкнул ее на грабежи и бандитские налеты против населения Белоруссии. И вот при поддержке гитлеровских оккупантов он снова вынырнул…

Нужно было быстрее раскрыть сущность «БЦР» и показать народу подлинную подоплеку этого очередного трюка белорусских националистов.

Собрались все члены Минского подпольного горкома партии. Машков предложил немедленно выпустить специальный номер газеты «Минский большевик» с воззванием к народу.

— Это вопрос серьезный, касается всей республики. Я думаю, что Центральный Комитет даст нужные указания всем подпольным организациям. Необходимо связаться с обкомом, они уже, наверно, знают, — уточнил Лещеня.

Мы тотчас же послали радиограмму в обком партии. Подпольный обком ответил, что все уже известно не только им, но и Москве. Вскоре ЦК Коммунистической партии Белоруссии дал нам указания, как вести работу. Горком партии написал

воззвание к минчанам, разъясняя им сущность новой выходки буржуазных националистов.

Все коммунисты отряда вышли по деревням рассказать населению правду о «БЦР».

Я выехал в деревню Ямное. Деревня сильно пострадала от фашистской бомбежки, и крестьянам едва удалось собраться вместе в одном уцелевшем доме. Они внимательно слушали, и, когда я начал говорить о националистах, один пожилой крестьянин крикнул:

— Мы их знаем!

— Откуда сами будете? — поинтересовался я.

— Местный. Здесь родился, здесь вырос, и здесь в восемнадцатом году банда Езовитова меня «угостила», — говорил старик, продвигаясь к столу.

Он снял кожух, бросил его на пол, поднял рубашку и повернулся ко мне спиной.

— Вот, смотри! И только за то, что был батраком.

На смуглой худой спине старика виднелись белые следы рубцов.

— Ты у нас не найдешь человека, который бы не проклинал Езовитова и Островского. Агитировать нас не нужно, — старик опустил рубашку и надел кожух.

— Мне тебя, отец, нечего агитировать, тебя сам Езовитов давно «сагитировал». Расскажи молодежи все, что помнишь, — попросил я старика.

— Да, видать, прошлое вновь вылезло. — И старик стал рассказывать про кровавые дела, творимые белорусскими националистами в первые годы Советской власти.

Вернувшись в лагерь, я застал там возвратившихся из окружающих деревень Жардецкого, Каледу, Коско и Мацкевича.

— Как провели собрания, Юлиан? — спросил я Жардецкого.

— Хорошо. Люди не слепые, сами понимают, за кем идти. Как бы Островский ни перекрашивался, народ ему не верит. Один крестьянин сказал: «Значит, они организовали центральную здраду» (здрада — по-белорусски измена). Подходящее название, — закончил Юлиан.

Мы засмеялись. Название действительно было очень удачно.

Из Минска пришла Василиса Васильевна и рассказала, что новый фортель фашистов не обманул минчан.

Подпольные группы широко распространили «Минский большевик». Его экземпляры передаются горожанами из рук в руки.

Организовывая партийное подполье, горком партии прежде всего постарался выполнить главные задачи, поставленные перед

ним ЦК партии Белоруссии: вывод в партизанскую зону городского населения, сохранение оборудования предприятий, организация и проведение в городе диверсий и политической работы среди населения.

Вечером провели заседание горкома; обсудили дальнейший план действий и подытожили результаты работы подпольных групп.

26 октября 1943 года Минский подпольный горком партии постановил:

> «Организовать на всех предприятиях и учреждениях города диверсионные и повстанческие боевые группы с задачей проведения диверсий и сохранения предприятий и учреждений города при отступлении немцев. Имеющимся в городе диверсионным и повстанческим группам, наряду с проведением диверсий, уничтожением складов и техники противника, в связи с приближением фронта, поставить новые задачи по вопросу захвата и сохранения техники врага, сохранения оборудования заводов, зданий предприятий и учреждений города»[6].

Выполняя это решение, горком послал в город своих связных, уполномоченных и организаторов, установил связи с группами, уже действовавшими в городе, и привлек к подпольной работе новых советских патриотов — жителей Минска.

Горком КП(б)Б привлек к этой работе партизанские отряды и бригады. Так, 13 декабря 1943 года партизанской бригаде «Беларусь» было поручено создать на восемнадцати промышленных объектах Минска подпольные группы.

К концу 1943 года сеть коммунистического подполья расширилась и территориально охватила весь город. Только за последние три месяца 1943 года в Минске на заводах «Большевик», имени Ворошилова, имени Кирова, имени Мясникова, на радиозаводе, на железнодорожном узле, на фабриках «Октябрь», имени Крупской, табачной, на ТЭЦ-1, ТЭЦ-2 и других местах было организовано 79 боевых групп, в которые входило 326 советских патриотов[7].

На заседании городского комитета было решено созвать совещание командиров партизанских отрядов и бригад, дислоцировавшихся в районе Минска. Написали приглашения, и конные связные развезли их по отрядам.

27 ноября 1943 года все члены горкома прибыли в деревню Дубовое. Скоро в просторной избе начали собираться и командиры бригад: «Буревестника» — Мармулев, 2-й Минской — Андреев, 3-й Минской — Мысник, имени Суворова — Каледа,

имени Фрунзе — Арестович.

Командир отряда имени Калинина Сорока вместе с начальником штаба Дубининым и комиссаром Сачком также явились на совещание. Прибыл и секретарь Минского сельского подпольного райкома партии Николай Миронович Альхимович.

Совещание началось. Поднялся Лещеня:

— О положении на фронтах много говорить не будем. Теперь у всех есть рации и все знают, что приближается полный разгром фашистской армии. Но гитлеровцы, отступая, уничтожают все на своем пути, а людей угоняют в фашистское рабство. Сейчас в Минске и других городах фашисты усилили облавы на молодежь, они грабят и вывозят культурные ценности.

Уничтожением Ивановского и Козловского минские подпольщики сильно ударили грабителей по рукам. После этого националисты уже не столь рьяно пособничают гитлеровцам.

Коммунистическая партия дала нам указание сохранить советских людей, не дать оккупантам возможности их вывезти.

С сегодняшнего дня в каждом отряде необходимо иметь семейный лагерь. Из Минска, Слуцка и других городов нужно привлекать в отряды молодежь; стариков, женщин и детей определять в семейные лагеря.

Ясно, мы не должны ослаблять боевых действий подполья. Товарищи, уже выбравшиеся из города, находясь в отряде, должны усиленно помогать оставшимся подпольщикам.

В ближайшие месяцы фашисты вынуждены будут оставить Минск и постараются еще больше его разрушить. Теперь все подпольщики должны быть в курсе замыслов противника, следить за минированием заводов и учреждений, препятствовать вывозу оборудования…

— Выходит, взрывы в городе вообще необходимо прекратить? — спросил комиссар Сачек.

— Именно не вообще! Будет очень хорошо, если, например, ваш подпольщик выведет из строя котел на электростанции, а здание и остальное оборудование останется. Оккупанты теперь так заняты выравниванием линии фронта, — улыбнулся Лещеня, — что им некогда исправлять эти повреждения. Важно не дать оккупантам окончательно разрушить оборудование. В данное время электростанция не дает промышленным предприятиям электроэнергию, а это значит, что на месте останется немало сырья и оккупанты не получат тех или других видов продукции.

— Ясно! Взрывать надо там, где не нанесем ущерба себе, а только противнику, — отозвался Мармулев.

Посыпались вопросы.

— А как организовать семейные лагеря? Не получится ли табора? — спросил один командир.

— Об этом доложит Градов, — Лещеня кивнул в мою сторону.

Я рассказал собравшимся, как у нас в отряде был организован семейный лагерь, как обеспечивается он охраной и продовольствием, как женщины помогают партизанам стиркой и починкой одежды. В это время в нашем семейном лагере было сто десять семей. Среди женщин были портнихи, вязальщицы, повара; среди стариков нашлись кузнецы, сапожники, даже специалисты, которые умели обрабатывать сырые кожи. Так, Николай Корзун наладил выделку кож, а сапожники Ефим Здрок и Иосиф Смольский из этой кожи пошили свыше 500 пар сапог для партизан отряда.

— Партия правильно указала, — сказал Мармулев. — Мы не только спасем наших людей, но и усилим партизанское движение. Ведь почему сейчас еще некоторые не идут в партизанские отряды? Потому, что боятся, как бы не пострадала семья…

Тут же выяснили, какие связи с Минском имеет каждая бригада, и составили конкретный план вывода населения из города в лес.

Совещание обязало всех командиров и комиссаров партизанских отрядов, дислоцировавшихся вблизи Минска, встречать прибывающее население и обеспечивать его питанием. С помощью местного населения партизаны должны создать продовольственные фонды.

Дороги, по которым наметили вывод городского населения в партизанскую зону, должны находиться под постоянным наблюдением разведчиков и партизанских патрулей, которые обязаны встречать и направлять трудящихся в приемные пункты.

Лещеня предложил членам горкома партии периодически контролировать исполнение указаний ЦК партии.

По указанию городского комитета подпольные группы усилили диверсии в городе, на железнодорожном транспорте.

Опираясь на поддержку и помощь населения, они в октябре — декабре 1943 года обрушили на врага ряд сильных ударов.

Еще больший размах приняла массово-политическая работа партийного подполья. В нее включились многие подпольные райкомы КП(б)Б, партизанские отряды и бригады. В Минск усилился приток газет и листовок, издававшихся в тылу врага. В город засылались подпольные газеты «Звязда» (орган ЦК и Минского подпольного обкома КП(б)Б), «Чырвоная змена» (орган ЦК и Минского подпольного обкома ЛКСМБ) и многие другие.

Особенно крупные масштабы и небывалый размах приобрела

диверсионно-подрывная деятельность. Возросло количество диверсий, сила и эффективность ударов по врагу. Накопив большой опыт нелегальной работы, подпольщики умножили свои силы и действовали в тесном контакте с партизанами. Важнейшим фактором, способствовавшим всенародному развертыванию этой борьбы, явились блестящие победы Красной Армии.

Наибольшее количество диверсий произведено на Минском железнодорожном узле, где только за вторую половину 1943 года было совершено, по далеко не полным данным, свыше пятидесяти крупных диверсий. При этом было взорвано и выведено из строя много паровозов, вагонов, цистерн и другого подвижного состава, уничтожено большое количество горючего, военной техники, боеприпасов, а также живой силы противника.

Подпольщики пробрались в помещение немецкого штаба, заложили сильный заряд и произвели взрыв, от которого погибло 32 фашистских чиновника.

Подпольной группой офицеров «корпуса самааховы» было взорвано здание третьего отдела жандармерии по улице Опанского.

В октябре 1943 года были выведены из строя генераторы городской электростанции ТЭЦ-1. К сожалению, исполнителям диверсии — инженеру К. Р. Волчек и комсомольцу Анатолию Тарлецкому — не удалось спастись. Они были схвачены и повешены оккупантами.

Много боевых дел совершили подпольщики-комсомольцы молодежной организации «Андрюша», которой руководил рабочий Минского хлебозавода «Автомат» Н. А. Кедышко. Во главе организации стоял штаб, в который входили Н. А. Кедышко (руководитель), Л. Володько, А. А. Головацкий, Л. А. Домбровский, В. В. Михневич, П. Сиротин, А. Л. Тарлецкий, Л. Ярош.

Штаб объединял до тридцати подпольных групп. Подпольная организация «Андрюша» за два года деятельности (1942—1943) совершила в Минске ряд крупных диверсий.

На хлебозаводе «Автомат» группа подпольщиков вывела из строя четыре электромотора, конвейер для подачи теста, тестомешалку, тестовыбрасыватели. Выпечка хлеба прекратилась более чем на три месяца.

В ночь на 7 ноября 1943 года гитлеровцам удалось выследить и окружить штаб организации «Андрюша», находившийся в доме № 56а по Могилевской улице. В неравном бою погибло несколько членов штаба и в их числе Н. А. Кедышко.

С таким же мужеством действовали в Минске и другие

подпольные комсомольские организации.

В отряд вернулись Лещеня и Машков. Они посетили партизанские бригады, дали указания командирам, чтобы они координировали свой действия в Минске с городским комитетом партии. Горком партии постановил увеличить выпуск листовок, воззваний и усилить агитационно-пропагандистскую работу. По указанию горкома бригады усилили организационную работу в Минске.

В лагерь пришли Феня Серпакова, Василиса Гуринович, Галина Киричек и Воронин. Феня сообщила, что арестована Раиса Радкевич.

С каждым товарищем в отдельности мы поговорили, расспросили о его возможностях и потом составили план доставки подпольной литературы. Воронин проживал в деревне Сеница, и он взялся в базарные дни доставлять литературу в мешках с картошкой и в сене.

— Только вот беда, у меня нет ни картошки, ни сена, — сказал он.

— Достанем, — успокоил его Лещеня.

Василиса Васильевна сказала, что она может ездить из Руденска в Минск пригородным поездом, пассажиров проверяют редко. Серпакова и Киричек также подтвердили, что смогут проносить газеты в город. У всех связных документы были в порядке, и они, взяв газеты, ушли.

Мурашко, Красницкому и инструктору горкома Осадчему дали группу партизан для охраны, и они вышли из лагеря для установления связи с новыми подпольщиками.

Через неделю они вернулись. В Минске была установлена связь с большинством подпольных групп и создано несколько новых. Одной из них — на дрожжевом заводе — руководил технорук Борис Чирко. Красницкий доложил, что Сумарева отказалась уходить в лес, считая, что ей ничто не угрожает.

Нам доставили пачку националистических газет. Развернув одну, мы увидели некролог:

> «Генеральный комиссар Вильгельм фон Кубе был нашим лучшим и сердечным другом. Он думал так, как думает каждый белорусский националист».

Это писали фашистские прихвостни в так называемой «Белорусской газете».

— Прекрасный материал для нашей газеты, — прочитав это, сказал Лещеня. — Нужно выпустить специальный номер газеты, разоблачающий белорусских националистов и зверства фашистов.

Машков собрал большой материал о националистах Островском, Рябушко, Козловском и бургомистре Ивановском и начал готовить специальный номер.

— Написать, что националисты должны быть казнены, так же как и фашисты, мы написали, а теперь нужно приводить приговор в исполнение, — сказал Машков.

Из Минска прибыли братья Сенько и принесли пачку немецких документов, несколько пистолетов и собранные сведения об оккупантах.

— Ганько с Абрамовой выдумали новый трюк, — сказал Константин, — в Минске открылась гимназия, и туда принимают только членов «Союза белорусской молодежи». И ведь находятся молодчики, которые поступают в эту гимназию. — Он с возмущением рубанул рукой. — Нужно что-то предпринимать…

— Обязательно нужно, — подтвердил Машков. — Прежде всего напишем воззвание.

— Вы скоро соберетесь обратно? — спросил я Владимира.

— Хоть сейчас, — бодро ответил он.

— Сегодня отдохните, а завтра пойдете, — предложил Машков.

Вдвоем с Родиным они написали воззвание к молодежи Минска:

«Учащаяся молодежь Минска!

Немецкие варвары, разрушив и ограбив наши школы, средние и высшие учебные заведения и библиотеки, открыли в Минске несколько своих «школ» и «гимназий».

Боясь репрессий и преследований, часть молодежи Минска пошла «учиться» в эти «школы». Но немцам не нужны культурные и образованные белорусы. Им не нужны белорусские врачи, инженеры и техники, им нужны белорусские рабы. Поэтому они забивают вам голову «прелестями» фашизма, заставляют изучать биографии палача Гитлера и его подручных по разбою.

Всех учащихся гитлеровцы «добровольно» записывают в фашистскую организацию «СБМ». Не желающие вступать в «СБМ» исключаются из школы.

Фашистская цепная собака, этот ублюдок из «СБМ» Ганько, стараясь выслужиться у своих господ немцев, заигрывает с нашей молодежью. Путем организации различных вечеров, спортивных праздников «руководители» из «СБМ» проводят свою гнусную пропаганду с тем, чтобы побольше втянуть нашей молодежи в фашистскую организацию. Гитлеровские

холуи из «СБМ» хотят этим самым облегчить немцам вывоз нашей молодежи на каторгу в Германию и заставить наших юношей и девушек выступить на защиту истекающего кровью немецкого зверя…

Юноши и девушки! Срывайте работу школ и гимназий, не вступайте в фашистскую организацию «СБМ», разоблачайте гитлеровских ставленников из «СБМ». Не являйтесь на весенние испытания в школу.

Знайте, что после окончания «занятий» в школах вас, как членов «СБМ», погонят в немецкое рабство или на строительство укреплений, заставят защищать палача Гитлера и его армию.

Немецко-фашистский зверь смертельно ранен. Гитлеровские захватчики не мечтают теперь о всемирном господстве. Они лихорадочно укрепляются, пытаясь отстоять свое разбойничье логово — Германию.

Но не выйдет!

Молодежь Минска! Близок час, когда Красная Армия совместно с армиями наших союзников нанесет решающий удар, который будет последним ударом по разгрому немецких захватчиков.

Поднимайтесь все на борьбу с немецкими захватчиками! Всеми средствами активнее помогайте родной Красной Армии!

Не поддавайтесь на провокации предателей из «СБМ»!

Отдадим все свои силы, всю волю, все стремления на освобождение нашей Родины от гитлеровских извергов!

Минский горком ЛКСМБ».

Утром это воззвание было отпечатано в большом количестве экземпляров.

Взяв около сотни их, братья Сенько отправились в Минск.

30 октября 1943 года из Кайковского леса возвратились все товарищи.

На заседании городского комитета партии Осадчий доложил, что на Второй минской электростанции член подпольной группы рабочий Иосиф Буцевич взрывом вывел из строя два котла и электростанция перестала работать.

В этот же день служащий железной дороги в Козыреве Гературан установил мину на уходящем со станции эшелоне, в результате в пути следования взорвались десять вагонов с боеприпасами.

Олег Фолитар и Игнат Чирко заминировали пять цистерн с горючим.

Мурашко доложил, что братья Сенько с помощью Фролова продолжают убивать офицеров СС и СД и что его группа к Октябрьскому празднику готовит две диверсии.

Матузов сообщил, что Ульяна Козлова, которая теперь работает в столовой немецкой эсэсовской команды, подготавливает взрыв. Если взрыв удастся — уйдет в отряд…

Из Кайковского леса прибыл Константин Мурашко.

— Дайте больше мин, тола, — потребовал он.

— Неужели уже израсходовали? — удивился я.

— Да, Фолитар и Игнат Чирко последние маломагнитки приклеили к цистернам с горючим. Теперь мы с Гавриловым готовим фашистам новые «подарки».

Мы дали ему двадцать килограммов тола и десять маломагниток, и он ушел обратно.

А спустя несколько дней Мурашко пришел в лагерь веселый и довольный.

— Повезло! — радостно пожал он мне руку.

— Рассказывайте!

— Рая Врублевская вызвала ко мне Николая Гаврилова… Я показал ему, как обращаться с толом и ставить маломагнитки. Потом стали думать, что именно заминировать. «У нас на станции формируются пассажирские составы, в отдельных вагонах едут офицеры… Что, если сунуть мину в такой вагон?» — предложил Гаврилов.

Мы так и решили.

Гаврилов пользовался правом свободного доступа в вагоны. И вот, как только на запасной путь подали состав, он с маломагниткой и пакетом толовых шашек осторожно вошел в вагон и в тамбуре уложил мину. Поезд уходил через четыре часа, и Гаврилов поставил шестичасовой взрыватель. Точно через шесть часов в пути произошел взрыв. Было убито двадцать пять офицеров. Гаврилов остался вне подозрения.

Эта удача еще больше раззадорила его, и на другой же день он заминировал автодрезину. Ничего не подозревая, четверо эсэсовцев сели в нее и уехали. На перегоне между Минском и Ждановичами вместе с дрезиной они взлетели на воздух.

— Гаврилов опять просит мину, но я пока не даю. Пусть пройдет немного времени, иначе на него падет подозрение, — говорил Мурашко. — Подождем случая заминировать что-нибудь гораздо более важное, чем дрезину, — закончил он.

Мы получили сведения, что между Сеницей и Прилуками (окрестность Минска) немцы строят мощную радиолокационную

станцию «Медведица». По своей мощности «Медведица» будет вторая на временно оккупированной немцами территории. Она должна была координировать связи Берлина с центральным фронтом, перехватывать партизанские радиограммы и препятствовать поддержанию партизанами связи с Большой землей.

На заседании Минского горкома было принято решение во что бы то ни стало воспрепятствовать строительству этой станции.

Монтажные работы проводили военнопленные-поляки под сильной охраной эсэсовцев. После окончания работ их всех должны были расстрелять.

Обо всем этом я рассказал Мурашко. Он задумался, видимо перебирая в памяти людей, через которых можно проникнуть к монтажникам.

— Только ты один, Константин, можешь выполнить это задание: твои люди в большинстве из этого района, — сказал Лещеня.

— Не знаю, как выйдет, но постараюсь выполнить, — поднявшись, решительно ответил Мурашко.

Долгое время в лагерь не показывались братья Сенько, но никто на это не обращал внимания. Мы привыкли к тому, что от них долго, иногда по месяцу, нет никаких сведений, а потом вдруг неожиданно они появлялись, бодрые и веселые. Теперь я начал тревожиться. И вот скоро вместо них явилась связная Катя. Ее посеревшее лицо и впавшие глаза без слов говорили, что произошло несчастье.

— Что случилось? — предчувствуя недоброе, с тревогой спросил я.

— Владимир погиб… Константин, раненный, в СД… — глухо, не своим голосом проговорила девушка.

Я невольно прислонился к выступу землянки. Больно сжалось сердце. Перед глазами всплыла картина последнего прощания: перекидываясь шутками с остающимися в лагере партизанами, Владимир и Константин выходят в город…

— От кого слышала? Может, это еще не…

— Нет, это точно… — наклонила голову Катя. — Константина выдал какой-то предатель. Работники СД выследили его и окружили. Отстреливаясь, Константин убил восемь фашистов, но был ранен, надолго потерял сознание, и его увезли в СД.

Плечи Кати вздрагивали.

Только теперь я понял, как дорог был для Кати Владимир.

Больше, чем каждому из нас, а его любили все…

— Где держат Константина? — тихо спросил я.

— Не знаю… Старались узнать, но пока ничего не вышло, — Катя говорила едва слышно.

— Больше никого не взяли?

— Говорят, на заводе Мясникова кого-то взяли, но кого именно — не знаю. Взяли профессора Клумова и из «корпуса самообороны» какого-то начальника.

— Фамилию этого предателя знаете?

— Нет.

— Хоть что-нибудь говорили они о нем?

— Ни слова.

— Откуда же тогда…

— Константина неожиданно окружили на улице. Он крикнул ребятам, что их предал… Больше он ничего не успел сказать.

Несколько минут мы молчали.

— А как Фролов и Иванов?

— Работают еще.

— У вас СД не было?

— Нет.

— Вы должны срочно выйти в отряд или переменить квартиру, — решительно сказал я.

— Что вы! Неужели думаете, что Константин… Нет, он фашистским палачам ничего не скажет, — горячо заговорила девушка, — а кроме Владимира и Константина, про нашу работу никто не знает.

— Катенька, я верю, я знаю, что Константин не выдаст… и все-таки конспирация требует, чтобы вы скрылись, — убеждал я ее.

В этот момент в землянку зашли комиссар Родин и Лещеня. Я им кратко рассказал о случившемся.

Печальную весть нужно было сообщить Марии Сенько. Анатолий Чернов привел ее в землянку. Мария взглядом обвела нас, внимательно посмотрела на Катю и дрожащими губами прошептала:

— Катя, что случилось?

Катя обняла Марию.

— Владимир погиб… Константин…

— Погиб… — едва слышно повторила Мария. Она освободилась из Катиных объятий и твердыми шагами вышла из землянки.

Я нашел ее за лагерем. Мария сидела на краю окопа и невидящими глазами смотрела вдаль.

— Мы все вместе с вами горюем, Мария, — проговорил я.

Она крепко сжала мою руку.

— Мы, комсомольцы, в первые дни войны поклялись бороться против оккупантов. Мои братья погибли на боевом посту…

— Константин жив, — нерешительно произнес я.

— Жив? — в ее голосе прозвучала слабая надежда.

— Жив, Мария, но он, раненный, попал в лапы палачей из СД.

Лицо Марии стало совсем бескровным. Срывающимся голосом она попросила:

— Оставьте меня одну.

Я шел по лагерю, напряженно раздумывая о причине гибели подпольщиков. Простая ли случайность или СД пролезло в наши ряды… Надо предпринимать экстренные меры, иначе могут погибнуть другие.

На экстренном заседании подпольного горкома мы решили послать в Минск товарищей, чтобы они узнали о подробностях и размерах провала и помогли оставшимся в живых подпольщикам.

Родин предложил послать Михаила Гуриновича и Максима Воронкова. Все согласились. Вызвав обоих, я им подробно рассказал о случившемся и о предстоящем задании.

— Согласны пойти в Минск? — спросил Лещеня, выходя из-за стола.

Поднялся Гуринович и коротко сказал:

— Мы коммунисты.

Через неделю они возвратились в сопровождении Фени Серпаковой, Галины Киричек и Клавдии Валузенко.

— Где Константин Сенько, так и не удалось узнать, — прежде всего сказал Воронков и опустил голову.

— Да… неизвестно даже, жив ли он еще или нет, — тихо проговорил Гуринович. — Узнали только одно: Михаил Иванов и Николай Фролов по-прежнему работают на своих местах… И не собираются уходить…

— Значит… — нерешительно начал я.

— Да! Они крепко верят, что Константин их не выдаст, — ответил Максим на мою невысказанную мысль.

— С завода Мясникова арестовали Сумареву, инженера Силантьева и механика Верлига, — вставила Галина.

— Их на день раньше, чем Соболенко, — быстро подхватила Феня. — Поэтому я думаю, что их арест не связан с арестом Соболенко…

Ночью мы с Лещеней, Родиным и Машковым обсуждали сообщения пришедших из Минска подпольщиков.

Мы были одного мнения: захватом Константина Сенько, арестами Сумаревой и других товарищей СД нанесло сильные удары по патриотам Минска. Но проникнуть в минское подполье

фашистам все-таки не удалось.

Константин Мурашко прислал мне со связным записку:

«Работа идет. Срочно пришлите двадцать партизан. Место встречи — тайник».

Я сейчас же вызвал командира роты Малева:

— Николай, готовься идти в Кайковский лес. Возьми с собой двадцать партизан и продовольствия на три-четыре дня.

— К Мурашко?

— Да. Разыщешь его, и он укажет, что дальше делать.

Спустя полчаса группа партизан ушла.

Минуло два дня, и они возвратились в лагерь. Вместе с ними пришел и Мурашко. Войдя в землянку, он тотчас же выложил на стол толстый портфель.

— Что тут?

— Чертежи с планами радиолокационной станции «Медведица». Здесь вся документация.

— Как удалось ее достать? — Лещеня и Машков удивленно посмотрели на Константина.

Мурашко рассказал:

— Сам не ожидал, что так удачно получится. Однажды зашел я в Сеницу навестить свою мать, а потом заглянул к Вороничу. У него я застал подростка из нашей деревни Анатолия Шпаковского. Парнишка мне и раньше помогал.

Я завел разговор о строительстве немцами радиостанции и начал выпытывать: не бывает ли в деревне кто-либо из охраны или монтажников. «Этого не знаю», — ответил Воронич. — «Вот так не знаешь! — усмехнулся Анатолий. — А переводчик Ян? Он постоянно приходит к Марии Леваневской, влюбился в нее».

Я подробно расспросил Анатолия о переводчике. Мальчик знал немного, но обещал узнать больше.

Хотя было и небезопасно, я остался на ночь у Воронича и на другой день с нетерпением ждал Анатолия. Он пришел под вечер и сообщил, что переводчик — поляк Ян Шалневский — навещает Леваневскую почти каждый вечер. С наступлением темноты Анатолий пошел узнать, пришел ли Шалневский, и скоро вернулся. «Есть!» — шепнул он мне. Я проверил оба пистолета, гранаты и вышел. Анатолий провел меня кустами на тропинку, по которой должен был возвращаться переводчик. Я спрятался в кустах, стал ждать.

Было уже поздно, небо было ясное, звездное, светила луна. Я увидел идущего от деревни человека. Он шел, беспечно насвистывая песенку и освещая дорогу электрическим фонариком. Я вышел на тропинку и направился ему навстречу.

Поравнявшись с ним, я сказал: «Добрый вечер, Ян!» Он отшатнулся.

— Откуда вы меня знаете? — Он быстро взглянул на мой карман, оттопыренный пистолетом, и, не ожидая ответа на первый вопрос, задал новый: — Кто вы?

— Я советский партизан. Мне надо поговорить с вами, Ян. — Он оглянулся, соображая, как ему отнестись к этой неожиданной встрече.

— Говорите, — сказал он.

Чувствуя его настороженность, я закурил и предложил ему сигарету. Он взял. Трепетный огонек на миг осветил его молодое худощавое лицо.

— Лучше бы не на этой дороге. Отойдем в сторонку, — посоветовал я.

— Я без оружия, — ответил он, — а вы, конечно, с оружием. Хотите силой увести?

— Нет, — сказал я. — Не хотите отойти — не надо. Силой уводить вас не собираюсь. Но я должен предупредить… — Я подошел вплотную и тихо закончил: — Когда кончатся монтажные работы, эсэсовцы всех вас, поляков, расстреляют.

Он вздрогнул.

— Зачем нас расстреливать, если мы у них работаем?

— Для того чтобы вы никому не смогли рассказать о вашей работе. Это обычный прием эсэсовцев, — ответил я.

Он долго молчал, затем спросил:

— Что вы нам предлагаете?

Я предложил ему организовать всех монтажников и уйти к партизанам.

Мы условились встретиться следующей ночью и попрощались…

Мурашко оглядел меня, Лещеню и других товарищей — все мы внимательно слушали.

На следующий день я опять встретил Яна, и он мне сообщил, что разговаривал со своими товарищами, даже беседовал со старшим инженером монтажников. «Все будет хорошо», — заверил Ян. — «А как охрана? Может, нужна помощь?» — спросил я. Ян пояснил, что охраняют слабо. Во-первых, потому, что неподалеку город, откуда может быстро подоспеть подкрепление; а во-вторых, немцы надеются, что поляки в чужом краю не разбегутся.

Так я еще два раза встретился с Яном. Потом он привел с собой инженера. Тот рассказал, что всеми работами руководит эсэсовский начальник, а он является лишь его техническим помощником, но копии всех чертежей имеет. Я предложил

инженеру передать чертежи нам. Он долго изучающе глядел мне в лицо и — согласился.

Вместе обсудили план побега. Отлучаться с территории станции эсэсовцы разрешали только инженеру и переводчику, но вечером вся охрана находится в бараках, а возле ворот стоит лишь часовой. Поэтому побег наметили на вечер.

Прибыл Малев с группой. Они остались в лесу, а я пошел опять в Сеницу. В условленном месте инженер передал чертежи и сказал, что у них все подготовлено.

К вечеру я вышел на дорогу. Скоро от станции выехали две автомашины без светомаскировки. В воздух поднялись ракеты, началась стрельба. Я выбежал на дорогу и посветил фонариком, но машины проскочили мимо.

Спустя некоторое время по той же дороге промчались немцы, и я отошел к Малеву. Мы ждали до утра, выслав во все стороны разведку. На другой вечер пришел Анатолий и сообщил, что эсэсовцы сразу же обнаружили бегство монтажников и пустились их догонять. Заехав в лес, монтажники остановили машины и разбежались. Вся охрана радиостанции арестована и отправлена в Минск.

— Необходимо сообщить соседним отрядам, чтобы приняли монтажников, — сказал Родин. — Ведь они будут искать партизан.

— Обязательно, — подтвердил я.

Луньков тотчас же выслал связных в другие отряды.

— Спасибо, дружище. — Лещеня крепко пожал руку Константину. — Передай привет и благодарность своему младшему товарищу Анатолию Шпаковскому.

— Служу Советскому Союзу! — вытянулся Мурашко.

Когда мы вошли в землянку, он достал еще один пакет. Это были документы и военные чертежи, взятые Раей Волчек и Раей Врублевской из авиационного склада.

Я послал радиограмму на Большую землю и через три-четыре часа получил ответ:

> «Переслать все собранные немецкие документы в Москву».

В тот же день группа автоматчиков, взяв документы, вышла в Полесье, где находился партизанский аэродром.

Скоро Мурашко привел в лагерь Анатолия Шпаковского, Раю Волчек и ее родных.

— Вот наш герой, — Мурашко слегка подтолкнул Анатолия вперед.

— Сколько ж тебе лет, дружок? — спросил его Лещеня.

— Пятнадцать, — неохотно пробормотал Анатолий, наклонив голову и оглядывая нас исподлобья умными, внимательными голубыми глазами.

Трудно было поверить, что этот мальчик выполнял ответственные и опасные задания.

— Расскажи, как ты поднимал на воздух фашистов? — попросил Константин парнишку.

— Говори, говори, — подбадривал его комиссар, но Анатолий только смущенно мял в руках шапку, по-прежнему поглядывая на нас исподлобья.

— Ладно, придется мне рассказать, — улыбнулся Мурашко. — В деревне Сеница помещение школы оккупанты приспособили под артиллерийский склад, здесь же разместилась охрана из восьми солдат и одного офицера. Этот офицер постоянно брал у матери Анатолия молоко. Первое время Анатолию было запрещено заходить в школу к немцам, но вскоре офицер, присмотревшись к Анатолию и посчитав его несмышленышем, разрешил ему это. Анатолий стал носить офицеру молоко, и охранники постепенно привыкли к нему. Мы узнали, что снаряды хранятся в классе рядом с учительской комнатой, где сейчас жила немецкая охрана, и решили взорвать их. Я приготовил две маломагнитки и тщательно объяснил Анатолию, где и как заложить мины.

И вот вместе с молоком Анатолий понес в школу мины; он сунул их в сложенные за печкой дрова.

Как мы и рассчитывали, взрыв произошел в час ночи. Не уцелел ни один фашист. К горящему зданию нельзя было подойти: рвались снаряды.

— Жалко, школа сгорела… — проговорил Анатолий.

— После войны выстроим новую, еще лучше будет, — уверенно сказал комиссар.

— Его матери не грозит опасность? — обратился я к Мурашко.

— Нет, иначе бы обязательно привели ее. Немецкими органами установлено, что дом загорелся от печи… Население не пострадало, а некоторые офицеры этой части были арестованы за недосмотр.

Все сели за стол, Мария Белезяко принесла чай.

— И сахар есть! — радостно воскликнул Анатолий, но тут же осекся и умолк, видимо испугавшись, как бы его не посчитали недостаточно взрослым.

— Есть, Толя, с Большой земли нам присылают, — ласково сказал комиссар.

Мы разговорились с Раей Волчек. Она — стройная, тоненькая,

кажется даже хрупкой. На ней застиранное, искусно подштопанное, старенькое синее платье. По первому впечатлению ее загорелое лицо было малоприметным, но достаточно было заглянуть в спокойные, вдумчивые светло-карие глаза, чтобы почувствовать и силу воли и решительность.

Она рассказала, как устроилась работать в офицерскую столовую-казино. Позднее ей удалось установить связь с подпольщиками, стала распространять подпольную литературу и «собирать» документы эсэсовцев. И вот стало известно, что весь обслуживающий персонал фашисты собираются уволить и заменить его немцами.

Рая Волчек не хотела уходить в отряд с пустыми руками. Она все рассказала Мурашко и попросила:

— Дайте мне мину, я ее подложу.

— Но ведь при входе в столовую проверяют? — спросил Мурашко.

— Проверяют, но постовой солдат меня хорошо знает и последнее время не обыскивает.

Константин показал ей, как заложить мину.

— Боюсь, что ничего не поняла, — с досадой на себя сказала Рая и попросила Мурашко встретиться еще раз.

На следующий день она пришла в деревню Сеница. Здесь ей Мурашко долго и терпеливо разъяснял обращение с миной.

— Теперь выйдет, — повеселела Рая. — Давайте.

На следующий день Олег Фолитар принес на квартиру Раи три маломагнитки.

Как пронести мины в столовую?

Оккупанты не выдавали обслуживающему персоналу спецодежду. Каждый должен был иметь свою. Рая фартук, чепчик и рабочие туфли носила в небольшом чемоданчике. Часовой сначала осматривал его содержимое, но, находя постоянно одни и те же вещи, перестал проверять.

— Поставь, чтобы мина взорвалась около двенадцати часов, — попросила Рая Фолитара. — А раньше времени она не взорвется?

— Все может случиться, — нехотя ответил Олег.

— Вижу, ненужный вопрос я задала, — улыбнулась Рая. — Ставь!

Олег вставил взрыватель в мину с заводом на двенадцать часов. Рая, уложив ее на дно чемоданчика, прикрыла сверху одеждой.

Поравнявшись с постовым, она приветливо поздоровалась с ним. Охранник пропустил ее, как и обычно в последнее время, без проверки.

В одном из залов столовой обедали старшие офицеры. Они были особенно придирчивы, и ни одной официантке не хотелось подавать им. Поэтому их зал обслуживали по очереди.

— Пусти меня сегодня обслуживать большой зал, — попросила Рая свою подругу. — У меня просьба к одному из офицеров…

Та охотно согласилась.

Рая вошла в зал и положила чемоданчик в шкаф для одежды. В половине двенадцатого начали собираться эсэсовцы. Рая притворилась больной, пошла к немке, заведующей столовой, и отпросилась к врачу. Выйдя из столовой, она побежала домой, где ее ожидал Олег Фолитар и ее семья.

Когда они находились уже за городом, раздался сильный взрыв. В тот же день Олег вернулся в Минск и узнал, что взрывом убито двадцать два офицера и немка, заведующая столовой.

— Не страшно было? — спросил комиссар.

— Страшно… Из столовой чуть не бегом пустилась, но скоро все прошло, — улыбнулась Рая.

— Да ты не волчок, а тигренок, — засмеялся Лещеня. — Теперь можешь отдыхать, твои боевые задания закончены.

— Дайте мне винтовку, немного подучите, и для меня начнутся новые боевые задания, — сверкнула глазами девушка.

— Обязательно научим! А на первое время попросим в нашу столовую. Партизаны тоже любят квалифицированное обслуживание. Только попрошу не подкладывать мин по старой привычке, — улыбнулся комиссар.

Все весело засмеялись.

Семью Раи определили в семейный лагерь, а она сама, пока училась владеть винтовкой и автоматом, работала на кухне. Здесь она познакомилась с Марией Сенько. Мария тяжело переживала гибель братьев, но никто не видел ее плачущей. С осунувшимся лицом, впавшими глазами, она упорно работала.

Мы рассказали Рае про горе Марии и попросили отнестись к ней с особым участием. Девушки скоро узнали друг друга ближе и крепко подружились.

Дня через два нам сообщили, что все поляки-монтажники живы и находятся в соседнем с нами партизанском отряде.

8

На следующий день рано утром в лагерь прибыл Константин Мурашко. После диверсии на аэродроме прошло три недели, и это время он не сидел без дела.

Рая Врублевская — член его подпольной группы — работала на военном складе, расположенном в Козыреве. Этот склад снабжал армию и воздушный флот радиоаппаратурой. Мурашко дал задание: при отправке аппаратуры на фронт вытаскивать паспорта.

— Я думаю, что это неплохие документы, — сказал Мурашко и передал их мне. Из другого кармана Константин достал пачку приказов и заметок.

— Откуда это?

— У пьяных эсэсовцев Рая Врублевская вынимает из карманов, — пояснил Мурашко.

Документы оказались ценными. Среди них были и такие, которые пополняли наши представления о методах борьбы оккупантов с партизанами и подпольщиками.

— Передай Врублевской благодарность от имени подпольного горкома партии. Пусть дальше так же работает, — сказал я Мурашко.

— Наметили мы с Раей, — продолжал Мурашко, — еще одно дело, правда, рискованное. Гитлеровцам на фронтах туго приходится, и вот они отправили на восток с аэродрома зенитную команду, а вместо нее поставили словаков. Рая Врублевская уже встречалась с ними и разговаривала, рассказывала про партизан. Словаки не желают воевать за фашизм, хотят перейти к партизанам… Мы обещали им устроить это.

Я задумался, молчал и Лещеня.

— Да, дело здесь рискованное, — через некоторое время проговорил Лещеня. — Может быть, эти словаки и на самом деле честные люди, а может, и провокация СД. Организовать предварительную встречу можно?

— Постараюсь. Они обещали прислать офицера, — ответил Мурашко.

— Встретимся. Для прикрытия выделим группу партизан, — добавил я.

— Этого не нужно, — запротестовал Мурашко. — Они сочтут это за недоверие к ним.

Мы согласились. Снабдили Мурашко пистолетом, гранатами, подпольной литературой, и он вышел обратно в Сеницу.

Спустя три дня, в последних числах октября 1943 года, он

вернулся с двенадцатью словаками.

— Рудольф Заяц, — представился мне стройный, чуть выше среднего роста брюнет. Это был словацкий офицер. Он довольно хорошо говорил по-русски.

Рядом с ним стоял другой словак, блондин, могучего телосложения, такой же большой, как наш Карл Антонович.

— Ян Новак. Были отколоты от вас, а теперь товарищи… — попытался по-русски сказать он, но, сбившись, схватил мою руку и, улыбаясь, крепко сжал ее.

Познакомились со Штефаном Росьяром, Ёзефом Качалкой, Яном Голасом и остальными. Словаки были вооружены автоматами и пистолетами. На двух грузовых автомашинах они привезли пятьдесят тысяч патронов.

Партизаны приняли чехословацких товарищей как родных братьев.

Рудольф отозвал меня в сторону и, волнуясь, сказал:

— Хотели было вывести весь дивизион, но нашелся предатель, поэтому прибыл только расчет одной батареи. Только вы не подумайте, что другие словаки — ваши враги, — торопливо добавил он. — Мы на своей спине узнали, что такое фашизм, и давно хотели уйти к партизанам. Перейдут к вам и остальные… А теперь будем вместе бить гитлеровцев, — твердо закончил он.

— Будем, — подтвердил я и крепко пожал ему руку.

На другой день по указанию горкома партии Машков вместе с Рудольфом написали воззвание к солдатам словацкого дивизиона. Отпечатанные воззвания Мурашко отнес в город. Через Врублевскую их распространили среди солдат. Однако немцы после перехода к партизанам батарейного расчета увезли куда-то остальных словаков.

Из Озеричино вернулся Чернов и принес почту, свежие номера националистических газет «Раніца» и «Беларуская газета». Между газетами я нашел конверт. На нем было написано «Рудольфу Зайцу».

— Откуда это? — спросил я Чернова.

— Хадыка сказал, что кто-то ему в деревне передал, — несколько удивленно ответил Чернов и вышел из землянки.

Я осторожно раскрыл конверт. Внутри была маленькая записка.

— Что там? — спросил Лещеня. Я прочел вслух:

— «Господин Рудольф!

Уже прошло немало времени, как вы устроились у партизан.

Мы думаем, что вы умный человек и успели заслужить у них доверие. Советуем действовать, пока вас не разоблачили. Быстро уничтожайте штаб отряда и возвращайтесь обратно. С.».

— Скорее всего провокация, но проверить нужно, — сказал я.

Лещеня взял у меня письмо, внимательно осмотрел его и улыбнулся:

— Выдумка СД. — Он бросил бумажку на стол.

Я все же решил устроить маленькое испытание словакам. Вложил записку в другой конверт, аккуратно заклеил и, позвав Чернова, велел ему отдать письмо Рудольфу.

Спустя некоторое время в землянку вошел побледневший Рудольф. Он осмотрелся и, видя, что мы с Лещеней одни, проговорил:

— Ну и сволочи! Только фашист может так пакостно придумать. Вот! — Он подал мне знакомый конверт.

Я в присутствии Рудольфа принялся внимательно читать письмо. Ко мне подошел Лещеня. Потом мы оба подняли глаза на Рудольфа. Он был взволнован.

— Фашистам не по душе, что мы вместе с вами воюем, — блеснул глазами Рудольф.

— А товарищам своим вы показывали? — спросил, Лещеня.

— Нет, хотел раньше с вами посоветоваться, — ответил Рудольф.

— И не показывайте, — посоветовал я.

— Разрешите нам сегодня пойти на железную дорогу, мы еще раз покажем фашистам, кто мы такие, — нахмурился Рудольф.

Мы разрешили.

Словак вышел, а я позвал Андрея Ларионова и спросил о новых товарищах.

— С ними в огонь и в воду пойду, — горячо похвалил словаков Андрей. — Верные друзья.

— А вот посмотри-ка на это! — Я постарался принять недоверчивый вид и подал ему письмо.

Ларионов быстро пробежал записку и возмущенно посмотрел на нас.

— Не верю! — твердо сказал он. — В последний раз, когда мы были на железной дороге, нарвались на засаду. Я шел впереди. Все залегли и прикрыли меня огнем, а Рудольф, думая, что я ранен, подполз ко мне… Предатель этого никогда бы не сделал.

— А теперь, после этого письма, пойдешь с ними на железную дорогу? — спросил Лещеня.

— Пойду.

Я разыскал комиссара и все ему рассказал. Мы решили направить Ларионова вместе со словаками на задание.

Приближался 1944 год. Стали обсуждать новогодний номер газеты. В нем предстояло рассказать о великих победах Красной

Армии на всех фронтах, о героическом труде рабочих и колхозников, о мужественной борьбе советского народа в тылу врага.

— Нужно написать и о славных походах партизан, — предложил Сакевич.

— А не будет ли это нескромным? — усомнился комиссар.

— Какая же тут нескромность. Напишем о совершенных в Минске диверсиях и о результатах боевой деятельности партизан. Пусть народ знает о нас, это будет его воодушевлять, — охотно поддержал редактора Машков.

— И прежде всего напишем о наших подрывниках, — закончил Лещеня.

На следующий день мы внимательно просмотрели журнал боевых действий отряда. В журнал мы записывали точные, проверенные результаты боевой деятельности отряда и сообщали затем в Москву.

Теперь, подсчитав все данные, мы сами удивились. За двадцать месяцев пребывания в тылу противника нашими подрывниками только одних вражеских эшелонов было пущено под откос более ста. А сколько за это время убито гитлеровских оккупантов, скольким советским людям, страдающим на временно оккупированной территории, вселили надежду, укрепили в них веру в скорое освобождение от фашистского ига!

Написав статью, мы отдали ее редактору.

Уже все было отпечатано, когда с железной дороги возвратился со словаками Ларионов.

— Два эшелона спущено, — едва перешагнув порог землянки, весело отрапортовал он.

— Вот и пиши тут статьи!.. Только закончили — и уже устарела, — улыбнулся комиссар.

— Как словаки? — прежде всего спросил я Ларионова.

— Одно горе, — ответил он.

— Что такое? — насторожился Родин.

— Рудольф идет напролом, не обращая внимания ни на какую опасность, и его нельзя удержать.

— Подробнее расскажи, — попросил я Андрея.

— Подошли к полотну, — начал он, — произвели разведку. Узнали, что последние дни поезда идут очень медленно, зато впереди них платформы с песком не пускают. Мы решили поставить мину нажимного действия.

Часовые ходили один от другого на расстоянии двухсот метров. К рельсам нужно было ползти по-черепашьи. В первый раз Рудольф благополучно заложил мину, и эшелон взорвался.

День просидели в кустах, а вечером опять подошли к

полотну. Там постоянно сверкали электрические фонарики патрулей и охранников. Подойти незамеченными было невозможно.

Мы тихо лежали. С запада раздался гудок паровоза. Когда эшелон находился недалеко, Рудольф схватил мину и пополз вперед. Я попытался удержать его за ногу, он ловко выскользнул. Эшелон приближался. Внезапно Рудольф поднялся во весь рост и бегом пустился к насыпи. Его заметили часовые и открыли огонь. Тогда мы тоже начали стрелять по немцам, прикрывая Рудольфа. А он был уже на полотне; наклонившись, быстро заложил заряд и под обстрелом бросился назад. Лишь только он успел отбежать, как паровоз наскочил на мину, раздался взрыв и воздушной волной Рудольфа свалило с ног. Мы подбежали к нему и отнесли к своим. Затем стали отходить. Вот, собственно, и все подробности, — закончил Ларионов.

Я попросил Андрея позвать Рудольфа. Тот вошел в землянку и стал «смирно». Мы все поздравили его с успехом. Потом предложили ему присесть, закурили.

— Недоволен я вами, Рудольф, — сказал я между двумя затяжками.

— Почему? — с изумлением посмотрел он на меня.

— Зачем лезли прямо под обстрел? — строго спросил я.

— Иначе нельзя было заложить мину, — повел он плечами.

— Неправда. Вам не дает покоя грязная записка СД, и вы таким путем хотите доказать, что вы не предатель.

— Отчасти вы правы, — признался он. — Но ведь фашистов все равно нужно уничтожать.

— Вот для того, чтобы их уничтожать, и не надо лезть под пули. Небольшая мудрость жизнь отдать. За одну нашу жизнь оккупанты должны заплатить сотней своих — таков партизанский закон. И чтобы больше таких трюков не выкидывать. Узнаем — накажем, — строго предупредил я.

— Сам видишь, товарищ Рудольф, фашистам скоро конец. Начнется новая жизнь. Вашему народу понадобится много честных энергичных людей… А ты лезешь на рожон! В борьбе нужно быть не только смелым, но и сообразительным, — сказал комиссар.

— Учту, товарищ комиссар! — радостно ответил Рудольф.

— Мы хотим назначить вас командиром взвода, согласны? — обратился я к Рудольфу.

— Меня?! — удивился он.

— Да, да, вас… Будучи командиром, вы должны больше думать о том, чтобы ваши соотечественники стали осторожнее…

— Благодарю за доверие… — Губы Рудольфа чуть дрогнули,

он плотно сжал их.

5 мая группа Павла Шешко ушла на очередное задание. Через восемь дней она возвратилась, но среди подрывников не было Вильяма Гомолы.

— Погиб, — чуть слышно проговорил Шешко.

— Как погиб? — схватил я его за плечо.

— Возле железной дороги, уже после подрыва эшелона, наскочили на засаду. С близкого расстояния по нас ударили из автоматов. Вило сразу был ранен, он шел впереди. Мы бросились к нему, отбили у противника, но, когда несли, он умер… Утром его похоронили, — сказал Павел и опустил глаза.

Печальная весть быстро облетела лагерь. Особенно тяжело переживал гибель товарища Карл Антонович, который успел крепко сдружиться с веселым и отважным словаком. У обоих родина была порабощена фашистскими захватчиками, оба мечтали скорее увидеть ее освобожденной… Вечерами старый австрийский коммунист и молодой словак вели долгие разговоры о судьбах своих народов, о судьбах Европы… И вот Вило нет…

— Отомстим за Вильяма!

В тот же день усиленные группы подрывников-добровольцев, взяв по четыре заряда, ушли на железную дорогу.

Приближался день двадцать шестой годовщины Великого Октября. Партизаны готовились встретить этот день боевыми успехами. На железную дорогу вышли группы подрывников Любимова, Сермяжко, Мацкевича, Ларионова и Дмитриева. Они спустили под откос семь вражеских эшелонов с живой силой и техникой противника, двигавшихся на фронт.

Подпольщики Минска тоже ознаменовали великую дату: на улицах и скверах падали сраженные меткими выстрелами подпольщиков фашистские вояки, на предприятиях, в столовых и казармах раздавались взрывы.

Сакевич и Родин подготавливали праздничный номер газеты, листовки и воззвания для населения. Развернулась и партизанская самодеятельность, украшались землянки, приводилась в порядок территория лагеря.

Мы знали, что оккупанты, как правило, в дни советских праздников проводят свои карательные мероприятия против партизан. Поэтому разведчики Меньшикова усилили свои действия. Конные дозорные объезжали отдаленные районы.

И вот Денисевич и Жардецкий сообщили, что из Старых Дорог в сторону нашего лагеря вышел полк немецких солдат.

— Праздничные гости, — со злостью сказал Луньков и пошел готовить роты. Мы послали связных в расположенные недалеко от нас отряды Сороки и Мысника. Гитлеровцы двигались к селу

Поречье, с тем чтобы переправиться через реку Птичь, намереваясь восстановить движение по шоссе Осиповичи — Бобовня, находящееся под контролем партизан.

В районе деревни Хреновое фашистскую колонну встретили огнем из двух пушек партизаны отряда Сороки. Тогда гитлеровцы повернули назад, но навстречу им двигался наш отряд.

Из деревни Рудица отряд вышел колонной и направился к селу Обчее. Противника там еще не было, мы стали занимать оборону. На левом фланге, недалеко от деревни Селец, расположилась рота Усольцева. Возле большака залегла рота Малева, рядом с ней со станковым пулеметом и группой партизан устроился Назаров.

Ждали недолго. Жардецкий и Валя сообщили, что в обход села Обчее движется более тысячи гитлеровцев. Я еще раз осмотрел наши позиции. За флангом Усольцева на другой стороне дороги виднелась небольшая высотка. Если противник ее займет, он сможет вести кинжальный огонь.

Я послал к Усольцеву Чернова с приказанием немедленно занять эту высотку. Вскоре ее занял взвод Маслова со станковым пулеметом. Прошло еще несколько минут, и показались первые вражеские группы. Подпустив их метров на пятьдесят, Маслов открыл огонь.

Гитлеровцы, оставляя убитых, отступили. Затем осторожно начали обтекать высотку. На помощь Маслову я послал еще один взвод из третьей роты. Но во много раз численно превосходящий нас противник продолжал окружать высотку и плотным кольцом охватывать партизан, оборонявших ее. Партизаны, отстреливаясь, отходили.

В этот момент из пулеметов и автоматов ударила рота Усольцева. Противник дрогнул и опять повернул к селу Обчее, ему преградила дорогу рота Малева. Фашисты, неся большие потери, атаковали ее. В действие вступили еще три наших пулемета. Тогда противник залег.

По селу Обчее стали бить фашистские минометы. Жители уходили в лес.

Противник нажимал. Я отдал приказание Малеву отходить к деревне Рудица. Под прикрытием его роты отошла и рота Усольцева.

Атаковав еще раз и потеряв много убитыми, гитлеровцы отступили. Не удался фашистам и этот поход против партизан. На поле боя они оставили около тридцати трупов солдат и офицеров.

Когда бой затих, ко мне подошел Родин и позвал:

— Пойдем… Тяжело ранен Ваня Залесский.

Это был восемнадцатилетний юноша, всегда живой и жизнерадостный. Перед боем он подал заявление о приеме в комсомол.

Я молча шел за комиссаром. На носилках, накрытых плащ-палаткой, лежал неподвижно Ваня Залесский. Вокруг него, опустив головы, стояли партизаны. Чиркин перевязывал рану на груди, но спасти раненого было невозможно. Через час Ваня умер.

6 ноября 1943 года мы похоронили Ивана Залесского с партизанскими почестями возле его родного села Сыровадное. Ивана Залесского наградили посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени.

Ночью слушали приказ Верховного Главнокомандующего. Радист Лысенко полностью записал приказ и передал Сакевичу для помещения в газете. Партизаны оживленно обсуждали приказ. Мы чувствовали беспредельную гордость за Родину. Наша победа значительно приблизилась.

«Все силы направить на окончательный разгром противника» — таков был приказ Родины.

Приехавшего в лагерь Степана Хадыку снабдили газетами и листовками с приказом.

Проводив Хадыку, я вернулся в землянку. Там меня ждал Лысенко. Он подал радиограмму. Это был Указ Президиума Верховного Совета о награждении орденами и медалями партизан нашего отряда. Я пробежал список и передал Родину.

Были награждены наши лучшие подрывники, разведчики и подпольщики.

— Созовем митинг, — сказал комиссар.

Начальник штаба громко зачитал Указ. Товарищи поздравляли награжденных. Орденом Ленина наградили Михаила Петровича Гуриновича, орденом Красного Знамени — Константина Прокофьевича Сермяжко, Павла Андреевича Афиногентова, Максима Яковлевича Воронкова, Николая Прокофьевича Фролова, Андрея Яковлевича Пастушенко, орденом Отечественной войны 1-й степени — Андрея Ивановича Ларионова, орденом Отечественной войны 2-й степени — Николая Михайловича Малева, Михаила Павловича Иванова, Константина Константиновича Тихонова, Лаврена Мартыновича Кишко, Дмитрия Александровича Меньшикова, орденом Красной Звезды — Константина Федоровича Усольцева, Анатолия Павловича Чернова, Ивана Васильевича Шевченко, Федора Санифановича Шереша, Павла Антоновича Шешко и многих других. В воздух летели фуражки, варежки, раздавались радостные возгласы.

Я отошел в сторону и увидел идущего ко мне Матузова с

двумя женщинами.

— Дарья Одинцова, моя жена, а это наша подпольщица Ульяна Козлова, — представил Матузов женщин.

Тепло поздоровались, пошли в землянку. Скоро подошли Лещеня и Машков.

— Вот наша патриотка-подпольщица, — представили им Ульяну Козлову.

— Поздравляем вас и Капитолину Гурьеву с награждением орденом Отечественной войны 1-й степени. — Лещеня и Машков пожали руки всем троим.

— С каким успехом еще можно поздравить?

— Последнее время я работала в столовой немецкой части. Поздно вечером пятого ноября под большим столом я пристроила сильную мину с двенадцатичасовым взрывателем, и утром шестого ноября столовая взлетела на воздух. Погибло много эсэсовцев, среди них есть и большие начальники, — коротко доложила Ульяна.

Возвратилась из очередного похода в Минск Катя. С ней пришли Фролов и Иванов. Вид у девушки был подавленный, измученный. Я собирался спросить, что случилось, но она заговорила сама.

— Фашисты Константина повесили, своими глазами видела… — Катя закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Мы с Фроловым ломали себе головы, как освободить Константина, — сказал Иванов, — но не могли даже установить, где он находится.

Мне вспомнилось кое-что из биографий двух братьев, так смело и решительно действовавших в подполье и так рано погибших в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами.

Владимир Сенько родился в Минске в 1920 году, на отлично окончил 29-ю среднюю школу и его премировали полным собранием сочинений В. И. Ленина. Два года он был комсоргом старших классов, участвовал в художественной самодеятельности.

Поступил в Ленинградский горный институт, но на втором курсе заболел и получил академический отпуск. В начале 1941 года комсомол направил его на краткосрочные курсы самолетостроения в Москву, которые он успешно закончил и возвратился в родной город.

Грянула война. Владимир попытался уйти из Минска, но не смог и вынужден был вернуться. Чтобы не попасть на каторжные работы в Германию, устроился грузчиком на сельхозбазу.

Младший брат, Константин, родился в 1923 году. Окончил восемь классов той же 29-й средней школы. Поступил в военно-

топографическое училище в Минске. Здесь и застала его война.

Оба брата были комсомольцами, скромными, честными, преданными своей Родине патриотами. Они искали возможности активно бороться с фашистами.

С июля 1942 года Владимир стал связным партизанского отряда Сороки (позднее отряд имени Калинина), выполнял с помощью младшего брата различные поручения, устраивал на работу подпольщиков, распространял листовки, собирал оружие.

Когда в 1943 году наш отряд установил связь с Владимиром и Константином Сенько, к ним уже приглядывались агенты СД. Однако братья были очень осторожны, действовали осмотрительно, «следов» не оставляли, ночевали на конспиративных квартирах. Домой заглядывали редко. Больной отец, как вспоминают друзья и родственники, иногда говорил:

— Что вы делаете? Из-за вас погибнем все.

Владимир обычно отвечал:

— Я комсомолец! Если буду поступать иначе, ты же потом стыдиться меня станешь.

Оба брата были неутомимыми разведчиками и диверсантами, смелыми и инициативными. На своем боевом счету имели две легковые и семь грузовых автомашин, вывезенных из Минска в партизанский лагерь, двенадцать убитых офицеров СД, три спущенных под откос воинских эшелона. Кроме того, они выполнили немало сложных разведывательных заданий, доставляли в столицу Белоруссии литературу, оружие подпольщикам, а из Минска — продовольствие партизанам.

Во второй половине ноября 1943 года Владимир совершил нападение на видного фашиста с баронским титулом — директора немецкого поместья в бывшем совхозе «Заозерье» (деревня Дубки под Минском). Во время завязавшейся перестрелки с охраной барона Владимир Сенько был убит.

Месяцем позже, в конце 1943 года, Константин Сенько, будучи окруженным при выполнении боевого задания в Минске, в неравной схватке был тяжело ранен. Потеряв сознание, попал в руки карателей.

Константина жестоко пытали, однако он держался стойко, никого не выдал, ни одной фамилии не назвал.

11 января 1944 года вместе с другими советскими патриотами Константина Сенько повесили в Центральном сквере Минска. Вместе с Константином повесили и его отца — Ивана Сенько, а также Геннадия Гриневича, сдавшегося в плен без боя, когда брали Константина. СД обещало сохранить Гриневичу жизнь, если он сообщит интересовавшие оккупантов сведения. Гриневич не выдержал пыток. СД, вытянув из него все, что он

знал, своего обещания не сдержала и тоже повесила.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении боевых заданий в тылу противника, за активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков Указом Президиума Верховного Совета СССР Владимир Иванович и Константин Иванович Сенько посмертно награждены орденами Отечественной войны 1-й степени.

В те дни газета «Минский большевик» писала:

> «Наш народ никогда не забудет своих героев, отдавших жизнь за свободу нашей Родины. Гитлеровские людоеды сполна ответят за муки советских людей».

— Не говорите про это Марии, — попросил я Катю.

Она посмотрела на меня, задумалась и грустно проговорила:

— Нет, надо сказать. Мария слишком страдает из-за того, что Константин в СД. «Сто раз легче умереть, чем попасть живым в лапы палачей», — говорит она.

— Да, придется сказать, — поддержал ее Фролов, — Мария крепкий человек, я сам ей скажу.

Мария встретила нас настороженным взглядом. Фролов нежно обнял ее за плечи.

— Мария, мы не смогли освободить Константина. Его позавчера казнили, он погиб как настоящий комсомолец. На следствии он ничего не сказал фашистам…

Мария пошатнулась.

— Погиб…

Рая Волчек обняла ее и вывела из землянки.

Когда мы вернулись в штабную землянку, Фролов доложил, что в день ухода из Минска он оставил в вокзальном зале ожидания для военных чемодан с маломагнитной миной и тремя килограммами тола.

Иванов достал листок бумаги и, передавая его мне, сказал:

— Ганько и Абрамова ищут рабов для немецких баронов.

Мы с Машковым стали читать. Это оказалось воззванием главарей «СБМ» к молодежи Белоруссии.

> «Молодежь! «СБМ» призывает вас на добровольную службу Германии, стать плечом к плечу с немецкой молодежью на фронтах в Европе», — говорилось в воззвании.

В ответ на эту подлую стряпню подпольный горком партии выпустил воззвание ко всем белорусским юношам и девушкам столицы Белоруссии. Вот что мы писали:

«Молодежь Минска!

В своей гнусной листовке к молодежи фашистские выродки из «СБМ» призывают вас на добровольную службу на стороне Германии.

Пытаясь оттянуть, хотя бы временно, свою неизбежную гибель, гитлеровцы хватаются за последнюю надежду.

Так, они через «СБМ» взывают к молодежи Минска: «Стать плечом к плечу с немецкой молодежью на фронтах в Европе».

Им, подлым извергам, мало того, что они надругались над нашими юношами и девушками, отняли у них свободную и полную прекрасного будущего жизнь, превратив их временно в рабов.

Теперь им надо, чтобы советская молодежь проливала кровь за «новую Европу» и «фюрера» — Гитлера, за «фюрера», который ввергнул народы Европы в кровопролитную войну, который создал систему концлагерей, виселиц и застенков гестапо, который около трех лет, как пиявка, медленно высасывает кровь из нашего белорусского народа.

Кто может забыть пять тысяч расстрелянных минчан в деревне Тростенец?..

Кто может забыть, что тысячи юношей и девушек, отправленных в Германию, умерли от непосильного труда и голода?

Кто может забыть тысячи мирных жителей, замученных в застенках минского СД?

Никто этого не забудет! Белорусский народ жестоко отомстит гитлеровским разбойникам!

И этого кровожадного зверя ублюдки из «СБМ» называют вождем белорусской молодежи и призывают его защищать!

Как цинично и нагло выглядит их обращение к молодежи — «защищайте родину в Европе».

Чью родину? Они боятся прямо сказать: «Молодежь, защищайте немецкую армию от разгрома, не дайте ей погибнуть под ударами Красной Армии».

Ничего не выйдет, подлые захватчики и прихвостни Гитлера из «СБМ»!

Красная Армия уничтожит фашистское зверье, если даже оно успеет уползти в свою берлогу.

В обращении говорится, что за службу Гитлеру нашей молодежи «гарантируется такое же обращение,

квартира, питание, обмундирование, жалованье и отпуск, как и каждому немецкому солдату и рабочему».

А вы спросите очевидцев, искалеченных каторжным трудом и голодным существованием в Германии, вернувшихся в Минск в конце января с. г., как они жили в Германии?

И они вам расскажут страшную быль о том, что в Германии созданы невольничьи рынки, где продают рабочих, привезенных из оккупированных областей Советского Союза, как быдло и рабов. Их не считают за людей и обращаются как со скотом.

И не мудрено, что фашистские выродки наперед спешат заявить: «Молодежь, вам гарантируется нормальное обращение…» и прочее.

— Юноши и девушки Минска!

Не дайте себя обмануть этим жалким предателям из «СБМ».

Час освобождения нашего города близок.

Вы сами видите, с какой лихорадочной поспешностью немцы возводят укрепления вокруг Минска и в самом городе.

Как воровато спешат вывезти ценности из города.

До вас доходят вести с Родины, что Красная Армия железной поступью идет на запад, освобождая километр за километром нашей земли.

Юноши и девушки! Поднимайтесь на борьбу с фашизмом, уходите в партизанские отряды, активнее помогайте наступающей Красной Армии.

Прочь кровавые руки предателей из «СБМ» от нашей молодежи!

Минский горком ЛКСМБ».

Утром воззвание было отпечатано. Анна Воронкова, Феня Серпакова и Иванов понесли листовки в город.

В тот же день в лагерь прибыл Исаев, заместитель Константина Мурашко. Он опасался ареста, так как его начал подозревать управляющий имением совхоза «Сеница». Исаев рассказал, что Фолитар и Чирко заминировали на станции Козырево еще шесть цистерн с бензином.

Он сообщил также и печальную весть: в начале 1944 года к Рае Врублевской ночью нагрянула СД и арестовала ее и отца. Продержав Раю три месяца под арестом, ничего от нее не добились и отправили в рабство в Германию.

Как стало известно позже, отважная девушка бежала к

французским партизанам и вместе с ними боролась до победы над Германией. После войны эта смелая подпольщица-партизанка возвратилась на Родину.

Хочется хотя бы кратко рассказать о патриотической деятельности еще одной подпольной группы, действовавшей в Минске. В Центральном государственном архиве Белорусской ССР не так давно обнаружена серая папка, принадлежавшая когда-то гитлеровскому управлению СД. В этой папке хранятся документы, составленные гитлеровцами еще 31 января 1944 года.

О чем же говорится в этих документах?

В составе нашего отряда, вышедшего из Москвы, находился разведчик Кузьма Николаевич Борисенок, уроженец Руденского района. Вскоре после прибытия в Логойский район я послал Борисенка в деревню Гатово, что в шести километрах от Минска, для установления связи с бывшим председателем сельсовета Александром Маслыко, находившимся на нелегальном положении. Борисенок двое суток наблюдал за домом Маслыко. Было похоже на то, что изба брошена, а хозяина нет. (Позднее выяснилось, что немцы уже расстреляли Маслыко.) Кузьма Борисенок все же решился войти в деревню. Но сразу же наткнулся на местного полицейского, В завязавшейся перестрелке Борисенка ранило в ногу. Его подобрали в лесу партизаны. После излечения Борисенка направили в распоряжение Минского сельского райкома партии.

Кузьме оформили поддельный паспорт на имя жителя деревни Бардиловка. Это было очень удобно, потому что Борисенок действительно родился в Бардиловке. С новым паспортом, аккуратно заверенным всеми подписями и печатями, Кузьма стал появляться в Минске, где установил связь с патриотами, своими старыми друзьями вагонным мастером Петром Барановым и железнодорожниками Францем Новицким и Петром Бачило. Борисенок доставлял в Минск газеты, листовки и, конечно, мины, головые шашки.

Однажды Петр Бачило получил задание гитлеровской администрации провести радио в офицерскую столовую. Привезенную Кузьмой мину Бачило положил в чемоданчик с инструментами. Оба подпольщика — монтер и его «помощник» Кузьма прошли в столовую и, положив чемоданчик на свободный стул, стали измерять площадь якобы для того, чтобы определить длину шнура, который потребуется для проводки. Потом незаметно вышли за дверь и быстро скрылись за железнодорожным мостом.

Тем временем столовую заполнили гитлеровские офицеры. Вскоре прогремел взрыв. Большинство офицеров погибло,

санитарные машины вывезли много раненых.

Вторую диверсию Борисенок совершил совместно с Францем Новицким. Им удалось прикрепить к паровозу мину, через час она сработала, и паровоз взлетел на воздух.

Кузьма Борисенок и Франц Новицкий таким же способом взорвали четыре паровоза.

По заданию Минского сельского райкома партии Борисенок установил связь с рабочим электростанции Иосифом Буцевичем, снабдил его миной и толом. Мина, подложенная в котельной, вывела из строя станцию и оставила фашистов без электрической энергии.

Немало смелых диверсий совершил Кузьма Борисенок, пока его друзья не нарвались на предателя. На допросах в СД арестованные подпольщики вели себя мужественно, никого не выдали. Все они были казнены. Так погибли Франц Новицкий, Петр Баранов и Петр Бачило.

Борисенок в это время находился за городом и поэтому избежал ареста. Сейчас он живет в родном Минске, по Орловской улице. А исторические записи о подпольной группе, созданной им в Минске, бережно хранятся в захваченном советскими войсками архиве, в той самой папке, о которой я упомянул выше.

Раиса Павловна Радкевич, уроженка деревни Адамово Гресского района. Ее историю я узнал от нее самой, уже после войны.

Раиса Павловна до войны работала в Минске, в центральных мастерских Белгосстроя, слесарем.

С июня 1943 года Раиса — связная нашего отряда. В сентябре того же года, возвращаясь из лагеря в Минск, ей пришлось пройти через пылающую деревню Омельно и окружающие леса, которые в то время бомбили гитлеровские воздушные пираты. Дома ее ожидали пятилетний сын и муж, почти одновременно с ней прибывший из партизанского отряда «Железняк».

В три часа ночи раздался стук в дверь. Стук становился все сильнее, в окнах показались работники СД.

Раиса набросила на себя пальто, хотела бежать, но было уже поздно. Дом был оцеплен фашистами. Тогда она подошла к двери и решительно распахнула ее.

Один из первых вошедших в квартиру палачей ударил ее по лицу. Остальные начали обыскивать комнату, но ничего не нашли. На рассвете ее с мужем и ребенком увели.

Раиса думала, что соседи спят и никто ничего не видит. Это было не так. Соседи наблюдали из своих квартир за происходящим и говорили: «Какая Раиса мужественная, даже перед смертью, окруженная извергами, идет и улыбается».

Раису, ее мужа и ребенка привели в СД. Их сразу направили в кабинет, где сидели сам начальник Кох и переводчик.

Кох спросил у Раисы Павловны, сколько раз она была в отряде и где расположен отряд. Она молчала. Когда же ей повторили вопрос, сказала:

— Я ничего не знаю. Это последние мои слова.

Тогда Кох изо всей силы ударил Раису по лицу. От удара она пошатнулась. Ребенок начал кричать. Ее отвели в отдельную комнату. Там приказали раздеться. Она сняла пальто. Но ей приказали раздеться догола. Она не знала, что с ней будут делать. После безуспешного допроса ее положили на скамейку, привязали цепью и начали бить. Палач избивал ее так жестоко, что сам был весь мокрый от пота. Избитую, ее выбросили в коридор, где стояли муж и сын.

Ребенок подбежал к ней, спросил:

— Мама, тебя немцы больше бить не будут?

Затем взяли мужа. Его избили так же, как и Раису, и выбросили в коридор. Потом Раису с ребенком посадили в камеру. Они голодные просидели в СД неделю, потом их перегнали в тюрьму. По дороге в тюрьму Раиса навсегда рассталась со своим сыном. Об его участи она ничего не знала. В тюрьме она пробыла три месяца.

В декабре 1943 года большая группа заключенных, в том числе Раиса и ее муж, были погружены в товарные вагоны, по сто двадцать человек в каждый, и отправлены в концлагерь Освенцим.

Здесь их поместили в холодный барак-карантин. На левых руках накололи номера.

Сняв с женщин одежду, гитлеровцы одели их в свою и обули в деревянные бутсы. Затем погнали в седьмой блок, где они вскоре заболели тифом. Этой болезнью фашисты заразили их специально. Они производили опыты над заключенными. В бараках кишели паразиты: вши, блохи, клопы. Всех свалила заразная болезнь.

Многие умерли.

Наиболее слабых гитлеровцы сжигали в крематории.

Раиса хотела жить. В тяжелую минуту она решила во что бы то ни стало встать. Раиса боролась за жизнь. С помощью подруг ей удалось подняться. Она поборола болезнь.

Вместе с другими заключенными ее погнали на кок-сагыз. В любую погоду заключенных заставляли работать на полях, а поздно вечером пригоняли в лагерь. Они падали от голода. Ведь кормили только один раз в день, давали граммов по двести черствого черного хлеба и миску баланды.

Раисе хорошо запомнился надсмотрщик по прозвищу Дырявый. Он был особенно жесток. Был ранен пулей в голову и мстил за это русским как только мог. Когда женщин гоняли на обработку кок-сагыза, они обязаны были, придя на поле, снимать деревянные бутсы и ставить их в ряд, а обрабатывать кок-сагыз босиком. Того, кто не снимал бутсы, Дырявый избивал палкой.

Все в лагере было рассчитано на то, чтобы как можно больше женщин умерло. Каждую ночь в три часа их раздетых выгоняли во двор и заставляли встречать рассвет, стоя на коленях. Затем разрешали одеться и гнали под охраной рыть рвы и копать ямы вокруг лагеря.

Русские девушки и женщины не падали духом. Однажды после очередной встречи рассвета, когда измученных и голодных женщин погнали на поле, одна из девушек, Мария Савченко, затянула «Катюшу». Остальные подхватили. На девушек посыпались ругань и побои, но ничто не могло их остановить.

Не успела Раиса поправиться от тифа, как заразилась чесоткой.

Эпидемия эта настолько распространилась, что всех женщин погнали в баню, сказав, что будут делать селекцию. Они не знали, что значит селекция, но, придя в баню, поняли значение этого слова.

Наиболее тяжелобольных, среди которых были и друзья Раисы, фашисты отобрали и на глазах остальных отвели в крематорий, где заживо сожгли.

Каждый день, когда женщины возвращались с работы, на площадке, специально устроенной перед воротами, играл духовой оркестр, а около ворот стоял комендант Бреммен, по прозвищу Семиголовый людоед. В воротах он каждой подставлял палку, и тех, кто не был в силах перепрыгнуть, отправляли в крематорий.

И так каждый день под музыку из жизни уходили люди. Среди них были не только русские, но и поляки, мадьяры, греки, чехи, словаки и многие другие.

С каждым днем заключенных становилось все меньше и меньше. В фашистских застенках Раиса провела шестнадцать месяцев. Муж Раисы был замучен в Освенциме.

15 апреля 1945 года для узников наступил долгожданный день освобождения.

9

Минский подпольный обком партии подробно информировал и предупредил нас, что буржуазные националисты готовят новое предательство. Тщась помочь гитлеровской военщине отсрочить ее окончательную катастрофу, они собираются объявить мобилизацию.

Так называемый «корпус самообороны» благодаря работе, проведенной подпольными организациями и партизанскими отрядами по его разоблачению и разложению, перестал существовать как боевое соединение.

Оккупанты три раза проводили в нем чистку от «неблагонадежных лиц», и в «корпусе» осталась только маленькая горсточка бывших кулаков и сыновей помещиков.

Мы постоянно следили за националистическими газетами, издатели которых кричали во всю глотку о необходимости с оружием в руках бороться против Красной Армии и партизан.

Газета «Минский большевик» из номера в номер рассказывала об успешном наступлении нашей армии и ударах, нанесенных гитлеровским оккупантам партизанами.

Сотни юношей и девушек прибывали во 2-ю и 3-ю Минские бригады и в бригаду «Буревестник».

Почти все мужское население деревень готовилось к усилению борьбы за освобождение. Одни вступали в партизанские отряды, другие строили в лесу лагеря для своих семей.

И вот в такой обстановке «президент» Островский издал приказ о мобилизации мужчин 1908—1924 годов рождения. Его приказ ничем не отличался от приказов фашистов. Островский грозил уклоняющимся от мобилизации расстрелом, уничтожением их семей и конфискацией имущества.

Командующий так называемой «БКО» («Белорусская краевая оборона») — майор Кушель — занялся сколачиванием командных кадров, организацией офицерских школ и курсов. А каратели и полицейские отряды пытались путем организации облав набирать рядовой состав.

Большую шумиху вокруг «БКО» подняла немецко-фашистская печать. Однако вся эта трескотня заглушалась грозной канонадой советской артиллерии, громившей противника уже на территории Витебской, Могилевской, Гомельской, Полесской областей.

Мобилизацию оккупанты намеревались произвести в основном за счет западных областей Белоруссии и в первую очередь в Вилейской и Барановичской областях. Но, несмотря на

всевозможные ухищрения, провокации и угрозы, желавших служить гитлеровцам, драться против родной Красной Армии и своих братьев-партизан находилось немного: только сынки бывших кулаков и помещиков вступали в «БКО», мечтая возвратить свои поместья.

Партийные подпольные организации и партизанские отряды в своей печати разоблачали сущность этой мобилизации как попытки фашистов спровоцировать братоубийственную войну. Партизанские отряды и бригады нанесли одновременный удар по многим призывным пунктам, гарнизонам и карательным отрядам противника, занимавшимся мобилизацией в «БКО».

Население не явилось на призывные пункты, и лишь в городах, где оккупанты располагали крупными силами, им удалось наскрести небольшое количество «добровольцев». Однако насильно мобилизованные, получив оружие, уходили в партизанские отряды.

Разведчики узнали, что в Столбцы на сборный пункт гитлеровцы согнали из Вилейской и Барановичской областей около тысячи восьмисот человек. Необходимо было действовать быстро и решительно, чтобы сорвать мобилизацию. Нужен был человек, хорошо знающий Столбцы и имеющий доступ к солдатам.

Мы сидели в штабной землянке и гадали, кто бы мог подойти. Наконец Сермяжко сказал:

— Такой человек есть, это Павел Рулинский, знаете?

Я припомнил бывшего учителя, партизана из роты Усольцева, который в прошлую весну в самую распутицу повел подрывников на железную дорогу. Он был очень симпатичен, но казался мне слишком говорливым и даже немного бесшабашным.

— Видишь ли, Константин, если трудна и опасна работа подрывника, то работа подпольщика еще более сложна и опасна. Подпольщик должен проводить работу на глазах у немцев и в то же время не быть замеченным. Справится ли Павел? — усомнился я.

— Более подходящего человека я не знаю, — ответил Сермяжко.

Я решил поговорить с Павлом Рулинским. В землянке Усольцева мне сказали, что Павел ушел на железную дорогу, но скоро вернется. Я направился к конным разведчикам.

Здесь что-то веселое рассказывал Ларченко, все громко смеялись. Когда я вошел в землянку, замолчали.

Едва я встретился глазами с Жардецким, он понял, что я пришел за ним, и поднялся.

— Юлиан Дмитриевич, — сказал я, когда мы с ним вышли из

землянки, есть важное задание. Выполнишь?

— Если очень нужно, выполню, — твердо ответил он.

— Столбцы хорошо знаешь?

— Приходилось бывать, а что? — посмотрел он на меня.

— Езовитов и Кушель собрали там часть мобилизованных. Если немного шатнуть изнутри — эта часть рассыплется, — пояснил я. — Нельзя допустить, чтобы советских людей толкали в пропасть.

— Понимаю, опять, значит, мозги чистить, — проговорил Юлиан. — Только вы подскажите мне, с чего начинать.

— Дадим вам второго товарища, снабдим воззваниями… Когда он придет, поговорим о том, как вам действовать.

— Ясно, — согласился Жардецкий.

Сакевич и Машков написали воззвание, типография отпечатала тысячу экземпляров.

В землянку вошел Павел Рулинский.

— Есть у вас в Столбцах знакомые, которым можно довериться? — спросил я.

— Есть. Двое железнодорожников, учитель и еще кое-кто найдется.

Я подробно рассказал Рулинскому о задании.

— Дело нелегкое, но я думаю, что справимся, — проговорил Рулинский.

— Вы поляк?

— Да.

— Это даже лучше. Ведь там народ в большинстве из западных районов, — заметил я.

Мы позвали Жардецкого и вместе обсудили план действий. Юлиан попросил, чтобы им дали связного.

— Выбирай сам, — согласился я.

— Дайте Терновского, он парень смышленый, везде пролезет.

На другой день Рулинский, Жардецкий и Терновский, взяв по два пистолета, ручные гранаты и воззвания, вышли в Столбцы.

Поздней ночью они, пробираясь лесами и глухими местами, пришли в город, и Павел тихонько постучал в окно к знакомому железнодорожнику. Двери открыл сам хозяин и, пропустив их, спросил:

— По какому делу пришли, Павел?

— К тебе за помощью. Как солдаты держатся? — сразу приступил к делу Рулинский.

— Это ты про мобилизованных? — переспросил хозяин.

— Да, да.

— Старая польская пословица говорит: «Насильно согнанные в костел — не молятся». Так и здесь. Живут люди в казармах,

муштруют их, но каждый смотрит, как бы удрать. Те, кто смелее, убегают поодиночке. Зато офицеры — настоящие собаки. Почти все бывшие пилсудчики, — взволнованно рассказывал старый железнодорожник.

— А с мобилизованными как встретиться? — спросил Рулинский.

— Из гарнизона их не выпускают, так как многие не возвращаются. К ним пробраться можно: ведь входят же в казарму столяры, печники, кровельщики.

Павел обрадовался: он умел делать оконные рамы и вставлять стекла.

— У тебя есть знакомые мастера, которые ходят работать в казарму? — поинтересовался он.

— Найдем, — бодро отозвался хозяин. — Ты что, к солдатам собираешься?

— Возможно, придется зайти. Твои мастера как, надежные люди?

— Для кого как!.. Я лично надеюсь на них.

— Вот и хорошо, а теперь нам надо хоть немного поспать, — попросил Жардецкий.

Хозяин постелил на полу.

Утром хозяин ушел на работу. Терновский вышел в город посмотреть на казармы.

В обеденный перерыв железнодорожник привел с собой пожилого мужчину-столяра. Разговорились. Но Рулинский не решался начать речь о деле.

— Да ты говори со мной в открытую, — не выдержал столяр и оглянулся на железнодорожника.

Тот, улыбаясь, кивнул:

— Не бойся. Павел, это свой человек.

Столяр согласился принять Павла в свою группу.

— Но ведь ты молодой, и люди твоего возраста все уже мобилизованы, — вдруг спохватился хозяин.

— Ничего, я притворюсь инвалидом, — улыбнулся Рулинский.

Ночью он тренировался ходить с вытянутой ногой, а утром, взяв у хозяина топор, заковылял к знакомому столяру.

У входа в казарму молодой, с чуть пробивающимися усиками новобранец внимательно оглядел Павла и хотел его задержать, но тут вмешался столяр.

— Что ты цепляешься? Он идет со мной. Работы много. Начальство разрешило мне взять помощника.

— Коли так, иди. — Солдат отошел в сторону.

Павел зорко смотрел по сторонам. Во дворе офицер, сердито

крича, муштровал новобранцев.

В одной из комнат казармы была устроена столярная мастерская. Туда частенько заходили мобилизованные. Они узнавали о родных и вообще, что делается в городе.

Павел молча работал, стараясь прислушиваться к разговорам мобилизованных, узнать их настроение и мысли.

К вечеру в мастерскую зашел пожилой усатый новобранец, бывший колхозник. Он несмело попросил табаку. Павел подал ему кисет и улыбнулся.

— Правительство не обеспечивает?

— Эх, обеспечат они! Веревкой на шею… И влезли же мы в этот капкан… — пугливо озираясь на дверь, произнес усач.

— Да, дела у вас неважные, — задумчиво сказал Павел.

Наступило короткое молчание.

— Послушали, дураки, а теперь ни вперед ни назад. Побежишь домой — смерть от властей, останешься здесь — смерть от партизанской пули, — прошептал новобранец.

— Нужно искать выход, — сказал Павел.

— Поздно, — безнадежно махнул рукой солдат.

В этот момент в мастерскую вошли еще двое, и так хорошо начатый разговор оборвался.

Павел вышел во двор. За конюшней он нашел в заборе проход. Видно, ночью новобранцы уходили через него в город. Павел осмотрел и постарался запомнить местность вокруг казармы.

Вечером он пришел к железнодорожнику и, взяв с собой Жардецкого и Терновского, вернулся к казарме. Павел объяснил, где находятся посты; Жардецкий с Терновским без шума шмыгнули в отверстие в заборе и исчезли в темноте. Через час они возвратились.

— Все разбросали, — устало доложил Юлиан.

— Порядок, — удовлетворенно проговорил Павел.

Утром раньше всех встал Павел, ему хотелось поскорее узнать, как отнеслись мобилизованные к листовкам.

— Лучше бы тебе сегодня не ходить, — посоветовал Жардецкий.

— Обязательно надо, — возразил Павел и, вытянув ногу, заковылял к двери.

Часовой пропустил его, и Павел прошел в мастерскую. Столяр внимательно осмотрел двор, но воззваний нигде не было.

В обед в мастерскую зашел вчерашний усатый новобранец. Он боязливо осмотрелся, прислушался и торопливо достал из ботинка воззвание.

— Смотрите, что здесь пишут, — прошептал он и протянул

листовку Павлу.

Рулинский внимательно прочитал, задумался и, как бы про себя, сказал:

— А может быть, здесь и правда… Партизаны, как ни говори, свои люди. Плохого вам не желают.

— Вот, если б так было, — скороговоркой сказал новобранец, — все сбросили бы это… — Он с отвращением подергал обмундирование.

— И бросайте, — вмешался столяр.

Усач молча стоял, низко опустив голову.

— Где ты взял эту листовку? — спросил Павел.

— Утром, во дворе… Снегом были присыпаны. Все бросились собирать, да офицер заметил. Нас выстроили и обыскали, но не все листовки нашли… Теперь наши мобилизованные читают.

— И что же они думают об этом?

— Не знают, с чего начать. Вот если бы кто посоветовал… — осторожно проговорил усатый новобранец.

— Дело рискованное, но если ты не болтун, я попробую узнать, что вам необходимо делать, — тихо сказал Рулинский. — А ты пока постарайся, чтобы мобилизованные поняли: идти за гитлеровцами — для них позорная гибель.

Вечером партизаны вместе с железнодорожником обсудили дальнейшие действия. Хозяин пообещал установить связь с находящейся рядом со Столбцами партизанской бригадой.

На следующий день он свое обещание выполнил. Оказалось, партизаны этой бригады тоже ведут работу среди солдат.

Вместе с тем Рулинский не прекращал связи с пожилым новобранцем. Дня через два этот усач сообщил Рулинскому, что несколько мобилизованных хотят поговорить с ним от лица батальона.

Ночью Рулинский встретился с ними на окраине Столбцов. Мобилизованные боялись кары за то, что дали вовлечь себя в националистические воинские части, Рулинский заверил, что партизаны примут их как своих обманутых братьев.

Спустя неделю семьсот пятьдесят солдат организованно перешли на сторону партизан, остальные разбежались. Осталось около ста восьмидесяти человек, преимущественно кулаков, фашистских пособников и других преступных, антисоветских элементов.

Терновский, Жардецкий и Рулинский благополучно возвратились в лагерь.

Лещеня поблагодарил их перед строем за успешное выполнение задания горкома партии.

В тот же день Павел Рулинский опять пришел ко мне.

— Дайте мне маломагнитку, я пойду обратно в Столбцы.

— Что ты придумал? — спросил Родин.

— Мой знакомый железнодорожник работает в паровозном депо, и мы решили взорвать поворотный круг. Дядя Юзеф сам заложит мину.

— Иди, — согласился я и приказал выдать Рулинскому три маломагнитки и пять килограммов тола.

Вернулся Павел Рулинский из Столбцов веселым.

— В депо паровозы больше не будут разворачиваться: дядя Юзеф свое задание выполнил, — доложил он.

В городской комитет партии стали поступать радостные известия. Объявленная националистами мобилизация полностью провалилась. В Минске на призывные пункты собралось не более ста человек. В Барановичской области к партизанам перешло три тысячи мобилизованных.

Приближалась весна 1944 года. Повеяло теплом. Солнечные лучи плавили снег и обнажали черные крыши землянок; с раскидистых елей то и дело падали тяжелые подтаявшие глыбы.

В последних числах марта к нам в отряд из Москвы прибыли сорок автоматчиков спецотряда НКВД СССР под руководством старшего лейтенанта Дмитрия Кузнецова. Они перешли линию фронта в районе Бобруйска, через разрыв в боевых порядках врага.

Кузнецов поддерживал прямую связь со штабом генерала Рокоссовского и выполнял его приказы. Эта группа стала действовать, оставаясь при нашем отряде.

В начале апреля, согласно приказу руководства, группу в двадцать пять партизан во главе с политруком Николаевым я отправил в район озера Нарочь, а потом в Белостокскую область, в распоряжение майора «Серго» — подполковника Сергея Ивановича Волокитина.

Весь апрель в партизанских районах гитлеровцы силами местных гарнизонов вели разведку боем, но, получив отпор, стали ограничиваться лишь бомбежкой.

В день Первого мая после торжественного собрания Родин перед строем зачитал первомайский приказ и приказ командования отряда.

В честь исторических побед Красной Армии, в честь нашей Родины, в честь боевой Коммунистической партии — организатора и руководителя наших великих побед я приказал произвести салют тремя ружейными залпами.

Конные разведчики донесли, что гарнизон в Белой Луже получил подкрепление и, по-видимому, что-то готовит. Вскоре прибыли артиллеристы с тремя пушками.

Мы выслали несколько разведывательных групп в район Буда-Гресская и в район деревни Шищицы узнать, что делается в гарнизонах противника. Возвратившись, они сообщили, что оккупанты готовятся к выступлению. Оставались неясными только направления их выступлений.

Теперь днем и ночью возле вражеских гарнизонов лазили наши разведчики.

Партизанами бригады имени Суворова были получены новые данные: гарнизоны Греска и Слуцка тоже готовятся к карательным действиям против партизан и населения.

На взмыленной лошади прискакала Валя и сообщила, что в сторону лагеря двинулись крупные силы противника. Спустя час разведчики с направления Буда-Гресская и Шищицы доложили о продвижении противника.

Было ясно, немцы решили произвести нападение одновременно всеми окружавшими партизанскую зону гарнизонами.

Преградить оккупантам дорогу мы выслали все три роты, а группу Кузнецова оставили для обороны лагеря. И вот в трех местах в лесу Княжий Ключ завязались бои. Потеряв около трех десятков убитыми, противник отступил.

В этих боях погибли наши бойцы Всеволод Николаевич Туркин, Аркадий Давыдович Гринько (оба посмертно награждены орденами Отечественной войны 2-й степени).

Я получил радиограмму. Командование приказывало срочно направить в Москву комиссара Родина и начальника штаба Лунькова.

Я присел на пень, написал сообщение на Большую землю, что противник начал против нас боевые действия. Затем показал полученную радиограмму Лунькову и Родину.

— Уйти теперь, когда гитлеровцы начинают карательную экспедицию? — удивленно пожал плечами Луньков.

— Это приказ руководства, нужно выполнять. Сами видите, написано «срочно».

До партизанского аэродрома далеко. Нужно было перейти шоссе, железную дорогу, обойти много вражеских гарнизонов, и я выделил для сопровождения Лунькова и Родина группу автоматчиков, проводником назначил Юлиана Жардецкого.

Рассвело. Товарищи собрались в дорогу. За лагерем мы простились. Комиссар и начальник штаба, обнимая остающихся, повторяли:

— Встретимся после победы!.. После близкой победы!..

У поворота дороги товарищи сняли фуражки и еще раз помахали нам.

Мы возвращались в глубокой задумчивости, хотя задумываться было некогда. Через несколько дней комиссар и начальник штаба будут в столице. Какая теперь Москва? Должно быть, в скверах уже зеленеет трава, цветут тюльпаны… Родин и Луньков пойдут по улицам столицы, передадут от нас приветы знакомым, письма родным. В Кремле они расскажут о нашем отряде, о борьбе белорусского народа с подлыми захватчиками…

Возвратившись в лагерь, я в первую очередь выслушал Меньшикова. Получив крепкий отпор, оккупанты отошли в свои гарнизоны. В Шищицы и Буду-Гресскую к фашистам прибыло подкрепление.

— Как аэродром в Марьиной Горке? — спросил я.

— Данных нет, — сказал Меньшиков.

— Надо срочно добыть. Поищи партизана, местного уроженца, и пошли к аэродрому, — приказал я ему.

Через полчаса Меньшиков привел молодого, высокого, здорового парня с ясными голубыми глазами.

— Филипп Слабинский, — представился тот.

— Марьину Горку хорошо знаете? — спросил я.

— Неподалеку оттуда родом, — кивнул Филипп.

Мы с Меньшиковым объяснили Слабинскому его задачу, дали для прикрытия пятерых автоматчиков, и Слабинский ушел.

Из Минска пришел Мурашко.

— Меня разыскивает СД, — сказал он. — Чирко и Гаврилов продолжают работать. Связь с ними придется поддерживать через Бориса Чирко.

— Сколько вы заложили мин? — спросил я его.

— Игнат Чирко заложил пятнадцать. Гаврилов заминировал пассажирский вагон с отпускниками. Убито двадцать офицеров и около сорока солдат. Недавно на товарной станции загорелись две цистерны с бензином, а вечером там же взорвались вагон со снарядами и две платформы с автомашинами…

Недели через две, после того как мы с Лещеней выслушали нескольких других минских подпольщиков, мы убедились, что Мурашко оставался в Минске до последней возможности. СД сумело его выследить. Задержись он еще на день — был бы схвачен…

Горком партии провел совещание со связными минского подполья, с тем чтобы найти новые возможности поддержания связи. Члены горкома обсудили, кто из наших товарищей способен заменить улетевших комиссара и начальника штаба. Перебрав и взвесив все возможности, Лещеня согласился с моим предложением назначить Константина Сермяжко комиссаром, а Козлова — начальником штаба.

Решив это, мы построили всех партизан отряда, и Лещеня от имени подпольного горкома партии зачитал приказ о новых назначениях.

После построения все партизаны горячо поздравляли Сермяжко: ведь, кажется, совсем недавно он бóльшую часть времени проводил «на железке», подрывал фашистские эшелоны… Скромность, требовательность к себе и преданность долгу создали Константину большой авторитет среди всех.

В лагерь возвратился Чернов, которого я посылал сопровождать Филиппа Слабинского.

— Филиппа убили, — опустив голову, доложил он.

— Убили? — не поверил я.

— Под Марьиной Горкой мы встретили крестьян. Они рассказали, что на аэродром прилетели новые самолеты. Мы подобрались ближе к аэродрому. Дальше Слабинский пошел один. Он усиленно настаивал на этом, повторяя, что отлично знает местность и одного его не обнаружат. «Одному лучше, враг не заметит», — убеждал он. Мне пришлось уступить. Филипп ушел, мы залегли. Через час у аэродрома раздалась стрельба. Мы бросились туда, но эсэсовцев было много, и мы отошли. Я решил не возвращаться в лагерь, надеясь, что Слабинскому удалось ускользнуть от обнаруживших его охранников и он вернется к нам.

На другой день от местных жителей мы узнали, что на опушке леса около ста гитлеровцев окружили одного партизана. Партизан не сдавался и, убив восемь фашистов, упал, сраженный пулями. Крестьяне похоронили его. Это был Слабинский.

Филипп Слабинский был молод и любил жизнь, но в минуту опасности его рука и сердце не дрогнули. В районе Марьиной Горки появилась еще одна партизанская могила.

С нетерпением мы ожидали возвращения вышедших на задание групп подрывников. Наконец они прибыли в лагерь. Потерь не было. Последним вернулся Иван Любимов.

— Товарищ командир, задание выполнено: подорвано два вражеских эшелона, — спокойно доложил он.

— Отомстили за нашего Вильяма, — сказал Ларионов Рудольфу.

— И за Филиппа Слабинского, — добавил новый начальник штаба Козлов.

Все карательные экспедиции оккупантов против партизан кончились для врага провалом.

С приближением линии фронта фашисты предпринимали все более настойчивые попытки разгромить партизан. Готовясь к летним боям с советскими войсками, они напрягали все силы,

чтобы обеспечить себе прочный тыл. Важное значение для противника имело нормальное передвижение по таким дорогам, как шоссе Москва — Варшава, Минск — Слуцк и Осиповичи — Бобовня. Гитлеровцы решили если не уничтожить полностью, то хотя бы парализовать боевую деятельность партизан, действовавших в районе этих шоссейных дорог.

Партизанские районы были опоясаны железным кольцом дивизии, снятых с фронта и отправлявшихся на фронт. Над лесными массивами и населенными пунктами рыскали эскадрильи «юнкерсов». Со всех сторон гремела артиллерия противника.

В Колодинских лесах, находящихся в сорока километрах южнее Минска, вела бои партизанская бригада «Буревестник» под командованием Мармулева. В последних числах мая 1944 года эта бригада под напором врага оставила населенные пункты Теребель, Русаковичи, Сергеевичи, Кобыличи.

С другой группировкой противника вела бои бригада «Беларусь» под командованием Андрея Степановича Юрковцева. Здесь гитлеровцам, наступавшим с севера, удалось занять шоссе Марьина Горка — Шацк.

Крупные силы оккупантов с востока, со стороны Марьиной Горки — Пухович, нажимали на отряды 2-й Минской бригады, которой руководил Андреев. Враг штурмом занял совхоз «Сенча». Партизаны оставили села Велень и Клетище Пуховичского района.

С юга, от Слуцка и Старых Дорог, фашисты начали наступление на бригаду имени Фрунзе. С запада от Греска, Белой Лужи, Шищиц, Буды-Гресской против нашего отряда и бригады имени Суворова выступили три полка пехоты с танками и пушками.

Для удобства руководства обороной комбриг Каледа передал в мое распоряжение два отряда: имени Фрунзе и имени Суворова. Усиленные группы разведчиков вступили в перестрелку с передовыми подразделениями противника. Мы с командирами приданных отрядов решили выдвинуться вперед, к берегу реки Случь. К рассвету достигли шоссе Осиповичи — Бобовня. В районе сожженного моста мы остановились.

Здесь приняли решение занять линию обороны на флангах отрядами имени Фрунзе и имени Суворова, а наш отряд должен был расположиться по обеим сторонам шоссе. Западный берег реки Случь и подступы к сожженному мосту заминировали.

Над нашими головами пронеслись две эскадрильи бомбардировщиков с черными крестами. Сзади нас грохнули взрывы, и опять наступила тишина. Мокрые, только что

переплывшие на лошадях реку, прискакали разведчики Васильева и Терновский. Валя быстро направилась к нам, в ее сапогах хлюпала вода.

— Из Шищиц вышли гитлеровцы, с ними танки и артиллерия, — быстро доложила она.

— Много? — спросил начальник штаба Козлов.

— Очень много, но установить точно трудно. Разведчики следят, я сейчас поскачу обратно, может, есть уже что-либо новое.

— Переоденься в сухое! — крикнул ей Козлов.

— Жарко становится, быстро высохнет, — крикнула она и, вскочив в седло, помчалась обратно.

Передав через связных последние приказания командирам, я сел на своего Орлика и поехал осматривать линию обороны. Все лежали, укрывшись под деревьями, в ямах, замаскировавшись. В канаве находились минометные и противотанковые расчеты. Рядом, возле станкового пулемета, словаки Штефан Качалка и Рудольф Заяц что-то разъясняли своим бойцам. Подойдя к Рудольфу, я спросил:

— Не отступите?

— Ни за что!

— Этот сектор очень важен. Подпускайте противника до самого моста…

На другом берегу послышался гул моторов. Рудольф с Качалкой залегли у пулемета, а я поскакал на командный пункт.

Далеко между болотами вилось белой лентой шоссе. Вскоре на нем одна за другой показались несколько точек. В бинокль я увидел, что к нам приближались вражеские мотоциклисты. Они ехали медленно, оглядывая близлежащие кусты. Но вот они въехали на минное поле. Там поднялся столб земли и пыли. Один из мотоциклистов быстро развернулся, выпустил несколько очередей и помчался назад. В то же время на шоссе показались три танка и самоходная пушка. Первый танк остановился около разбитого мотоцикла, потом дал газ и устремился вперед. Под его гусеницами разорвалась мина. Танк вздрогнул всем корпусом, завертелся на месте, затем заглох. Остальные танки и две пушки открыли огонь по нашему расположению; за танками развернулась пехота.

Снаряды разрывались позади нас. Мы не отвечали. Гитлеровцы продвинулись к реке. Самоходная пушка, объехав поврежденный танк, приблизилась к мосту. Я подал команду: «Огонь!»

Ударили минометы, противотанковые ружья. Огонь партизан прижал гитлеровцев к земле. От танков отскакивали ярко светящиеся искры. Враг огрызнулся огнем, попятился назад и

начал окапываться. Я опять посмотрел в бинокль.

Далеко на шоссе показалась автоколонна. Она остановилась. Солдаты выпрыгнули из машины. Заметив противника, Козлов, посмотрев в бинокль, выбрался из укрытия и побежал к пулеметчикам, которые находились возле шоссе. Пулеметчики открыли меткий огонь по автоколонне. Солдаты противника бросились было врассыпную, и гитлеровским офицерам пришлось немало потрудиться, чтобы восстановить порядок. Через поле, прикрываясь кустами, подходили к реке новые силы гитлеровцев. Перед нами стояла более чем в три раза превосходящая численным составом и боевой техникой группировка. Кругом свистели пули, рвались снаряды.

Согнувшись, к нам бежал связной отряда имени Фрунзе. Прислонившись к сосне, он, задыхаясь, передал мне записку. Я прочитал:

> «Противник обстреливает нас полевой артиллерией, накапливается на берегу и готовится переправиться через реку. Есть убитые».

Я коротко ответил: «Держитесь». В район Рудицы мы послали командиру бригады Каледе нашего связного Анатолия Чернова. Только он ушел, как послышался нарастающий гул моторов: над нами появились три вражеских бомбардировщика, вокруг с пронзительным свистом посыпались бомбы. Одна упала в реку и подняла огромный столб воды. Вернувшись, Чернов доложил, что Каледа крепко держит свой рубеж обороны.

Гитлеровцы начали общее наступление. Первые вражеские подразделения переправились через реку, но, не успев закрепиться на нашем берегу, были уничтожены. Бой затих. Мы немного перекусили. С наступлением сумерек выслали разведчиков.

Ночью они услышали тихий плеск воды. Противник, воспользовавшись темнотой, попробовал форсировать реку. В воздух взвились наши ракеты. Пулеметчики открыли огонь. Гитлеровцы начали отступать, но их всюду настигала смерть. Оставшиеся в живых спешили к своему берегу. На нашем берегу оказалось шесть солдат, они, укрываясь от огня, залегли в яму. Я указал на них Меньшикову. Через полчаса Меньшиков доложил, что пятеро немцев взяты живыми. Мы отвели их в глубь леса и поставили к ним охрану.

Карл Антонович осветил карманным электрическим фонариком их испуганные лица и бегающие глаза и начал допрашивать.

Пленные рассказали, что офицеры успокаивали их тем, что

партизаны имеют лишь по пять патронов, поэтому вначале они шли напролом. Однако теперь убедились в убийственности партизанского огня. Пленные рассказали также, что их дивизия переброшена с фронта из-под Бобруйска. Из их показаний стало ясно, что против партизан брошены не только танки, авиация, артиллерия, броневики, но и инженерные части для восстановления мостов, расчистки завалов на дорогах. После допроса пленных мы снова возвратились на командный пункт.

На рассвете противник открыл артиллерийский огонь. Один снаряд упал в расположении роты Малева и убил двух партизан. Неожиданно артиллерия замолкла. Гитлеровцы на всех участках вновь начали атаки. Они бросились к реке. Ко мне прибежал связной отряда имени Щорса и доложил, что на их участке враг переправился через реку. Мы с Козловым рассчитывали наши возможности: если не удалось удержать противника на том берегу и он смог переправиться, то выбить его отсюда еще труднее. Нужно отступать.

Сейчас же к командирам отрядов выслал связных с приказом отходить. Отражая яростные атаки гитлеровцев, мы отошли к деревне Селище. На опушке леса заняли оборону. Отсюда я послал помощника начальника штаба Андросика с группой автоматчиков в семейный лагерь, чтобы они увели людей в непроходимые для всех «чужих людей» болота. Андросик возвратился и доложил, что задание выполнил.

Под вечер разведчики сообщили, что противник крупными силами закрыл нам отход через шоссе Бобруйск — Слуцк и Минск — Слуцк. Других путей к отступлению у нас не было. Необходимо пробиться силой.

Наступило утро 3 июня 1944 года. Стояла теплая, солнечная погода. Партизаны уже третий день вели тяжелые, упорные бои, все время на ногах, без сна.

Из разведки возвратились Юлиан Жардецкий и Павел Рулинский. Они доложили, что гитлеровцы заняли деревню Нисподянку. Мы с Сермяжко посмотрели на двухкилометровку: из этой деревни прямой путь к нам в тыл. Над картой наклонился Козлов.

— Надо выбить врага из деревни, — он взглянул мне в глаза.

— Надо, но мы не можем для этого выделить более роты, — вздохнул я.

— Дайте роту, я попробую, — вызвался Козлов.

Сняли роту Сидорова, пополнили ее автоматчиками. Козлов обратился к партизанам роты со словами:

— Товарищи, противник занял Нисподянку, собирается ударить нам в тыл. Чтобы предупредить этот смертельно опасный

для нас удар, надо во что бы то ни стало взять деревню. Это серьезное задание должны выполнить мы. Противник, не скрываю, превосходит нас количеством, но мы должны биться, как положено партизанам. Не ждите подкрепления, его ниоткуда не получим. Мы обязаны уничтожить противника своими силами. В бою падет товарищ — бейся за двоих, но победы добейся!

Сначала партизаны перешептывались между собой, потом последовал громкий ответ:

— Добьемся!

— Вперед! — скомандовал Козлов и вместе с Сидоровым повел роту.

Наша линия обороны протянулась на два километра. Противник имел танки, артиллерию, авиацию, непрерывно подтягивал все новые резервы, а нам приходилось рассчитывать только на свои силы. Но каждый партизан твердо знал свои обязанности, боеприпасов зря не расходовал, стрелял только наверняка, когда видел своими глазами противника. За две атаки противник потерял только убитыми более сорока человек.

Вскоре вернулся Козлов, потный, пропахший пороховым дымом, с испачканным лицом, и доложил:

— Деревня Нисподянка в наших руках. Сидоров со своей ротой остался там.

Лишь только он произнес это, как возобновилась ожесточенная канонада. Вскоре артиллерия замолкла, и вновь пошла в атаку пехота. Партизаны отбили и эту атаку.

В семнадцать часов 3 июня я получил донесение комбрига Каледы:

> «Товарищ Градов, в 16.00 немцы прорвали оборону на участке моей бригады, заняли деревни Рудицу и Сыровадное и направились с востока в лес, к вам в тыл. Каледа».

Сердце сжалось от боли. Я показал донесение Константину Сермяжко. Прочитав, он изменился в лице и сгоряча отпустил несколько нелестных выражений по адресу соседей. Но можно ли обвинять товарищей? Я знал, они мужественно сражались с врагом, в несколько раз превосходящим их в живой силе и технике.

Раздумывать было некогда, и мы с комиссаром и Козловым приняли решение оставить Воробьевский лес. Отдали приказ отрядам сниматься. Выслали людей в деревни предупредить жителей, чтобы они прятали имущество и уходили в лес.

Партизаны горели желанием драться с гитлеровцами не на жизнь, а на смерть, и приказ об отступлении вызвал у них

недоумение. Раздались голоса:

— Умрем, но фашистов не пропустим!

Нам с комиссаром пришлось пояснить, что в связи с прорывом противника для нас усилилась опасность; только тогда разгоряченные боем партизаны поняли смысл приказа. В шесть часов вечера мы оставили Воробьевский лес.

Как только наши отряды стали отходить, фашисты бросились в атаку, стали нажимать на группу прикрытия, но наскочили на мины и, потеряв три подводы с боеприпасами, с десяток своих солдат и проводника, отстали. Нам удалось оторваться.

В районе деревни Кошели остановились на отдых. Через час прибыла бригада имени Суворова. Несмотря на тяжелые бои, настроение было бодрое, боевое. Ни бомбежка, ни разрывы снарядов, ни воющие мины, которыми осыпал нас противник, не могли подорвать наш боевой дух. Партизаны шутили и говорили об ожесточенно атакующих гитлеровцах:

— Пусть попсихуют. Нас этим не возьмешь!

В эти же дни вели тяжелые бои с противником и вынуждены были отступить за реку Птичь бригады «Буревестник», «Беларусь», 2-я и 3-я Минские.

Утром после небольшого перехода я встретился с командирами бригад и секретарями подпольных райкомов и Минского горкома партии. Не было только командира бригады имени Фрунзе Арестовича. Он вел бои с противником между шоссе Бобруйск — Слуцк и Осиповичи — Бобовня.

Посовещавшись, мы приняли решение прорываться из окружения и бить противника с тыла. А чтобы спутать карты гитлеровскому командованию, договорились действовать в трех направлениях: бригады «Буревестник» и 3-я Минская должны были прорваться через Воронические болота и выйти в тыл противнику в Узденском районе; бригада имени Суворова — через шоссе Минск — Слуцк выйти в тыл противнику в Копыльском районе и соединиться с бригадой Шестопалова; бригаде имени Фрунзе через Каледу передали указание сманеврировать, выйти в тыл противнику и наносить удары методами засад.

Наш отряд, а также бригады «Беларусь» и 2-я Минская, подпольные райкомы и Минский горком партии должны были прорваться в Осиповичский район, потом повернуть обратно и выйти в тыл немцам. Тут же был создан штаб руководства этой объединенной группой, в который вошли секретари Минского подпольного горкома партии Лещеня, Машков, комбриги Андреев, Юрковцев и я. Командовать соединением штаб поручил мне. В соединении насчитывалось свыше пяти тысяч партизан.

Кроме того, в пути продвижения к нам присоединялись женщины с детьми из семейных лагерей. Продовольствия не было. В первые дни блокировки отряды и бригады израсходовали много боеприпасов. Это вызвало немалую тревогу. У нас еще осталось некоторое количество боеприпасов. Я распределил их между отрядами. Дали строгий приказ о бережном расходовании боеприпасов; было также приказано без команды огня не открывать, бить противника только наверняка. Лошадей и повозки оставили лишь для перевозки раненых, боеприпасов и радиоимущества. Остальное имущество приказали взять на плечи, а лошадей распрячь и отпустить.

Соединение двинулось на прорыв. Впереди шла разведывательная рота. По дороге к нам присоединился отряд имени Щорса 3-й Минской бригады. Командир отряда Даниленко, узнав, что его бригада выступила на север, согласился остаться с нами. Наша колонна повернула к деревне Битень. Далеко впереди был виден полуостров, среди болот, где до блокады дислоцировался отряд Пивоварова 2-й Минской бригады. Там паром — переправа через реку Птичь. Если немцы его не уничтожили, мы должны им воспользоваться.

Теплая июньская ночь. В воздухе гудят вражеские самолеты. Они бомбят села и лесные массивы. Откуда-то сзади доносятся артиллерийские разрывы, слышны пулеметные и автоматные очереди, небо освещается ракетами.

Идем без остановки. Ночью 5 июня наше соединение достигло полуострова. Полуостров площадью около трех квадратных километров разрезан канавой шириной в десять метров со стоячей водой. Он покрыт смешанным лесом, окружен болотами с высокой, по пояс, травой и кустарником. К полуострову имелось два подхода: один по дороге из деревни Битень, другой с юга.

Конная разведка быстро разыскала переправу. По ней мы в первую очередь переправили роту Усольцева для прикрытия, затем до рассвета успели переправить на восточный берег Птичи весь обоз и укрыть его в кустах. Партизаны выставили охранение и легли отдыхать.

Около четырех часов утра неожиданно с южной стороны немцы открыли огонь из пулеметов и минометов. Мины рвались в нашем расположении. Конные связные сообщили, что во 2-й Минской бригаде есть убитые и раненые. Туда спешно направился комбриг Андреев. Над рекой около парома появился воздушный разведчик.

Партизаны Андреева сильным огнем встретили наступающих немцев. Противник сначала остановился, затем стал отступать.

Для преследования гитлеровцев я выделил роту Малева. Вернувшись, он доложил, что это была лишь разведрота фашистов, которая отступила к городу Старые Дороги. Было ясно: противник знал наше расположение. На полуострове мы с Юрковцевым, Андреевым и секретарями горкома партии собрали всех командиров и комиссаров отряда. От них строго потребовали, чтобы они добились образцового порядка и организованности, чтобы каждый партизан точно и беспрекословно выполнял приказы командиров и комиссаров. Я предупредил, что, если мы не обеспечим железной дисциплины в отрядах, противник сумеет нас разгромить. После совещания командирами и комиссарами были проведены короткие партийные собрания по подразделениям.

Приняли решение — не дожидаясь вечера, начать переправу через Птичь. Первыми должны были форсировать реку бригады Юрковцева и Андреева и личный состав подпольных райкомов. После переправы на восточный берег они должны были занять там оборону и прислать ко мне связных, а я со своим отрядом должен был прикрывать переправу, пока не форсирует реку все соединение. Командиры и комиссары отправились разъяснять задачу партизанам.

В этот момент налетели бомбардировщики. Все залегли в высокую траву, в кусты. Вокруг разлетались брызги грязи от взрывов бомб, но жертв не было. После того как самолеты отбомбились и улетели, разведчики доложили, что обе переправы целы.

Партизаны начали переправляться. Они быстро переходили по кладкам плота. Партизаны Юрковцева переправились на восточный берег и сменили находившуюся там группу Усольцева. Она возвратилась назад. Свои заслоны мы выставили в главных направлениях: перекрыли дорогу из деревни Битень и подходы через болото.

Время шло. Противник не показывался. Посмотрел на часы. Переправа давно должна была закончиться, но связных от них пока нет. Подождал еще час и послал на переправу разведку.

Вернувшись, разведчики доложили, что ни на нашем берегу, ни на противоположном партизан нет. В деревню Битень прибыло шесть немецких танков.

Злость и досада охватили меня: выходит, Юрковцев и Андреев не сдержали своего слова, оставили нас? В это время из деревни по парому открыли стрельбу фашистские танки. Я дал команду под огнем противника переправляться через реку.

Разведчики с лошадьми переправились на другой берег на пароме. Козлов и Сермяжко остались руководить прикрытием на

западном берегу, а я на восточном занял оборону.

Танки продолжали обстрел парома. Я послал Ларионова и Афиногентова взорвать его. Теперь остался только плот. Заминировали все подходы к нему. Последним переправился Усольцев.

После захода солнца мы выслали вперед разведчиков во главе с Ларченко. За ночь нужно было пройти около двадцати километров. Приказали снять с повозок оставшиеся боеприпасы, лошадей распрячь и пустить.

С наступлением сумерек, тяжело нагрузившись, мы двинулись на восток. Болото было топкое, заросшее высокой травой.

Вскоре мы напали на след наших бригад. В пути подобрали четырех раненых партизан из бригады Юрковцева, от них узнали, куда ушли бригады. Раненых взяли с собой, нести пришлось на носилках, это затрудняло и без того тяжелое продвижение по болотам.

В час ночи догнали ушедших вперед партизан. Пришлось выругать и строго предупредить их.

Договорились вместе двигаться на восток. С рассветом все наше соединение прибыло в Осиповичский район, расположенный южнее станции Талька, и остановилось в молодом сосновом лесу. Здесь решили обождать до вечера. Уставшие партизаны, пристроившись под соснами, быстро уснули.

На лесных опушках были выставлены секреты. Решив, что оккупанты теперь уже прочесали полуостров, я предложил возвратиться обратно. Все со мной согласились. Создали ударную группу прорыва в количестве восьмисот пятидесяти автоматчиков и пулеметчиков. В состав этой группы включили роту Сидорова. Командиром группы назначили Козлова.

С заходом солнца над болотами лег туман. Ночь была теплая. Воспользовавшись этим, мы пошли в обратном направлении. Вперед выдвинули сильную группу, за ней пошло все соединение. Подошли к нашей переправе, она оказалась целой. Скользя и спотыкаясь, переходили по трясущимся бревнам.

С рассветом туман рассеялся, мы вышли на полуостров и замаскировались. Распределили участки обороны. На окраины леса выслали разведчиков. Наш отряд занял оборону на северной опушке полуострова. В деревню я послал разведчиков во главе с Меньшиковым. Перед деревней они столкнулись с колонной гитлеровцев и, отстреливаясь, отошли на полуостров.

Скоро зашуршали кусты, и перед глазами замелькали продвигавшиеся перебежками фашисты.

— Подпустите ближе, — передал я по цепи.

Как только фашисты приблизились, партизаны дружно открыли огонь. Фашисты с разбегу бросались на землю. На месте убитых появлялись новые.

— Гранатами! — послышался громкий голос Малева.

И в тот же миг один за другим начали раздаваться взрывы. Враги не выдержали, повернули обратно. Я поднял свой отряд в контратаку. Партизаны, воодушевленные победой, преследовали бегущих гитлеровцев.

На опушке леса мы увидели Рахматула Мухамендярова и Андрея Ларионова. Оба тяжело дышали и руками вытирали пот с лица.

— У фашистского офицера длинные ноги, не мог его никак догнать, пришлось стрельнуть, — сказал Рахматул и, торопясь, подал мне планшетку офицера.

Вскоре мы дали команду отойти назад. На поле боя оказалось много убитых солдат противника. Партизаны быстро собрали оружие, боеприпасы и документы. Вернувшись на свои рубежи обороны, они опять залегли в кустах и замаскировались.

Мы с Сермяжко прошли по рядам. Партизаны рассматривали немецкие документы; рядом на земле лежало трофейное оружие и боеприпасы.

Вместе с Карлом Антоновичем открыли планшетку немецкого офицера. Из отметок на топографической карте можно было понять замысел гитлеровского командования. Потом вывернули бумажник. Карл Антонович прочитал письмо жены офицера:

> «…Ганс, я очень недовольна, что ты выполняешь неблагодарную работу по борьбе с бандитами. Твои два лучших друга погибли от бандитов, и я боюсь за твою судьбу. Пришли ящик бобов, ибо мы последнее время в Берлине получаем больше камня от бомбардировок, чем продуктов».

— Нечего сказать, дожили, если жена просит хотя бы бобов, — пробормотал Карл Антонович.

В этот момент фашисты возобновили атаку на нашем участке. Мы следили за ожесточенным боем. Ни один из вражеских солдат не проскочил через нашу линию обороны. Стрельба начала ослабевать и вскоре совсем стихла.

После часа передышки немцы начали третью атаку на участке одного из отрядов 2-й Минской бригады. Противник, сосредоточив там сильнейший огонь, прорвал оборону.

Мы с Андросиком побежали в отряд и вместе с Кузнецовым повели его группу из сорока автоматчиков в контратаку.

Партизаны сошлись с противником лицом к лицу. Стреляли почти в упор. После короткого, но ожесточенного боя немцы дрогнули и побежали. Прорыв был ликвидирован.

Вытирая пот, я вылез из душного камыша и увидел на бугорке лежащего Андросика. Кузнецов, наклонившись над ним, снимал с него гимнастерку, мокрую от крови.

— Погиб, прямо в грудь, — тихо сказал Кузнецов.

Партизаны, найдя сухое место, молча похоронили своего товарища.

Противник то в одном, то в другом месте атаковал нашу оборону. С пяти часов утра до полудня отбили двенадцать атак. В штабе собрались посоветоваться. Юрковцев предложил отходить обратно на восток.

— Без нужды вернулись обратно, — со злостью упрекал он.

Я молчал: вернулись мы по моему предложению… Но из того, что здесь нам снова приходится туго, вовсе не следовало, что в другом месте нам было бы лучше. Все дело в том, что сейчас почти везде в этих районах сосредоточены большие силы противника.

— Теперь поздно об этом говорить, лучше подумаем, что будем делать дальше, — перебил Юрковцева Лещеня.

Я предложил во что бы то ни стало продержаться до вечера, а потом прорваться на запад. С этим предложением все согласились.

Мы послали партизан разрушить переправу через реку, чтобы противник не мог ею воспользоваться. Теперь остался только один выход — прорываться на запад.

На командный пункт принесли первых раненых. Со связным я пошел к Козлову. Ему было явно не по себе из-за того, что он не участвует в бою.

Авиация не показывалась. Нам было видно и слышно, как она весь этот день бомбила Воронические болота, где ночью прошли бригады «Буревестник» и 3-я Минская. Мы направились в роту Усольцева.

В это время опять началась атака противника. Партизаны во время атак скосили кусты своим огнем, и теперь большое пространство впереди превратилось в чистое поле, что затрудняло наступление гитлеровцев.

Проползая вдоль линии обороны со связным, я прижался к станковому пулемету и взглянул в лицо пулеметчику. Это был Аркадий Оганесян. Он зорко наблюдал за своим сектором обстрела, ловко поворачивая ствол пулемета.

Вот в кустах слева показалась группа немцев. Вмиг повернулся пулемет Аркадия и заработал. Мы перебежками

добрались до Усольцева, приказали ему перебросить на участок Оганесяна несколько автоматчиков.

Отбили и эту атаку. С Усольцевым прошли через цепь партизан. За своим пулеметом лежал с завязанной головой Аркадий Оганесян.

— Ты ранен? Иди к врачу, — ласково сказал ему Усольцев.

— Тяжело? — нагнувшись, спросил я.

— Через прорезы щита прошла и по затылку саданула, — Аркадий отвел воспаленные глаза.

— Приказываю идти к врачу, — сказал я и оторвал его руку от пулемета.

Приказание пришлось повторить. Наконец Оганесян встал, посмотрел на своего товарища и, с трудом размыкая пересохшие губы, проговорил:

— Смотри, Коля, не пропусти фашистов, я сейчас вернусь.

Мы повели его к врачу. Чиркин быстро перевязал рану. Ослабевший Оганесян сразу же заснул.

Приближался вечер. Противник больше часа молчал. С наступлением темноты мы решили идти на прорыв. Но не успело солнце спуститься за деревья, как вновь началась яростная атака. Противник подтянул новые силы и штурмом хотел захватить полуостров. Трудное создалось положение.

Мы приказали взять на носилки всех раненых. Чернова послали к Сермяжко с приказанием во что бы то ни стало отразить нажим немцев и после сигнала — красной ракеты — перейти в контратаку.

— Не будем ждать вечера? — глядя на мои приготовления, спросил Лещеня.

— Нельзя ждать, иначе враг раздавит нас, — ответил я и быстро направился к Козлову.

Он тотчас поднял группу истомившихся в бездействии партизан. Они бесшумно поползли к западному краю обороны полуострова. Из-за топких болот противник вел сильный огонь. Партизаны не отвечали.

— Начнем, — тихо сказал я Козлову и, поднявшись во весь рост, крикнул:

— За Родину! Смерть фашистам!

Мой голос слился с грохотом нашего огня. Соединение одновременно открыло огонь из всех видов оружия. Били минометы, пулеметы, автоматы и винтовки.

Неудержимой лавиной партизаны ринулись вперед. Кто-то обогнал меня, кто-то рядом упал, но поднялся и побежал; кругом трещали автоматы.

— Ура! Ура! Вперед!

Крики, стрельба — все слилось в сплошной гул. На километровом участке мы смяли и большей частью уничтожили противника. Сзади нас, на реке Птичь, переправа уничтожена — оттуда противник не придет. Перепрыгивая через трупы вражеских солдат, мы выбежали на сухое место.

По направлению нашего отряда в воздухе показалась красная ракета. Это Козлов с сотней автоматчиков зашел противнику в тыл и ударил, соединившись с Сермяжко.

Только теперь мы почувствовали смертельную усталость, но отдыхать было некогда, нужно было оторваться от врага. Вперед вышла разведрота во главе с Меньшиковым. Через полчаса поднялись все. За ночь прошли девять километров. Партизаны были сильно утомлены боями, в течение нескольких суток продвигались по труднопроходимым болотам, без питания. Раненых несли на носилках, что затрудняло движение. Нас сильно связывали примкнувшие к нам жители деревень, скрывающиеся от гитлеровцев: женщины с грудными и малолетними детьми, старики.

Несмотря на все эти трудности, боеспособность партизан была отличной. От партизан не отставали и партизанки. Они также мужественно переносили все невзгоды; те, которые имели оружие, отважно сражались наравне с мужчинами, а те, которые были безоружны, во время боев на самом переднем крае обороны готовили партизанам пищу, перевязывали раненых, выносили их с поля боя. Даже детишки и те не падали духом. После того как были прорваны цепи наступавших гитлеровцев и мы ушли с «полуострова смерти» — так прозвали его партизаны нашей группировки, — я во время марша ночью подошел к сбившимся в кучу ребятам и, стараясь говорить веселым тоном, спросил:

— Как живем, ребята?

В ответ на мой вопрос один из них спросил:

— Товарищ подполковник, вы нас не бросите? — В его голосе были слышны мольба и ужас.

Сердце сжалось… Я ответил, что ни при каких обстоятельствах их не оставят. Постарался успокоить ребятишек, заверив, что скоро мы выйдем из окружения.

Детишки повеселели, стали уверять, что марш они выдержат, а есть им вовсе не хочется.

Под утро 9 июня наша группировка остановилась на дневку в заболоченном лесу, в четырех километрах от деревни Лавы. Выставив группы прикрытия и наблюдения, мы расположились на отдых.

Восемь суток, проведенных почти без сна, дали себя почувствовать. Пристроившись, кто как сумел, прислонившись

друг к другу, все сразу уснули. Бодрствовали только дневальные и дежурные.

Комбриг Андреев со своим комиссаром Петром Павловичем Ванкевичем подошли ко мне и предложили кусок хлеба с салом. От сильного переутомления не хотелось есть, несмотря на то, что все эти дни у меня почти ничего не было во рту. Как будто отвык от еды. Но когда съел бутерброд, то почувствовал такой голод, что сразу вспомнил поговорку: «Аппетит приходит во время еды», и даже пожалел, что только раздразнил желудок.

Андреев начал шутить, а Ванкевич вспомнил блокировку немцами 25 января 1943 года Воробьевского леса, Княжий Ключ.

— Тогда получилось хорошо, а нам с вами, Станислав Алексеевич, решительно не везет, третий раз в переплет попадаем.

— Ничего, Петр Павлович, выцарапаемся и на этот раз, — ответил я.

День был прекрасный, солнечный; партизанам удалось немного просушить одежду и обувь.

Разведку с утра решили не посылать: во-первых, чтобы не выдать себя, во-вторых, трудно было вести ее, так как в населенных пунктах населения не было. Спасаясь от гитлеровцев, все, кто мог, ушли в лес.

Для обсуждения дальнейшего плана действий пригласили комбрига Юрковцева. Приняли решение прорваться в Воробьевский лес, а под вечер произвести разведку в населенном пункте Лавы.

День прошел спокойно; авиация противника не появлялась. Вечером получили данные, что в Лавах и Щитковичах стоят какие-то немецкие части с пушками.

С наступлением темноты двинулись лесом на прорыв через Лавы. К часу ночи все отряды вышли на рубеж атаки.

Гарнизон гитлеровцев в Лавах оказал яростное сопротивление. В течение тридцатиминутного боя его боеспособность была подавлена. Гитлеровцы бежали в Старые Дороги. А мы двинулись вперед, в Воробьевский лес. В пути наша разведка выяснила, что немецкие войска снимаются, значит, карательная операция заканчивается.

В Гресском районе мы встретились с партизанами бригады имени Фрунзе, которые рассказали, что в ночь на 3 июня бригада отошла за шоссе Осиповичи — Бобовня.

На рассвете следующего дня с целью дезорганизовать противника и сорвать его планы бригада силами отрядов имени Буденного, Рокоссовского и Дзержинского перешла в наступление в районе деревень Обчее и Селец. Это наступление было

неожиданным для гитлеровцев, и бригада, воспользовавшись растерянностью противника, оторвалась от него, зашла в тыл вражеской группировке, нанесла ей сильные удары.

Так, 9 июня группа партизан отряда имени Рокоссовского в районе деревни Жилин Брод отбила у противника большой обоз, взяла в плен нескольких гитлеровцев.

На следующий день рота партизан отряда имени Кирова напала на вражескую автоколонну на участке дороги Малитоново — Щитковичи в районе деревни Красная и уничтожила десять автомашин, при этом было убито и ранено восемнадцать гитлеровцев.

Подразделения бригады имени Фрунзе, оказавшись в тылу наступавших против партизан вражеских войск, дезорганизовали их своими смелыми и энергичными действиями.

Бригада имени Суворова прорвалась на запад в Воробьевский лес.

Задуманная немецко-фашистским командованием операция по уничтожению партизанских отрядов и бригад на территории четырех районов Белоруссии, как и предыдущие операции, провалилась.

Выяснив обстановку, мы распустили по домам всех местных жителей, примкнувших к соединению во время блокады и перенесших вместе с нами все невзгоды. Женщины, дети и старики благодарили партизан за то, что они спасли им жизнь. Многие плакали.

Я приказал Лысенко подготовиться к передаче радиограммы; написал, что блокада окончилась. В течение десятидневных боев отряд потерял пятерых убитыми, четверо были ранены. Какие потери понес противник, еще не выяснили.

Возвратились на старую стоянку. Лещеня и Машков передали радиограмму Минскому подпольному обкому партии, сообщив, что опять могут выпускать газету и установить связь с минским подпольем. Ко мне подошел Карл Антонович.

— Вот оперативная сводка ставки Гитлера за десятое июня. Только что приняли из Берлина. Послушайте: «На центральном участке фронта после десятидневных упорных боев большая территория очищена от советских банд. Разбито сто девяносто восемь дзотов, захвачены большие трофеи, несколько тысяч партизан уничтожено, основная группировка банд окружена на полуострове северо-восточнее Щиткович, изо дня в день кольцо окружения сжимается, ликвидация идет к концу…»

Я взял эту сводку. Кое-что в ней было интересно: противник подтверждал, что против партизан были брошены большие силы. Как впоследствии было установлено, в этой карательной

экспедиции участвовало огромное количество регулярных войск, снятых с фронта и двигавшихся на фронт, танковая бригада, шесть эскадрилий бомбардировщиков, охранные и полицейские части. Им не удалось нанести нам большого урона.

10 июня 1944 года теплым солнечным днем мы прибыли в свой зимний лагерь. Уныло выглядели полуразрушенные минами землянки и сожженные трофейные грузовые и легковые автомашины.

Коско по-хозяйски все осмотрел.

— Землянки быстро восстановим, — решил он.

Мы перевели из болот семейный лагерь. Там никто не пострадал. Партизаны расположились возле единственного родника и сделали палатки из парашютов и шалаши из сосновых и еловых веток.

Сакевич наладил выпуск газеты «Минский большевик».

Мы с Сермяжко выслали разведчиков на наши старые места с задачей вести неослабное наблюдение за гарнизонами противника.

Вскоре вернулись в свои лагеря и остальные бригады.

За все дни блокады партизаны потеряли около ста человек убитыми и приблизительно столько же ранеными. Больше всего от фашистских извергов пострадало мирное население.

Некоторое время спустя узнали и о потерях противника. Валя Васильева и Ларченко в деревне Вороничи захватили полицейского с женой.

— Как вы их поймали? — удивился Козлов.

— Они по уцелевшим от пожара домам рылись, — сдвинув брови, проговорила Валя.

— Мерзавцы! Фашисты начали грабеж, а вы хотите закончить, — презрительно бросил полицейскому Козлов.

Подбородок у полицейского задрожал, он стал плаксиво причитать:

— Мы — босые, голые… семья… Немцы сказали, что партизаны уничтожены, вот мы и вышли.

— Значит, партизаны уничтожены и никто за грабеж не накажет? Ошиблись, голубчики! — злобно сверкнул глазами Козлов.

— Участвовал в карательной экспедиции? — спросил я полицейского.

— Участвовал, но в партизан не стрелял, — выдавил полицейский.

— О, да ты в самом деле хороший! — иронически улыбнулся начальник штаба.

— Много убитых у немцев? — спросил я.

— Машинами вывозили, — охотно отозвался полицейский. — Из разговоров немецких офицеров мы поняли, что более двух тысяч.

10

Из Озеричино возвратился Чернов и сообщил радостную весть: Степан Хадыка жив, здоров и ждет от нас задания.

В тот же день в Озеричино вышли Василиса Васильевна, Москалев и Фолитар. Они понесли газеты и листовки, рассказывающие правду о карательной экспедиции оккупантов против партизан. Оттуда с помощью Хадыки они доставили партизанскую печать в Минск.

Вечером состоялось партийное собрание, на котором Рахматул Мухамендяров, Павел Рулинский и Долик Сорин были приняты кандидатами в члены партии, а Василий Каледа — в члены партии.

Партизаны отдыхали, чинили одежду и чистили оружие. Уже готовились вновь выходить на железную дорогу подрывные группы, но однажды утром радист Яновский принес радиограмму. Руководство приказывало нашему отряду готовиться к походу на запад, в Восточную Пруссию.

— Замечательно! — вслух проговорил я.

— Что замечательно? — придвинулся ко мне Сермяжко.

— На, читай.

— Действительно, замечательно, — прочитав радиограмму, живо сказал Сермяжко. — Ведь это значит… В этом краю партизанам вскоре не будет работы — вот что!

С радиограммой ознакомили штаб и членов Минского горкома. Провели закрытое совещание, подытожили результаты боевых действий отряда.

За двадцать восемь месяцев боевых действий в тылу врага отряд потерял убитыми около шестидесяти человек, из них восемь лыжников-десантников, вышедших из Москвы.

На участках железных дорог — Минск — Осиповичи, Минск — Борисов, Минск — Столбцы и Минск — Молодечно диверсионными группами, которыми руководили политруки К. П. Сермяжко и Г. М. Мацкевич, лейтенанты К. Ф. Усольцев и И. А. Любимов, старшие сержанты М. М. Маурин и И. С. Сидоров, где были подрывниками П. А. Афиногентов, А. Я. Пастушенко, А. И. Ларионов, А. С. Михайловский, К. К. Тихонов, А. Г. Кулеш, А. П. Чернов, Ф. С. Шереш, П. А. Шешко, В. Ф. Михеев, В. М. Сермяжко, П. С. Прокопеня, К. Ф. Ефременко, В. А. Вакуленко, Валентина Васильева и другие, пущено под откос сто восемьдесят семь вражеских эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами. В открытых боях и в спущенных эшелонах уничтожено более четырнадцати тысяч вражеских

солдат и офицеров.

Партийная организация росла за счет отважных патриотов. В партию было принято шестьдесят четыре товарища.

В нашей парторганизации состояло около ста членов. Всей своей работой коммунисты показали, что нет иных интересов у большевиков, как священная цель защиты своей Родины, изгнания с нашей территории фашистских полчищ.

Верными помощниками парторганизации являлись комсомольцы.

Лучших комсомольцев, пользующихся авторитетом у партизан, комсомольская организация рекомендовала в члены партии.

Комсомольцы громили врага, и о них не забудет Родина, как не забыли партизаны товарищей, погибших в неравных боях с гитлеровцами: минских подпольщиков Владимира и Константина Сенько, Гейнца Линке — члена комитета комсомольской организации, Павла Грунтовича, Ваню Залесского и многих других.

Под руководством подпольного горкома партии большую работу провели партийная и комсомольская организации по созданию в Минске подпольных групп и расширению подпольной печати. Наши подпольные группы совершили пятьдесят две крупные диверсии, из них около сорока в Минске. Они заминировали и уничтожили шестьдесят пять цистерн с горючим, четыре паровоза, двадцать четыре вагона с гитлеровцами и боеприпасами, уничтожили более тысячи фашистских солдат и офицеров, вывели из города сто пятьдесят семей и сто десять бывших военнопленных.

Работа в подполье была исключительно опасной. Малейший просчет, малейшая неосторожность могла стоить жизни. Ведь каждый раз, внося в помещение головые шашки, магнитные мины, подпольщики подписывали себе смертный приговор.

Что звало наших подрывников, разведчиков, подпольщиков и связных, которые доставляли в Минск оружие, взрывчатку, антифашистскую литературу и оттуда разведданные, на эти ратные подвиги? Дисциплина, приказ, долг? И то, и другое, и третье. Но кроме всего этого было еще что-то, что стало их сутью, стучало в сердце, повелевало жить именно так, а не иначе. Это любовь к Родине, к своему народу, к Советской власти, к родной Коммунистической партии, ненависть к коварному врагу.

Боевые результаты отряда и подпольно-диверсионных групп были достигнуты благодаря гибкой работе партийной и комсомольской организаций отряда, их членов, а также благодаря поддержке белорусского народа, который твердо верил

Коммунистической партии и неуклонно шел по указанному ею пути.

По призыву партии подвиги совершали рядовые советские люди, партийные и беспартийные, все те, кому свобода, честь и независимость Родины были дороже всего. Победный клич советских людей «За Родину! За партию!» с первых дней Великой Отечественной войны раздавался повсюду на временно оккупированной территории Белоруссии.

Он звучал в грохоте катящихся под откос и разбивающихся вражеских эшелонов, при взрывах на шоссейных дорогах и в жестоких атаках. Его читал в листовках, в подпольных газетах, на стенах домов и на заборах, в селах, городах и в гарнизонах противника непокоренный белорусский народ.

Каждый партизан и подпольщик, идя в бой с коварным врагом, повторял эти слова: «За Родину! За Коммунистическую партию!»

Неуютно чувствовали себя завоеватели в столице Белоруссии. Рвались мины на банкетах эсэсовцев, в общежитиях летчиков, в офицерских казино. Выводились из строя электростанции, предприятия и мастерские, обслуживающие оккупантов. В воздухе разваливались самолеты, в пути взрывались цистерны с горючим. Не проходило дня, чтобы в городе не было взрыва, не падали сраженные пулями, гитлеровцы в одиночку и группами. Земля горела под ногами оккупантов.

Горком стал издавать газету «Минский большевик», которая, как и другие газеты, распространялась в Минске. Только с сентября 1943 года по июнь 1944 года из Минска в партизаны ушло двадцать тысяч человек. Перед освобождением Белоруссии и ее столицы Минска горкомом партии были разработаны и проведены в жизнь меры по спасению населения города от уничтожения и угона в фашистскую Германию, а также по предотвращению разрушений уцелевших зданий и заводских корпусов.

Только в лесах южной пригородной зоны Минска под охраной партизан нашли себе приют более пяти тысяч семей трудящихся города. Газета «Минский большевик» в номере за 25 июня 1944 года писала:

> «Только за последнее время в городе проведено более шестидесяти диверсионных актов, в результате которых убито и ранено 356 офицеров, 224 солдата, один генерал и 92 прихвостня Гитлера. Подорвано два самолета, два склада с горючим, пять бензоцистерн, пять паровозов, более 20 автомашин и т. д. …»

Многие высокопоставленные гитлеровцы, в том числе и генеральный комиссар Белоруссии гауляйтер Вильгельм Кубе, нашли свою гибель в Минске.

Минский горком, как и многие райкомы, горкомы и обкомы, действовавшие на территории оккупированной Белоруссии, был руководящей силой партизанского движения и большевистского подполья.

Надо вникнуть в такие ошеломляющие цифры: в то время, как гитлеровская пропаганда на все лады трубила об окончательном искоренении партизан, в Белоруссии действовало 1108 партизанских отрядов, большинство которых входило в 199 бригад. Они насчитывали около 400 тысяч бойцов и командиров. Более 250 тысяч людей находилось в резерве — готовых в течение суток взяться за оружие.

А подпольщики? 10 подпольных обкомов партии, 185 межрайонных, районных и городских комитетов, 1316 первичных партийных организаций действовали в тылу врага. К ним надо приплюсовать комсомольско-молодежное подполье: 10 областных и 210 межрайонных, районных и городских комитетов комсомола, объединявших около 100 тысяч молодых патриотов, входивших в более чем пять тысяч первичных комсомольских организаций.

Вот это свидетельство того, что не было и нет такой силы, которая могла бы поставить на колени советских людей, даже временно попавших в оккупацию.

Сейчас, спустя двадцать шесть с лишним лет, перебирая в памяти события тех дней, я удивляюсь, какой многообразной была деятельность нашего отряда. Мы вели разведку и совершали диверсии, организовывали подполье, громили немецкие гарнизоны и полицейские участки, занимались агитационно-массовой работой среди партизан, населения, вражеских войск, разоблачали и ликвидировали вражескую агентуру. Мы оказывали помощь местному населению, решали хозяйственные и многие политические вопросы.

Вынуждая противника посылать против нас войска, мы отвлекали на себя часть сил с фронта и тем помогали Красной Армии. Кроме того, в борьбе с партизанами противник нес потери и порой весьма значительные.

Большую организационную и диверсионную работу провел наш бессменный секретарь партийного комитета отряда Константин Прокофьевич Сермяжко, ныне председатель колхоза имени Ленина Каменецкого района Брестской области.

Он лично пустил под откос шестнадцать вражеских эшелонов.

Много диверсий совершили руководители подпольных групп в Минске: Константин Илларионович Мурашко, Георгий

Николаевич Красницкий, Кузьма Ларионович Матузов, Борис Иванович Чирко, Николай Прохорович Фролов, Ефим Федорович Исаев, Кузьма Николаевич Борисенок, Екатерина Мартыновна Дубовская и другие, подпольщики и связные Олег Мартынович Фолитар, Михаил Павлович Иванов, Василиса Васильевна Гуринович, Феодосия Кондратьевна Серпакова, Анна Воронкова, Вера Герасимовна Зайцева, Клава Валузенко, Мария Воронич, Дарья Николаевна Одинцова и многие другие, оперативные работники отряда Михаил Петрович Гуринович, Максим Яковлевич Воронков и Григорий Александрович Москалев.

Я подробно рассказал на совещании секретарям горкома о наших подпольных группах, указал связных и как их разыскать.

В связи с подготовкой к походу на запад горком партии решил освободить меня от руководства минскими подпольщиками.

После совещания партизанам было объявлено о предстоящем походе. Все обрадовались.

— Пойдем и дальше бить противника с тыла. Дойдем до Пруссии! — воскликнул Мацкевич.

Мы послали радиограмму в Москву и приготовились к приему самолетов.

В дни блокады оккупанты восстановили шоссе и дороги, но спустя день после своего возвращения на старую базу, партизаны с помощью населения опять привели их в негодность. Поэтому мы могли свободно выбрать приемочную площадку, не опасаясь нападения немцев.

Через несколько дней в районе деревни Обчее мы приняли груз с первого самолета. В мешках мы нашли пистолеты, автоматы, ручные пулеметы и патроны.

Днем получили указание с Большой земли ждать еще самолеты.

Три ночи подряд к нам прилетали самолеты. Мы получили не только боеприпасы, но и одежду, обувь, мясные консервы, сахар, табак и — что наиболее радостно для нас — московские газеты.

В поход решили взять пятьсот партизан. Подбирали только молодых и самых выносливых. Семейный лагерь — около пятисот детей, женщин и стариков — оставили на прежнем месте, выделив для его охраны и обеспечения продовольствием взвод партизан во главе с Исаевым. Оставшихся партизан я передал Кузнецову.

И вот отряд, готовый к походу, выстроился. Провожать нас собрались все семьи партизан. Матузов, Красницкий и Мурашко грустно смотрели на нас, они оставались в распоряжении горкома для поддержания связи с минскими подпольщиками.

Попрощавшись, мы тронулись.

По лесу шли и днем, пока не встретили разведчиков бригады Шестопалова. Остановились отдохнуть. Прибывший Шестопалов сообщил нам обстановку, дал проводников.

Радист включил радиостанцию. Москва передавала о начавшемся наступлении Красной Армии в Белоруссии.

— Скорей на запад! А то еще попадем в окружение своих, — весело воскликнул Сермяжко.

Кто из партизан, идя через сугробы на железную дорогу или прорываясь из окружения противника, не жаждал скорее встретиться со своими бойцами? Но теперь дорога вела партизан на запад, чтобы выполнить наказ советского народа — быстрее уничтожить подлых захватчиков.

— Скорее в путь! Уже отдохнули! — раздавались нетерпеливые возгласы партизан.

Во время привала в районе реки Неман радисты протянули антенну, снова включили радио. Передавалось сообщение об освобождении белорусских городов, Минск окружен. Эта весть моментально облетела отряд. Красная Армия наступала с невиданной быстротой. Каждый час поступали новые сводки Совинформбюро. Трудно было установить, где противник и где свои. Возле рации с карандашом и блокнотом в руках постоянно дежурили радисты.

Яновский подал мне радиограмму, в которой сообщалось, что партизаны Николай Денисевич, Владимир и Константин Сенько, Николай Андросик, Вайдилевич, Яков Воробьев, Гейнц Линке, Павел Грунтович и другие посмертно награждены орденами.

Уставшие от похода партизаны отдыхали. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь рокотом наших самолетов. Какая разница с небом лета сорок первого года!.. Подняв головы, партизаны радостно улыбались.

В первых числах июля 1944 года конная разведка Красной Армии натолкнулась на наши секреты. Между маленькими елочками я увидел Валю Васильеву, Ларченко и Терновского, а за ними на потных лошадях ехал отряд конногвардейцев.

— Наши! — дрожащим от радости голосом крикнула Валентина Сермяжко.

Партизаны бросились к всадникам, стащили их с седел, стали подбрасывать вверх.

Армейские разведчики рассказали нам, что в этом направлении наступают войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Рокоссовского, а мы объяснили им местную обстановку, передали данные о противнике.

Радости партизан не было конца. Бойцов угощали

партизанским ужином, расспрашивали о фронте; нашлись земляки, которые с волнением вспоминали родные места.

Утром к лагерю подошла артгруппа резерва Главного командования.

Неожиданно мы получили новую радиограмму. Нам предписывалось немедленно возвратиться в Минск. Долго и тепло прощались партизаны с бойцами, воинская часть уходила на запад, а мы спешили в Минск. Напоследок наш отряд сфотографировался вместе с бойцами.

Наступил долгожданный светлый день.

Минск освобожден! Партизаны, словно не замечая трудностей лесных дорог, без отдыха проходили большие расстояния. Все торопились узнать судьбу своих родных и близких.

Несмотря на то что обстановка для нас была не ясна, мы, чтобы сократить путь, продвигались по шоссе Минск — Слуцк.

Созревали озимые. Уже выгоняла острые трубки яровая пшеница, светло-зелеными волнами переливались овсы.

Навстречу нам двигались колонны автомашин, танков, самоходных орудий, проносились эскадрильи истребителей и тяжелых бомбардировщиков. Широко раскрытыми глазами мы разглядывали развернувшуюся в наступлении грозную силу нашей армии.

В восемь часов утра 6 июля 1944 года наш отряд достиг местечка Самохваловичи, в восемнадцати километрах от Минска. Здесь нас остановили советские патрули. Офицер объяснил мне, что дорога на Минск еще не свободна, южнее города сгруппировались остатки гитлеровских частей и пытаются прорваться на запад.

— Нет, в Минск мы не можем вас пропустить… противник появляется отрядами до тысячи человек, вас разобьют. Обождите денек, — приветливо сказал молодой, но уже поседевший полковник.

— Тогда разрешите нам занять участок обороны, — попросил я.

— Это можно. Признаюсь, сил у нас маловато, подкрепление не успело еще прибыть… Пойдемте, — полковник поднялся из-за стола и направился к нашему отряду.

Нам выделили участок обороны на краю опушки леса. Впереди простирались зеленые луга с небольшими кустарниками и поля с озимыми посевами.

Около полудня из кустов показалось несколько немцев. Я позвал Карла Антоновича, и он крикнул немцам, чтобы они сдавались. Вместо ответа застрочили их пулеметы.

— Огонь! — крикнул я.

Заработали наши пулеметы и автоматы: партизаны, стреляя на ходу, без команды бросились к кустам. Через некоторое время стрельба прекратилась и вернувшиеся партизаны привели с собой пленных. Их допросили.

К вечеру пришел офицер штаба с ротой бойцов. Рота заняла наш участок обороны, а мы пошли в Самохваловичи.

Все улицы местечка забиты бойцами и партизанами.

— Какой бригады? — спросил я одного партизана.

— Третьей Минской.

Долго пришлось разыскивать командира бригады Мысника. Он нервничал.

— Минск — рукой подать, а генералы наши не пускают туда. Как младенцев, держат нас под своей опекой, точно мы воевать не умеем, — сердился он.

Мы нашли Карла Антоновича, взяли пленных и пошли в штаб.

Нас принял генерал.

— Хорошо, что вы пришли с переводчиком, — обрадовался он. — Моего ранили, может, вы мне поможете? — обратился генерал к Добрицгоферу.

— С удовольствием! — улыбнулся Карл Антонович.

Среди других пленных допросили двух гитлеровских полковников. Один из них с двумя железными крестами был заместителем командира 45-й танковой дивизии, другой — командиром 110-й штурмовой дивизии.

— Сколько у вас осталось танков? — устремив острый взгляд на изнуренное лицо немца, спросил генерал.

— Пятнадцать, — угрюмо ответил полковник.

— Где командир дивизии? — генерал не сводил с полковника взгляда.

Немец долго что-то объяснял, наконец Карл Антонович перевел:

— Еще вчера на броневике под прикрытием трех танков отбыл на запад для организации обороны.

Генерал иронически улыбнулся.

— Где линия обороны?

— Полковник говорит, что Минск в их руках и они через него прорываются на запад, — с улыбкой пояснил Карл Антонович.

— Откуда такие данные? — усмехнулся генерал.

— Сообщение ставки фюрера, — последовал короткий ответ.

— Почему, отступая, поджигаете деревни и города? — продолжал допрашивать генерал.

Гитлеровский полковник опустил глаза.

— Выполняют приказ, — перевел Карл Антонович.

Генерал задумался и, обратившись к Добрицгоферу, сказал:

— Вы им разъясните, что за поджог деревень и городов, за уничтожение мирного населения их будет судить советский суд. И покажите господам полковникам, где находится линия фронта. — Генерал подошел к стене, на которой висела большая карта.

На карте красными флажками была отмечена линия фронта — она проходила уже недалеко от Вильно.

Гитлеровцы растерянно смотрели то на карту, то друг на друга; один из них со стоном схватился за голову. Генерал приказал их вывести.

— Мы хотим сегодня же идти в Минск, — немного погодя, сказал я генералу.

Он отрицательно покачал головой:

— По данным авиаразведки, крупные группировки противника, продвигаясь на запад, часто пересекают Минское шоссе… Обождите до завтра.

— Но ведь у нас две тысячи вооруженных партизан, неужели вы нам дорогу должны посыпать песком? — горячился Мысник.

Я поддержал его.

— Что ж… Если надеетесь на свои силы, идите, — оживился генерал. — Как у вас с боеприпасами?

— Патронов хватит, недостает только мин, — повеселел Мысник.

Генерал вызвал офицера.

— Он обеспечит вас всем, в чем нуждаетесь, — сказал генерал и пожал нам руки.

Вечером мы вышли из местечка и прямо по шоссе направились в сторону Минска. Поскорей дойти до него, увидеть своими глазами.

По обеим сторонам дороги выслали сильные группы разведчиков. В районе деревни Станьковщина разведка обнаружила во ржи большую группу гитлеровцев.

— Нужно их взять, — сказал Мысник.

Мы осторожно окружили поле, где укрылись фашисты. Карл Антонович пополз вперед и начал громко кричать, чтобы немцы сдавались в плен. В ответ затрещали длинные очереди из пулемета. Тогда мы открыли ружейно-пулеметный огонь и стали сжимать кольцо. Скоро из высокой ржи группами начали выходить с поднятыми руками солдаты и офицеры. Это были остатки немецкого полка 110-й штурмовой дивизии. Построив пленных в колонну, повели их с собой.

По дороге то в одном, то в другом месте возникали

небольшие стычки, и колонна пленных немцев все росла.

Недалеко от Минска мы встретили наши танки, за ними двигалась пехота; началась ликвидация окруженной группировки противника.

Около самого города мы передали пленных частям Красной Армии.

В одиннадцать часов вечера 6 июля 1944 года мы вошли в столицу Белоруссии Минск. Город местами еще горел. Центральную часть города фашисты превратили в руины.

Несмотря на позднее время, народ был на улицах и горячо приветствовал нас. Радостные толпы освобожденного населения: молодые женщины, седые старушки и старики — горячо обнимали партизан. Все вокруг шумело, ликовало, радовалось. А между тем в городе еще продолжалась кое-где перестрелка. Это заканчивалась ликвидация последних оставшихся в городе гитлеровцев.

Мы расположились лагерем на берегу искусственного озера. Я разыскал горком партии. Он обосновался в небольшом домике в центральной части города, и связные стали приводить сюда подпольщиков. Большинство из них мы видели впервые.

Вот вошел средних лет мужчина.

— Чирко Борис Иванович, — представился он.

Лещеня и Машков усадили его между собой, попросили рассказать, как его группе удалось сохранить от уничтожения немцами ряд предприятий.

— После того как мне передали указания горкома партии, я создал подпольную группу. Мы начали следить за командами фашистских минеров, — говорил Чирко. — Дежурили днем и ночью. Когда бои приблизились к городу, начали действовать: обрезали ведущие к минам провода на заводах имени Мясникова, имени Кирова, имени Ворошилова, «Большевик», в Доме Красной Армии, в театре оперы и балета, на Второй электростанции. Военные специалисты сейчас помогают там нашим рабочим, и город скоро получит свет.

Лещеня и все присутствующие горячо пожали руку Чирко.

— Народ никогда не забудет ваших заслуг, — взволнованно сказали руководители горкома.

После Чирко вошел экономист ликеро-водочного завода Петр Карпович Национ. Он рассказал, как организовал охрану завода и как члены подпольной группы Пинкевич и Стоплинник 3 июля разминировали одну из баз противника. Там находилось большое количество снарядов, авиабомб, гранат и взрывчатых веществ. Склад был передан воинской части по учету трофеев.

Затем пришли Гаврилов, Игнат Чирко и другие патриоты,

простые советские люди — рабочие, инженеры, учителя. Они не жалели ни сил, ни здоровья, ни даже самой жизни, защищая свой родной город от разрушения.

После обеда мы вместе с Мурашко, Красницким и Матузовым вышли в город. Здесь подпольщики встретили своих знакомых, от которых мы узнали о расстреле профессора Клумова, нашей подпольщицы Сумаревой и других патриотов.

Через несколько дней съездили в Тростенец — этот страшный лагерь смерти. Низкие темные бараки, окруженные несколькими рядами колючей проволоки, длинные ямы, полные трупов, где лежали десять тысяч зверски замученных советских людей, над которыми рыдали, бились в безысходном горе и проклинали убийц родные и близкие погибших.

Красная Армия беспощадно громила фашистских захватчиков, продвигаясь все дальше на запад. Уже была освобождена вся Белоруссия. С 6 июля в Минск стали прибывать партизанские бригады и отдельные отряды. Они размещались в городе и в окрестных деревнях Козыреве, Лошица, Грушевка и других.

Уцелевшие дома не могли вместить такого большого количества людей. Ведь на территории Белоруссии действовало 1108 партизанских отрядов, насчитывавших свыше 370 тысяч бойцов. Поэтому вокруг Минска раскинулись новые, мирные партизанские лагеря.

По улицам разъезжали командиры бригад, отрядов, разведчики, связные. Ходили загорелые веселые парни, девушки и женщины с винтовками и автоматами. Слышался громкий смех, раздавались боевые песни и звуки гармошек.

Вот он, Минск, наш славный партизанский город, который фашисты пытались задушить. Он живет и бурлит радостью победы.

С сияющими от счастья лицами ходят подрывники, разведчики, пулеметчики, подпольщики, связные… Вот они, верные сыны и дочери непокоренной Белоруссии, слава о которых прошла далеко за пределы нашей великой Родины.

Правительством Белорусской Советской Социалистической Республики 16 июля 1944 года в столице Белоруссии Минске был проведен парад партизан.

С самого утра со всех концов города — из Сторожевки, Комаровки, от Червенского тракта, из окружающих деревень — потянулись к ипподрому колонны партизан и группы минчан. Огромный зеленый луг на берегу Свислочи был заполнен необъятной людской массой.

Мне припомнились демонстрации Первого мая и октябрьские

праздники в Минске до войны. Десятки тысяч людей собирались тогда на площади Ленина. Но никогда еще не было такого количества людей, как сегодня на параде партизан.

Мы с Константином Сермяжко с трудом пробирались сквозь толпу, встречали знакомых партизан, беседовали…

Нет, не все новости были радостными.

Иван Матвеевич Тимчук и Сергей Долганов сообщили нам, что Василий Трофимович Воронянский трагически погиб при перелете через линию фронта.

Андрей Дубинин рассказал, что накануне соединения с частями Красной Армии погиб Леонид Сорока.

Не всем довелось участвовать в минском параде. В братских могилах лежали те, кто погиб в боях за честь и независимость нашей Родины. Таких было много, очень много.

А вот Федор Боровик… Он сообщил, как из района озера Нарочь с группой майора «Серго» прошел через Руднянскую пущу в Августовские леса. Группа их из семидесяти человек, в которой было восемнадцать испанцев, выросла в большой отряд. Он был командиром группы подрывников и там до соединения с частями Красной Армии подорвал шесть вражеских эшелонов с живой силой и техникой.

Душой партизанского движения на территории республики, его ведущей и руководящей силой была Коммунистическая партия Белоруссии.

За несколько минут до начала парада на трибуну поднялись члены правительства, секретари ЦК партии, представители общественных и партийных организаций города, делегаты армии.

На трибуне первый секретарь ЦК КП(б)Б, председатель Совнаркома БССР П. К. Пономаренко, рядом с ним командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский, секретарь Минского обкома партии В. И. Козлов и другие товарищи. Около ста тысяч человек смотрят на трибуну.

Пономаренко поздравляет всех с освобождением белорусского народа.

Огромная площадь отвечает партизанским «ура!».

— Разрешите от вашего имени передать слова любви и благодарности нашей родной Коммунистической партии, славным воинам, принесшим освобождение белорусской земле.

Снова вспыхивает взволнованное «ура! ура!».

— Да здравствует наша великая Родина!

Пономаренко от имени белорусского народа и участников митинга благодарит войска трех Белорусских и Первого Прибалтийского фронтов, принесших свободу миллионам белорусов.

Он говорит о том, что пришлось пережить людям в фашистской неволе… Вспоминает тех, кто не дожил до победного дня. Сотни тысяч людей уничтожены фашистскими людоедами, замучены в лагерях смерти, в душегубках, зверски истреблены в селах и городах. Сколько женщин потеряли своих дочерей и сыновей, сколько детей осталось сиротами!

Площадь замерла в грозном молчании, исполненном гнева и боли за погибших товарищей и близких.

Пономаренко говорит о героизме народа, о боевых делах партизан. Он вспоминает о том тяжелом пути, который прошел народ за эти три года борьбы. Эти слова доходят до каждого сердца, будят воспоминания. Кто вспоминает партизанские походы, бои с гитлеровцами, блокаду, кто — дни подполья в подневольном Минске.

— Товарищи минчане! Партизаны и партизанки! Вы показали себя доблестными патриотами в эти страшные три года, вы не покорились врагу. Сейчас перед вами стоит задача — не покладая рук работать над обновлением родного Минска, родной Белоруссии. Нам помогает вся страна. Уже идут первые эшелоны с продовольствием и строительными материалами из Горького, Свердловска и других городов. Мы залечим раны нашей прекрасной столицы!

— Залечим! — поклялось людское море.

Митинг закончился. Бригады и отдельные отряды ровняли ряды. Наступила тишина.

— Парад, смирно! — прозвучало над площадью.

— Равнение направо! Поотрядно, шагом марш! Первой перед трибуной проходит бригада имени Воронянского. За ней щорсовцы, чапаевцы, чкаловцы, кировцы. Проходят на разукрашенных цветами и лентами конях партизаны-кавалеристы. Катятся трофейные противотанковые «тридцатисемимиллиметровки». Держа равнение, проходят партизаны бригады «Штурмовая», 1-я, 2-я, 3-я Минские, в которых воевало немало минчан.

Пройдя во главе нашего отряда мимо трибуны, Сермяжко, Козлов и я отошли в сторону.

Мимо нас стройными рядами продолжали идти наши боевые товарищи.

Вот идет молодая девушка, почти подросток, смелая разведчица Валя Васильева. Яркое солнце отражается в ее начищенном до блеска автомате и, переливаясь, больно слепит глаза. Рядом с ней шагают подпольщицы и связные: пожилая учительница Василиса Васильевна Гуринович, Зоя Василевская, Рая Волчек, Ульяна Козлова, Феня Серпакова, Клава Валузенко,

Галина Киричек, Анна Воронкова…

За ними идут подрывники Любимов, Шешко, Афиногентов, Михайловский, Валентина Сермяжко и другие.

Еще дальше — ветераны гражданской войны Иосиф Коско, Василий Каледа, Юлиан Жардецкий…

Вместе с белорусами и русскими в одних рядах проходили и удмурт Андрей Ларионов, и татарин Рахматул Мухамендяров и армянин Аркадий Оганесян, и еврей Долик Сорин.

Все они боролись за скорейшее освобождение родной страны от ненавистных фашистских захватчиков.

Снова и снова идут колонны партизан. Проходят бригады «Буревестник», имени Ворошилова, «Беларусь». Казалось, колоннам не будет конца. Шли партизаны разных возрастов, в различной одежде, с разнообразным оружием — с минометами, пулеметами, автоматами; катились пушки.

Вот она, сила народная!

«Крепка дружба наших народов! В этом наша сила. Мы вместе, нами руководит наша Коммунистическая партия, и поэтому нам не страшны никакие интервенты», — подумал я, глядя на проходящие мимо трибуны колонны партизан.

Уроки истории говорят: кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет.

Я обращаюсь к молодежи, к вам, мои дорогие читатели, строители коммунизма — школьники и студенты, рабочие и воины, инженеры и чекисты… Старшее поколение, не жалея жизни, сражалось на всех фронтах за Советскую власть и защитило ее от заговоров и атак контрреволюции, белогвардейщины и нашествий иностранных интервентов. Вам, идущим дорогами отцов и дедов ваших, мы передаем эстафету грядущего и надеемся, верим: вы будете достойными подвигов своих отцов, сумеете зорко охранять великие завоевания Октября, высоко нести непобедимое ленинское знамя труда и борьбы. И помните, что нет больше чести, чем быть патриотом своей Родины, отдавать ей все свои силы, энергию и молодую страсть, а если нужно — и жизнь.

Мне уже больше семидесяти лет. Теперь главные мысли у меня — о судьбе поколения, которое идет следом за нами.

Молодым нередко кажется, что все интересное уже сделано до них. Заблуждение. Это от избытка жизненных сил и свойственного юности нетерпения: хочется враз свершить что-то крупное. Не сразу это делается. В то же время ум бороды не ждет. Не ждет бороды и подвиг.

Большинство людей, названных в книге, — молодежь в

возрасте восемнадцати — двадцати пяти лет. Жили они в суровое и тяжелое время, но сумели почувствовать чутким сердцем и понять умом, где их место, когда шла борьба против немецко-фашистских захватчиков.

Сознавать себя полноправным и деятельным участником исторического процесса — вот что прежде всего необходимо тем, кто нынче молод и жаждет подвигов. Не только на войне совершаются они. Каждый день может стать подвигом, если прожит он не кое-как, а с высоким гражданским смыслом.

Деды и отцы оставляют юным великое наследство — страну социализма и революционные традиции. Героизм в советскую эпоху стал массовым, превратился в органическую потребность человека.

Я склоняю голову перед павшими в борьбе. Многие мои боевые друзья погибли в открытом бою и в застенках гитлеровцев. Некоторые умерли от ран и болезней. Но многие ветераны живут, даже друзья партизанской молодости, участники борьбы трудящихся Западной Белоруссии против польских захватчиков в 1920—1925 годы. Бывший мой заместитель, участник столбцовской и многих других операций Филипп Матвеевич Яблонский, проживает ныне в Молодечно. В Отечественную войну находился в действующей армии, был ранен, награжден орденами и медалями. Сейчас он пенсионер, однако и по сей день не оставляет работу — заведует гортопом. Старый подпольщик бодр, крепок, зимой купается в проруби.

Бывшим командирам боевых повстанческих групп 20-х годов — Адаму Никаноровичу Дзику, Константину Николаевичу Такушевичу и Антону Андреевичу Абановичу — правительство республики установило персональные пенсии. Живут они в родной Белоруссии.

В Москве я часто встречаюсь с белорусским партизаном 1920—1925 годов и добровольцем испанской войны пенсионером Никоном Григорьевичем Коваленко.

Приезжая в Минск и другие белорусские города, навещаю соратников по отряду — Константина Прокофьевича Сермяжко и его жену Валентину Михайловну, Константина Федоровича Усольцева, Алексея Семеновича Михайловского, бывших командиров разведывательно-диверсионных групп Георгия Николаевича Красницкого, Кузьму Лаврентьевича Матузова, Константина Илларионовича Мурашко, Федора Васильевича Боровика и многих других. Все они работают на ответственных постах, растят детей, некоторые, подобно мне, стали уже дедушками.

Десятки бывших бойцов и командиров отряда после войны

остались в Белоруссии, хотя прежде жили далеко от нее. Видимо, земля, за которую сражались, не щадя жизни, стала для них родной. Так произошло с сибиряком Константином Федоровичем Усольцевым, ныне главврачом Гомельской психиатрической больницы, старшиной Алексеем Семеновичем Михайловским из Татарии и сержантом Федором Васильевичем Назаровым (ныне оба на пенсии). Михайловский работал вторым секретарем райкома партии в Смолевичах, а Назаров — на хозяйственной работе в Минске.

Я переписываюсь с двумястами бывшими сослуживцами. Почти все они побывали у меня в Москве, в красивом десятиэтажном доме близ Ленинского проспекта, где сейчас моя квартира.

Из окон квартиры далеко видны жилые кварталы. По вечерам над крышами сгущается сиреневое марево, неторопливо опускаются сумерки. В этот час я обычно отрываюсь от своих дел, выхожу на балкон и думаю о тех, кого довелось повстречать на долгом жизненном пути.

Сколько лет миновало, а по ночам мне все еще снятся боевые эпизоды, черные мундиры карателей, идущих цепью и стреляющих из автоматов. И хочется тогда встать и преградить им путь.

Если понадобится, я готов исполнить свой воинский долг.

Станислав Алексеевич Ваупшасов — командир отряда, член Минского подпольного горкома партии 3-го созыва.

Георгий Семенович Морозкин — комиссар отряда.

Дмитрий Александрович Меньшиков — начальник разведки отряда.

Иван Леонович Сацункевич — комиссар партизанского отряда «Разгром», первый секретарь Минского межрайкома партии.

Михаил Петрович Гуринович — оперативный работник отряда.

Константин Федорович Усольцев — командир 2-й роты.

Федор Васильевич Боровик — разведчик и диверсант-подрывник.

Олег Мартынович Фолитар — разведчик, подпольщик Минска, исполнитель ряда диверсий.

Константин Илларионович Мурашко — командир подпольной группы в г. Минске.

Савелий Константинович Лещеня — секретарь Минского подпольного горкома партии.

Георгий Николаевич Машков — секретарь Минского подпольного горкома партии.

Александр Демьянович Сакевич — редактор подпольной газеты «Минский большевик».

Михаил Павлович Иванов — подпольщик.

Словак Ян Голас — боец отряда.

ПОДПОЛЬЩИЦЫ г. МИНСКА:

Зоя Николаевна Василевская.

Александра Петровна Никитина.

Галина Владимировна Циркун.

Ульяна Николаевна Козлова.

* * *

Ионас Ионович Вильджюнас — командир литовского партизанского отряда.

Раиса Алексеевна Волчек — подпольщица г. Минска.

Антон Семенович Кирдун — командир роты, затем — помначштаба отряда.

Александр Федорович Козлов — начальник штаба отряда.

Константин Прокофьевич Сермяжко — командир диверсионных групп и заместитель по политчасти командира отряда.

Группа партизан. В первом ряду (слева направо): лейтенант Тимофей Иванович Кусков, Петр Павлович Ванкевич, Константин Прокофьевич Сермяжко. Во втором ряду: Мария Антоновна Белезяко, Алексей Григорьевич Николаев. В третьем ряду: Сергей Романович Белохвостик, Михаил Епифин и Н. Никольский.

Валентина Михайловна Сермяжко — разведчица и секретарь комсомольской организации отряда.

Партизаны отряда «Градова» (слева). На переднем плане (с автоматом и маузером) командир отряда подполковник С. А. Ваупшасов беседует с бойцами и офицерами Красной Армии. Июнь 1944 года.

Слева направо: начальник разведки партизанской бригады «Дяди Коли» Иван Федорович Золотарь, Елена Григорьевна Мазаник и партизанка бригады «Дяди Коли» Надежда Викторовна Троян.

В нижнем ряду (слева направо): Капитолина Михайловна Гурьева (ныне Довбыш), Станислав Алексеевич Ваупшасов, Андрей Людвигович Касперович. Во втором ряду: Бронислав Андреевич Касперович, Кузьма Ларионович Матузов, Довбыш (муж К. М. Гурьевой), У. Н. Козлова, Дарья Николаевна Одинцова.

На снимке в первом ряду (слева направо): Степан Степанович Манкович — секретарь Бегомльского подпольного райкома партии, комиссар партизанской бригады «Железняк»; Станислав Алексеевич Ваупшасов; Петр Леонтьевич Червинский — командир спецгруппы на Смоленщине и в БССР; Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко — начальник ЦШПД и первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии; П. Кривоносов; Петр Петрович Вершигора — начальник разведки в соединении Ковпака и командир партизанской дивизии в последние дни войны.

Во втором ряду (слева направо): Федор Григорьевич Марков — командир партизанской бригады им. Ворошилова; Григорий Михайлович Линьков — командир отряда «Бати»; А. Жданович; И. М. Карданович — уполномоченный ЦК КП(б) Белоруссии по Могилевской области; Петр Карпович Игнатов — бывший командир партизанского отряда имени братьев Игнатовых.

notes

Примечания

1

Оговариваюсь для точности: у нас комиссара по штату не было, а был заместитель командира по политической части.

2

Что же предстоит мне,
Новая любовь или гибель?..

3

«Советская Белоруссия» № 50, 8 мая 1943 г.

4

Б. Рудзянко после войны был разоблачен и понес заслуженное наказание.

5

«О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны». Минск, 1961, стр. 15.

6

Партархив ЦК КПБ, протоколы заседаний Минского подпольного ГК КП(б)Б, лл. 1—2.

Там же, ф. 4, оп. 33-А, д. 659, лл. 14—15.